АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

Центральная Азия в источниках и материалах XIX–начала XX века

И. Бларамберг

Воспоминания

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

91 (И5)
Б68

Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Iohann von Blaramberg. T. 1—3. Berlin, 1872, 1874, 1875.

Редакционная коллегия

Б. Г. Гафуров (председатель), И. С. Брагинский, О. К. Дрейер, Н. А. Кузнецова (ответственный секретарь), В. А. Ромодин, А. В. Станишевский, С. Л. Тихвинский, Н. А. Халфин (заместитель председателя)

Ответственный редактор
М. С. Лазарев

Перевод с немецкого
О. И. Жигалиной и Э. Ф. Шмидта

Вступительная статья Н. А. Халфина
Комментарии О. И. Жигалиной

Бларамберг И. Ф.

Б 68 Воспоминания. Пер. с нем. О. И. Жигалиной и Э. Ф. Шмидта. Вступ. статья Н. А. Халфина. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

357 с. с ил. (Центральная Азия в источниках и материалах).

В своих воспоминаниях военный инженер генерал-лейтенант И. Ф. Бларамберг, полвека проведший на русской военной службе, рассказывает о путешествии в составе топографической экспедиции Г. С. Карелина на восточное побережье Каспийского моря в 1836 г., о пребывании в Персии и об участии в осаде Герата в 1837—1840 гг., о службе в Оренбурге в 1840—1855 гг.

Б $\frac{10604—110}{013(02)-78}$ 125-78 91 (И5)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978.

Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга

Общеизвестно, что в XVIII — первой половине XIX в. Россия была своего рода «землей обетованной» для всевозможных западноевропейских искателей легкой жизни, стремившихся к чинам, званиям и связанным с ними материальным благам. Однако наряду с великим множеством сиятельных придворных, свитских и иных генералов, государственных деятелей, ставивших интересы их «второго» отечества несравненно ниже своих личных, среди переселявшихся в Россию людей можно назвать и таких, которые объективно способствовали развитию ее экономики, военной и политической мощи, науки и культуры. К числу последних следует отнести и представителей семьи Бларамбергов.

В 1797 г. на российскую землю переселился уроженец Фландрии Иоганн Бларамберг (1772—1831), получивший здесь имя и отчество Ивана Павловича. Он служил вначале чиновником комиссии по составлению законов в Петербурге, а в 1808 г. переехал в Одессу, где последовательно выполнял обязанности прокурора коммерческого суда, таможенного инспектора Херсонской губернии, начальника Одесского таможенного округа. Однако имя И. П. Бларамберга начало приобретать известность лишь с того времени, когда он стал чиновником особых поручений при новороссийском генерал-губернаторе М. С. Воронцове. Объезжая по его заданиям край, И. П. Бларамберг заинтересовался археологией и сделал несколько важных для своего времени находок в этой области. Благодаря его хлопотам, поддержанным М. С. Воронцовым, на базе собранных Бларамбергом и его коллегами материалов в августе 1825 г. в Одессе и в июне 1826 г. в Керчи были открыты музеи древностей, работу которых в качестве директора и возглавил археолог-любитель. Одним из первых он начал исследовать нумизматику Ольвии и других древнегреческих поселений и выпустил несколько важных работ по археологии Причерноморья [1].

[1] Русский биографический словарь. Т. 3. СПб., 1908, с. 89—90.

Найдя в России вторую родину, И. П. Бларамберг не порывал связей и со своими зарубежными родственниками. Он помог переселиться сюда 23-летнему племяннику Иоганну — будущему автору предлагаемых читателю воспоминаний, генерал-лейтенанту Ивану Федоровичу Бларамбергу (8.IV.1800—8.XII.1878) [2].

Хотя Иван Федорович родился во Франкфурте-на-Майне, он упоминал, что его семья «родом из Нидерландов, а именно из Лира, юго-восточнее Антверпена». Мальчик рано остался круглым сиротой и воспитывался у своей состоятельной тетки во Франкфурте-на-Майне. Он был очевидцем продвижения наполеоновских войск, в том числе «великой армии», шедшей на Москву, а также ее бесславного возвращения.

Уже накануне кончины Иван Федорович вспоминал о периоде господства Наполеона как о «времени величайшего унижения Германии», подчеркивая, что «поэтому было не удивительно то радостное волнение, которое всколыхнуло всю Германию, когда молниеносно разнеслась весть об уничтожении великой армии Французской империи на ледяных полях России. Удивлялись, сначала не верили и жили как вновь родившиеся на свет» [3]. Ему довелось видеть и русские войска, следовавшие на Запад, чтобы довершить разгром Наполеона. Не исключено, что это также послужило каким-то дополнительным стимулом к переселению. Так или иначе, в 1819 г. Иоганн написал родственнику в Петербург о своем желании выехать в Россию, где уже находились все его близкие с отцовской стороны. В ответном письме дядя дал ему практический совет — изучить в каком-либо из немецких университетов право, с тем чтобы приехать в качестве юриста; при этом он обещал в дальнейшем позаботиться о племяннике.

В октябре 1820 г. юноша поступил в Гессенский университет, где слушал лекции по математике, статистике, а главное — по различным юридическим дисциплинам: правоведению, естественному, полицейскому праву и др. Уже здесь проявились определенные черты его характера, а вернее, мировоззрения: «добропорядочность», «добронравие», выражавшиеся в полнейшем почитании «установленных законов». Он подчеркивает в «Воспоминаниях», что в студенческие годы посвятил себя исключительно учебе, держась как можно дальше от «демагогических студенческих интриг», «студенческих союзов» и прочих крамольных вещей. Таким Иван Федорович

---

[2] По непонятной причине в «Русском биографическом словаре» (там же, с. 90) его рождение датируется 1803 г., хотя в «Воспоминаниях» И. Ф. Бларамберг четко указывает на 1800 г., что подтверждается и косвенными данными.

[3] [Johann von Blaramberg.] Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserlich Russischen General-Lieutenant Johann von Blaramberg. T. I. B., 1872, c. 7.

И. Ф. Бларамберг

остался до конца дней своих — верноподданным прежде всего. За многие годы жизни в России, переезжая по служебным делам из одной области империи в другую, он, бесспорно, сталкивался со многими передовыми и прогрессивными деятелями, сосланными на окраины государства, но старался не сближаться с ними, чтобы — не дай бог! — не навлечь на себя гнев властей предержащих.

Весной 1823 г. Иоганн появился в Петербурге, а затем отправился в Москву, где поселился у своих родичей, близ Сухаревой башни. Здесь он провел год, изучая русский язык, историю и географию, а также совершенствуясь во французской литературе, математике и рисовании: все это ему в дальнейшем очень пригодится. В 1824 г. Иоганн стал Иваном Федоровичем — он перешел в российское подданство.

Посетив своего дядю в Одессе, новый гражданин Российской империи в феврале 1825 г. перебрался в столицу и в марте был принят в число воспитанников Института Корпуса инженеров путей сообщения.

Это привилегированное учебное заведение возглавлялось членом царской семьи герцогом А. Вюртембергским и посещалось царскими детьми. По своей программе оно было сходно с парижской Политехнической школой, да и преподавание в нем велось на французском языке. Разумеется, пребывание в таком институте дало возможность И. Ф. Бларамбергу завести круг влиятельных знакомств, что в дальнейшем не могло не благоприятствовать его карьере. 6 июня 1826 г. он окончил одним из лучших первый класс и получил чин прапорщика Корпуса путей сообщения. Так началась служба, которая длилась более полувека и была насыщена интересными и разнообразными делами и событиями, нашедшими отражение в «Воспоминаниях».

Зимой 1826/27 г. Бларамберг стал подпоручиком. Летом 1827 г. он проходит практику, участвуя в строительстве и выравнивании участков Московского шоссе между Тверью и Москвой. Через год Бларамберг окончил институт и получил чин поручика. Молодой военный инженер некоторое время провел в Петербурге, но вскоре приобретенные им знания понадобились вдали от столицы.

На протяжении почти всего XIX века царское правительство вело активную политику на Востоке. Одним из существенных аспектов международных отношений этого столетия являлось англо-русское соперничество в Азии. Стремление Российской империи обеспечить для себя свободный проход через черноморские проливы и укрепить свои позиции на Кавказе, в Малой Азии и на Балканах встречало упорное противодействие Османской империи, правящие круги которой были преисполнены решимости взять реванш за поражения, нанесенные русскими в предыдущих войнах. Эти противоречия

длительное время порождали новые русско-турецкие войны. Обстановка на Среднем Востоке осложнялась притязаниями Ирана на независимый Герат, входивший некогда в состав обширной Персидской империи. Немало беспокойства доставляло царскому правительству положение на Кавказе, где оно вело военные действия против горцев. Петербург стремился укрепить свои позиции среди казахских племен, принявших российское подданство и подвергавшихся военно-политическому и экономическому нажиму Хивинского и Кокандского ханств. Наконец, русское правительство активно готовилось к продвижению в Среднюю Азию.

И. Ф. Бларамберг был непосредственным участником многих связанных с этим событий. Так, в период русско-турецкой войны 1828—1829 гг., а именно в январе 1829 г., он сопровождал из Петербурга в Одессу четыре гигантских гидравлических пресса для прессовки сена, необходимого сражавшимся в Болгарии кавалерийским частям. А во второй половине этого года он сам оказался на Балканах, где вместе с лейб-библиотекарем Седжером и художником Дезарно зарисовывал поля сражений, сцены боев и памятники архитектуры, а также собирал монеты, старое оружие и другие предметы старины. Составленный ими альбом из 50 рисунков, картин и надписей был впоследствии литографирован в Париже и раскуплен с молниеносной быстротой.

«Отличное усердие и деятельность по службе» не прошли мимо внимания начальства: в марте 1830 г. поручик получил свой первый орден — Анны 3-й степени, а в апреле был переведен в Генеральный штаб и назначен в Отдельный Кавказский корпус [4].

Зачисление в действующие войска (именно этот корпус, как известно, осуществлял все операции против непокорных жителей Чечни, Дагестана и других горных районов Кавказа) давало возможность отличиться и добиться дальнейшего продвижения по службе. Уже летом 1830 г. И. Ф. Бларамберг принимал непосредственное участие в экспедициях против горцев, преимущественно в роли офицера Генштаба. Он подготавливал планы и карты местностей, выступал в качестве руководителя саперных работ, взрывая опорные пункты неприятеля, составлял дислокацию войск, а иногда и сражался вместе с другими офицерами и солдатами.

Нечего и говорить, что этот человек, некогда опасавшийся «демагогических студенческих интриг», в отличие от многих прогрессивно настроенных современников не сочувствовал справедливому делу горцев. Для него они были «мятежника-

---

[4] Здесь и далее данные о службе И. Ф. Бларамберга излагаются на основе его «Полного послужного списка» от 14 декабря 1871 г. (ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 21, д. 453, л. 26—37).

ми, которые бунтовали против законных властей» и вполне заслуживали самого сурового обращения.

Царское правительство отметило усердие молодого офицера, наградив его за участие в кавказских походах орденом Владимира 4-й степени и золотой шпагой «за храбрость».

В 1832 г. И. Ф. Бларамберг получил чин штабс-капитана и был назначен помощником начальника III отделения канцелярии генерал-квартирмейстера Главного штаба. Теперь ему предстояло исполнять в столице чисто генштабистские функции, в том числе обобщать опыт сражений, изучать театр военных действий и соседние территории. Бларамбергу было поручено составить описание Кавказа. На протяжении 1832—1833 гг. он выполнил обширную работу на эту тему, за что получил крупное денежное вознаграждение и орден Станислава 3-й степени. В 1836 г. ему был присвоен чин капитана.

С этого времени (т. е. с 1836 г.) он получает более серьезные и самостоятельные задания, начинают появляться его первые печатные труды. Работы И. Ф. Бларамберга привлекают внимание как серьезное дополнение к имеющимся далеко не исчерпывающим сведениям по истории, географии, этнографии восточных окраин Российской империи. Иными словами, его деятельность постепенно выходит за ведомственные рамки, а выпускаемые труды — за пределы служебной переписки. Военный превращается в исследователя, научные заслуги которого находят признание в стране.

Однако вернемся к 1836 году.

Петербург стремился к укреплению и расширению торговых связей со среднеазиатскими ханствами — Бухарой, Хивой и Кокандом, рассчитывая экономическими методами добиться роста своего политического влияния в них. Среди стоявших на этом пути трудностей немалое значение имели такие факторы, как неизученность территории Казахстана, разделявшего Россию и Среднюю Азию, а также набеги на торговые караваны отрядов хивинцев и отдельных казахских родов, которых подстрекала Хива [5].

В связи с этим выдвигались различные проекты развития торговли со Средней Азией, в том числе через Волгу и Каспийское море. Это сократило бы стоимость перевозки грузов, облегчило бы установление сношений с туркменскими племенами, а главное — дало бы возможность миновать места, где торговые обозы подвергались наибольшей опасности. Но реализация таких планов затруднялась недостаточной осведомленностью о восточном побережье Каспия. В XVIII в. состоялись лишь разрозненные экспедиции в этот район (А. Бековича-Черкасского в 1715—1717 гг., А. И. Кожина в 1716 –

[5] Подробно об этом см.: Н. А. Халфин. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1974, с. 27—46.

1718 гг., Ф. И. Соймонова в 1717—1726 гг., М. Ладыженского в 1764 г. и М. И. Войновича в 1781—1782 гг.); систематическое же исследование началось в 20—30-х годах XIX в. В 1819—1821 гг. туда, а затем и в Хивинское ханство был отправлен капитан Генерального штаба Н. Н. Муравьев, а в 1825—1826 гг. — натуралист Э. И. Эйхвальд.

Однако основные заслуги в области изучения восточного и южного побережий Каспийского моря принадлежат чиновнику министерства иностранных дел, видному путешественнику Г. С. Карелину. В течение 1832—1836 гг. он возглавил три крупные экспедиции в район Каспийского моря. В состав последней из них (1836 г.) входил и капитан Генштаба И. Ф. Бларамберг. Путешествие принесло важные результаты. Оно позволило существенно уточнить имевшиеся карты восточного побережья Каспия, направление течения и устья рек Атрек и Горган, границу между Туркменией и Ираном, лучше ознакомиться с физическими особенностями старого русла Амударьи — Узбоя. В целях развития торговли изыскивались места для строительства новых пристаней, собирались важные статистические, физико-географические и топографические данные, а также этнографические сведения о туркменском населении прибрежной территории.

Во всем этом немалое значение имела деятельность Бларамберга, ибо в основном ему, генштабисту, поручалось заниматься названными сюжетами. Его несомненной заслугой следует считать и то, что он первый опубликовал обстоятельную работу об экспедиции 1836 г., познакомив российскую и мировую общественность с ее результатами. В 1850 г. в издании Русского географического общества были напечатаны его «Журнал, веденный во время экспедиции для обозрения восточных берегов Каспийского моря в 1836 году»[6], а также «Топографическое и статистическое описание восточного берега Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган»[7]. Первая из этих публикаций содержит подробный и последовательный рассказ о действиях участников поездки, своего рода ее дневник; вторая интересна материалами по истории и этнографии туркмен, географическими сведениями об их землях, природных ресурсах и т. п. «Топографическое и статистическое описание...» высоко оценил выдающийся знаток Средней Азии И. В. Мушкетов[8].

---

[6] «Записки Русского географического общества». Кн. IV. СПб., 1850, с. 1—48.

[7] Там же, с. 49—120. По-видимому, из соображений секретности эти материалы увидели свет лишь почти через полтора десятка лет после экспедиции. Соответствующие труды ее руководителя Г. С. Карелина были опубликованы еще позже — в «Записках Русского географического общества по общей географии». Т. X. СПб., 1883, с. 1—497.

[8] И. В. Мушкетов. Туркестан. Т. I. Ч. 1. СПб., 1886, с. 91.

Можно предположить, что и правительство было удовлетворено трудолюбием И. Ф. Бларамберга и его пониманием поставленных перед ним задач. Ибо не успел капитан покинуть каспийские берега, как получил предписание от 18 января 1837 г., по которому он назначался адъютантом генерал-майора графа Симонича.

Не менее колоритная фигура — далматинец на русской службе, графский титул которого подвергался сомнению, — И. О. Симонич с 1832 г. находился на чрезвычайно ответственном с внешнеполитической точки зрения посту «российско-императорского полномочного министра при тегеранском дворе», т. е. посла в Иране. Именно Тегеран был местом скрещения острейших противоречий между Петербургом и Лондоном на Востоке.

К 1837 г. отошла в прошлое враждебность в русско-иранских отношениях, характерная для первой трети XIX в. и всячески провоцировавшаяся Британской империей. Царское правительство содействовало восшествию на престол Мохаммед-шаха и поддерживало некоторые его замыслы. Одним из наиболее сокровенных среди них было стремление вернуть под свой контроль некогда принадлежавший Ирану Герат, этот, по определению Ф. Энгельса, стратегический центр «всей области, лежащей между Персидским заливом, Каспийским морем и рекой Яксартом (Сырдарьей. — *Н. Х.*) на западе и севере и рекой Индом на востоке...» [9].

В 1837 г. войска Мохаммед-шаха осадили Герат. По просьбе шаха царское правительство согласилось помочь ему военными советниками, и 9 апреля 1838 г. в шахский лагерь под Гератом прибыл Симонич со своими подчиненными. Среди них был и Бларамберг, которому, по всей вероятности, предназначалось ведущее место в консультировании иранских военачальников. Это оказалось нелегким делом. Армия шаха была подготовлена из рук вон плохо. Ее техническое превосходство над противником использовалось крайне слабо. Не очень опытные военачальники были склонны к авантюрам и т. д.

Впрочем, об этом достаточно подробно и обстоятельно пишет сам Бларамберг. К сказанному в его «Воспоминаниях» следует добавить, что британские власти предприняли сильнейший нажим на Петербург, обвиняя Россию в намерении установить свое единоличное господство на Среднем Востоке, чтобы угрожать английским владениям в Индии. Одновременно на иранской территории был высажен английский десант, а агенты Лондона всячески укрепляли обороноспособность Герата.

В итоге шах был вынужден отказаться от своих планов и увести войска от спорного города. В какой-то мере отступи-

[9] Ф. Энгельс. Перспективы англо-персидской войны. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 12, с. 126.

ло и царское правительство. Оно отправило в Англию примирительную ноту и отозвало И. О. Симонича, ставшего, таким образом, «козлом отпущения» [10]. И. Ф. Бларамберг еще некоторое время оставался в Тегеране. Он посылал оттуда своему непосредственному начальству в Генеральном штабе интересные сообщения о положении в Иране, в частности об активной деятельности там и в Афганистане британских агентов.

Бларамберг предостерегал Петербург, сообщая о том, что Англия усиливает экономическую экспансию на Среднем Востоке и в Средней Азии. «...Главная цель английского правительства, — писал он, — приобресть свободное плавание по Инду и посредством пароходов открыть обильный сбыт своим изделиям, наполнить ими Афганистан, Хорасан, Туркмению, Бухару и вообще всю Среднюю Азию, и в таком случае все обороты нашей Нижегородской ярмарки пришли бы в совершеннейший упадок...» Англия стремится полностью захватить Афганистан — точно квалифицировал Бларамберг сложившуюся на Среднем Востоке обстановку. Для этой цели она использует изгнанного из Афганистана еще в 1809 г. Шуджу уль-Мулька, «человека без воли и ума». Тогда и Пенджаб, «с трех сторон окруженный владениями Англии, будет принужден согласоваться более или менее с их (англичан. — *Н. Х.*) видами. В это время для них откроется свободное плавание по Инду, а для нас — великий подрыв во всех торгооборотах».

Эти выдержки взяты из подготовленной И. Ф. Бларамбергом в феврале 1839 г. и отправленной из Тегерана в Петербург докладной записки под названием «Взгляд на современные события в Афганистане» [11]. Ее анализ дает основания для твердого вывода: за относительно короткий срок своего пребывания в Иране он очень хорошо разобрался в далеко не простой военно-политической и экономической ситуации в этих краях, серьезно и обоснованно беспокоившей русское правительство. Отметим, что весной 1839 г. огромная по тем временам британская армия вторглась в Афганистан — началась первая англо-афганская война (1839—1842 гг.).

Столь же содержательны были и присланные им «Сведения об Хоросане, Четырех Оймаках (чор-аймак, или «четыре племени», — так именовались в Афганистане таймени, теймуры, джамшиды и фирузкухи. — *Н. Х.*), гезаре (т. е. хазарейцах. — *Н. Х.*), узбеках, Сеистане, Белуджистане и Афганистане» [12], о различных событиях на Среднем Востоке, в частности о британских военных действиях против Ирана. Капитан-генштабист проявил себя вдумчивым наблюдателем. Он,

[10] Подробно об этом см.: И. О. Симонич. Воспоминания полномочного министра. М., 1967.

[11] ЦГВИА СССР, ВУА, д. 56431 «Сведения о Персии», л. 44—46.

[12] Там же, л. 53—69 и др.

к примеру, констатировал: «Истощение (иранской. — *Н. Х.*) государственной казны ужасно... Правители областей должны правительству до 24 миллионов (туманов. — *Н. Х.*), в издержке которых они не представили никакого отчета. К подобному грабительству государственных доходов, которого шах не в состоянии прекратить, присоединяется еще другое зло — это разорительная для Персии торговля с англичанами. Правительство, хотя и знает весь ущерб, происходящий от этой торговли, но опасается запретить ввоз английских товаров, дабы тем не запутать еще более дел с англичанами, и без того уже сложных и затруднительных» [13].

К концу 1839 г. И. Ф. Бларамберг осмыслил и обобщил материалы, связанные с борьбой за Герат. 14 января 1840 г. он отправил в Петербург обстоятельную записку «Осада города Герата, предпринятая персидской армией под предводительством Магомед-шаха в 1837 и 1838 годах» [14]. Этот документ был опубликован через 55 лет, в период очередного обострения англо-русских противоречий на Среднем Востоке, в закрытом издании Военно-ученого комитета Главного штаба — «Сборнике географических, топографических и статистических материалов по Азии» [15] — вместе с некоторыми другими собранными Бларамбергом в свое время сведениями.

Впрочем, на этом его роль в пополнении имевшихся в России данных о ее южном соседе далеко не была исчерпана. В 1841 г. он подготовил «Статистическое обозрение Персии» [16]. Эта работа, увидевшая свет в 1853 г., представляла собой своего рода энциклопедию по различным вопросам географии, экономики, административного устройства Ирана, настоящий справочник, наполненный самыми разнообразными таблицами, множеством цифр и всевозможных данных.

Чтобы дать представление о настойчивости и добросовестности, проявленных И. Ф. Бларамбергом, например, при сборе материалов о персидской торговле, подчеркнем, что он не только опрашивал российских консулов в Тебризе и Гиляне, но и беседовал с иностранными купцами, посещавшими Тебриз, глубоко интересовался товарооборотом крупнейших иранских морских портов Бендер-Аббаса и Бендер-Бушира, о которых его информировали служащие местных таможен.

Населяющие Иран племена и земельные отношения, средства транспорта и дороги, «духовенство и влияние его на народ», «исчисление 29 областей Персии, с показанием уездов, главных городов и их доходов» (причем все это описывается весьма детально) — трудно, кажется, найти какую-

---

[13] Там же, л. 83. Донесение И. Ф. Бларамберга от 15 апреля 1839 г.
[14] Там же, д. 56435, л. 1—41.
[15] Вып. XVI. СПб., 1895, с. 1—40 и др.
[16] «Записки Русского географического общества». Кн. VII. СПб., 1853, с. 1—358.

нибудь сторону жизни страны, которая не привлекла бы острого взора автора. Он касается, хотя и в меньшей степени, и отдельных исторических сюжетов, а также британского проникновения в Иран, носившего различные формы. Бларамберг дает любопытное «Прибавление IV. Именной список английских офицеров, находившихся в персидской службе с 1834 по 1838 год, с означением жалованья и других выгод, полученных ими от Мухаммед-Шаха»[17].

Как и описание Кавказа, «Статистическое обозрение Персии» было высоко оценено правительством: И. Ф. Бларамберг получает следующий орден и денежные пожалования. Эти награды как бы подытожили связанную с Ираном деятельность молодого подполковника (с 14 марта 1839 г.), ибо в марте 1840 г. он получает приказ об откомандировании в Отдельный Оренбургский корпус.

Полтора десятка лет длится пребывание И. Ф. Бларамберга в азиатских губерниях Российской империи, на путях в среднеазиатские ханства, в главном городе и опорном пункте, через который осуществлялись сношения с ними, — Оренбурге. Он уже пользуется полным доверием начальства. Ему поручают ответственные самостоятельные задания. Так, не успел Бларамберг 17 января 1841 г. прибыть к новому месту службы, как был поставлен во главе крупного военного отряда. Ему поручалось охранять на опасном отрезке пути — до реки Сырдарьи — сразу две дипломатические миссии — К. Бутенева, следовавшую в Бухару, и П. Никифорова, направлявшуюся в Хиву (май—июль 1841 г.).

С этим заданием И. Ф. Бларамберг успешно справился. Более того, на пути следования он приступает к сбору материалов о безбрежных степях Казахстана и их населении, так же как и о смежных с ними собственно российских губерниях. Его деятельность находит дальнейшее признание. С апреля 1843 г. Бларамберг исполняет обязанности обер-квартирмейстера Отдельного Оренбургского корпуса, а с апреля 1845 г. он уже полковник и полноправный обер-квартирмейстер.

Стоит подчеркнуть, что деятельность И. Ф. Бларамберга получает должную оценку не только со стороны официальных властей. После того как в августе 1845 г. было создано Русское географическое общество, которое внесло огромный вклад в изучение России и других стран, двое из его основателей, Ф. П. Литке и Ф. П. Врангель, 7 октября 1845 г. рекомендовали в действительные члены Общества «полковника Генерального штаба Ивана Федоровича Бларенберга (так в тексте. — *Н. Х.*) в Оренбурге»[18]. Такая рекомендация означала почти

---

[17] Там же, с. 81—82.

[18] Архив Всесоюзного географического общества, ф. 1-1845, оп. 1, д. 3, л. 25.

автоматическое избрание. Действительно, вскоре в Оренбург прибыло письмо непременного секретаря Академии наук и Географического общества акад. П. Н. Фуса. «Русское географическое общество, — гласило оно, — желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих на пользу науки, избрало Вас, милостивый государь, в действительные члены свои».

С этого времени научная деятельность И. Ф. Бларамберга была тесно связана с этим объединением отечественных географов. Читателю теперь становится более понятным, почему именно в изданиях Общества публиковал он свои работы, по мере того как они теряли свою служебную секретность. А порой руководители этой научной организации сами проявляли инициативу и настойчивость, добиваясь передачи им того или иного труда для обнародования. «Статистическое обозрение Персии», по словам многолетнего руководителя Русского географического общества П. П. Семенова (впоследствии — Тян-Шанского), находилось в архиве Главного штаба и считалось секретным «до тех пор, пока Обществу не удалось получить его для напечатания» [19].

В 40-е годы Бларамберг по своим служебным обязанностям непрерывно разъезжает по землям Оренбуржья и Казахстана (или Киргизской степи, как тогда именовали Казахстан). Он осматривает берега рек Тобола, Большого, Лята, Иргиза, Темира, Эмбы, а также Мугоджарские горы, определяет места для возведения укреплений, проводит топографические съемки, изучает быт и нравы населения. Собирает и другие сведения самого различного характера: они пригодятся для будущих исследований.

И такие исследования он систематически подготавливает к печати. Еще в 1848 г. в большой серии «Военно-статистического обозрения Российской империи» выходит составленное им совместно с офицерами Герном и Васильевым «Военно-статистическое обозрение Оренбургской губернии» [20]. Аналогичный труд был осуществлен им также по Вятской и Казанской губерниям. Составленные по определенной схеме, они освещали особенности той или иной местности, ее административное деление и управление, пути сообщения, население и т. д. Особое внимание уделялось экономике области, ее промышленности, сельскому хозяйству, промыслам и ремеслу, торговле. Специальный раздел посвящался расположенным в губернии войскам, их состоянию, обученности, снабжению продовольствием и т. п.

---

[19] П. П. Семенов. История полувековой деятельности императорского Русского Географического общества. 1845—1895. Ч. 1. СПб., 1896, с. 144.

[20] Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т. XIV. Ч. 2, СПб., 1848, с. 1—121+14 таблиц.

Бларамберг не только проводил рекогносцировки, но и руководил строительством укреплений. В частности, именно он основал форт Раим, ныне г. Аральск.

Для нас, востоковедов, наибольший интерес из специальных работ Бларамберга имеет «Военно-статистическое обозрение земель киргиз-кайсаков (т. е. казахов. — *Н. Х.*) Внутренней (Букеевской) и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства по рекогносцировкам и материалам, собранным на месте, составленное обер-квартирмейстером Оренбургского корпуса Генерального штаба полковником Бларамбергом»[21]. Это важный и интересный источник, характеризующий положение значительной части казахов в середине XIX в. Автор рассказывает о природных ресурсах Казахстана (преимущественно Северо-Западного), происхождении и родовом делении населения (хотя подчас его объяснения выглядят несколько наивными и поверхностными), особенностях его экономического развития, торговых связях, отношениях с царскими властями и т. п. Подобно предыдущим работам Бларамберга, этот труд насыщен обширным статистическим материалом, в частности о торговле.

При усиливавшемся экономическом отставании России от передовых стран Европы в ней все же интенсивно развивалась в те годы промышленность, в том числе капиталистическая, и потребность в рынках сбыта для ее увеличивавшейся продукции приобретала особое значение. Государства Средней Азии привлекали в этом плане существенное внимание господствующих кругов империи. Проложить туда дорогу российским товарам входило в непосредственную задачу оренбургских властей, в первую очередь генерал-губернатора В. А. Перовского, прекрасно понимавшего цели политики Петербурга.

Но на берегах Сырдарьи (автор «Воспоминаний» часто именует ее так, как она называлась в книгах древних географов, — Яксартом), вверх по ее течению, расположились гарнизоны кокандского хана. И первым серьезным военным укреплением на пути русских была крепость Ак-Мечеть (ныне г. Кзыл-Орда). Летом 1852 г. В. А. Перовский двинул против нее отряд под командованием И. Ф. Бларамберга. Формально, для «верховного начальства», перед обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского корпуса ставились лишь «рекогносцировочные» цели. По существу же он должен был при благоприятных обстоятельствах овладеть Ак-Мечетью.

Обстоятельства сложились неблагоприятно. Кокандцы стойко сопротивлялись, а у Бларамберга оказалось недостаточно сил. В итоге он смог лишь разрушить некоторые укрепления, а также две мелкие соседние крепостцы и вернулся в Оренбург. Но претензий к нему у генерал-губернатора не бы-

[21] Там же, с. 1—119+7 таблиц.

ло. Привезенные им разведывательные данные позволили Перовскому, лично возглавившему в следующем, 1853 г. новый поход на Ак-Мечеть, захватить ее и открыть царским войскам дорогу для широкого продвижения в дальнейшем в глубь Средней Азии.

За отличия в военных действиях против Коканда И. Ф. Бларамберг был в октябре 1852 г. произведен в генерал-майоры, а через три года (декабрь 1855 г.) переведен в Петербург в распоряжение военного министра и генерал-квартирмейстера Главного штаба. Покинув Оренбург, он навсегда расстался с Азией, с практической деятельностью на Востоке.

Началась типичная «столичная жизнь» царского генерала. Балы, рауты, смотры, встречи с «его императорским величеством» и т. п. Тем не менее И. Ф. Бларамберг продолжал успешно трудиться в области географии, топографии и геодезии. В марте 1856 г. он был назначен членом Комитета для составления общего хода почт в империи, а в ноябре того же года — директором Военно-топографического депо. На последнем посту он успешно работал над подготовкой и выпуском в свет «Записок» упомянутого депо. В этом специальном мало известном сейчас издании печатались богатейшие материалы о всевозможных географических, геодезических, астрономических, барометрических исследованиях, тригонометрических измерениях, а порой публиковались и исторические документы.

В последних можно встретить небезынтересные сведения и о некоторых районах, областях и странах Азии. Так, в частях XIX—XXI «Записок Военно-топографического депо» за 1857—1859 гг., т. е. когда им непосредственно руководил И. Ф. Бларамберг, освещался ход турецко-персидского разграничения (в нем участвовала Россия), рассказывалось об «астрономических и барометрических наблюдениях», в том числе произведенных в Европейской Турции, на Кавказе и в Малой Азии в 1828—1832 гг., о тригонометрических работах в Азиатской Турции. Здесь же нашло место «Описание войны, последовавшей в 1711 году между Российскою Империею и Оттоманскою Портою» и др. Эти «Записки» уже официально значатся изданными «директором Военно-топографического депо генерал-майором Бларамбергом 2» (Бларамбергом 1-м был его дядя).

Находясь в Петербурге, И. Ф. Бларамберг мог принимать более активное участие в занятиях Русского географического общества. Он неоднократно входил в состав ревизионных комиссий Общества, а в 1857 г. возглавил «особую Комиссию из членов, специально знакомых с той или другой частью предпринятого труда, для всестороннего и тщательного обсуждения всех разнообразных подробностей составления и издания

Генеральной карты России, всех предметов, которые в нее должны войти, хозяйственной части предприятия и, наконец, для постоянного ученого наблюдения за ходом работ на будущее время, до окончательного выпуска ее в свет».

Речь шла, как читатель, видимо, понял из довольно сложной фразы, об исключительно важном деле — подготовке Генеральной карты Российской империи, и автор приведенных выше строк, фактический руководитель Географического общества П. П. Семенов, подчеркивал, что И. Ф. Бларамберг «с особенной любовью принял все это дело под ближайшее свое руководство и наблюдение» [22].

К началу 1863 г. работа над картой была завершена. Несмотря на серьезные недостатки, выявленные тем же П. П. Семеновым, она «была все-таки, бесспорно, не только лучшей, но и, можно сказать, единственной в то время генеральной картой России и до такой степени удовлетворяла общественному спросу, что первое ее издание (1000 экз.) разошлось очень быстро, а затем, так как спрос на карту не прекращался, Общество продолжало издавать ее с необходимыми исправлениями...» [23].

Уже то обстоятельство, что именно Бларамбергу было поручено возглавить подготовку столь ответственного труда, убедительно свидетельствует, что он был одним из крупнейших знатоков картографии. Это было действительно так. За его плечами был богатейший опыт геодезических и других изысканий в данной области. Этот опыт пополнялся. Так, в 1860 г. Бларамберг провел пять месяцев за границей, знакомясь с «современным состоянием» картографических работ в Западной Европе.

К середине 60-х годов И. Ф. Бларамберг достиг вершины своей служебной карьеры. В апреле 1862 г. он был произведен в генерал-лейтенанты; в декабре 1863 г. его назначили управляющим Военно-топографической частью Главного управления Генерального штаба, а в январе 1866 г. — начальником Военно-топографического отдела Главного штаба и начальником Корпуса военных топографов.

Но активная деятельность Бларамберга подходила к концу. Он часто болел. Прошло немногим более года после назначения на последний пост, как в марте 1867 г. он уволился в годичный отпуск за границу, был оставлен в штатах Генерального штаба, но отчислен от всех должностей. Правда, несмотря на это, Бларамберг продолжал служить своему делу: в марте того же 1867 г., «во время нахождения в отпуске», ему было поручено наблюдение на Всемирной выставке в Париже за отправленными туда картографическими и

---

[22] П. П. Семенов. История полувековой деятельности ... Ч. 1, с. 337.
[23] Там же, с. 341.

фотографическими работами Военно-топографического отдела Главного штаба, а также изучение «новейших усовершенствований» в области военной топографии.

Он участвовал в работе Общества для содействия русской промышленности и торговле — организации российских предпринимателей, одной из задач которой являлось закрепление за отечественной буржуазией среднеазиатских рынков и удобного доступа к ним. Однако сам Бларамберг не принадлежал к числу предпринимателей. Его влекли к Обществу чисто профессиональные интересы: он посещал лишь заседания 4-го отделения его комитета [24], которое занималось вопросами торгового мореплавания и путей сообщения.

В январе 1869 г. Бларамберг стал членом Военно-ученого комитета Главного штаба, а в октябре 1869 г. — членом Комиссии при Военном министерстве для распределения пособий. Скучное занятие для человека, странствовавшего по Кавказу и Закавказью, боровшегося со штормами Каспия, осаждавшего Ак-Мечеть и ставившего триангуляционные вышки в самых различных уголках Азии... Но что поделаешь, годы брали свое! Он все чаще выезжал на лечение и отдых во Францию, Германию, Италию, Бельгию.

Остаток жизни И. Ф. Бларамберг провел в имении своей жены Е. П. Мавромихали на р. Черной близ Севастополя. Здесь он писал и готовил к печати воспоминания, вышедшие в 1872—1875 гг. в Берлине на немецком языке. Здесь он и умер 8 декабря 1878 г.

И. Ф. Бларамберг был взыскан многими царскими милостями, имел почти все ордена Российской империи, вплоть до «Белого орла», немало «знаков отличия беспорочной службы». Однако за длительное «пребывание в чинах» (и достаточно высоких) он не нажил крупного состояния, хотя путей для всевозможных приобретений в те годы имел предостаточно. Его имя никогда не было связано с казнокрадством, лихоимством и иными злоупотреблениями, какими грешили некоторые его коллеги. Эта черта характера Бларамберга, как мы увидим, специально отмечалась современниками. Имение жены — Чоргун (Карловка), — окруженное 950 десятинами земли, по-видимому, не давало больших доходов, ибо после его смерти (жена умерла в феврале 1876 г.) их дочь была вынуждена хлопотать о пенсии [25]. Естественно, наш интерес вызывает не столько безупречная репутация И. Ф. Бларамберга (о ней мы упомянули в связи с характеристикой его лично-

[24] См., например, «Материалы по вопросу о торговых путях в Среднюю Азию». СПб., 1869.

[25] См.: ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 132, д. 1105. «По прошению вдовы генерал-лейтенанта де Бларамберг о назначении пенсии», л. 1—22, 1878—1879 гг. В действительности в деле говорится о назначении пенсии не вдове, а дочери.

сти), сколько его научные труды и публикуемые «Воспоминания», т. е. его вклад в отечественную науку и культуру.

Во время своих поездок И. Ф. Бларамберг вел дневник или по крайней мере краткие записи о посещенных местах, встречах, беседах и т. п. Этим объясняется его точность и четкость в описании караванных троп, городов и селений, нравов и обычаев представителей самых разнообразных племен и народов, особенностей морских плаваний в ту эпоху. Именно обилие любопытнейших подробностей в описании различных областей Ирана, Средней Азии, Казахстана — наиболее ценное, что характеризует издаваемый труд (в котором использованы, конечно, и предшествующие публикации мемуариста).

Благодарные автору за это, мы, разумеется, должны подходить к «Воспоминаниям» И. Ф. Бларамберга с учетом его социальных и классовых позиций, специфики воспитания и т. д. А их неплохо характеризует маленькая, но яркая деталь: мощную революцию, охватившую Францию (как и другие страны Европы) в феврале 1848 г., он деликатно именует «парижским событием 1848 г.». О том же свидетельствует и его восторженное отношение к личности Николая I, полностью расходящееся с оценкой, которую этот деспот и душитель всего прогрессивного заслужил в кругах передовой русской общественности того времени.

Мемуарист подчас неправильно воспринимает и трактует особенности поведения и образ мыслей представителей тех или иных народов Востока. Правда, к его чести, следует отметить, что в книге крайне редко ощущается присущий отдельным его современникам и сослуживцам высокомерный подход к «азиатам».

Глубокий и всесторонний анализ увиденного и услышанного не очень характерен для «Воспоминаний». Автор, как правило, ограничивается констатацией, изложением фактов, не раскрывая породивших их и развивающихся в связи с ними процессов. Ему присущ пиетет перед сановными особами, и на серьезные критические замечания в адрес, скажем, его оренбургского начальства, жестокого и деспотичного В. А. Перовского или недалекого В. А. Обручева, в книге рассчитывать не приходится. И. Ф. Бларамберг более смел, когда речь идет об иранской знати. Тут его можно понять: во-первых, в данном случае критика ему ничем не грозила; во-вторых, непродуманные действия иранских руководителей при осаде Герата (они подтверждаются другими источниками) нанесли урон и престижу автора как военного советника.

Естественно, что в издаваемой работе не нашлось места для осуждения колониальной политики России на Востоке. И если Бларамберг порой отрицательно отзывается об агрессивных действиях Британской империи в Иране, то лишь потому, что видит в ней соперника империи Российской.

Нуждается в большей дифференциации подход к выступлениям казахских племен. Автор справедливо характеризует действия Кенисары Касымова как разбойничьи: этот султан в своем безудержном стремлении к власти беспощадно, зверски расправлялся не только с соотечественниками, но и с киргизами и превыше всего ставил свои феодальные интересы. Но у казахов были и выступления народно-освободительного характера, вызванные колонизаторской политикой царских властей, о чем не пишет бывший обер-квартирмейстер Отдельного Оренбургского корпуса.

Несмотря, однако, на все упущения и недостатки, «Воспоминания» И. Ф. Бларамберга представляют собой первоклассный источник, пополняющий наши знания о различных сторонах прошлого народов Средней Азии, Казахстана, Ирана,— источник богатый и в основном правдивый. В этом их ценность.

Так, между прочим, их оценили и современники. В архивном деле о назначении пенсии дочери генерала находится, в частности, его некролог, вырезанный из газеты «Голос» (1878, № 344). Почему его поместили в деле о пенсии, разъясняет заключительная часть некролога. Однако, перед тем как привести наиболее существенное из текста, напомним, что «Голос» был очень влиятельной и распространенной литературно-политической газетой, выступавшей с позиций развивавшейся буржуазии, против деятельности сторонников реакции в 60—70-х годах XIX в.

«И. Ф. Бларамберг, — читаем в некрологе, — при необыкновенной памяти обладал огромным запасом самых разнообразных познаний и до конца жизни состоял в переписке со многими учеными как в России, так и в Западной Европе... Германская печать отозвалась об этих воспоминаниях с величайшею похвалою, а известный Вамбери (см. комментарий к тексту издания. — *Н. Х.*), посещавший двадцатью семью годами позже места, впервые исследованные Бларамбергом, признал печатно, что ему, Вамбери, давно не попадалась столь серьезная, разнообразная и интересная книга об азиатских делах, как воспоминания генерала Бларамберга».

Концовка статьи была весьма симптоматичной и описывала некоторые личные качества скончавшегося: «Характеристическую особенность жизни и деятельности И. Ф. Бларамберга составляет то, что он — европеец по рождению, образованию, убеждениям и привычкам — большую и лучшую часть жизни провел в Азии, где пришлось ему действовать среди населений, не имеющих ничего общего с европейской цивилизацией, и при этом он остался верен честным принципам, не покидавшим его до последнего дня жизни... Занимая видные и ответственные посты в такие времена, когда — нечего греха таить — не считалось предосудительным нажиться на

службе, Бларамберг не приобрел ничего и оставил своим детям кроме честного имени только шестилетнюю аренду в 2 тыс. рублей, всемилостивейше пожалованную за более чем полувековую примерную службу»[26].

В приведенном некрологе упоминается «печатное признание» крупного востоковеда Арминия (Германа) Вамбери о ценности мемуаров И. Ф. Бларамберга. Действительно, в 1874 г. Вамбери откликнулся на два вышедших тома «Воспоминаний», а впоследствии — и на третий. В 1878 г. М. Н. Катков переиздал эту рецензию в Москве. Собственно, то была не столько рецензия, сколько весьма обстоятельный пересказ книг, которым, как писал Вамбери, «исполненный вкуса и такта стиль автора придает особую притягательность... В этом произведении, таком интересном во многих отношениях, есть аромат поэзии, а небольшая доля сентиментальности, которая встречается то здесь, то там, хорошо отвечает рыцарскому характеру этого честного и порядочного человека». Читатель, «несомненно, будет ему признателен за интересное и познавательное чтение»[27], — заключал ориенталист.

Выходец из Германии, полуголландского происхождения, Иоганн Бларамберг, став Иваном Федоровичем, не порвал духовных нитей, связывавших его с родиной. Он охотно и с большим удовольствием ездил туда. Находясь в России, дружил преимущественно с лицами немецкого происхождения. Даже воспоминания свои он написал по-немецки и издал в Берлине.

И вместе с тем его имя неотделимо от нашей, отечественной науки и культуры. В краткой вступительной статье упомянуты лишь наиболее крупные труды И. Ф. Бларамберга. Между тем в публикациях Русского географического общества, в «Военном сборнике» и иных изданиях содержится немалое количество его статей, заметок и переводов. Долголетние кропотливые и напряженные изыскания Бларамберга по географии, топографии, геодезии имели немалое значение для развития в России этих и других наук и научных дисциплин.

Поэтому руководители Географического общества, отмечая заслуги скончавшегося коллеги, с полным правом писали, что И. Ф. Бларамберг «представлял собой пример редкой и неутомимой деятельности: почти каждый год жизни Общества отмечен каким-нибудь новым почтенным трудом этого ученого, который, соединяя в себе познания по разнородным специальностям, успел оставить на каждом из этих поприщ работы, достойные полного уважения»[28].

Написанные живо, насыщенные огромным фактическим

[26] ЦГВИА СССР, ф. 400, оп. 132, д. 1105, ненумерованная вырезка.
[27] H. Vambery. Un journal d'évenements asiatiques. M., 1878.
[28] Отчет императорского Русского Географического общества за 1878 год. СПб., 1879, с. 12.

материалом, публикуемые «Воспоминания», вне сомнения, займут достойное место среди произведений наших путешественников, географов, востоковедов, дипломатов, отражающих прошлое и настоящее народов Азии.

* * *

Несколько слов о том, какими принципами руководствовались переводчики и издательство, подготавливая выпуск в свет мемуаров Бларамберга. В публикацию вошло не все из трех томов, напечатанных в Берлине в 1872—1875 гг. Она начинается с книги IV (в нашем понимании—главы I [29]). В трех предшествующих книгах освещаются детство и юность автора, его переезд в Россию, время, проведенное на Кавказе и в путешествии на Балканы, к местам сражений русско-турецкой войны 1828—1829 гг., — до 1835 г. Эти разделы содержат большое количество подробностей преимущественно личного характера и далеко не всегда представляют исторический или познавательный интерес. Наиболее важное и существенное из биографии мемуариста в этот период отражено в данной статье.

Аналогичным образом исключены книга XII (1856—1871) и эпилог (1872—1875). С переводом автора в столицу он теряет прямую связь с Востоком и происходившими там событиями. Его сообщения приобретают в основном характер светской хроники, информации о выездах за границу на лечение и других сведений, не имеющих отношения к целям и задачам нашей серии «Центральная Азия в источниках и материалах XIX — начала XX в.».

Не все географические названия, приводимые автором, удалось привести в соответствие с современным написанием, поэтому кое-где сохранена терминология прошлых лет. В транскрипции XIX в. даны и такие названия, как, например, Тифлис, Тавриз, Батум. Читатель заметит, что мемуарист подчас допускает фактические неточности. Там, где это возможно, они оговорены. Небольшие купюры, не превышающие общим объемом 3—4 страниц, касаются сюжетов, посторонних для данной темы.

Думается, однако, что публикуемый труд от подобного сокращения не только ничего не потерял, а, наоборот, выиграл. Более рельефно и выпукло предстает перед нами собственно «восточный» этап богатой различными приключениями жизни И. Ф. Бларамберга, его рассказ о том, с чем ему довелось сталкиваться в азиатских краях.

Н. А. Халфин

---

[29] В настоящем издании для удобства читателя книга IV названа главой I, книга V — главой II и т. д.

ВОСПОМИНАНИЯ

Глава I

1836 год

Летом 1835 г. мне сообщили, что по указу правительства должна быть снаряжена научная экспедиция для исследования восточного побережья Каспийского моря и что военный министр включил меня в ее состав.

Целью экспедиции было: сделать топографическую съемку названного побережья, провести геологические исследования и установить торговые связи с туркменскими племенами, населяющими восточное побережье Каспийского моря, и вообще собрать более подробные сведения об этих странах и старом русле древнего Оксуса [1]. Поскольку экспедиция снаряжалась министерством финансов, Азиатским департаментом и военным министерством, я представился поочередно графу Чернышеву [2], графу Канкрину [3] и действительному тайному советнику Родофиникину [4], который, будучи директором Азиатского департамента, еще в 1833 г. намеревался послать меня в Трапезунд в качестве русского консула. Мое назначение не состоялось по причине войны Ибрагим-паши с Портой [5].

Начальник вышеупомянутой экспедиции коллежский асессор Карелин, который еще в 1834 г. проводил исследования северо-восточного побережья Каспийского моря в так называемой Черной (Карасу) и Мертвой бухтах, находился в столице, и, познакомившись с ним, я узнал от него, что министр финансов назначил в экспедицию корпуса горных инженеров поручика Фелькнера и штурмана Муригина из Навигационной школы. Карелин сообщил также, что сначала поедет в Оренбург проститься с семьей и что местом нашего сбора является Астрахань, где для нашей экспедиции будет снаряжен парусник (тогда, в 1835 г., на Каспийском море не было ни одного парохода). Он предложил мне отправиться в Астрахань, чтобы проследить за погрузкой, и ожидать его там.

Получив инструкции, а также необходимые геодезические и астрономические инструменты, хронометр и барометр, я купил бричку и в воскресенье, 28 июля 1835 г., покинул столицу; на десять дней я задержался в Москве и 11 августа продолжил свое путешествие. Спустившись в долину реки Оки, 13-го миновал красивый город Рязань, 14-го в грозу

проехал город Козлов. На другой день мне повстречался цыганский табор, где задешево нагадали мне счастья цыганки, и к вечеру того же дня я прибыл в губернский город Тамбов.

Отсюда начинается степь; дорога через нее превосходна, так что уже 16-го утром я прибыл в Новохоперск — последний городок перед Волгой, находящийся на реке Хопер, впадающей в Дон. Дальше попадались только почтовые станции. Местность была ровная, с бескрайним горизонтом, но местами изрезанная большими оврагами, поросшими лесом. Хотя была уже середина августа, трава в степи не была выжжена солнцем; здесь, однако, не было того многообразия полевых цветов, которые придают такую прелесть степи в Восточной и Южной России, где с наслаждением вдыхаешь бодрящий, свежий степной воздух. Дон уходил вправо от меня; я проехал Царицын, городок на Волге, и прибыл вечером в Сарепту.

19 августа я покинул Сарепту, проехал через две версты село Поповецкое, заблудился ночью на плохой дороге в калмыцкой степи и должен был из-за затяжного дождя провести день в городке Черный Яр. Теперь я был уже в Астраханской губернии, которая примечательна своими песчаными холмами и песчаными же степями. По ту сторону городка Енотаевска песок был так глубок, что я предпочел, где только было возможно, ехать вдоль Волги, т. е. по ее правому берегу, так что след моего экипажа шел если не по мелководью, то по мокрому прибрежному песку, который был тверже, чем сыпучий песок в степи. Иногда я вынужден был впрягать в свою бричку шесть лошадей, чтобы протащить ее по глубокому песку.

Прибыв на почтовую станцию напротив Астрахани, я переправился на пароме, управляемом калмыками, через величественную Волгу, ширина которой здесь была с версту, и вечером 21 августа после десятидневного пути из Москвы прибыл в город, называемый «царицей Каспийского моря», где снял две комнаты в частном доме.

Я воспользовался прекрасным, теплым вечером и полной луной, чтобы побродить по Астрахани, насчитывавшей тогда 45 тыс. жителей и удаленной от Петербурга на 2102 версты. Улицы широкие, но, за исключением Московской, немощеные, так что летом на них толстый слой песка, а осенью и весной непролазная грязь

22 августа, в годовщину коронования покойного императора Николая, я представился коменданту города полковнику барону Ребиндеру и военному губернатору генерал-лейтенанту Тимирязеву. У последнего по случаю праздника был торжественный прием. Генерал-лейтенант Тимирязев принял меня очень любезно, тотчас же взял с собой на парад, пригласил на обед, представил мне свою супругу, любезную

образованную даму высшего света, необычайно высокого роста. Вечером мы наблюдали фейерверк, и я принял участие в небольшом бале в доме губернатора, так что в первый же день моего пребывания здесь я познакомился с местным мужским и женским обществом. Вечером 23 августа генеральша Тимирязева пригласила меня в свою ложу в театре — так я впервые увидел представление в провинциальном театре. 24 августа губернатор представил меня архимандриту. Мы позавтракали у него, а затем архимандрит показал мне собор Астраханского Кремля, где во времена казачьего атамана Стеньки Разина в 1670 г. разыгрались ужасные сцены. Из окон квартиры почтенного архимандрита открывался очень красивый вид на город и Волгу.

30 августа был бал в Дворянском собрании, и я сопровождал генеральшу Тимирязеву, которая хотела мне показать весь цвет астраханских красавиц, и действительно, это был прекраснейший венок из молодых женщин и девушек. Явно преобладал южный тип: среди 50 или 60 дам, собравшихся на бал, я увидел лишь одну-единственную блондинку, все остальные были жгучие брюнетки с чудесными черными глазами, роскошными волосами и перламутровыми зубами. В их жилах текла армянская кровь, так как большинство жителей Астрахани были армяне или смесь русских и армян. Первую неделю моего пребывания в Астрахани я провел просто замечательно, всюду встречал радушный прием, особенно в семье бравого коменданта, его зятя Оссе, у А., молодая жена которого слыла первой красавицей города; действительно, более красивых глаз и прекрасного цвета лица я не видел.

4 сентября я совершил с адъютантом генерал-лейтенанта Тимирязева и капитаном П. поездку в Тюмен, владение калмыцкого князя. Мы ехали по почтовому тракту вдоль правого берега Волги; проделав 90 верст до станции Серогрязовская, остановились там на ночь и 5 сентября, рано утром, переправились на баркасе на другой берег, где находился великолепный дом князя, располагавшийся возле красивого каменного калмыцкого храма. Отставной полковник князь Тюмен нас не принял; старый, больной, он вел здесь жизнь сибарита; в доме его утонченная цивилизация уживалась с варварским укладом кочевой жизни. С 1812 по 1814 г. старый князь принимал участие в кампании, командовал калмыцким полком, дойдя с ним до Парижа, где вкусил все прелести жизни, и вернулся в свою степь полуварваром, полуцивилизованным человеком. Он обладал огромными богатствами: в многочисленных кибитках калмыцкой орды жили его верноподданные, а в необъятных астраханских степях паслись бесчисленные стада овец и табуны лошадей. Его сын, кавалерийский офицер, принял нас очень любезно; он показал нам

свою суконную фабрику и позволил присутствовать на буддийском богослужении.

Храм с двумя полукруглыми портиками, построенный по образцу Казанского собора в Петербурге, был украшен внутри страшными идолами; в глубине находилась святая святых — статуя сидящего Будды с многочисленными жертвенными чашами у ног божества. Появилось несколько калмыцких священнослужителей (геллонгов) в фантастических одеждах, с различными музыкальными инструментами, среди которых бросились в глаза тамтам и две прямые трубы в шесть шагов длиной. Богослужение началось с гнусавого пения. Все священнослужители стояли попарно на коленях, лицом к Будде. Затем началась ужасная музыка; особенно кошмарными были звуки труб, их можно было услышать на расстоянии пяти-шести верст, а вблизи них буквально разрывались барабанные перепонки. Калмыки, очевидно, обладают крепкими нервами, чтобы любить такую кошачью музыку.

Затем нам показали соколиную охоту, после чего мы отправились в степь, где для нас пригнали табун полудиких калмыцких лошадей. Нам предложили выбрать лошадей; тотчас же молодой калмык ринулся на неоседланном коне в гущу табуна, разбежавшегося в разные стороны, и вмиг набросил аркан на шею указанной нами лошади, которая вставала на дыбы и яростно брыкалась. В этот момент другой калмык вскочил на бесившегося коня; держась коленями за его бока и ухватившись руками за гриву, он быстро снял аркан, и тут началась борьба с испуганным животным, никогда не знавшим ни седла, ни узды. Конь вставал на дыбы, брыкался, бросался на землю, делал неистовые прыжки и повороты, но всадник словно прирос к разъяренному зверю, который наконец бешеным галопом поскакал в широкую степь, чтобы через десять минут вернуться назад изнемогшим от борьбы и покрытым пеной. Навстречу ему бросился другой всадник, и укротитель на полном скаку вскочил на круп лошади своего товарища, а почувствовавшая свободу дикая лошадь с ржанием помчалась к табуну. Этот опыт повторялся еще дважды, и каждый раз заарканивали указанную нами лошадь.

Табуны лошадей здесь, как и вообще в русских степях, делятся на так называемые косяки по 15—20 кобылиц с жеребятами, возглавляет который один жеребец. Находясь круглый год на пастбище отдельно друг от друга, косяки живут в мире и согласии. Случается, что кобылица убегает в другой косяк. Тогда супруг сбежавшей лошади приближается к косяку, в котором она находится, и угрожающим ржанием и топотом копыт вызывает противника на поединок; однако последний уже, как правило, отведал запретный плод и сам выгоняет «заблудшую овцу» из своего стада. Кобылица, от-

делавшись тем, что супруг несколько раз укусил ее в шею, спокойно возвращается с ним в свой косяк.

Если к табуну приближается волк, то кобылицы и жеребята сбиваются в плотную кучу, а жеребцы, окружив их, сами с ржанием выступают навстречу наглому разбойнику, который обычно убегает, так как при виде десятка или более разъяренных жеребцов волки нападать не рискуют.

После того как молодой князь Тюмен показал нам владения своего отца, мы осмотрели изнутри многие кибитки, сооруженные из решеток и покрытые войлоком. Внутренняя обстановка зависит от зажиточности семьи. Вдоль стен стояли раскрашенные деревянные, обшитые листовым железом сундуки, которые изготовляют в Сибири тысячами для жителей степей и Центральной Азии. Они были набиты одеждой и другими вещами семьи. На стене висели седла и уздечки. Теперь я имел представление о домашнем очаге калмыков. Женщины и девушки шили рубашки или другую одежду для себя и мужской части семьи или занимались приготовлением пищи на костре в центре кибитки, над которым висел котел; дым выходил в отверстие в верхней части жилища. Дойкой кобыл и овец также занимаются женщины, в то время как мужчины пасут стада или наслаждаются бездельем, покуривая короткие трубки.

Среди девушек много красавиц; у них блестящие черные глаза и перламутровые зубы, однако тип лица монгольский: широкие скулы и раскосые глаза, а цвет кожи темный, желтоватый.

К вечеру мы снова вернулись в дом князя, где нас ждал обильный обед или, скорее, ужин, полуфранцузской, полукалмыцкой кухни: мясо жеребенка, очень нежное и вкусное, бешбармак («пять пальцев») — рубленое мясо в соусе, которое калмыки едят руками, баранина и шашлык; в изобилии имелись хорошие французские вина, а также шампанское, и мы улеглись спать поздно, с тяжелой головой.

В прежние времена, когда отец молодого князя не был еще таким старым и больным, приезжим оказывались в их спальнях соответствующие знаки калмыцкого гостеприимства: едва они успевали лечь, как к ним входила красивая калмычка с серебряным подносом в руках, на котором были фужер с ликером и десерт, гаванская сигара; прекрасное дитя посылалось князем, чтобы развлечь гостя. Надо полагать, что некоторые из гостей были слишком хорошо воспитаны, чтобы не принять такой жест гостеприимства со стороны князя. Этот патриархальный обычай теперь не соблюдается.

На следующее утро, когда мы любезно и дружески распрощались с молодым князем, он предоставил нам свой баркас с 12 калмыцкими гребцами, которые доставили нас до

Астрахани по Волге за десять часов. Полученные от нас деньги они немедленно пропили.

Тем временем в Астрахань приехали остальные участники нашей экспедиции: штурман Муригин вместе с молодым врачом Заблоцким[-Десятовским] из Петербурга и горный инженер поручик Фелькнер из города Екатеринбурга Пермской губернии. Мы познакомились, и я убедился, что они очень приятные спутники. Мы осмотрели судно, снаряженное для экспедиции, — шкоут «Святой Гавриил», один из нескладных кораблей голландской работы, имевший две мачты, бушприт и широкое днище, однако без киля; такие чудовища еще в 30-е годы ходили под парусами по Каспийскому морю. Благодаря своей конструкции они вмещали большой груз, но под парусами на них можно было ходить лишь при хорошем ветре; при волнении эти шкоуты страшно качало, а при маневрировании они сильно отклонялись от курса. Поскольку осадка у судов была минимальная, на них можно было плыть и по мелководью. Я поручил Муригину, которого снабдил деньгами, проследить за оснащением и внутренней отделкой «Святого Гавриила», с тем чтобы через три недели судно было готово к отплытию, поскольку к этому времени мы ожидали начальника экспедиции Карелина, который пока еще находился в Оренбурге и не давал о себе знать.

Мы между тем ходили в театр, бывали в обществе, осматривали окрестности. 14 сентября в большой компании во главе с губернатором и его супругой я ездил на знаменитые астраханские виноградники, находившиеся на Черепашьем острове, в 20 верстах от города, и принадлежавшие вдове полковника Ахметова. Погода была великолепная. На обширных виноградниках зрел богатый урожай, во многих местах стояли вышки — высокие сооружения из тонких жердей с лестницей. На верхней площадке находился мальчик-калмык с трещоткой, кнутом и пращой; возле него лежала куча камешков. Эти мальчики были сторожами виноградников, и их обязанность заключалась в том, чтобы отпугивать воробьев и других пернатых разбойников шумом, щелканьем кнута и ловким метанием камешков. Мы осмотрели вместительные винные погреба, а также дубовую рощицу — диковину в астраханской песчаной степи. Затем были приглашены любезной хозяйкой на роскошный обед в ее доме и вернулись в город поздно вечером.

Так как в жаркое время года здесь, в Астрахани, люди и лошади страдают от мириадов комаров и мошек, все спят под москитной сеткой из муслина; лошадей накрывают сетками из льняной или шерстяной пряжи, чтобы по возможности предохранить их от укусов этих паразитов.

17 сентября, в день святой Софьи, ангела-хранителя генеральши Софьи Т., ее супруг дал костюмированный бал, на

который были приглашены сливки астраханского общества. Разряженные красивые армянки выглядели великолепно, а юная Катерина Т., одетая в костюм Норы, была обворожительна. Бал был очень оживленным. Армянские и русские танцы сменялись французскими кадрилями, и во время ужина было произнесено много тостов за здоровье королевы бала Софьи Т. и других присутствовавших дам.

Во время наших поездок мы побывали однажды на большом рыбном промысле, называемом здесь ватагой, на берегу Волги, где под большими навесами солят и опускают в ямы с рассолом белугу, осетра и другую рыбу. Тысячи рыбин громоздились в просторных помещениях; множество рабочих занималось их обработкой, а также приготовлением икры, которая хранится свежей или слегка подсоленной в бесчисленных бочонках различной величины или в мешках. Мы встретили здесь немецкого коммерсанта, занимавшегося отправкой сотен бочонков с икрой почтовыми лошадьми через Варшаву в Берлин. Он рассказал мне, что совершает это путешествие каждый год поздней осенью, добираясь за 50 дней от Астрахани до Берлина (тогда в России еще не было железной дороги). Количество рыбы всех видов и размеров, заготовляемой ватагами на нижней Волге, фантастично. Стаи чаек с пронзительными криками кружатся над местом разделки рыбы, питаясь отбросами. Зимой отсюда, из Астрахани, непрерывно идут караваны из сотен и более саней, чтобы доставить мороженую или соленую рыбу в центральные районы страны. Дорога в это время года становится ужасной, изрытой глубокими бороздами от санных полозьев. Позднее я имел случай почувствовать неудобство зимнего путешествия по этому бездорожью!

В свободные часы я брал уроки татарского языка у одного старого муллы, определял высоту солнца с помощью секстанта, чтобы сличить с показаниями моего хронометра, много читал о людях и местах, где мы должны были позже побывать. Начальника экспедиции все не было, и прекрасные октябрьские дни летели для нас незаметно.

Судно было оснащено; для экспедиции наняты матросы, 20 астраханских и столько же уральских казаков, отличные стрелки и гребцы; прибыла даже артиллерия (4 пушки) из крепости Георгиевск на Кавказе. Только Карелин все не давал о себе знать. Однако я получил от него краткое письмо с извещением, что тяжелая болезнь удерживает его в Оренбурге. Между тем наступил суровый ноябрь с морозами и снегом. Поскольку мы не рискнули отправиться в путешествие поздней осенью и при штормящем в это время года Каспийском море, мы покинули свои отдельные квартиры и поселились вместе в доме И., ведя беззаботную жизнь в кругу этой доброй семьи.

Наконец 10 ноября, когда Волга уже покрылась льдом, прибыл Карелин. Он привез с собой из Оренбурга топографа, офицера М., и его кузена, набивщика чучел. Карелин хотел во что бы то ни стало сразу же отправиться в море; вскоре, однако, он должен был согласиться, что это рискованно. С нашего судна были сняты все снасти, и оно было укрыто от ледохода в надежной бухте, казаки и матросы отпущены до весны, а Карелин устроился на моей прежней квартире.

Коллежский асессор Карелин был большим кутилой, имел веселый нрав. Он любил хорошо поесть, выпить отличного вина и бывать в веселом обществе. Он и нас втянул в свои развлечения, однако нам скоро надоела эта праздная жизнь. Я предложил Карелину откомандировать меня в Тифлис, чтобы там в архивах штаба и других учреждений снять копию плана острова Челекен у входа в Балханскую бухту, на восточном побережье Каспийского моря, а также других планов, сделанных полковником Муравьевым[6] в 1821 г. во время его путешествия в Хиву, и собрать данные, касающиеся туркменских племен. Поручику Фелькнеру и молодому врачу надлежало добраться сушею через Восточный Дагестан в Ленкорань, где мы должны были встретиться в марте 1836 г. Сам Карелин хотел провести зиму в Астрахани и с открытием навигации отплыть на «Святом Гаврииле» в Баку, откуда мы, собравшись все вместе, должны были отправиться к восточному берегу Каспийского моря. Мое предложение было принято, и уже через несколько дней я нашел спутника, а именно комиссара провиантского департамента Орлова, который в сопровождении четырех солдат должен был привезти в Тифлис 500 тыс. рублей золотом в империалах и два бочонка одеколона «Наполеон». Итак, приготовившись к зимнему путешествию через необитаемые степи, я попрощался со спутниками, а также с многочисленными друзьями обоего пола, передал все свои инструменты Карелину и выехал 14 декабря по замерзшей Волге в тринадцатиградусный мороз в Тифлис.

Наш маленький караван состоял из трех легких экипажей: теплой кибитки, где сидели я и Орлов, телеги с деньгами, охранявшейся унтер-офицером и двумя солдатами, и еще одной телеги с двумя солдатами. Стояла чудесная, ясная погода, но было ужасно холодно. В первый день мы проехали две станции.

Почтовый тракт от Астрахани ведет через Калмыцкую и Ногайскую степи в Кизляр, и единственными жилищами на этом пути протяженностью в 400 верст являются почтовые станции, где можно найти ночлег. Зимой на этом пути редко можно встретить проезжих. В первые дни у нас не было задержек, и мы ночевали на первой же почтовой станции. Снег был неглубок, однако мороз крепчал с каждым днем! В

степи мы видели много куропаток, но у нас не было желания охотиться на них. 16 декабря небо покрылось тучами, начался сильный буран, и мы были рады еще до ночи добраться до следующей станции, где нас ожидал теплый ночлег, самовар и ужин. Продукты мы везли с собой, но их необходимо было прежде разморозить.

17 декабря при 14° мороза мы отправились дальше и прибыли на станцию Кумская на границе Астраханского губернаторства. В станционном доме не было оконных стекол, так что нам пришлось искать убежища в калмыцкой кибитке, в центре которой был разложен костер. Здесь мы ждали до тех пор, пока из степи не пригнали почтовых лошадей. Отсюда начиналась Ногайская степь, снег был здесь глубже, и мы даже два раза застревали. Вечером прибыли на станцию. Было 10° мороза. Татарин-смотритель уступил нам свою лучшую комнату. 18 декабря мы за весь день проделали только 20 верст, лошади были ужасны и худы как скелеты. По дороге нам попадались большие стаи куропаток и даже фазаны. На следующих двух станциях комнаты были переполнены. Люди шли пешком в Астрахань из Кизляра, у некоторых были обморожены ноги. Мы поспешили уехать. Позавтракали 19 декабря в землянке у ногайцев: попили плиточного чая, который в ходу у всех кочевых народов и который заваривается в котле с добавлением масла и соли. Нам подали его в больших деревянных пиалах, и на вкус он был очень приятен.

В этот день мы издали видели Кавказские горы.

20 декабря мы подъехали к Тереку, оставив слева город Кизляр. Проехали через станицу Червленную, известную в округе красивыми и привлекательными девушками-казачками, и прибыли вечером в станицу Наур. По дороге наши солдаты настреляли десять куропаток, которые были превосходны на вкус. Здесь, в Науре, уже преобладал кавказский стиль. Станица была переполнена линейными казаками в их живописных костюмах. Здесь был расквартирован батальон Куринского полка.

21 декабря мы двинулись дальше вдоль левого берега Терека по широкой, местами поросшей кустарником равнине, где часто скрывались разбойничавшие чеченцы, грабившие проезжих и угонявшие их в горы как пленников. Наши солдаты занимались охотой на куропаток; они стреляли их прямо с телеги. Поздно вечером мы приехали в крепость Моздок и после долгих хлопот нашли приют у состоятельного армянина, который нас разместил в своей единственной, очень просторной спальне, поскольку только одна эта комната отапливалась. По армянскому обычаю, нам расстелили на полу широкие матрацы, и мы спали на них не раздеваясь. На следующее утро, проснувшись, я увидел милую семейную сцену: шестеро детей хозяина, от 10 до 14 лет, большей ча-

стью девочки, спали в той же комнате на широком матраце, накрытые одним одеялом. Проснувшись, они с удивлением разглядывали чужих людей и походили в этот момент на птенцов ласточек, высовывающих свои головки из гнезда. Это были милые, красивые головки: большие черные глаза, черные, как смоль, локоны, ниспадавшие на плечи, прекрасный оттенок кожи и перламутровые зубы. Армяне вообще красивый тип людей, а молодые девушки и юноши просто очаровательны. Мы поблагодарили любезного хозяина за гостеприимство, одарили детей сахаром и отправились в путь. Мы ехали в прекрасную погоду, по замечательному санному пути в Екатериноград. Туда мы прибыли в два часа пополудни. На следующее утро была оказия, т. е. во Владикавказ отправлялся транспорт с конвоем, и мы присоединились к каравану. Перед этим мы отпустили наших четырех бравых солдат, дав им хорошее денежное вознаграждение, и они, радостные, с песнями отправились пешком в обратный путь в Астрахань через Ногайскую степь.

В Екатериограде Кавказский горный хребет предстал перед нами во всем своем величии и великолепии. Мы медленно ехали по огромной Кабардинской долине и 27 декабря в густом тумане прибыли во Владикавказ, а 29 декабря в сильный холод — в Коби. Здесь мы встретили много путешественников, которые ждали, пока горцы окрестных аулов (осетины) расчистят дорогу от массы снега, выпавшего в последние восемь дней. К счастью, на следующее утро нам сообщили, что сейчас уже можно переваливать через Главный Кавказский хребет. В нашу кибитку впрягли волов. Некоторые путешественники получили сани, другие шли пешком. И так мы 30 декабря (я в третий раз) тронулись в путь от Коби в направлении Крестовой горы. Небо было безоблачным, погода ясная, но было очень холодно. Мы с трудом пробирались по узкой, только что расчищенной дороге, по обеим сторонам которой громоздились снежные кучи, словно две высокие стены.

В Кайшауре мы сделали двухчасовой привал, выпили в духане плохого кахетинского вина, поели татарского хлеба (чурек) с крутыми яйцами и немного балыка, или копченой рыбы, и затем продолжали свой путь в долину Арагвы по менее глубокому снегу. 31 декабря пополудни мы прибыли в уездный город Душет, однако из-за недостатка почтовых лошадей добрались до Тифлиса только 1 января 1836 г., после того как проделали 850 верст за 16 дней.

Итак, спустя четыре года я снова был в столице Грузии, снова встретил здесь своих знакомых, с которыми раньше проводил приятные дни. Я опять был любезно принят в доме командира корпуса генерал-адъютанта барона Розена. Из новоприбывших я встретил знакомого по Румелии 1829 г.

квартирмейстера полковника барона фон дер Ховена. В его гостеприимном доме собирались все офицеры Генерального штаба; я тоже нашел там дружеский прием. Позже я подружился с молодым князем Константином Суворовым, служившим у барона Розена. Он был замечательным пианистом, очень образованным и любезным человеком. Князь приехал в Тифлис немного рассеяться, так как недавно потерял невесту. Мы подходили друг другу и часто встречались. В доме барона Розена я познакомился также с полковником Мевиусом, уроженцем Гамбурга, только что приехавшим из Пенджаба, где он служил несколько лет у известного в то время правителя этого государства Ранджит Сингха[7]. Мевиус сообщил мне много деталей об этой части Азии, а также о Персии.

6 января было крещение. На берегу Куры были выстроены два батальона. В то время как в Санкт-Петербурге этот прекрасный церковный обряд совершался обычно при 10—15° мороза, здесь, в Тифлисе, стояла прекрасная весенняя погода, и дамы были уже одеты по-летнему.

Свое пребывание в Тифлисе я использовал для выполнения поручения. Я прилежно занимался в архивах штаба и канцелярии Главного управления, снимал копии со всех документов, касавшихся туркменских племен и восточного побережья Каспийского моря. Я сделал также копии плана местности, снятого моим предшественником полковником Н. Муравьевым на упомянутом побережье, в районе Балханской бухты, в 1820—1821 гг.

Много прекрасных часов провел я в Тифлисе и его окрестностях во время девятинедельного пребывания там. Тогда в столице Грузии было много образованных молодых людей из лучших семей: Чекалов, Шувалов, Ревуцкий, граф Опперман, Потоцкий и другие, имена которых я забыл. Многие погибли на войне, еще больше унес дурной климат. Еще во время моего пребывания там одно из кладбищ города называлось «кладбищем коллежских асессоров» (чинов 8-го класса). Так как в первое десятилетие после присоединения Грузинского царства здесь ощущался недостаток в гражданских служащих, правительство посылало в Тифлис и Грузию молодых чиновников с повышением в звании, и, поскольку тогда трудно было повыситься в звании без экзаменов и перейти из 9-го в 8-й класс, многие чиновники 9-го класса сами просили направить их в Грузию, чтобы добиться звания 8-го класса. Многие из них погибли здесь от климата, а также от лихорадки и других болезней. Вот почему вышеуказанное кладбище и получило столь странное название.

В начале весны, 10 марта, я покинул своих дорогих знакомых и друзей, чтобы проехать из Тифлиса через Елизаветполь и Шемаху в Баку. Так как я еще в 1831 г. проезжал

по этой дороге, достаточно сказать, что ныне (в 1836 г.) на почтовых станциях начали воздвигать для проезжающих новые каменные здания, что наряду с улучшением дорог и мостов было большим прогрессом.

Из Елизаветполя, сделав крюк, я заехал в немецкую колонию Еленендорф к пастору Хохенакеру, известному ботанику, который был женат на грузинке и имел очаровательную приемную дочь Паулину. Здесь я приятно провел день среди образованных немецких миссионеров, которые, правда, еще не обратили ни одного мусульманина в христианскую веру. Еленендорф, несмотря на опустошение персами в 1826 г. (здесь они творили насилия над женщинами и девушками), теперь, в 1836 г., вновь стал прекрасной, цветущей колонией, в которой проживает 550 душ.

14 марта я пересек Куру на отвратительном пароме, сделанном из трех стволов деревьев. Позже мне попался навстречу караван верблюдов, который вез в Тифлис ежегодную дань серебра из провинций Баку и Куба.

18 марта я прибыл в Баку. Здесь я пробыл несколько дней и провел много часов на плоской крыше моего жилища. Отсюда я любовался прекрасным видом на город, окрестности и море. Я познакомился с горного корпуса майором Н. Воскобойниковым, осуществлявшим надзор за многочисленными нефтяными скважинами и резервуарами, устройство которых он мне подробно объяснил и показал. Правительство получает от них большую прибыль, поскольку вся страна пользуется нефтью, например для освещения, для смазки и для покрытия плоских земляных крыш, которые надежно защищались таким образом от дождя и сырости.

22 марта я отправился на транспортном судне «Эмба» на остров Сари у Ленкорани, где тогда была база русской флотилии на Каспийском море, и представился шефу, адмиралу Басаргину, который совершил много путешествий по этому краю, а также составил карты и описание побережья. Он жил отшельником на этом жалком острове. Позднее база Сари была ликвидирована, и от просторных зданий и складов теперь остались лишь несколько руин и большое кладбище, где похоронено много матросов, умерших от нездорового климата.

24 марта я отплыл с острова Сари на плоскодонном киржиме (баркас) со своим багажом и верным слугой и через два часа прибыл в Ленкорань. Мои прежние спутники поручик Фелькнер и доктор Заблоцкий, находившиеся здесь уже 14 дней, издали увидали мой плывущий на веслах киржим и прибежали на берег, чтобы встретить и отвести меня с триумфом в уже приготовленную квартиру, где, к моему великому удивлению, я встретил одного своего бывшего товарища по Кавказской войне — инженер-капитана Н. Горбачевского.

Он руководил здесь строительством крепости и был главным лицом в этом местечке после коменданта полковника Луценко. Нам было что рассказать друг другу! Фелькнер и Заблоцкий приехали сюда через Дагестан, а я — через Тифлис. Горбачевский сообщил мне много интересных подробностей об этой стране, ее удивительных равнинах, горах и лесах, которые я твердо решил исходить.

После обеда я отправился осматривать крепость и город. Ленкоранский рейд совсем открытый, и при сильном ветре с севера и юга волны прибоя настолько сильны, что едва ли какое судно может удержаться на якоре и не быть выброшенным на берег. Когда море успокаивалось, можно было видеть, как в песке и на склонах морского берега наполовину обнажались кости русских воинов, погибших во время штурма Ленкорани в 1812 г. 25 лет назад это кладбище находилось далеко от морского берега, но постепенно волны размыли его. Прогуливаясь вдоль крепостных валов, я увидел двух солдат, развешивающих свежую тигровую шкуру необыкновенной красоты и величины. Я спросил их, кому принадлежит шкура, когда и где зверь был убит, и узнал от них, что персидские крестьяне, устроившие засаду на высоких деревьях, застрелили вчера тигрицу и что шкуру, которую они теперь выделывают, они преподнесли в подарок коменданту. Кроме того, солдаты рассказали мне, что в этой стране довольно много тигров и особенно пантер, пищей для которых служат дикие кабаны; последние во множестве обитают в окрестных камышах, и комендант каждую осень охотится на них.

На следующий день я нанес визит коменданту, который пригласил меня к столу и предложил ежедневно бывать у него и считать его дом своим. Он подарил мне тигровую шкуру, которую я позднее преподнес моему начальнику, генералу фон Шуберту, в память о путешествии. Полковник Луценко угостил меня вином собственного приготовления. Оно было красивого, розового цвета, немного терпкое поначалу и крепкое. Полковник рассказал мне, что с одной виноградной лозы он получил целую сорокаведерную бочку вина (семь прусских ведер, или около 5 гектолитров). Эта лоза обвивала до самой кроны большое ореховое дерево и свисала над землей. Сначала мне это показалось невозможным или, скорее, невероятным, но позже, когда я собственными глазами увидел буйную растительность в этой чудесной стране, я поверил вышеупомянутому заверению.

Далее он сообщил мне, что ежегодно в октябре отправляет 6—10 егерей своего батальона в сопровождении стольких же командиров, с небольшим прикрытием, охотиться в окрестностях на диких кабанов. Через 8—10 дней они возвращаются со 150—180 убитыми кабанами; мясо в засолен-

ном или свежем виде готовят на зиму для солдат, а 600 окороков, которые коптятся в это время года, полковник отсылает позднее в Астрахань на продажу; выручка используется на различные нужды батальона. Эта прекрасная страна была вообще раем для охотников: косули, дикие кабаны, фазаны, а осенью здесь столько всевозможных перелетных птиц, что жители убивают диких гусей иногда даже палками. В море среди других рыб в большом количестве водится очень приятный на вкус кутум (вид судака). Когда я не бывал приглашен в гости, одной такой рыбы хватало на обед мне и моему слуге, причем из одной половины готовили вкусный жирный рыбный суп (уху), другую жарили; весь обед стоил мне 3—5 копеек серебром.

Через три дня после моего приезда в Ленкорань в госпиталь привезли умирающего солдата. Дело обстояло следующим образом: каждую неделю в ближайший лес посылается команда из 20—30 солдат с несколькими подводами для заготовки леса на нужды батальона. Солдаты всегда вооружены ружьями с примкнутыми штыками, чтобы в случае опасности защищаться от нападения тигра или пантеры. Приехав в лес, солдаты поставили ружья в пирамиды и приступили к рубке. Вдруг из кустарника выскочил тигр (вероятно, супруг недавно убитой тигрицы), кинулся на ближайшего солдата и одним ударом своей страшной лапы вырвал ему левую руку из ключицы и сломал несколько ребер. На крик бросились его товарищи с ружьями, но чудовище уже скрылось в лесу. Через несколько часов несчастный солдат умер от ран. Тигры обычно не нападают на людей, так как находят себе пропитание в другом месте. С пантерой произошел другой случай; здесь говорят, что он был еще ужаснее.

В первое воскресенье моего пребывания здесь я стоял рано утром на крыльце своего дома, любуясь красивыми окрестностями и прекрасным утром. В это время мимо меня в воскресном наряде прошелестела направлявшаяся в церковь молодая жена хозяина дома, унтер-офицера и прекрасного охотника. Она дружески поздоровалась со мной, и я заметил у нее на шее странную цепочку. Когда я спросил ее, что это такое, она заявила с нескрываемой гордостью, что это когти пантеры, убитой ее мужем. Мое любопытство было возбуждено. Я дождался ее мужа, и он рассказал мне, что во время охоты на кабанов часто случается наталкиваться в густом высоком камыше на спящую или отдыхающую пантеру. «Хотя у меня, — добавил он, — и нет дурных намерений против нее, потому что я охочусь на кабана, все же зверь вправе предполагать, что моя пуля предназначена для него. Чтобы не быть разорванным, я должен быть начеку и упредить зверя, прежде чем он опомнится и бросится на меня. Такая охота, — закончил он свою речь, — требует спокойст-

вия, хладнокровия и меткости». Во время своей службы здесь он убил около 15 пантер, и я купил у него на память красивую пятнистую шкуру.

Полковник Луценко рассказал, что в прошлом году крестьяне-персы принесли ему совсем маленького тигренка и что его повар взял зверя, который тогда был ростом с кошку, на воспитание. Тигренок, которого назвали Ломайка (разрушитель), так привязался к повару, что сопровождал его ежедневно на базар, где тот делал покупки. Здесь тигренок играл с бродячими собаками. Случалось, однако, что, когда он был не в настроении, он так хватал лапой своих товарищей по игре, что они с воем отлетали на несколько шагов. Когда наступило жаркое время года, батальон, как всегда, был переведен из тогда еще нездоровой равнины Ленкорани в лагерь на близлежащих холмах, где солдаты могли насладиться свежим и прохладным горным воздухом. Повар командира батальона также перебрался в лагерь, оставив своего Ломайку в Ленкорани под надзором одного из товарищей. Тигренок повсюду искал своего хозяина и, не найдя его, лег на кухне на обычное свое место, не пил и не ел и через несколько дней умер от тоски. По всей вероятности, это очень редкий случай привязанности данного вида диких животных к человеку.

У нас была очень дождливая пасха, и грязь на немощеных улицах была ужасной. Однако, когда сюда 31 марта для инспекции батальона прибыл генерал-лейтенант фон Краббе, стояли уже теплые, погожие дни. Я со спутниками часто совершал прогулки по окрестностям: либо вдоль моря, прибой которого мы часто подолгу наблюдали, либо вдоль горной речушки Ленкоранки вверх по направлению к лесу. На этой речушке водилось много красивых уток, так называемых астаранских — от Астары, пограничной деревни между Персией и Талышем, где они обитают. Редко я видел таких красивых птиц, средней величины, имеющих столь совершенную форму. Так как мой дом находился недалеко от берега, ночью до меня часто доносился шум прибоя, но при этом приходилось слушать и неприятную музыку, т. е. кваканье множества лягушек, населявших большие лагуны. Каждую ночь я слышал жалобный крик то одного, то другого несчастного водяного жителя, который попадал в пасть змеи; чем глубже бедная лягушка проталкивалась в пасть своего врага, тем более испуганным и глухим становился ее крик. Ночью можно было также часто слышать жалобный крик шакалов, похожий на плач ребенка.

Так как мы знали, что Карелин не прибудет к началу мая на своем судне в Баку, было решено использовать часть апреля для поездки в горы и долины живописной провинции Талыш. Полковник Луценко был настолько любезен, что дал

нам переводчика, знавшего персидский язык, и проводника, а также вручил циркуляр ко всем местным начальникам с указанием принимать нас хорошо и оказывать содействие.

Эта красивая и плодородная страна была тогда поделена на восемь районов (махалов), или округов, а именно: Ленкорань, Себейдая, Мираркум, Аларск, Дрикх, Суван, Астара и Аргаван. Каждый махал имеет своего начальника, и каждая деревня — своего юзбаши*, или шултайса.

14 апреля мы покинули Ленкорань. В качестве проводников с нами ехали переводчик и пожилой перс Али Мешеди, получивший свое прозвище во время паломничества в Мешхед в Хорасане.

Мы ехали верхом вдоль морского берега, держась северного направления. Проехав деревню Ольховку, переправились через небольшую бухту Кумбаши и вечером, в 5 часов, прибыли в деревню Кизил-Агач, проделав 36 верст. Каким прекрасным охотничьим районом была вся эта местность! На воде, в камышах или кустарниках можно было видеть множество фазанов, бекасов, фламинго, широконосых гусей, морских чаек, диких уток, пеликанов и другую водоплавающую птицу. 15 апреля мы побывали на большом рыбном промысле (ватага) у Кизил-Агача, наблюдали за тем, как приготавливают икру, а также разделывают рыбу. Затем мы присутствовали на знаменитом празднике шиитов мохарреме[8], отмечаемом ежегодно в день смерти Хусейна. Я впервые находился на таком празднике в персидской деревне.

Сцены смерти и погребения Хусейна были представлены специально подобранной для этого праздника труппой актеров, и жители, а также мы были невольно растроганы тем пафосом, с которым игрался этот спектакль, равно как и громкими всхлипываниями и слезами, которые проливались при этом.

По преданию, Хусейн, сын Али (племянник Мухаммеда), окруженный и раненный врагами у Кербелы (на правом берегу Евфрата, недалеко от развалин Вавилона), находясь в окружении своих сыновей и надежной свиты, напрасно посылал одного за другим за водой, чтобы утолить мучительную жажду: каждый раз сына или верного слугу приносили на носилках назад — тут вся семья, женщины и дети, бросались к мертвому, чтобы оплакивать его. Особенно интересны были красивые деревенские девочки 6—10 лет с большими черными жгучими глазами и иссиня-черными волосами, ниспадавшими крупными локонами на плечи; они посыпали себе голову в знак скорби мелкой соломой (вместо золы) всякий раз, когда приносили на носилках такого мнимого мертвеца.

---

* Юзбаши — сотник. Здесь и далее — примечания редактора (за исключением особо оговоренных).

Роли женщин, которым запрещалось появляться на сцене, играли мужчины в женской одежде. В руках у каждого был лист бумаги с записанной на нем ролью, которую он читал с большим выражением и громкими причитаниями. Этот интересный спектакль показывается во всех городах и деревнях Персии больше недели; три года спустя я увидел его в Тегеране во всем великолепии.

Около полудня мы покинули Кизил-Агач, поехали на северо-запад через великую Муганскую степь, покрытую в это время года пышной зеленью. Летом это пустыня, кишащая змеями, которые, как гласит предание, мешали еще продвижению легионеров Помпея. Зимой в степи пасутся большие отары овец, пригоняемые кочевниками с гор Карабаха и Ардебита. Здесь они остаются до весны.

К вечеру мы приехали в Гёк-Тепе — лагерь донского казачьего полка, являющийся пограничным кордоном. Здесь нас гостеприимно принял майор Пантелеев. Его дом стоял в живописной долине с журчащими ручьями. В кустарниках раздавались трели соловья. Нам подали жаркое из фазана и другой дичи. После ужина мы долго сидели перед домом, любовались чудесной природой, наслаждались удивительной ночью. Майор Пантелеев, участвовавший в войне с 1812 по 1814 г., рассказывал о своих походах. Затем речь зашла об охоте, являвшейся его большой страстью и единственным развлечением в одиночестве. Он рассказывал об охоте на диких кабанов, которых здесь было множество, о тиграх, которые, как он сказал, время от времени приходят из лесов Талыша в Муганскую степь. Он упомянул об охотничьей сцене, свидетелем которой был. Однажды утром, после восхода солнца, он с несколькими казаками поехал охотиться на диких кабанов, но по делам службы завернул сначала к табуну своего полка, который пасся в степи, охраняемый верховыми казаками. Будучи еще далеко от табуна, он услышал дикий крик и увидел, как все лошади вдруг сгрудились в кучу и как казаки бросились преследовать кого-то на полном скаку с взятыми наперевес пиками. Пантелеев пришпорил коня и, приблизившись к табуну, с удивлением увидел, как огромный тигр нес на спине лошадь, которую задрал, и, держа одну ногу в пасти, трусил к кустарнику, чтобы перенести свою добычу в безопасное место. С громкими криками казаки преследовали его. Тут на пути хищника попалась глубокая, но не очень широкая яма. Так как он не мог с ходу перепрыгнуть ее с добычей, он перебросил ее резким движением головы через яму, перепрыгнул, снова закинул лошадь на спину и исчез в кустах, где казаки не могли его уже достать. «Если бы я, — сказал Пантелеев, — не видел эту сцену собственными глазами, то не поверил бы». Тигры, которые водятся в густых лесах Талыша, Гиляна и Мазендерана, — настоящие

бенгальские королевские тигры. Они достигают 6—7 футов в длину и $3^1/_2$ фута в высоту, имеют красивую полосатую шкуру и очень сильны. Подаренная мне тигровая шкура имела от конца морды до начала хвоста 7 английских футов, а вместе с хвостом — $10^1/_4$ фута.

16 апреля, после полудня, мы распрощались с нашим гостеприимным хозяином, который проводил нас до кургана, названного Стенькой Разиным, и поехали дальше. Это все еще была Муганская степь, изрезанная здесь глубокими оврагами и поросшая кое-где густым кустарником. К вечеру мы прибыли в лагерь кочевников (аул). Для ночлега нам приготовили войлочную кибитку, пол которой был покрыт коврами. Лагерь кочевников выглядел живописно: кибитки были разбросаны по широкой равнине; татаро-персидские женщины и девушки доили перед входом каждой кибитки овец; горело множество костров, на которых готовился ужин. Лагерь и стада охраняли большие степные псы, кидавшиеся со страшным лаем на чужих, приближавшихся к лагерю, и они могли бы разорвать любого, если бы пастухи не отгоняли собак палками и камнями.

На следующий день, рано утром, мы отправились в путь. Наша дорога пролегала по долинам и горам Талыша, вдоль склонов гор, частично поросших кустарником, а также по глубоким лесным оврагам, где пели и щебетали сотни соловьев и другие певчие птицы. Эти чудесные места могли бы дать художнику богатый материал для эскизов. Затем мы поднялись на горный хребет, поросший густым лесом. На земле гнило множество поваленных бурей или упавших от старости стволов деревьев, частично обвитых растениями-паразитами.

В 10 часов утра мы приехали в деревню Асед-Кенди, расположенную на речушке Адинабазар, по которой проходит граница с Персией. Мы уже проделали 25 верст и остановились здесь на несколько часов, чтобы накормить лошадей и переждать сильную жару. Затем поехали дальше, по живописной пересеченной горной местности, вдоль глубоких оврагов. По дороге часто встречались семьи кочевников, перебиравшиеся со своим имуществом и скотом из зимних жилищ (кишлаков) на равнине в горы, чтобы остаться там на жаркое время года. Женщины и девочки обычно ехали верхом на быках, которые везли домашний скарб, кухонную утварь, войлок для кибиток, а также решетки и жерди. Мужчины и мальчики ехали верхом или шли пешком, а за ними следовали многочисленные собаки, охранявшие стадо. Интересно наблюдать, как весной кочевники покидают равнину и поднимаются в горы, а осенью с детьми и скарбом снова спускаются с гор в долины и на равнины. Это зрелище невольно напоминает картины Ветхого завета, так как обычаи и привычки кочевых народов на Востоке, по существу, оста-

лись те же, что и во времена Авраама и Моисея. Как часто мы видели молодых девушек, выходящих вечером и утром из кибиток с кувшинами на плече, чтобы набрать воды в соседнем ручье; кувшины имели такую же форму, как и во времена Моисея. Высокие, стройные, с пылким взглядом, красивыми черными глазами и густыми темными локонами, эти девушки ходят здесь без покрывала. Мы переночевали в живописной деревне Арус, расположенной на краю глубокого ущелья. Сегодняшний переход в 50 верст всех утомил.

Так как всю ночь лил дождь, мы отправились в путь лишь 18 апреля, в 10 часов утра. Поехали вдоль бурного ручья Кизил-Агач, переправились через него и очутились в одном из красивейших районов Закавказья. Нашему взгляду открылись прекрасные долины и холмы, поросшие лесом. Крутая горная тропа привела нас к ручью Дрик-Чай, через который мы переправились, чтобы переночевать в деревне Дженгеделан, оставив позади 25 верст. 19 апреля мы продолжили путь вдоль вышеупомянутого ручья, через который неоднократно переправлялись. Тропа шла то вверх, то вниз, до речушки Ленкоранка, затем мы поехали через густой лес, где уже цвели дикие фруктовые деревья. Недалеко от деревни Дженгемирам мы пересекли красивую глубокую долину. Здесь мы отдохнули, затем поднялись в долину Дзевант-Чай, проехали меж причудливых скал и вдоль крутых склонов и к вечеру добрались до деревни Ховур, в окрестностях которой осмотрели руины старой крепости. Множество ручьев орошало великолепную долину, живописно расположенные мельницы были наполовину скрыты в густом кустарнике и окружены цветущими фруктовыми деревьями. Талыш во всех отношениях — настоящий рай.

20 апреля мы поднялись вверх по склону горного хребта, вершина которого была покрыта снегом. С одной из площадок нам открылся удивительный вид на гору Савалан высотой 15 792 фута в Азербайджане (Персия) и крепость Ардебиль. Затем мы поднялись в долину Рвару, проехали по ней 15 верст, по узкой скалистой тропе и между лысых горных вершин, и к вечеру прибыли в деревню Рвару. Здесь мы переночевали в персидском доме, в котором жила старая седая женщина. Ей было 116 лет, и она помнила еще времена Надир-шаха[9]. От старости она согнулась крючком, но ходила еще бодро и была веселой в кругу своих праправнуков.

21 апреля мы ехали по склонам гор и попали в настоящий девственный лес. Преодолели 15 верст по скользким, размытым тропам и ужасной дороге, усеянной поваленными деревьями, добрались до долины Ленкоранки, которую пересекали трижды, увидели там на влажной почве следы тигра, а затем снова попали в прекрасную долину, где переночевали в деревне Сиа-Али. Эта деревня была разбросана по лесу и

состояла из домов, крытых соломой, с широкими верандами. Наличие множества тутовых деревьев с короткими стволами и ветками свидетельствовало о том, что здесь занимаются шелководством. Все фруктовые деревья (вишня, инжир, персик, айва, орех, миндаль и т. д.) были в полном цвету. В лесном кустарнике всю ночь напролет слышались трели соловья. Навсегда запомнилась мне эта замечательная ночь под звездным небом. Мы спали á la belle étual * на открытом со всех сторон деревянном сооружении в два-три ярда, на которое поднимаются по лестнице. Подобное сооружение для ночлега как нельзя лучше спасает от комаров, если к тому же разжечь под ним костер, дым которого их разгоняет. Мы находились здесь в то время года, когда комаров еще не было.

22 апреля мы отправились дальше. Наш путь пролегал через густой лес, затем вдоль высокой горной гряды, внезапно обрывающейся с левой стороны и переходящей в живописную глубокую долину. Отсюда нам открылся великолепный вид на эту долину, которая приобрела для нас двойной интерес тем, что здесь разыгралась сцена, которую никто из нас никогда еще не видел. Наш проводник Мешеди Али внезапно придержал лошадь, показал своей короткой нагайкой в долину и сказал мне: «Смотри, сахиб (господин), там внизу тигрица со своими детенышами». И действительно, примерно в 600—700 саженях под нами в тени скал сидела на задних лапах бенгальская тигрица. Впечатление было такое, что она любуется возней двух своих малышей, игравших, как котята, и делавших тысячи прыжков. Мы долго с интересом наблюдали с нашего безопасного места за этой игрой, затем снова направились в долину Ленкоранки, которую пересекли дважды, продолжили свой путь сквозь великолепный лес до каменоломен Балабура, где добывался известняк для крепости Ленкорань. Отсюда мы сделали крюк через густой лес к горячим серным источникам, располагавшимся в красивом ущелье и окруженным густым лесом. Температура в источниках, которых было три, была равна 34—35° по Реомюру. Мы с истинным наслаждением искупались в одном из них. Сторож рассказал нам, что каждое лето сюда присылают много больных солдат Ленкоранского батальона. Раз в неделю им привозят продукты. Однажды в прошлом году (1835-м), продолжал сторож, нагруженная продуктами упряжка волов проезжала по селу, и тут из чащи медленно вышел тигр и стал следовать за подводой на расстоянии нескольких сотен шагов. Когда подвода миновала деревянный мост, в трех верстах от источников, он исчез в кустарнике. Бедный возница был все это время ни жив ни мертв. Он сообщил о своем приключении коменданту, который сначала

---

* Под открытым небом (фр.).

не придал ему никакого значения, посчитав эту встречу за случайность, но, поскольку это стало повторяться все чаще, с возницей были отправлены три хороших стрелка, которые при появлении тигра, следовавшего, как обычно, на расстоянии, убили его, освободив тем самым возницу навсегда от страха.

Отдохнув немного в этой живописной долине, мы поехали обратно в Ленкорань через прекрасный лес.

Мы провели в этом чудеснейшем уголке земли девять дней.

8 мая были именины нашего друга инженер-капитана Николая Горбачевского. Он устроил пикник в живописной долине Балабур, в 7 или 8 верстах от крепости. На празднество было приглашено все уважаемое мужское общество, и мы провели целый день на открытом воздухе. Под огромным ореховым деревом был разостлан большой ковер, уставленный всевозможными яствами. Бивший из соседней скалы холодный ключ служил нам для охлаждения вина и шампанского. В перерывах между едой мы осмотрели принадлежавшие одному армянину плантации американского табака, английского хлопчатника и сахарного тростника. Владелец водил нас повсюду и рассказывал о своих плантациях. В этом замечательном климате вызревает все, за исключением сахарного тростника, из которого хозяин делает некий сорт рома, так называемый Везу, представляющий собой выжатый и перебродивший сок.

13 мая из Баку за нами пришла наконец расшива (крытая барка) «Святой Василий», так как экспедиционное судно «Святой Гавриил» уже прибыло туда из Астрахани. Мы распрощались с друзьями и поплыли к месту назначения, увозя с собой из этого рая приятные и незабываемые воспоминания. В последние дни нашего пребывания здесь в Ленкорань приехала депутация молокан (секта русских протестантов), присланная из России своими братьями по вере, чтобы выбрать место для поселения в Талыше. В России в то время эта секта была запрещена, поэтому они переселялись преимущественно на Кавказ. Много их деревень выросло в живописных местах. Трудолюбивые и мирные по своему характеру, они скоро стали зажиточными и ладили даже с воинственными лезгинами. Такие деревни молокан возникли и в Талыше, и я узнал позже, что их жители довольны своей судьбой.

Мой путевой журнал во время экспедиции в Туркмению и мое описание Астрабадского залива, восточного побережья Каспийского моря и его жителей были в свое время опубликованы на русском языке в IV книжке «Записок Императорского Русского географического общества» (1850). Здесь я ограничусь лишь кратким обзором этого интересного путе-

шествия, которое состоялось за 27 лет до путешествия Вамбери [10], который, как и я, вышел из Астрабадского залива в направлении Гасан-Кули. В экспедицию, которая должна была посетить и описать восточное побережье Каспийского моря от Астрабадского залива до мыса Тюб-Караган, входили: начальник экспедиции коллежский асессор Карелин, я, корпуса горных инженеров поручик Фелькнер, врач Заблоцкий, прапорщик Масляников, штурманы Васильев и Муравин, топограф Ульянов, набивщик чучел, художник Жерновой, два переводчика и писарь.

Экипаж состоял из 20 астраханских и 20 уральских казаков, 4 артиллеристов, 18 вольных музуров (матросов) и 3 денщиков; всего на обоих судах находилось 74 человека. Двухмачтовое судно «Святой Гавриил» было вооружено тремя 3-фунтовыми пушками и одной 10-фунтовой, несколькими фальконетами; имелись боеприпасы, порох и, наконец, провиант на 15 месяцев. Так как у нас был приказ устанавливать торговые контакты с туркменскими племенами, мы взяли на борт много товаров, а также подарки для влиятельных туркменских начальников и старейшин (аксакалов), чтобы расположить их к себе.

18 мая 1836 г. мы вышли под парусами при свежем северо-восточном ветре из порта Баку и прошли острова Нарген и Вульф.

20 и 21 мая дул слабый ветер, а то и вовсе наступал штиль, так что мы медленно продвигались в восточном направлении. Опущенный в воду лот показал 80 саженей под килем. Во время нашего плавания по Каспийскому морю до его восточного побережья верхняя палуба нашего «Гавриила» представляла собой любопытное зрелище. Часть ее была покрыта растениями, собранными в Талыше, в окрестностях Баку и на горе Бешбармак. Растения были разложены на бумажных листах для сушки. Один накалывал булавкой жуков и бабочек, которых помещали в специальные коробочки; другой промывал змей и ящериц, чтобы положить их в спирт, или набивал чучела птиц; третий занимался чтением, ибо мы имели на борту хорошую библиотеку, в которой были как книги, касавшиеся непосредственно нашего путешествия, так и новейшие сочинения по географии, минералогии, естественным наукам и т. д.

На судне находился маленький зверинец из овец и кур, а также нескольких собак и кошек — последние для истребления крыс, которые водились в трюме, где были сложены мешки с мукой, и которые позже прогрызли даже отверстия в стенках корабля.

Для защиты от палящих лучей солнца днем над палубой натягивался тент. В штиль казаки купались в море, а мы — в опущенном в море парусе. Вообще, приняты были все меры

для обеспечения здоровья людей и содержания корабля в чистоте. Экипаж ежедневно получал свежую баранину или рыбу, а также свежевыпеченный пшеничный хлеб. Казаки и матросы сохраняли бодрость и жизнерадостность и, если позволяло время, устраивали по вечерам игры и пели.

В 1836 г. на Каспийском море еще не было пароходов. Расстояние от Баку до восточного побережья моря, которое теперь на пароходе можно преодолеть за 12—15 часов, мы проделали при слабом ветре или почти в штиль за пять дней. Лишь 24 мая мы увидели восточное побережье, но из-за встречного ветра должны были весь день лавировать и медленно продвигались вперед. Вечером на верхней палубе появились комары — признак того, что земля близко.

25 мая, на рассвете, мы отчетливо увидели слева Красноводский залив, за ним вдали — Балханские горы, а справа — желтый песчаный берег Нефтяного острова (Челекен). С восходом солнца все исчезло в дымке и тумане, виден был лишь один Челекен. Из-за безветрия мы вынуждены были бросить якорь. После полудня подул сильный северо-западный ветер, и мы быстро поплыли вдоль вышеупомянутого острова. Термометр показывал +25° в тени. Вечером встали на якорь напротив западного берега полуострова Дервиш.

26 мая, рано утром, отправились в баркасе на берег. Прибой был таким сильным, что казаки вынуждены были спуститься в воду и поддерживать баркас с обеих сторон, чтобы его не опрокинули волны. На этом унылом, песчаном и бесплодном берегу мы встретили лишь нескольких кочевников, которые пасли тощих верблюдов. Мы расспросили их о местопребывании туркменского старейшины Киат-бека, который еще в 1819 г. сопровождал в Хиву капитана Муравьева, собрали несколько солончаковых растений и вернулись обратно на «Гавриил», невольно искупавшись в волнах прибоя. Здесь уместно сказать, что наши уральские казаки были замечательными моряками, а также стрелками, почти все понимали татарский язык, некоторые из них имели кое-какие познания о растениях и насекомых, приобретенные в прежних экспедициях с Карелиным, двое весьма хорошо набивали чучела птиц.

Прибыв на корабль, мы снялись с якоря, взяли курс на юг, оставив справа банку Тюленью, и вечером прибыли к северо-восточному побережью острова Огурчинского, по-туркменски Айдак, куда заранее направили наше разъездное судно «Василий». 27 мая мы сошли на берег. Жара была невыносимой, а сыпучий песок, большей частью покрывающий остров, жег, так сказать, сквозь подошвы сапог. Мы пересекли остров, который тянется с юга на север на 35 верст, а в ширину — на 2 версты. Разрыв песок на глубину в $1\frac{1}{2}$ аршина, мы нашли чистую пресную воду. Карелин собирал

растения и жуков, казаки настреляли много маленьких куликов, которые были совсем не пугливы и десятками летали вперед и назад за волнами прибоя, склевывая выбрасываемых на песок насекомых и т. д. Жаркое из них получилось очень вкусное. После обеда мы искупались в море, дно которого состояло из мягкого мелкого песка. Затем мы разбили палатку и провели ночь на берегу острова. 28 мая, утром, казаки поймали четырех овец, стадо которых паслось здесь без присмотра, равно как верблюды и небольшой табун лошадей. Жителей мы не обнаружили. Подстрелив еще несколько уток, куликов и одного фламинго, мы покинули остров. Посыльное судно присоединилось к нам. Снявшись с якоря, мы направились далее на юг при свежем северо-западном ветре со скоростью $7^1/_2$ узла.

29 мая низменное, северо-восточное побережье не просматривалось; виден был только Белый бугор, напротив которого из-за слабого ветра мы вынуждены были стать на якорь. Качка была настолько сильной, что невозможно было что-либо делать. Так продолжалось 48 часов, и лишь 31 мая, рано утром, мы смогли продолжить наш путь. Белый бугор имел форму продолговатой усеченной пирамиды. Берег — очень низменный и ровный, покрытый низким кустарником; мы смогли приблизиться к нему на нашем судне только на расстояние 8 верст. В 4 часа пополудни мы бросили якорь против бухты Гасан-Кули, куда впадала река Атрек. На рейде стояли три судна, принадлежавшие астраханскому купцу Герасимову и занимавшиеся здесь рыбной ловлей. Некоторое время спустя нас навестили сыновья вышеупомянутого туркменского старейшины Киат-бека — Яхши-Мамед и Хадыр-Мамед. С ними пришли несколько старейшин, которые жили со своими семьями в войлочных хижинах, разбросанных вдоль берега бухты Гасан-Кули. Мы их приветствовали пушечными выстрелами, роздали им подарки, угостили чаем и конфетами, а вечером, перед их отъездом на берег, выпустили несколько ракет, что привело их в неописуемый восторг, потому что они ничего подобного не видели. Яхши-Мамед, старший сын Киат-бека, был воспитан в Тифлисе (куда его доставил полковник Муравьев после путешествия в Хиву). Он бегло говорил по-русски и имел некоторое образование.

1 июня, в 3 часа дня, мы снялись с якоря и взяли курс на северо-восток. Ветер был слабый. К вечеру в далекой дымке показалась горная цепь Эльбурс, которая тянется вдоль всего южного побережья Каспийского моря. Восточное побережье моря очень мелкое, к нему нельзя подойти на судне.

2 июня, на рассвете, во всем блеске перед нами предстали Астрабадские горы. Восходящее солнце осветило вершину горы Гёздаг, которую окутывали белые как снег клочья тума-

на, а также легкие облака. Над глубокими долинами и ущельями в лучах солнца клубился туман. Постепенно туман, окутывавший поросшие лесом склоны гор, стал рассеиваться, и нашим взорам начала открываться одна картина прекраснее другой. Вид этого великолепного ландшафта радовал нас еще и потому, что мы в течение 18 дней не видели ничего, кроме однообразной пустыни моря и низких песчаных берегов восточного берега, островов Челекен и Айдак.

Рано утром термометр показывал уже 18° в тени. Мы взяли направление на восток-юго-восток, чтобы войти в Астрабадский залив. Наш баркас шел впереди, чтобы делать промеры глубин, и в 2 часа пополудни мы бросили якорь в прекрасной просторной бухте между устьями речушек Багу и Карасу (Черная речка). Казаки, посланные на нескольких лодках на берег, возвратились вечером с цветущими ветвями гранатового дерева и убитой белой цаплей.

3 июня поручик Фелькнер отправился с 25 вооруженными казаками на берег, чтобы провести геологическое исследование Мазендеранских гор. Мы проводили их до устья Багу, осмотрели местность и полюбовались прелестной картиной здешней природы. Темная зелень гранатовых кустарников вспыхивала ярко-красными цветами. На каждом шагу встречались огромные, обвитые виноградными лозами смоковницы, тутовые, ореховые и другие деревья. На плодородной почве росли всевозможные растения. На берегу мы увидели плантации хлопчатника, а еще больше — находившиеся сейчас под водой рисовые поля, испарения от которых вредны для здоровья. 4 июля я отправился на лодке вверх по течению Карасу, произвел ее топографическую съемку на протяжении около 3 верст, но дальше этому занятию помешал повстречавшийся на моем пути высокий камыш: воздух в зарослях камыша был душный. Ближе к полуночи вернулся поручик Фелькнер.

5 июня я вместе с топографом и 15 казаками отправился на остров Ашур-Ада, чтобы произвести его топографическую съемку. Длина береговой линии острова, частично поросшего камышом, — 2 версты. Здесь мы обнаружили гранатовые кусты. Казаки вырыли в песке несколько неглубоких колодцев, в которых показалась пресная вода. Мы спали под москитными сетками из муслина, однако мириады комаров не давали нам покоя, и мы поспешили рано утром закончить съемку острова и обеих его песчаных банок (западной и восточной) и вернуться на судно. Этот остров был вскоре превращен в главную базу нашей флотилии на Каспии с целью охраны прибрежных жителей от нападения туркмен со стороны Персии. Сейчас здесь построены дома, растут сады.

Тем временем топограф производил съемку берега между реками Карасу и Сермелле, а я расспрашивал прибывшего

к нам недавно в гости Яхши-Мамеда. Он рассказал много интересных подробностей о племенах йомуд, гёклен, теке и других туркменских племенах, а также об их местопребывании. 8 июня мы собирались объехать Астрабадский залив, чтобы описать его. Все было уже готово, когда к нашему судну пришвартовался в своеобразной лодке-долбленке (кулас) туркмен и подал нам записку от нашего консула в Гиляне А. Ходзько [11], в которой он просил нас о встрече. Карелин и я тотчас же отправились в лодке в персидский порт Сенгир, на речушке Карасу, и взяли на борт консула. С ним на наш корабль отправился Мохаммед Исмаил-бек, брат губернатора провинции Астрабад. Являясь оруженосцем его персидского величества, он, хотя и был магометанином, выпил у нас один целую бутылку портвейна. После обеда мы проводили их на берег, а пушки «Гавриила» отсалютовали им тремя залпами. Мохаммед Исмаил-бек от выпитого вина, закусок и подаренных ему трех хрустальных бокалов пришел в такой восторг, что в порыве чувств подарил начальнику экспедиции всю Персию. Стремясь выразить свою благодарность, он все время приставал к нам, чтобы мы потребовали от него что-либо невозможное, а он исполнил бы наше желание. Однако эта благодарность ограничилась 50 огурцами, которые он прислал нам на следующее утро. Когда А. Ходзько прощался с нами, он просил встретиться в Энзефе, знаменитой летней резиденции шаха Аббаса Великого [12].

9 июня мы на трех лодках отчалили от «Гавриила», чтобы начать путешествие по заливу. Нас сопровождали Яхши-Мамед и еще четыре туркмена. Мы направились к устью Багу, искупались там и отплыли на запад вдоль берега, мимо устьев речушек Сердэк и Сермелле до речушки Гезд. Здесь сделали остановку. Затем направились дальше, мимо устьев речушек Ливан и Дьяр (последняя образует границу между провинциями Астрабад и Мазендеран). Заночевали на берегу речушки Галига, а 18 июня утром осмотрели окрестности. По рассказам местных жителей, 20 лет назад море занимало всю низменность от нынешнего берега до цепи холмов, простирающихся по правому берегу Галиги. Выше виден холм, носящий название Гирей-Дюгюн. Здесь можно увидеть еще остатки батарей, построенной графом Войновичем [13] в 1782 г., когда он во главе русской флотилии стоял в Астрабадском заливе. Бóльшая часть побережья занята здесь рисовыми полями. Вода в речках плохая, так что мы вынуждены были брать воду из колодцев далеко от берега.

Мы поплыли дальше к устью Ширшери. Здесь на сочной траве паслись сотни буйволов. Они принадлежали губернатору Мазендерана Мирзе Мамед-хану, который посетил нас вечером и преподнес несколько баранов, огурцы, буйволиное молоко и два больших куска льда. Мы отдарили его несколь-

кими красивыми хрустальными стаканами, и он обещал нам прислать на следующее утро верховых и вьючных лошадей, а также проводника для поездки в горы.

11 июня, рано утром, в сопровождении 15 пеших казаков мы отправились в горы. До деревни Сераджи, расположенной у речки того же названия, мы проезжали по полям, засеянным пшеницей, частью уже скошенной. Затем пошли фруктовые сады. За околицей мы поднялись вверх по крутой тропинке. Вид с высоты на море и побережье с разбросанными селениями, садами и полями был прекрасен. Мы продолжали подъем через густой лес, как вдруг обрушился сильный ливень, промочивший нас до нитки и вынудивший вернуться обратно в селение. В то время как в горах лил дождь, в долине не выпало ни одной капли. Северный склон Эльбурсских гор покрыт густым лесом; могучие дубы, бук, клен, железное дерево и многие другие, которые могли бы быть замечательным строительным материалом. Растительность здесь вообще чрезвычайно пышная. Прибыв в деревню, чтобы обсушиться, мы заметили, что персидские женщины и девушки убегают при нашем появлении. Однако, когда мы стали раздавать им маленькие подарки, например зеркальца, иголки, ножницы и т. д., они стали смелее и принялись рассматривать нас с большим любопытством, так как мы были первыми русскими, посетившими их деревню. Вечером мы вернулись в наш лагерь в устье Ширшери, где нам ночью не давал спокойно спать жалобный вой шакалов.

12 июня, на рассвете, мы поплыли дальше на запад, чтобы продолжить описание побережья, миновали устья рек Сургуджу и Келек и остановились к полудню у устья реки Шагил, где и расположились лагерем. Мы тотчас же отправили переводчика Абдуллу вместе с несколькими туркменами с письмом к нашему консулу в Эшреф, чтобы предупредить его о нашем прибытии и закупить хлеб и другие продукты. Тем временем казаки убили двух диких кабанов.

13 июня, рано утром, Абдулла привел пять лошадей и столько же мулов с проводниками. Появление туркмен всполошило жителей Эшрефа, потому что они приняли их за врагов или лазутчиков. Для охраны лагеря мы оставили нескольких казаков, а сами отправились в путь. Пять верст ехали среди рисовых полей, затем дорога привела нас в лес, который простирался вплоть до Эшрефа. Лес был великолепен. Здесь росли гранатовые, инжировые, тутовые и другие деревья, вокруг которых обвивались необыкновенно крупные и толстые виноградные лозы.

Эшреф (Ашреф) — небольшое селение, построенное из кирпича-сырца. Дворовые постройки и стены-изгороди сделаны из того же материала. Сверху на них растет трава, или они покрыты соломой для защиты от частых дождей. Дома от-

делены друг от друга фруктовыми садами и утопают в пышной зелени или совсем скрываются между фруктовыми деревьями. Дворцы, сложенные из обожженного кирпича, окружены стеной, подобно крепости. Таков и дворец Сефиабад, стоящий отдельно на холме, к западу от селения. Дворцы расположены у подножия невысокой, но крутой горы, поросшей густым лесом. Кристально-чистая вода с горы течет в главный бассейн перед большим павильоном, в котором нас принял консул А. Ходзько и в котором мы ночевали. За стеной я насчитал пять дворцов и павильонов; посреди находится большой павильон; выше его, ближе к склону горы, по длинному руслу неглубокой канавы проведена вода в главный бассейн. Она переливается с уступа на уступ и протекает через середину большого павильона. Отсюда открывается великолепный вид на залив и полуостров Потемкин с его деревьями, возникающими будто из тумана. Во втором дворце живет правитель (хаким) Эшрефа. Третий дворец называется Серд-Аб (Холодная вода). Отсюда вода направляется во все каналы парка, которые перекрещиваются. Это лучший дворец из всех, но и самый ветхий. Четвертый дворец находится ближе к горе. Наконец, пятый, слева, — самый большой, гарем. Его стены выходят на улицу, разумеется, без окон. Фасад этого дома очень красив, хотя и не оштукатурен.

Как говорилось выше, все дворцы построены из обожженного кирпича, выложенного красивым орнаментом; высокие арки облицованы глазурованным кирпичом и расписаны яркими узорами.

Дворцы Эшрефа были построены шахом Аббасом Великим (персидским Людовиком XIV) 200 лет назад. Тогда эти дворцы и сады были достойны своего создателя. Сто лет назад они были почти уничтожены пожаром и восстановлены печально известным завоевателем Дели — Надир-шахом. Некоторые дворцы были перенесены в другое место, но уже не было той роскоши и того вкуса, которые были характерны для Аббаса Великого. Тем не менее даже руины и сегодня еще прекрасны. Их красоту подчеркивает и окружающая великолепная природа. Кипарисы, кедры, лимонные деревья, гранатовые кусты, тополь, бук, вяз, орешник и фиговые деревья посажены либо аллеями, либо островками и теряются в темной зелени леса на склоне горы. Темно-зеленые стройные кипарисы стоят словно часовые вдоль каналов, края которых окаймлены белыми мраморными плитами, в которых видны еще отверстия, куда вставлялись факелы, чтобы освещать сады вечером во время празднеств шаха Аббаса. Другие кипарисы отражаются в воде бассейна. Ярко-красные цветы оттеняют темную зелень гранатовых кустов. На их фоне видны полуразрушенные дворцы с полукруглыми рез-

ными окнами, в которых блестят осколки разноцветных стекол. Их полуразрушенные изразцовые своды, в трещинах которых уже растут гранатовые и фиговые кусты, как будто парят на фоне голубого неба, и из руин на землю спускаются виноградные лозы. Все это так живописно! Прибавьте еще воздух, напоенный ароматом, синий свод неба и месяц, льющий свой магический свет на всю округу. Должен признаться, что никогда раньше не видел ничего более прекрасного, чем сады и руины Эшрефа в июньскую ночь, которая никогда не забудется.

Персы и нынешние жители этих мест не умеют ценить этот рай, руины не представляют для них ценности. Во дворце, где находится главный источник, средний купол упал в бассейн. Куски кирпичей и изразцов запрудили выход из бассейна, так что кристально-чистый ручей должен пробивать себе дорогу в обломках. Сверкая в лучах солнца, он пропадает в гранатовых кустах, где соловей поет свою грустную песню, как будто сожалея о прошлом этих дворцов. Все изменилось. Там, где в большом бассейне, напротив первого павильона, когда-то перед шахом Аббасом купались красавицы гарема, радовавшие его взгляд, теперь устраивают свои концерты лягушки. В самом гареме теперь стойла ишаков и пол усеян миллионами блох. Дворцовые залы, стены которых раньше украшали изречения из Корана, теперь исписаны автографами приезжих.

Мы расположились на ночлег в большом павильоне, открытом со всех сторон, недалеко от ручья, журчание которого перебивалось кваканьем лягушек. Перед тем наш консул угостил нас замечательным ужином в персидском вкусе. Нам предложили крепкое вино из Шираза и кальян. Была чудная ночь, и я еще долго сидел у края ручья и, размышляя о бренности всего прекрасного на земле, наслаждался видом окрестностей, купающихся в лунном свете.

14 июня мы встали с рассветом, позавтракали и отправились в верхний дворец Сефиабад. Он находился в лучшем состоянии, чем уже упоминавшиеся, потому что в нем однажды останавливался Фатх-Али-шах (умерший в 1835 г.) [14] и к его приезду он был немного приведен в порядок. Вид с балкона третьего этажа открывался чудесный. Астрабадский залив со всеми извилинами, бухтами и косами был виден как на ладони, а дальше к северу простиралось Каспийское море; слева возвышались отроги Мазендеранских гор, а позади нас в густой зелени лежали руины Эшрефа.

В 10 часов наш гостеприимный хозяин А. Ходзько, которого мне снова доведется увидеть через два года в Тегеране, простился с нами, и мы вернулись в Эшреф, где уже были приготовлены лошади и мулы, чтобы доставить нас в лагерь Шагил. Во время нашего отсутствия Муриган с топографом

произвели съемку остальной части залива, а также определили глубину вдоль полуострова Потемкин. Свежий северо-западный ветер наполнил наши паруса, так что мы уже к вечеру были на борту своего судна.

В оставшиеся дни июня у нас побывали в гостях некоторые персидские ханы из окрестностей. Наш живописный лагерь был разбит в устье Багу. Казаки собирали хворост, готовили сухари; в бочки набиралась свежая вода; судно приводилось в порядок.

Вся коллекция жуков, бабочек и растений была просмотрена, приведена в порядок и уложена в ящички. Наш художник сделал много набросков Эшрефа, а также эскизы портретов посещавших нас персов и туркмен. Почти каждую ночь в силки, расставляемые казаками в лесу, попадались дикие кошки, барсуки или шакалы.

25 июня, день рождения царя, мы отпраздновали на берегу Багу как нельзя лучше. Было устроено соревнование по стрельбе среди казаков, и лучший стрелок получил денежную премию. Во время обеда мы пили за здоровье царя под грохот пушек, и, может быть, впервые с 1782 г. эхо выстрелов раздавалось в Мазендеранских горах [15].

В последние дни месяца я занимался главным образом сбором сведений об обычаях, привычках, торговле и ремеслах туркменских племен и жителей провинций Астрабад и Мазендеран. Наш консул А. Ходзько передал мне, кроме того, статистические и географические данные о Гиляне и Мазендеране, так что я располагал теперь значительным материалом для описания этих земель.

3 июля в наш лагерь приехал из Наукенда Гамзат-хан. В 1827 г. он был взят в плен в Эривани [16], прожил восемь месяцев в Тифлисе, а в 1833 г. сопровождал по приказу Аббас-Мирзы [17] известного английского путешественника Бернса [18] из Кучана (в Хорасане) до границы расселения туркменских племен, так как к тому времени был правителем племени гёклен. Теперь он был хакимом Наукендского округа (махала). Он обещал дать нам лошадей и проводника, чтобы совершить еще одну поездку в горы, с условием, что наш врач поедет к нему, чтобы оказать помощь одной из его жен.

Мы воспользовались этим приглашением. Доктор Заблоцкий, Фелькнер, я и переводчик Абдулла с 10 казаками запаслись барометром и отправились на заходе солнца на баркасе к устью речки Чебекенд, где и заночевали в баркасе. 4 июля, на рассвете, мы отправились в село Наукенд, находившееся в 5 верстах от берега. Гамзат-бек и его младший брат Сефихан встретили нас дружески. Врача с переводчиком проводили в гарем, а мы тем временем осмотрели селение, насчитывавшее 1000 домов, которые утопали в садах и пышной лесной растительности. В час дня врач закончил свое дело,

и наши любезные хозяева дали нам несколько своих верховых и вьючных лошадей.

Из Наукенда, через который протекает речушка того же названия, мы по полого поднимавшейся тропе поехали в горы. Долина была покрыта фруктовыми деревьями, лесом и мимозой, усеянной пурпурно-красными цветами, а также папоротником такой высоты, что всадников не было видно. Сильный запах от папоротника вызвал у некоторых из нас головную боль. Первое барометрическое наблюдение мы провели в селе Банюш-Тепе, в котором насчитывалось 30 дворов; оно располагалось у самого подножия гор, на речке Малекастель. Во время нашего отсутствия Карелин проводил днем в устье Багу каждые полчаса барометрические наблюдения, чтобы затем сравнить их с нашими данными. От вышеупомянутого селения начинался подъем в гору через густой лес, и мы с трудом выбрались на дорогу, ведущую из Наукенда через горы в Хезар-Джериб, на южную сторону Эльбурса. Дорога пролегала все время по густому лесу, и мы три раза пересекали каменистые русла бурных лесных потоков. Затем мы ехали вдоль крутого берега большого ручья, который впадает в Наукенд. Ручей протекает в глубоком ущелье, так что его шум едва доходил до наших ушей; самого его не было видно.

В 4 часа мы провели второе барометрическое наблюдение. Чем выше мы поднимались, тем дорога становилась круче, небо начало затягиваться облаками.

На горе Дюкесар мы любовались чудесным видом, открывшимся в сторону севера. Вся равнина вокруг Астрабадского залива, носящая название Энезан-Чом, лежала у наших ног; сам залив, полуостров Потемкин, остров Ашур-Ада и Каспийское море представляли великолепную панораму. Густые леса около берега казались темными пятнами, среди которых выделялась светлая зелень рисовых полей и лугов. Над деревнями курился дымок, в легких облаках садилось солнце, и на землю опускалась вечерняя прохлада. Здесь, на горе Дюкесар, мы провели третье барометрическое наблюдение. Заночевали мы под столетним буком, густая листва которого укрыла нас от дождя. Мы спали на голой земле, и у нас не было ничего, кроме сухарей и капельки рома.

5 июля, в 4 часа утра, мы снова стали подниматься по крутой и грязной тропе. Лошадей оставили и карабкались вверх по узкой тропе вдоль хребта Люссар, между двумя пропастями. Справа в глубине шумел поток Абра-Чешме, слева находился обрыв, такой крутой и глубокий, что не слышно было шума воды. С трудом мы добрались до истока Абра-Чешме. Здесь в $7\frac{1}{2}$ часов утра мы провели последнее барометрическое наблюдение. Туман закрывал ущелья и медленно поднимался вдоль горного хребта. По нашим подсче-

там, мы находились на высоте в 3420 саженей * над уровнем Каспийского моря. Мы не рискнули подниматься выше из-за крутизны тропы, а также из-за боязни разбить барометр. Мы начали спускаться, несколько раз падали и в 9 часов достигли лагеря, где заночевали. Утром продолжили спуск, взяв лошадей под уздцы, и в 2 часа прибыли в Наукенд. Гамзат-хан дал нам свежих лошадей, и наши казаки покинули деревню с песнями под аккомпанемент тамбурина. На звуки песни из домов выбегали женщины и девушки; они провожали нас до околицы, глядя с удивлением и с улыбкой, так как никогда еще не встречали русских.

В 4 часа мы погрузились в лодку и в 6 часов вечера прибыли в лагерь на реке Багу.

В течение последующих дней мы готовились к отъезду. Хадыр-Мамед уехал раньше в Гасан-Кули, расположенный в устье Атрека, чтобы известить о нашем скором приезде своего престарелого отца Киат-бека. Наше пребывание в Астрабадском заливе, в который впадают 30 речек и ручьев, продолжалось более пяти недель. Погода была большей частью хорошей, небо — ясным, хотя в горах часто шел дождь. Направление ветра было всегда постоянным: ночью с гор (южный ветер), днем с моря (восточный ветер). На якорной стоянке не ощущалось ни малейшей качки. Днем жара не превышала 24° по Реомюру в тени, а ночью не опускалась ниже 18°. На берегу жара была сильнее и в тихую погоду становилась невыносимой, особенно в начале июля, когда начал цвести хлопчатник. В последние дни нашего пребывания здесь заболело несколько казаков, не от тяжелой работы или плохой пищи, а, вероятно, вследствие жары. Питание наше было хорошим. В летний период, когда отары овец перегонялись в горы, мы покупали у местных жителей или туркмен быков. Хотя мясо и хранили в ямах, больше двух дней его нельзя было держать. Наш врач быстро поставил больных на ноги, и мы покинули прекрасный Астрабадский залив в ночь с 11 на 12 июля. Ветер был слабый, и мы медленно плыли на север и лишь в полдень оказались в районе Серебряного бугра (Гюмюш-Тепе), где бросили якорь в 7 верстах от берега.

Мы послали на берег переводчика Абдуллу в бударке (легкая лодка), чтобы он приготовил войлочную юрту и дал сигнал, когда все будет готово. В 3 часа сигнал бы подан, и мы в двух лодках с 20 вооруженными казаками отправились на берег. Так как у берега было очень мелко, мы вынуждены были остановиться в 30 саженях от него. Толпа полуголых мальчишек бросилась нам навстречу, и мы двинулись пешком прямо по воде в сопровождении галдящих детей туда,

* Так в тексте.

где на небольшом холме была установлена наша кибитка. С трудом мы пробрались через толпу любопытных туркмен. Их старейшина, Аман-Назар, угостил нас дынями и произнес много высокопарных приветствий, повторив двадцать раз слова «аман-баш» и «хош-гельди» («добро пожаловать» и «милости просим»).

Карелин предложил туркменам устроить турнир борцов, пообещав победителю небольшой приз. Они с таким азартом и криками приступили к состязаниям, что мы были уже не рады, что очутились среди этих полуголых нищих людей, не повиновавшихся приказам. Толкая друг друга и крича во всю глотку, они образовали круг. Дарчи, своего рода полицмейстер, смог выровнять круг только после того, как стал бить нагайкой по голым ногам орущих соплеменников. Борцы демонстрировали только силу, но не ловкость; они хватали друг друга за пояс, и каждый пытался свалить другого. Хотя подарки были довольно ценными, они требовали больше. Некий Назар-Берген добивался от нас подарка за то, что не участвовал в соревновании стрелков в лагере на Багу.

Особенно нам не понравилось их жестокое обращение с пленными или, вернее сказать, с уведенными силой персами. Так, за неделю до нашего приезда они силой увели одного юношу-перса и заковали его в цепи. Седой туркмен вывел его напоказ, заставил несчастного ходить взад и вперед, наслаждаясь, по-видимому, бряцанием цепей. С основанием нашей морской базы у острова Ашур-Ада действиям этих грабителей вдоль побережья Астрабадского залива и Мазендерана был положен конец.

Мы осмотрели Серебряный бугор, имеющий всего 3—4 сажени в высоту. На нем остались только развалины старых зданий; море смыло часть построек, и остатки стен простираются под водой на юг, вдоль берега до речки Карасу. Вид с вершины бугра понравился нам своей новизной. С одной стороны — море, с другой — необъятная степь с едва различимой на горизонте цепью холмов. У наших ног, как пчелиные соты, располагалось около 200 войлочных юрт йомудов. Вправо холм постепенно снижался и, наподобие вала, тянулся к речке Гюрген и сливался со степью. Туркменский аул находился в $1\frac{1}{2}$ верстах от реки, воду которой использовали жители. Вечером, в 9 часов, при свете луны мы вернулись на судно.

13 июля мы поплыли очень медленно на север и к полудню бросили якорь из-за мелководья против бухты Гасан-Кули, в 14 верстах от берега. Здесь мы обнаружили суда купца Герасимова, нагруженные рыбой, которую ловили для него в бухте туркмены. На следующее утро к нам на борт поднялись Яхши-Мамед и 20 его соплеменников. Мы угостили их и послали вперед, чтобы они поставили нам не-

сколько кибиток на берегу. Между тем мы подошли ближе к судам Герасимова и в 5 часов вечера отправились в четырех лодках на берег с пушкой и в сопровождении 40 вооруженных казаков. Нам пришлось остановиться в 100 саженях от берега, так как лодки из-за мелководья не могли подойти ближе. Хадыр-Мамед и много туркмен поехали к нам. Они отдали нам своих лошадей, чтобы мы могли сухими добраться до берега. Здесь нам навстречу верхом выехал почтенный Кият-бек и проводил до двух просторных кибиток, специально для нас приготовленных.

Нас окружила толпа любопытных туркмен, которые были намного сдержаннее их земляков у Серебряного бугра. Среди них находился также Яхши-Мамед, старший сын Кията. Он был босиком. Казалось, что он здесь чужой; он не приближался к отцу и не сопровождал нас к кибиткам. Позднее мы узнали, что он в немилости у отца, потому что женился без его разрешения. Эта черта характера туркмен заслуживает внимания. Власть и воля отца здесь безграничны, и сыновья, даже в зрелом возрасте, должны беспрекословно подчиняться ему. Среди этого народа бытуют и другие странные привычки, особенно среди женщин. Сноха, например, никогда не назовет свекра по имени, никогда не говорит с ним сама, а обращается к нему через старшее лицо, имеющее право разговаривать с ним свободно; те же правила действуют в отношении старшего деверя.

Мы показали туркменам ловкость наших казаков и артиллеристов в стрельбе. Они изумлялись тому, как пули рикошетировали далеко в степи или прыгали по поверхности моря. Их восторгу не было предела, когда мы вечером выпустили полдюжины больших ракет. Мы угостили старейшин чаем и затем отпустили их.

Аул Гасан-Кули был расположен на мысе и отделен от нашего лагеря бахчой с дынями и арбузами. Степь, необозримая и ровная, терялась вдали и, казалось, составляла единое целое с морем. Месяц заливал окрестности своим серебряным светом, не было ни ветерка, и ночь была пленительна. Находясь здесь, мы всегда спали ночью на открытом воздухе. Казачьи караулы охраняли лагерь.

На следующее утро мы решили доставить с судна питьевую воду; здешние жители брали ее из Атрека, впадающего в озеро Гасан-Кули, в 14 верстах от аула. Озеро неглубокое, так что жители возят воду в кулясе, предварительно наполнив и его. Жара стояла невыносимая. В тени термометр показывал 27°. После обеда мы побывали в ауле, насчитывавшем приблизительно 200 кибиток, раскинувшихся на западном берегу бухты или озера. Внутри кибиток было довольно чисто, пол устлан войлоком или коврами, а вдоль стен стояли раскрашенные русские деревянные сундуки, в которые

жители складывали свою одежду и пожитки. Седла, уздечки и оружие крепились на деревянной оснастке кибитки. Во многих местах мы видели женщин, которые сидели под навесом, защищавшим их от палящих лучей солнца, и занимались изготовлением ковров или войлочных одеял. Вдоль берега стояло множество туркменских плоскодонок (киржим) и русских рыбацких лодок, принадлежавших Герасимову, а немного выше находился его рыбный промысел. Мы посетили кибитку Хадыр-Мамеда, где увидели его жену и дочерей. Женщины носят здесь в качестве головного украшения большую высокую шапку (кокошник), унизанную множеством золотых и серебряных монет, и закрывают рот белым хлопчатобумажным платком; в отличие от турчанок и персиянок они не боятся показывать лицо. Наш художник нарисовал позднее полдюжины портретов красивых туркменских девушек и женщин в праздничных одеждах.

16-го и 17-го я занимался съемкой огромной бухты (култук) Гасан-Кули, в которую впадают бесчисленные рукава реки Атрек. Для этой цели я воспользовался куласом, потому что бухта, или озеро, очень мелководна. В середине глубина составляет 3 фута, а вдоль берегов — лишь один фут.

Мы были первыми русскими, которым удалось подняться вверх по Атреку. Притоки, которых здесь великое множество, имеют илистое дно и до такой степени мелки, что я вынужден был выходить из куласа, и казаки тащили его по илу до реки, а я брел босиком то по илу, то по раскаленному песку. Затем мы прошли несколько верст на веслах вверх по Атреку. Вода его мутная, а течение очень быстрое. Река не очень широка, но в период паводка она выходит из своих низких берегов и затопляет окрестности. Во время съемки один из моих уральских казаков принялся ловить сомов. Эти большие, часто до 4—5 футов длиной, хищные рыбины лежали в иле на глубине примерно одного фута и, казалось, отдыхали и грелись на солнце. Он подкрался к одному из этих чудовищ и ударил его моим обоюдоострым лезгинским кинжалом в спину, затем распорол ему брюхо и бросил в наш кулас. Второму он также нанес смертельный удар кинжалом; при этом кинжал соскользнул со спины рыбы, и казак сильно поранил себе руку. Стояла такая жара, что вода по всей бухте сильно прогрелась. Вернувшись в лагерь, мы увидели у наших кибиток много женщин и девушек в праздничных одеждах. Карелин раздавал им небольшие подарки и сахар, чтобы самые красивые из них согласились позировать. Художник сделал также зарисовки двух туркмен на лошадях в полном вооружении.

В течение следующих дней стояла такая же нестерпимая жара; мы были одеты лишь в самое необходимое. Так как море было очень мелким и нельзя было купаться, казаки

привозили каждое утро в лагерь бочку с морской водой, и мы обливались ею.

20 июля из степи приехал Магомед-Таган, кази, или первое духовное лицо, племени йомуд. После обеда были устроены скачки, в которых приняли участие 10 туркмен. Их кони не отличались красотой, но породы русских лошадей вряд ли могли бы вынести скудный корм степи вперемешку с соленой водой. Настоящих туркменских лошадей можно найти только в племени теке (около Шерекса в Хорасанском Курдистане). Позже, когда я жил в Персии, у меня было много таких лошадей, и я научился ценить их замечательные качества. После скачек победители были награждены железными котлами, треножниками, кувшинами и деньгами. Затем мы пригласили аксакалов на чай. Перед заходом солнца к нам пожаловал кази в сопровождении 15 старейшин. Мы накрыли стол в большой войлочной кибитке, но они хотели сначала совершить вечернюю молитву (намаз).

Они встали в один ряд и обратились лицом к Мекке. Кази стоял немного впереди и произносил молитву вслух. Во время молитвы они то падали на колени, касаясь лбом земли, то стояли прямо, не шелохнувшись. В конце молитвы они хватались обеими руками за бороду, повторяя слова «Аллах акбар» («Бог велик»). Эта сцена в необозримой степи, на берегу моря, в которое как раз на западе погружалось солнце, освещавшее своими лучами молящуюся группу и нас всех, показалась мне захватывающей и возвышенной. Такая молитва под открытым небом и среди такого грандиозного простора всегда производит глубокое впечатление на чувствительных людей.

После молитвы подали чай. Карелин рассказал старейшинам о цели нашей экспедиции. Затем начался разговор о здешнем рыбном промысле, о торговле с Россией, Хивой и Персией. Тем временем поспел ужин на сто человек, приготовленный из рисовой каши и баранины (пилав), и мы угостили всю эту толпу в степи под открытым небом. Сверкающие звезды, корабельные фонари, повешенные на казацкие пики, придавали этой группе неповторимый вид. Каждый гость оставил себе в качестве подарка деревянную лакированную чашу, из которой он ел свою порцию пилава. В конце ужина была выпущена дюжина ракет и сделано несколько пушечных залпов. Гости остались чрезвычайно довольны и согласились со всеми предложениями Карелина. Однако это не помешало нескольким туркменам украсть юфтовые кожи, на которых они сидели во время обеда. К счастью, воровство не прошло мимо зорких глаз наших казаков. Они отобрали их у грабителей, прежде чем те исчезли с ними в темноте ночи; последние извинились, наивно заявив, что взяли шкуры лишь по рассеянности.

Сильная жара стояла и все последующие дни. Свежую воду мы получали ежедневно в бочке с судна, и все-таки ее нельзя было пить без добавления лимонной кислоты. К счастью, туркмены ежедневно приносили нам на продажу большое количество дынь и арбузов, которые выращиваются здесь, особенно в районе Серебряного холма, в огромном количестве. Они очень крупные и приятные на вкус. Киат-бек и старейшины заключили с купцом Герасимовым контракт, по которому они предоставили ему право осуществлять рыбный промысел в принадлежащих им водах Атрека и Гюргена. Контракт был заверен 26 июля печатью кази и самыми уважаемыми старейшинами, после чего им были преподнесены подарки. В последний день июля доктор Заблоцкий и я еще раз отправились в сопровождении охраны в трех кулясах по Атреку и поднялись вверх по реке до бугра Кюзу-Куран, расположенного примерно в 10 верстах от устья. Казаки настреляли много бекасов и другой водоплавающей птицы. В высоком камыше вдоль берега мы обнаружили много следов диких кабанов и даже пантер. С Зеленого бугра туркмены принесли нам несколько больших ящериц (варанов), называемых по-туркменски «замзам», длиной 2—3 фута, которые напоминали крокодила в миниатюре. Мы умертвили их, бросив им в пасть немного нюхательного табака, от которого они тотчас умерли в сильных конвульсиях. Выпотрошенные, они были помещены в спирт.

27 июля целая туркменская флотилия из 33 киржимов вышла на всех парусах из бухты Гасан-Кули на север, к селению Гарям (расположенному на восточном берегу моря), чтобы привезти оттуда каменную соль, которой туркмены наряду с нефтью довольно оживленно торговали с жителями Гиляна, Мазендерана и Астрабада. Эта флотилия, наводящая ужас на персов, рассеялась бы при первом же залпе одного нашего корвета.

Между тем мы занимались также расспросами, например: о течении рек Атрек и Гюрген, о дорогах, ведущих в Хиву, о туркменских племенах йомуд, теке, гёклен и т. д., их численности, местопребывании, обычаях и нравах. На эти вопросы нам отвечали Киат-бек, Яхши-Мамед, Мамед-сардар, Черкес-хан, кази и другие.

Известие о прибытии русского судна с подарками для йомудов разнеслось по всей степи, естественно, по восточному обычаю, с различными преувеличениями и в приукрашенном виде, так что некоторые аксакалы прибыли за 200—300 верст в надежде получить подарок. Мы приняли лишь тех, кто отличался по одежде, возрасту и манерам от множества нищих, которые ежедневно надоедали нам. Расспрашивали их о местожительстве, племени, их отношениях с Хивой, Персией и не отпускали, не показав в действии нашу артиллерию.

Они удивлялись скорости зарядки и производству выстрела из пушки, рикошетированию ядер по морю и уверяли нас, что ни туркменская, ни хивинская конница не страшны русскому солдату, поскольку мы можем четыре раза зарядить пушку и выстрелить, в то время как они едва успевают даже один раз зарядить свое кремневое ружье.

28, 29 и 30 июля бушевал сильный шторм, пришедший с запада. Связь с судном была невозможна. Прибой и ветер были так сильны, что волны достигали нашего лагеря, удаленного от берега на 40 саженей. Мы бы давно покинули это побережье, но вот уже на протяжении двух месяцев почти постоянно дули западные ветры, в то время как для продолжения нашего путешествия на север требовался южный и восточный ветер. Тем не менее мы готовились к отъезду, так как во время шторма на нашем судне открылась течь, и мы должны были поспешить в тихий Красноводский залив, чтобы произвести основательный ремонт.

Туркмены не признают никакого авторитета, все равны между собой и уважают лишь отцовскую власть. Ссоры, особенно среди молодых неженатых туркмен, оканчиваются почти всегда несколькими ударами кинжала. Однажды на наших глазах молодой человек, едва достигший 15 лет, нанес глубокие раны кинжалом другому в голову и шею: стоявшие тут же йомуды равнодушно смотрели на происходящее. Наши пожелания или приказания всегда объявлялись народу через глашатая.

Во время нашего пребывания в Гасан-Кули стояла прекрасная погода, небо было всегда безоблачным, и лишь в течение двух дней мы видели облака. Но жара была нестерпима; западные ветры редко освежали палящий зной. Зато ночи были великолепны — теплые и величественно тихие; на темно-синем небосводе, как бриллианты, сверкали звезды. Падая, они оставляли длинный след в прозрачной атмосфере. Аул Гасан-Кули глубоко спал. Не было ни ветерка, и лишь тихий ропот моря да перекличка часовых, охранявших наш лагерь, нарушали торжественную тишину ночи. Часто поздно вечером мы уходили далеко в степь, чтобы еще долго наслаждаться этим величественным зрелищем. И почти всегда спали под открытым небом, вдыхая с наслаждением свежий ночной воздух. Даже ночью термометр показывал 22°, и температура никогда не опускалась ниже 18° Р.

4 августа мы наконец покинули это негостеприимное побережье, но неблагоприятный ветер и сильное волнение на море не давали нам быстро продвигаться вперед, так что 7 августа мы вынуждены были бросить якорь против Белого бугра. Я, поручик Фелькнер и врач отправились на двух лодках к берегу, удаленному от судна на 10 верст. Глубина моря достигала 6 футов, а в 5 саженях от берега было так

мелко, что мы вынуждены были брести до него пешком. Мы прошли примерно 3 версты в степь, преодолев песчаный холм и высохший морской залив. Наконец, мы начали вязнуть в черной глинистой почве. Это было высохшее соленое озеро; соль покрывала верхний слой, а под этой коркой находилась солончаковая грязь.

Ак-Тепе, или Белый бугор, находился примерно в 5 верстах к востоку от нас. Здешний рельеф напоминал побережье острова Айдак. Три ряда параллельных песчаных холмов, или дюн, частично поросших кустарником или песчаными растениями, образуют дамбу, защищающую от крупных волн во время западных штормов. Первая дюна находится примерно в 20 саженях от моря, две другие отстоят друг от друга на большем расстоянии, и пространство между ними покрыто солончаками и ракушечником. Перебравшись через третью гряду песчаных холмов, мы очутились в совсем ровной степи. Днем жара была невыносимой. И здесь нас ввело в заблуждение явление преломления лучей (мираж, или фата-моргана). Впечатление было такое, будто вся степь залита водой; даже тени песчаных холмов на горизонте или песчаных растений в бескрайней степи, казалось, отражаются в тихой воде. Обман был полным, и мы несколько раз останавливались, полагая, что перед нами вода. Слева от нас виднелась блестящая корка поверхности соленого озера. На Белый бугор, вероятно, можно где-нибудь подняться; впечатление такое, что он вырастает из солончаков, и с того места, где мы стояли, его склон напоминал крутую белую стену. Туркмены утверждают, что на его вершине имеется горячий соленый источник. Вдоль дюн вилось много тропинок, терявшихся затем в степи; возможно, это были тропы охотников-туркмен, преследовавших антилоп (джейранов), так как следы этих животных встречались часто.

На следующий день мы поплыли дальше на север, но мало продвинулись вперед. Поэтому бросили якорь, на этот раз лишь в 2 верстах от берега, и отправились к нему в трех лодках. Здесь мы обнаружили две войлочные кибитки, обитатели которых имели стадо овец, коз, а также около 20 верблюдов. Недалеко от моря они выкопали колодцы, вода в которых была все-таки солоновата. Степь здесь имела тот же вид, что и у Белого бугра. Мы купили четыре овцы и вернулись обратно на судно. Однако, поскольку его очень качало и к тому же усилился встречный ветер, мы решили провести еще один день на берегу. 10 августа, с рассветом, мы отправились дальше на север, оставив далеко справа Зеленый бугор. Вечером ветер утих. Мы провели прекрасную ночь. Луна освещала еще не совсем утихшее море. За кормой судна, которое едва продвигалось вперед, тянулась серебряная полоса.

11 августа мы вынуждены были постоянно лавировать, ветер переменился на западный и гнал нас к восточному берегу. Мы увидели длинный ряд песчаных дюн, которые тянулись от острова Челекен на юго-восток до морского залива, некогда называвшегося Хивинским (теперь он уже почти высох). С 12 по 14 августа погода была неустойчивой: то стояло безветрие, то ветер принимался дуть со всех сторон. И лишь вечером 14 августа мы смогли при глубине в 4 сажени бросить якорь у юго-восточного берега острова Огурчинского (Айдак) и разбить на берегу наш лагерь. С 15 по 17 августа я вместе с топографом занимался дальнейшей съемкой этого острова, северную часть которого мы уже сняли в прошедшем мае. Я занимался этой работой в течение трех дней до обеда. Жара была нестерпима. Раскаленный песок жег даже сквозь подошвы сапог, поэтому я решил ходить босиком по влажному песку вдоль берега и надевал сандалии лишь в тех случаях, когда мне надо было подняться на холм, чтобы осмотреть местность и отметить ориентиры на измерительном столе. Так я прошел босиком около 50 верст. Во время съемки мы часто выкапывали маленькие, до 2 футов глубиной, колодцы, чтобы утолить сильную жажду; вода была почти всегда чистая и хороша на вкус. Случалось, что мы натыкались и на соленую воду; это зависит от расстояния колодца от моря или от грунта; если грунт содержит мало примесей соли, то вода пресная. Недалеко от южной оконечности острова мы наткнулись на большую бахчу с дынями и арбузами; около 400 штук мы взяли с собой на борт. Покуда я вел съемку, казаки вырыли несколько колодцев между западным и восточным побережьем и наполнили водой восемь больших бочек, чтобы отправить их на судно, а затем собрали довольно много валежника. Они ежедневно стреляли по 50—60 маленьких жирных бекасов, которые населяли остров в большом количестве, а также фламинго и морских воронков (корморан). Я определял и высоту солнца. Спал, однако, каждую ночь на судне, так как на берегу очень мучили комары. Поручик Фелькнер проводил обследование соленых озер и собрал уже много красивых кристаллов соли. Как уже говорилось, жителей здесь нет, лишь иногда сюда с острова Челекен приходят туркмены, чтобы полить свои бахчи и позднее снять урожай. Мы обнаружили здесь табун лошадей, стадо овец и коз, а также несколько верблюдов. Все это принадлежало Киат-беку.

18 и 19 августа мы подготовили бумаги и донесения, чтобы отправить их в Баку с разъездным судном «Василий»; в Баку надо было закупить свежие продукты, вино, ром, чай, сахар и т. д. Тем временем к нам присоединились два судна Герасимова, груженные рыбой, икрой и белужьими пузырями. Они вышли из Гасан-Кули позже нас и теперь возвра-

щались назад, в Астрахань. 20 августа посыльное судно снялось с якоря и взяло курс на Баку. Мы же направились на север, чтобы добраться до Красноводского залива. Едва мы прошли 10 верст, как сильный северный ветер вынудил нас снова бросить якорь. Разразился настоящий шторм; мы выпустили около 90 саженей якорного каната, чтобы как-то уменьшить качку.

Северо-западный ветер улегся лишь 23 августа. Он, как и западный ветер, господствовал почти три месяца; собственно, эти встречные ветры и были причиной того, что мы так медленно продвигались на север. К вечеру ветер совсем утих и море успокоилось. Балханские горы виднелись, как облако, на далеком горизонте — на северо-северо-востоке. 24 августа мы снова снялись с якоря и вскоре приблизились к Нефтяному острову (Челекен) с южной стороны. Тремя орудийными залпами мы оповестили Хадыр-Мамеда о нашем прибытии; мы назначили ему здесь встречу, и действительно, вечером он прибыл с двумя туркменами.

В результате последнего шторма течь в судне увеличилась, так что мы вынуждены были четыре раза в день откачивать воду из трюма. Ветер снова переменился на северный и вынудил нас, к большому сожалению, дрейфовать пять дней, поскольку все попытки продвинуться вперед не увенчались успехом. Погода была прекрасная. Жара немного спала, и мы с нетерпением ждали благоприятного ветра.

30 августа наконец при легком юго-восточном ветре мы снялись с якоря и поплыли вдоль острова Челекен на северо-запад до мыса, за которым берег уходит на северо-северо-восток. Наше судно обогнуло мыс и встало на якорь, убрав паруса. Мы тем временем отправились на двух баркасах на берег. Когда мы приблизились к берегу, до нас донесся запах нефти. Крутые берега позволили нам подойти очень близко. Они имели в высоту 3—4 сажени и состояли из соли с примесью глины серого или темно-голубого цвета. Местами берег был пропитан нефтью, однако запах ее был едва уловим. Кое-где параллельно берегу тянулись горизонтальные пласты толщиной $^1/_4$ аршина. Вследствие оседания берега в пластах образовались вертикальные трещины. Поднявшись на крутой берег, мы ступили на почву, состоящую из мелких ракушек и похожей на пепел пыли, такой мелкой и мягкой, что, хотя ноги и увязали в ней, идти было легко. На склоне горы, называемой Мирза-бек, к востоку, мы обнаружили горячие соленые источники, температура которых колебалась от 29 до 39° Р. Вместе с водой, стекающей со склона и исчезающей в песке, вытекает и нефть, которая плавает на поверхности воды тонкими струйками.

Местные жители задерживают нефть, ставя вертикально поверх воды доски. Собранная таким образом нефть отводит-

ся потом по трубам в подземные колодцы, где и хранится. Окрестности этих источников очень живописны. Вода, журча, течет по уступам из песчаника, пропитанного солью и частично покрытого плесенью. Она пахнет нефтью и серой. Вблизи этих ручьев находится несколько колодцев с теплой чистой черной нефтью.

Ближе к морю мы нашли на этом плато много колодцев с черной и белой нефтью. Они были накрыты плоскими камнями и засыпаны глиной и песком; на большинстве камней были видны следы рук и ног, которыми владельцы помечали свои колодцы. Мы подняли несколько камней, чтобы обследовать колодцы изнутри. Стены их были выложены крестообразно перекладинами, чтобы песок не обрушивался и не засыпал узкую горловину. Глубина колодцев колебалась от 3 до 7 аршин. Черная нефть покрывает воду на дюйм и более, в чем мы убедились, опустив тростинку. Наш врач измерил температуру горячих источников и взял для исследования несколько бутылочек с водой и нефтью.

Со времени первой съемки острова Челекен полковником Н. Муравьевым море смыло с его западного берега более 100 саженей земли. На оставленной им карте обозначено небольшое озеро, в которое стекали все вышеупомянутые горячие ключи; теперь это озеро исчезло. Волны, смывшие часть берега,— причина неравномерности глубин моря вдоль западного берега Нефтяного острова. Нам довелось видеть далеко от берега в море большие глыбы земли, омываемые волнами. Этот остров, несомненно, вулканического происхождения. Здесь мало жителей, занимающихся нефтяным промыслом. Все их богатство составляют худые овцы и несколько верблюдов. В моем более подробном описании этого острова имеются точные данные о ежегодной добыче и сбыте нефти в районе северного побережья Персии.

Вечером, после освежающего купания, мы вернулись на судно. 31 августа мы снялись с якоря и поплыли при легком ветре по зеркально-гладкому морю вдоль северо-западного берега острова по направлению к Красноводскому заливу, глубина была от $2^1/_2$ до 3 саженей. Поскольку ветер снова изменился на северо-восточный, вечером мы бросили якорь.

Весь август также господствовали западный и северный ветры, так что нам потребовалось 27 дней, чтобы из Гасан-Кули добраться до Красноводска, т. е. преодолеть расстояние, которое пароход мог бы преодолеть самое большее за 36 часов. Погода все время была хорошая, и с 9 июля ни разу не было дождя. Удивительно также, что за все время нашего путешествия по Каспийскому морю до настоящего момента не было ни одной грозы. Рано утром 1 сентября мы поплыли дальше на северо-восток по направлению к берегу. К нам на судно с полуострова Дарджи прибыли Хадыр-Мамед,

его тесть Туат и наш переводчик Абдулла. Издали мы видели высокие, скалистые, играющие различными красками горы на берегу в Красноводском, или Балханском, заливе. На переднем плане выступали темные скалы, за ними возвышались кирпично-красные вершины, и, наконец, поднимался крутой гребень, как нам казалось, бело-желтого цвета. К полудню мы бросили якорь против косы Куба-Сенгир и направились на двух лодках на берег. Сквозь прозрачный воздух горы и холмы казались ближе, чем это было на самом деле. Наша якорная стоянка находилась в 2 верстах от берега. Едва мы приблизились к берегу, как сразу почувствовали резкий скачок температуры. Отраженные от бело-серых скал солнечные лучи до такой степени нагревали воздух, что он был нестерпимо горячим и лишь немного остужался частыми порывами холодного ветра из ближайших горных ущелий. Весь берег был усеян обломками скал и камнями, сорвавшимися с известняковых скал, которые круто поднимались в 50 саженях от нас. Я взобрался на вершину Куба-Сенгира, чтобы насладиться оттуда прекрасным видом. Почти весь Балханский залив с островами Челекен, Дарджи и Даг-Ада лежал передо мной, как на ладони. Здесь, на вершине, я сверил прежнюю съемку Муравьева и нашел ее весьма точной. Ветер благоприятствовал нам, и к вечеру мы добрались до колодцев Балкуи, перед которыми в 11 часов и стали на якорь.

2 сентября мы высадились на берег, куда были доставлены и все пустые бочки. Расположение этих колодцев живописно: порфировые горы сходят постепенно снижающимися сопками к морю, параллельно им тянутся песчаниковые скалы, круто обрывающиеся в море и поворачивающие к холмам Уфрака; между ними лежит долина шириной 2 версты. У самого берега находятся два колодца глубиной 5 аршин, выложенные камнем. Вода в них солоновата, но чиста и пригодна для питья. В этих колодцах мы обнаружили много змеиных шкур, и поскольку из них поят только верблюдов, мы прошли примерно 100 саженей дальше к другим колодцам, которые также назывались Балкуи (Медовые колодцы). Я поднялся на вершину горы Шах-Адам, с которой открывался великолепный вид на Красноводский залив и косу.

Сегодня Хадыр-Мамед отправился на остров Дарджи, чтобы приготовить все для нашей экскурсии в Балханские горы. Поручик Фелькнер исследовал тем временем геологическое строение окрестных гор и отколол молотком образцы различных горных пород, чтобы позднее подробно изучить их. Термометр показывал 23° в тени.

3 сентября я измерил высоту солнца над горизонтом у колодцев Балкуи. Мы купили несколько худых овец, казаки наполнили водой 22 бочки, и вечером мы снова вернулись на

судно. 4 сентября мы поплыли дальше мимо предгорий Таш-Отак и зашли в Балханский залив. Погода была хорошая, но прохладная. Из-за неблагоприятного ветра мы вынуждены были встать на якорь между островами Даг-Ада и Дарджи. Глубина здесь была только 10 футов. Муригин определил глубину залива и вечером вернулся на корабль. В центре залива глубина была $1^1/_2$ сажени; грунт — твердый ил, дно хорошо просматривалось. Судно совсем не качало, хотя в течение 36 часов дул сильный северный ветер, принесший с собой сильный дождь. Дождевая вода начала просачиваться через щели верхней палубы в нашу каюту, так как толстые доски за двухмесячную жару сильно рассохлись. 6 сентября мы приблизились к Дарджи на расстояние 3 версты. Термометр показывал только $14^1/_2°$; виной тому был сильный северный ветер, который задержал также суда Герасимова; следовавшие в Астрахань. Часть наших казаков выгрузили на берег палатки, сухари и другой провиант, а также маленькие бочонки с водой для предстоящей экспедиции в Балханские горы. Карелин нанял у старого Киат-бека 5 лошадей и 24 верблюда для транспортировки нашего багажа и провианта.

В наш отряд входили все члены экспедиции (за исключением пожилого штурмана Васильева, оставшегося на корабле), 32 казака, переводчик и художник — всего 45 человек (русских).

Каждый казак имел 30 боевых патронов, затем у нас было 2 фальконета с 60 боевыми зарядами; сухари и водка на 10 дней; вода в маленьких бочонках и в бурдюках на 4 дня, потому что мы надеялись по пути найти пресную воду. Часть отряда должна была идти по суше через Дарджи до переправы через Актам (древний Оксус) [18a], другой части во главе со штурманом Муригиным было приказано на двух киржимах и куласе плыть под парусами и на веслах к Актаму, чтобы измерить глубину моря и реки. В случае, если бы мелководье помешало их дальнейшему продвижению, они должны были оставить киржимы и доставить кулас к месту нашей переправы через Актам.

В полдень мы покинули судно, после того как Васильев получил распоряжение привести его к острову Даг-Ада, вытащить на берег, положить набок, проверить и как следует законопатить все щели.

С прибытием на Дарджи началась неразбериха. Туркменских погонщиков с трудом заставили после двухчасового спора навьючить груз на верблюдов. Наконец палатки, сухари, бочонки с водой и т. д. были погружены, и караван в $4^1/_2$ часа пополудни тронулся в путь. Нас сопровождали старый Киат-бек, его младший сын Хадыр-Мамед, Булат-хан со своим сыном и другие туркменские аксакалы — всего

20 человек с 18 верблюдами, так что наш караван насчитывал 42 верблюда и 45 лошадей.

Несмотря на то что йомуды хотели уверить нас в том, что путешествие через степи и в Балханские горы небезопасно, мы, зная уже их привычку отпугивать русских от продвижения во внутренние районы страны мнимыми опасностями, не обращали внимания на предостережения и чувствовали себя во время пути свободно, не встретив ни души.

Мы направились прямо на восток через песчаную волнообразную степь, поросшую там и сям кустарником и саксаулом. Через 10 верст мы сделали остановку. Верблюдов пустили в степь, где они щипали свой скудный корм, а сами заночевали на открытом воздухе, на песке, наслаждаясь до полуночи удивительной тишиной окружавшей нас безмолвной степи, освещенной луной. 8 сентября, с рассветом, мы продолжали наш путь по волнообразной степи. Бухта Буюр-Садых осталась слева от нас. Проделав 15 верст утомительного марша, мы устроили привал до часу дня. Жара от раскаленного песка была угнетающей; термометр показывал в полдень 25° в тени. Вода в бурдюках была холодной, а в бочонках — тепловатой и даже теплой. Мы двигались дальше, все время на восток, местами по солончаку, затем по дну высохшего озера и по песчаным холмам. На $2^1/_3$ часа сделали привал на возвышенности, чтобы дать отдохнуть верблюдам, и двинулись затем дальше, так как вечер и ночь были восхитительны. В 11 часов мы расположились в степи на ночь. Дул свежий восточный ветер, который, выгоняя воду из залива в море, затруднял нашим киржимам продвижение к устью Актама. Ночью мы ясно слышали крики фламинго на Актаме.

9 сентября мы продолжали наш путь по дну высохшего соленого озера, затем через высокие песчаные холмы. Актам остался слева от нас. Совершив утомительный переход в 12 верст по этим песчаным холмам при изнуряющей жаре, мы в 10 часов утра прибыли в пункт переправы через Актам.

Полковник Н. Муравьев, пославший отсюда в 1821 г. нескольких офицеров в предгорья Балхан, забил тогда для определения ширины реки два деревянных кола, которые мы нашли невредимыми на своих местах.

Ширина реки во время нашего пребывания здесь составляла 32 сажени (224 английских фута); я измерил ширину старого русла, которое еще отчетливо обозначалось, и установил, что оно имело 150 саженей. Берега старого русла песчаные, высокие и даже обрывистые и тянутся параллельно прежнему течению реки. На одном из холмов на левом берегу мы увидели остатки земляного укрепления, называемого туркменами Куляр-Сенгир, а недалеко отсюда, к северо-западу, также на холме,— памятник одному из святых — Ших-

Мустафе. В ожидании прибытия Муригина с куласом мы расположились на берегу Актама, искупались в нем, но обнаружили, что вода чрезвычайно соленая. В 2 часа дня пришел пешком Муригин со своими казаками. Он вынужден был из-за мелководья бросить киржимы, а кулас с тремя членами команды на борту приплыл по Актаму часом позже. Тотчас начали переправу. Лошади, верблюды, часть наших казаков и йомуды переплыли реку; багаж и мы сами переправлялись постепенно, так как кулас не мог поднимать большой груз. Глубина Актама у переправы была 2 сажени, грунт илистый. В 6 часов вечера все уже было переброшено на правый берег, и мы разбили лагерь. У сопровождавших нас туркмен мы купили 10 овец, казаки развели огонь, приготовили ужин. Казакам дали водки, и на берегу старого Оксуса, где, может быть, некогда располагались лагерем тысячные орды монголов, раздались веселые русские песни. Верблюдов погнали на водопой к колодцу Молла-Кара-Куюсы, в $1^1/_2$ верстах выше по правому берегу. Вода в нем была соленая. В 7 верстах выше находился другой колодец — Кара-Актам, воду из которого при необходимости пить можно. Снова была чудесная ночь. Наш лагерь, живописно расположенный на берегу с видом на Балханские горы, освещенные луной, представлял собой восхитительно-прекрасную картину. Мы любовались ею до полуночи. Ничто не может сравниться с торжественной тишиной ночи в бескрайней степи при лунном свете; воспоминания об этом навечно врезаются в память.

10 сентября, в 6 часов утра, мы покинули лагерь на Актаме. Первые $1^1/_2$ версты ехали вдоль правого берега на восток по песчаным холмам, покрытым кустарником. Затем выбрались на широкую равнину, тут и там поросшую кустами саксаула. Равнина постепенно поднималась к горам; восточная часть ее была покрыта галькой и обломками скал, которые по мере нашего приближения к горам увеличивались в размерах и количестве. Равнина была прорезана множеством сухих русел, очевидно, от дождя или горных потоков. Проделав примерно 12 верст по этой широкой равнине, мы въехали в широкое горное ущелье, также изрытое высохшими руслами дождевых потоков. Через 5 верст мы повернули направо, на юго-восток, и попали в широкую долину. Проехав по ней вдоль склонов гор около 2 верст, мы наткнулись на родник Ядыхяр-Чешмеси, окруженный камышом. Его холодная вода нас очень освежила после двадцативерстного марша и изнуряющей жары. Здесь мы сделали привал, определили высоту солнца над горизонтом и ширину родника, снова наполнили наши фляги, бурдюки и бочонки водой, пообедали и отдыхали до 3 часов дня. Затем мы отправились дальше, все время в юго-восточном направлении, вверх по долине, которая поднималась отлого, и, проделав еще 5 верст,

остановились у родника Меулам-Кель-Чешмеси с замечательной водой и также окруженного камышом. Здесь, у подножия настоящих гор, мы разбили лагерь и приготовились к подъему на Балханы. Ближе к вечеру поручик Фелькнер и я совершили прогулку по окрестностям. Мы обнаружили в ущелье кусты можжевельника, дикой вишни и инжира, а также витой рог горного козла (тура), обитающего на вершинах скал. Переночевали у вышеупомянутого родника — как всегда, под открытым небом.

Доверив охрану багажа и верблюдов восьми казакам, старому Киат-беку и нескольким туркменам, которые остались у родника, 11 сентября, рано утром, отправились в горы, взяв с собой на три дня сухарей и водки. Йомуд Суюн, часто охотившийся в этих горах, был нашим проводником; Хадыр-Мамед и сын Булат-хана сопровождали нас. Лошади с легкой поклажей следовали за нами около 5 верст вверх, через узкие долины, высохшие русла дождевых потоков и по крутым склонам.

Мы сделали привал у родника Тарава-Чешмеси, окруженного можжевельником, дикой вишней и кустами инжира. Здесь еще раз запаслись водой и после утомительного подъема добрались в 8 часов до подножия настоящих Балхан. Отсюда мы отправили лошадей обратно к роднику Меулам-Кель и в 9 часов поднялись в узкое ущелье, называемое туркменами Эшек-Йол, или Ослиная тропа. Это ущелье имело склон в 50°. Дно ущелья было сплошь покрыто маленькими угловатыми, острыми, перекатывающимися известняковыми камешками, которыми мостят шоссе. Из-за крутизны склона не было никакой возможности твердо опереться ногой о такой грунт, и мы потратили несколько часов на то, чтобы преодолеть этот трудный подъем. Каждый из нас падал много раз, а я имел несчастье разбить при этом барометр, который нес на спине.

К обеду мы достигли родника Эшек-Йол-Чешмеси, который прятался под сводом мощной известняковой скалы. Вода текла слабо и имела температуру около 6° Р. Этот родничок находился в узком ущелье, огражденном высокими, круто обрывающимися голыми скалами; в расщелинах скал росли лишь редкий можжевельник и барбарисовые кусты. Здесь мы отдохнули два часа, а затем поднялись в узкую долину, окруженную высокими скалами. Наши силы были исчерпаны, и, так как было невозможно еще сегодня добраться до вершины Балхан, мы решили переночевать здесь. Несколько казаков отправились на охоту, некоторые смастерили себе трубки из дикой вишни, росшей здесь в большом количестве. Поручик Фелькнер обследовал скалы, другие собрали растения и насекомых. Вечером мы зажгли большой костер из сухих веток можжевельника и деревьев, который освещал ночью все

окрестности. Его отблеск, а также несколько ракет, пущенных нами, были видны с нашего судна. Спали на голых камнях, накрывшись ветками можжевельника, поскольку ночь была холодная; на заре термометр показывал только 3° Р.

12 сентября, с восходом солнца, мы двинулись дальше вверх и после двухчасового лазанья по ущельям и крутым склонам добрались в 8 часов утра до вершины Дирем-Дага — самой высокой точки (1800 английских футов) Балханских гор. На полпути мы наткнулись в узком ущелье на небольшой родник, который назвали в честь нашего проводника Суюн-Чешмеси. С вершины Дирем-Дага перед нами открылся прекрасный вид на окрестности, раскинувшиеся у наших ног, но далекий горизонт был окутан дымкой. Карелин, я, Муригин и топограф провели съемку местности и с помощью буссоли и маленького теодолита произвели пересечение всех главных пунктов гор с Актамом (Оксусом), русло которого извивалось по степи, Балханским заливом, полуостровом Дарджи и т. д. Затем Муригин еще раз проверил данные. Была определена и географическая широта Дирем-Дага. Все это заняло у нас четыре часа. Фелькнер между тем провел геологическое обследование гор и собрал образцы для дальнейшего изучения.

Наши казаки соорудили тем временем пирамиду из крупных камней и обломков скал высотой 7 футов, куда мы спрятали бутылку из-под шампанского с запечатанной в ней запиской с нашими именами в память пребывания здесь первых европейцев, которым посчастливилось подняться на эту вершину. В 5 часов мы стали спускаться вниз по Ослиной тропе. Карелин из-за усталости заночевал с частью казаков на полпути к лагерю у Меулам-Кель-Чешмеси, а я с остальными членами экспедиции продолжил спуск к лагерю. В темноте мы сбились с пути, часа два блуждали по ущельям и руслам дождевых потоков и поздно вечером добрались до нашего лагеря у вышеупомянутого родника, смертельно уставшие, с разорванной обувью или даже босые от четырехдневного подъема по скалам и каменистым горным тропам. Я поднимался на многие горы на Кавказе, в Талыше и в Мазендеране, однако подъем на Балханские горы показался мне наиболее трудным. Мы принесли много растений, насекомых и образцов горных пород; среди растений было одно, которое дает смолу под названием Gummi gallanum. Мы захватили с собой также несколько рогов горных козлов, живущих в этих горах, где, по словам туркмен, встречаются иногда и пантеры.

Долина, в которой был расположен наш лагерь, простиралась с северо-запада на юго-восток.

Карелин прибыл 13 сентября, в 8 часов утра, и мы отправились в обратный путь. В $11\frac{1}{4}$ часа мы были уже у род-

ника Ядыхяр, где снова наполнили наши бурдюки водой, и направились отсюда в юго-западном направлении по широкой долине, имея слева от себя разветвленную горную цепь Шах-Кули. Когда в 1821 г. полковник Муравьев стоял на Актаме, он послал в предгорья двух офицеров, которые обнаружили здесь источник Беур-Куй-Гасан-Кули.

Пройдя около 5 верст, мы вступили на широкую равнину, усеянную камнями и редким кустарником. На полдороге сделали привал. Воспользовавшись этим, мы определили высоту горы Дирем-Даг. В $6^1/_2$ часов мы прибыли обратно к Актаму, где на противоположном берегу увидели караван из 50—60 верблюдов, шедший с полуострова Дарджи в Хиву за мукой. Отсюда Муригин с помощью буссоли произвел пересечения с главными вершинами Балхан. Затем мы вытащили из камыша наш кулас и начали переправу, которая благополучно закончилась за $1^1/_2$ часа. Ночью лошади и верблюды сами переплыли Актам. Здесь, на левом берегу, к нам явился некий Хаджи-Нефес и показал бумагу, которую хранил в выдвижном ящичке. Это было благодарственное письмо, которое получил его отец в 1781 г. от графа Войновича и которое засвидетельствовал потом в 1821 г. полковник Муравьев. Рано утром 15 сентября топограф продолжил съемку долины реки, начатую вчера, а Муригин определил астрономическую широту пункта переправы на Актаме. Господствовавший теперь западный ветер гнал воду из залива в реку, так что оба колышка полковника Муравьева скрылись. В $6^1/_2$ часов температура воды в Актаме была 12°.

В 9 часов мы отправились в путь по левому берегу Актама, в то время как топограф спустился вниз по реке, чтобы произвести съемку берегов.

После трехверстного перехода мы повернули налево в степь и, проехав еще 5 верст, сделали привал. Жара в тени была 26°. В 5 часов вечера добрались до холма, вблизи которого стояли на якоре оба киржима, оставленные здесь из-за мелководья. Отсюда я с 11 казаками и 2 хозяевами туркменских плоскодонок отправился по воде, чтобы уточнить съемку Балханского залива, сделанную полковником Муравьевым. Мы плыли всю ночь при луне на веслах. Залив имел глубину от $1^1/_2$ до 2 саженей. Часто из-за незначительной глубины мы были вынуждены пользоваться шестами, чтобы как-то продвигаться вперед, поскольку встречный ветер не позволял нам поднять паруса. 15 сентября мы продолжили наше путешествие. Морская вода была чрезвычайно чистой и прозрачной, на дне можно было различать даже мельчайшие предметы. Из-за встречного ветра мы весь день шли на веслах и сильно устали и лишь поздно вечером прибыли на судно. Во время нашего отсутствия судно было тщательно обследовано, обнаруженные в трех местах течи законопачены.

16 сентября Карелин с остальными участниками экспедиции вернулся на корабль. В тот же день из Баку прибыло и наше разъездное судно «Василий». 21—22 августа во время шторма, надвинувшегося с севера, оно было отнесено течением к южному берегу Каспийского моря, потеряло лодку и едва не затонуло. Мы получили официальные бумаги из Петербурга, Астрахани и Тифлиса, а также провиант и вино, в которых ощущали недостаток. Вместе с поручиком Фелькнером я побывал на небольшом острове Даг-Ада, который заснял наш топограф, и здесь меня чуть не укусил уж, представитель самого крупного вида этого семейства. Казаки изловили его и принесли живым на судно, чтобы заспиртовать. 17, 18 и 19 сентября мы шли под парусами к Балкуи. Там мы наполнили бочки водой, топограф заснял бухты Соймонова и Муравьева, и 20 сентября мы поплыли к полуострову Дарджи, чтобы попрощаться со старым Киат-беком.

После полудня мы отправились на двух баркасах на берег, где для нас уже были поставлены две войлочные кибитки. Киат угостил нас, представил свою жену. Весь вечер мы занимались расспросами об Актаме, Балханских горах и т. д.; обо всем он дал нам точные сведения. Мы расплатились с ним за одолженных нам лошадей и верблюдов и сделали ему хороший подарок — муку, юфтовые кожи, железные котлы, треножники и кувшины — предметы, в которых нуждаются туркмены, попрощались с достопочтенным старцем, который был настолько предан русским, что еще в 1819 г. сопровождал Муравьева в Хиву. Он позволил своему сыну Хадыр-Мамеду проводить нас до Кара-Богаза. Мы сразу же подняли якорь, чтобы выйти из Балханского залива, но из-за неблагоприятного ветра это нам удалось сделать только 23 сентября, утром. Вынужденную задержку мы использовали для подготовки к опасному осеннему плаванию. Все орудия, кроме одного, были спущены в трюм; лодки и баркасы подняты на верхнюю палубу; якорные тросы убраны, с тем чтобы они не перетерлись во время плавания вдоль северо-восточного берега о каменистый грунт; все подвижные предметы закреплены.

24 сентября мы шли под парусами на северо-запад. Вечером приблизились к берегу и бросили якорь на восьмисаженной глубине напротив мыса Дарта и колодца Чай-Бурун. Муригин промерил глубины до самого побережья. Сопровождавший его Хадыр-Мамед вернулся вечером с четырьмя баранами. Из-за неблагоприятного ветра мы были вынуждены задержаться здесь на два дня. 26 сентября туркменские рыбаки принесли нам только что выловленную белугу, которую мы купили. Затем подняли якорь, чтобы, используя слабый юго-западный ветер и ясную погоду, плыть дальше на север. В полдень термометр показывал 18° в тени. Про-

шли мыс Ак-Сенгир, однако вечером ветер переменился и погнал нас к берегу. Мы вынуждены были бросить якорь на каменистом и не очень надежном грунте. Всю ночь дул сильный северный ветер. Нас разбудил громкий испуганный крик вахтенного матроса: «Нас стащило!» Тотчас было выпущено 50 саженей якорного троса, после чего судно остановилось. Однако качка была ужасной. Так продолжалось двое суток, заняться чем-либо было невозможно. Только 28 сентября при спокойном юго-восточном ветре мы смогли продолжить наше плавание на север и в 4 часа бросили наконец якорь напротив устья залива Кара-Богаз. Муригин был тотчас же отправлен в баркасе на берег, чтобы промерить глубины и исследовать вход в залив.

Под килем у нас было 8 саженей и каменистый грунт. С марса мачты залив показался нам очень большим. Муригин вернулся лишь около 3 часов утра; он обнаружил вход, но сильное течение из моря в залив мешало его возвращению.

29 сентября, рано утром, мы отправились на двух баркасах для обследования залива, в который до сих пор еще не входила ни одна русская барка, не говоря уже о кораблях, ибо адмирал Соймонов[19], исходивший и описавший Каспийское море во времена Петра Великого, не осмелился войти в Кара-Богаз, потому что его команда, когда он попытался заставить ее войти в залив, уже тогда пользовавшийся чрезвычайно дурной славой, подняла бунт. Прежде чем добраться до входа в залив, мы ненадолго сошли на берег, чтобы осмотреть окрестности. Берега были низменными, на песчаных холмах росли кусты тамариска. За холмами простиралась необозримая степь. Мы шли на веслах и под парусами дальше на юго-восток и к полудню достигли канала, связывающего залив с морем. Его длина составляла $1\frac{1}{2}$ версты, ширина — 120—150 саженей, глубина посредине — около 3 саженей, направление — с юга на север. Берега очень низменные и почти без растительности; по всем признакам здесь было раньше морское дно. Небо было ясное, погода хорошая, и мы радовались, что совершили свою поездку без препятствий. Около 3 часов пополудни мы продолжили наш путь в глубь залива в северо-восточном направлении и шли так до 4 часов. Затем высадились на западном берегу залива, чтобы расположиться здесь на ночлег.

Многие из наших казаков отправились на охоту и принесли много уток, бекасов, а также одного фламинго. Мы бродили по окрестностям в поисках насекомых и растений и были удивлены тем, что в это время года еще цветет тамариск. Впрочем, природа здесь как бы мертвая, и место это не заслуживает никакого внимания. Мы не видели ни жителей, ни следов овечьих отар и провели ночь под открытым небом.

30 сентября, с восходом солнца, мы продолжили свой путь на двух баркасах. Залив был спокойным и гладким, как зеркало, тем не менее ощущалось течение. По нашим наблюдениям, его скорость достигала 3 верст в час. У входа залив мелкий. Глубина здесь составляет только $3^1/_2$—5 футов, далее он расширяется и становится похожим на огромное озеро. Погода стояла великолепная, дул легкий восточный ветер. В 8 часов мы разделились. Карелин хотел на своем баркасе проплыть вдоль восточного берега залива, а я — вдоль западного. 1 октября мы должны были снова встретиться у входа в залив. Сопровождаемый 12 казаками, топографом и Хадыр-Мамедом, я направился на север. Ветер благоприятствовал нам, и мы делали от 8 до 20 верст в час. Мы шли вдоль западного берега, чтобы произвести его съемку. В 10 часов мы увидели на берегу опрокинутую лодку, а дальше в степи — трех охотящихся туркмен на лошадях. Они увидели нас, но боялись приблизиться.

Хадыр-Мамед прокричал им, чтобы они приблизились, и узнал от них, что они принадлежат к роду дервиш, который кочует в степи с 50 кибитками. Они пообещали пригнать нам баранов и исчезли. Продолжая путь на север, я не замечал, что течение способствует нашему быстрому продвижению. Таким образом, к 3 часам пополудни мы прошли около 60 верст.

Между тем восточный ветер все усиливался, волны в заливе стали такими же высокими, как и в открытом море, и я вспомнил уверения вышеупомянутых туркмен, что залив простирается на север и на восток на четыре дня верховой езды. Ветер все усиливался. Волны поднимались так высоко, что постоянно заливали нашу лодку, соль оседала на одежде, лицах и руках, ибо вода в заливе была очень соленой, и даже казалось, что здесь не может водиться рыба. Наконец восточный ветер бросил нас в прибой у западного берега; с величайшим трудом нам удалось снова выйти в открытый залив. Примерно до 10 часов вечера мы плыли на юг при ярком лунном свете. Вода была покрыта пеной, и вздымавшиеся от ветра волны снова бросили нас в прибой, который опрокинул бы наш баркас, если бы мои бравые уральские казаки не бросились по шею в воду, не поддерживали его с обеих сторон и не оттащили к берегу. Измученные до смерти, промокшие до нитки, с лицом, руками и одеждой, покрытыми крупинками соли, мы провели холодную сентябрьскую ночь на берегу в мрачном размышлении.

1 октября была прекрасная погода, дул такой же сильный восточный ветер. Прибой вдоль западного берега, на котором мы расположились, был ужасным; не представлялось никакой возможности плыть дальше на юг, чтобы соединиться с Карелиным. В этом угнетающем положении мне вспомнилась

русская поговорка: «Сижу у моря и жду погоды». Тем временем я осмотрел окрестности и обнаружил, что восточный берег моря находился лишь в версте от западного побережья залива Кара-Богаз. Итак, мы находились на полуострове, простиравшемся на юг и отделявшем залив от моря. Я был рад этому обстоятельству, так как, если с Карелиным ничего не случится, он может прийти к нам на помощь со стороны моря, что позднее и подтвердилось. У нас не было ничего, кроме намокших сухарей и небольшого количества водки. Казаки настреляли много маленьких куликов-сорок, которых мы надевали на шомпола, жарили на костре и ели. В час дня появился унтер-офицер с несколькими казаками; они были посланы Карелиным на наши поиски. Он находился в 25 верстах южнее меня. Как и мне, сильный восточный ветер помешал ему обследовать восточный берег залива и не дал продвинуться вперед. В записке он просил меня подождать до завтра, пока он будет искать выход из залива, чтобы вернуться на корабль и снять нас со стороны моря. Это известие успокоило меня, так как восточный ветер, которого мы напрасно так долго ждали, мог дуть теперь целый месяц, и мы на своем баркасе не смогли бы выйти из Кара-Богаза. Таким образом, я провел еще одну ночь в открытой степи. Восточный ветер дул с той же силой, засыпал нас песком и пронизывал до костей. Я не мог сомкнуть глаз. Сотни дурных мыслей лезли мне в голову, ибо, если бы Карелину не удалось соединиться со мной, последствия для меня и моих спутников могли бы оказаться печальными.

Рано утром 2 октября я приказал перенести весь наш багаж, канаты, парус, весла и мачту нашего баркаса на берег моря и с нетерпением ждал появления на горизонте парусов нашего корабля или второго баркаса. Наконец в час дня появился баркас. Чтобы лодка не попала в руки туркмен, я приказал ее сжечь, и в 5 часов мы соединились с нашими спутниками. Во время пребывания в заливе я с помощью буссоли заснял одну сторону, а Карелин — другую; была также определена высота солнца над горизонтом в разное время дня. Туркмены пригнали Карелину шесть овец и принесли масла, однако дополнительных сведений о Кара-Богазе он не смог от них добиться.

Сильный восточный ветер быстро гнал нас вдоль берега на север. Мы делали 8 узлов и надеялись на следующий день прибыть к Киндерлинскому заливу. Между тем в ночь со 2 на 3 октября ветер дул с такой силой, что отогнал нас далеко на северо-запад, так что в полдень мы находились уже западнее мыса Ракушечный Угол. Вследствие этого мы решили плыть непосредственно в бухту Александр-Бай. Поскольку мы, однако, находились недалеко от высокого, скалистого берега, мы решили бросить якорь и отправиться при-

мерно на час на берег. Он представлял собой нагромождение крутых известняковых скал, с вершин которых нам открылась пустынная, голая степь с песчаными холмами, имевшая поистине печальный вид. В расселинах скалистого берега мы обнаружили убогую домашнюю утварь, обладатели которой, туркмены, завидев судно, убежали, должно быть, далеко в степь. В 5 часов мы подняли якорь, поплыли дальше при сильном, но крайне благоприятном ветре и в 10 часов вечера вошли в бухту Александр-Бай, где на глубине 3 саженей стали на якорь. Ночью ветер немного стих. 4 октября, рано утром, мы погрузили одну пушку на сопровождавшее нас разъездное судно «Василий». В 10 часов мы покинули «Гавриил» и поплыли на баркасе в сопровождении «Василия» дальше в Александр-Бай, чтобы обследовать северную приграничную бухту Бектемир-Ишан, где, возможно, еще никогда не бывали европейцы. Первым на баркасе отправился Карелин с 15 казаками, чтобы промерить глубины. «Василий» следовал за ними.

На косе, которая отделяла Александр-Бай от бухты Бектемир-Ишан, была определена высота солнца над горизонтом. Карелин и Муригин вошли на баркасе в вышеупомянутую бухту, чтобы обследовать и заснять ее берега. «Василий» из-за недостаточной глубины остался у входа в бухту. Лишь вечером оба наших товарища вернулись из акватории бухты, и мы заночевали на посыльном судне, так как во время нашего сегодняшнего путешествия ветер снова изменил направление и дул сначала с запада, а затем с севера. «Гавриил» тем временем поднял якорь и поплыл на юг, чтобы, оставаясь в Александр-Бае, бросить якорь на глубине 7 саженей, будучи готов при первом же благоприятном ветре покинуть эту бухту. 5 октября, в первой половине дня, мы вернулись на «Гавриил», однако сильный северо-западный ветер помешал нам выбраться из бухты, в которой было едва заметное волнение. В 8 часов утра термометр показывал только 9°, к вечеру ветер утих.

6 октября мы все еще не могли выйти из бухты, теперь уже из-за встречного южного ветра. К вечеру ветер внезапно переменился на северо-западный, начался шторм. Он продолжался весь следующий день. Погода была холодная, термометр показывал только 5°. 6 октября шторм не ослабевал, началась метель. 9 октября, к утру, воспользовавшись легким северным ветром, мы наконец выбрались из Александр-Бая. В 8 часов утра мы миновали мыс Песчаный (Песчаный Угол) и затем изменили курс. Свежий юго-восточный ветер нес нас на северо-северо-запад, и мы шли со скоростью 5 узлов. Погода была ясная, небо безоблачное, и в 4 часа дня мы прошли мимо мыса Меловой Угол. К вечеру юго-восточный ветер усилился и перешел вскоре в сильный шторм, который

продолжался более суток. В 11 часов вечера шторм разорвал наш передний парус. Все паруса, кроме двух, были убраны. Всю ночь пять казаков удерживали закрепленный толстыми канатами руль в нужном направлении. Качка была ужасная. Мы опасались, что либо волны сорвут руль, либо от качки через борт свалятся мачты, тем более что судно ложилось на борт и чуть ли не черпало воду. Наша единственная надежда, поскольку ветер благоприятствовал, состояла в том, чтобы добраться до широты полуострова Тюб-Караган. Севернее его глубины с 20 саженей неожиданно падают до 8 саженей, и волнение здесь значительно меньше. На наше счастье ярко светила луна; мы могли ясно различить окружавшие нас объекты. Можно сказать, что шторм, налетевший с юго-востока, благоприятствовал нам. К полуночи неожиданно исчезло разъездное судно, которое следовало за нами в кильватер. Мы испугались. что его могли поглотить высокие волны; подобная судьба угрожала и нам. Во время шторма наша каюта выглядела ужасно. Все незакрепленные предметы катались из стороны в сторону. Стон и скрипение шпангоутов, вой ветра в снастях и вантах, крики матросов во время уборки парусов и т. д., шум волн — все это выглядело ужасно. Я не мог больше выдержать в каюте, с трудом выбрался на верхнюю палубу качающегося корабля, ухватился обеими руками за заднюю мачту и с ужасом смотрел на эту страшную и возвышенную картину разволновавшегося моря, которое бесновалось вокруг нас, освещенное яркой луной.

10 октября, в 4 часа дня, мы добрались до широты мыса Тюб-Караган, но не могли к нему приблизиться из-за сильного встречного ветра и высоких волн. Шторм гнал нас на север-северо-запад и продолжался с той же силой до вечера; затем он умерил свой гнев.

По пути нам встретилось небольшое судно (расшива), которое стояло на якоре, на глубине 12 саженей, и занималось ловом рыбы (белуги и осетра). Во время плавания по морю отвага рыбаков, они же матросы, часто граничит с безрассудством; они презирают опасность и лишения.

Мы уже прошли мимо Чистой Банки. Глубины быстро уменьшались, и мы решили бросить якорь, чтобы не сесть ночью на мель, так как уже приближались к устью Волги. Ночью к нам присоединилось наше посыльное судно; оно подвергалось еще большей опасности, чем мы, и спаслось только благодаря присутствию духа и хладнокровию своего замечательного штурмана. На рассвете мы снялись с якоря и 11 октября, в полдень, прошли мимо Четырехбугорного маяка, возле которого на якоре стояло много судов, ожидавших благоприятного ветра, чтобы плыть в Баку, в Сальяны или к персидскому побережью. В 5 часов мы бросили якорь напротив карантина в устье Волги и благополучно закончи-

ли тем самым наше пятимесячное плавание по Каспийскому морю, Астрабадскому заливу и вдоль восточного берега вышеупомянутого моря, во время которого не потеряли ни одного человека и успешно выполнили свою задачу, несмотря на то что нам постоянно мешали встречные ветры.

Согласно тогдашнему предписанию мы, вернувшись с персидского и туркменского побережий, были подвергнуты двухнедельному карантину, который прошли на судне. С судна между тем была снята оснастка, его разгрузили и вычистили. Наш багаж после окуривания был погружен в две большие барки. 28 октября мы покинули наш «Гавриил», чтобы отправиться вверх по Волге на двух лодках до Астрахани. Но сначала мы хорошо пообедали у начальника карантина господина Давыдова. Он показал нам свое учреждение. Медицинский кабинет был отделен от прихожей большим зеркальным окном, через которое врач осматривал находившихся на карантине людей, дабы убедиться, что их тела не покрыты чумными пятнами и т. д. Учреждение было в хорошем состоянии, кругом чистота, все соответствовало своему назначению.

Всю ночь мы шли под парусами и на веслах. Светила луна. Казаки пели песни. Остановку сделали на рыбных промыслах богача Сапожникова, чтобы подкрепиться чаем. Пустив затем на радостях несколько ракет, поплыли дальше. В полночь встретили огромную баржу, до краев наполненную рыбой. Рыбаки-калмыки окликнули нас и спросили, нет ли с собой хлеба. За две большие ковриги они позволили нам взять 60—80 лещей; они сказали, что выловили эту рыбу, около 30 тыс. штук, за один замет. Мы поплыли дальше и к утру прибыли к рыбному промыслу Всеволоцкого (богатый арендатор рыбного промысла). Здесь на берегу наши казаки приготовили вкусную уху, какую мне редко приходилось есть. Мы гребли, плыли под парусами, или наши казаки тащили лодки против течения, смотря по тому, что позволяли ветер и местность, и 29 октября, в $5^1/_2$ часов вечера, в прекрасную погоду прибыли в Астрахань, где нас встретил смотритель волжского судоходства господин Шавров, приготовивший замечательный ужин. Наши вещи и багаж прибыли лишь через два дня. Затем, сбрив свои длинные бороды и переодевшись в европейские костюмы, все мы, сопровождаемые нашими казаками и матросами, пошли в церковь, чтобы возблагодарить бога за благополучное возвращение.

Наш врач сразу же отправился в столицу. Мы с Фелькнером сняли просторную квартиру в доме одного армянина и устроились с комфортом. Целая неделя прошла в визитах и приглашениях; я снова увидел всех своих друзей и знакомых. Одновременно я начал приводить в порядок мой журнал, то-

пографические и этнографические записи, рисунки, чтобы отослать их вместе с докладом в Петербург. За делами время пролетело очень быстро. Каждый вечер мы были либо в театре, либо в обществе. Особенно весело мы провели рождество. Балы следовали один за другим, и мы славно повеселились.

31 декабря, в ночь под Новый год, губернатор Т. дал великолепный костюмированный бал, куда были приглашены все сливки местного общества.

Было много красивых женщин и девушек в элегантных платьях. Особенно меня поразила своей классической красотой молодая девушка, дочь художника, София М.; мне редко приходилось видеть такую совершенную красоту, какой обладало это семнадцатилетнее создание. 1837 год был встречен шампанским, звуками фанфар и взаимными пожеланиями счастья. Бал продолжался до утра. Следующие дни я готовился к отъезду, получал со всех сторон приглашения на прощальные встречи и провел еще один веселый вечер у достопочтенного коменданта генерала Р. Там устраивались танцы, и, так как это был последний день (4 января), когда разрешалось надевать маски, мы решили позабавиться и нанести нескольким семьям визит в масках. Мы составили квартет: Арлекин, Пьеро, Скоморох и один молодой датчанин, мой знакомый, который был одет как русская кормилица и вместо грудного ребенка носил завернутого в платки поросенка. Мы поочередно побывали у губернатора, вице-губернатора, а также в других знакомых нам семьях, и никто нас не узнал. Наконец мы отправились в дом коменданта, где в течение часа интриговали дам, танцевали с ними, прежде чем снять маски. Изумление было всеобщим, и мы весело провели последний вечер, закончившийся лишь к утру. 5 и 6 января я нанес прощальные визиты, и супруга губернатора не хотела верить, что я находился в числе масок, которые посетили ее салон 4 января с визжащим поросенком.

7 января, утром, я отправил сани с моим слугой по замерзшей Волге на ее правый берег, где стояла почтовая станция, и пошел с Фелькнером к нашему другу Оссе. Здесь собралось множество дам и друзей, которые хотели попрощаться со мной за завтраком. Оссе приготовил всем гостям сюрприз, наняв 6—8 саней, чтобы проводить меня до почтовой станции. Все общество отправилось через Волгу, где уже стояли наготове мои запряженные почтовыми лошадьми сани. Здесь, на льду, за мое здоровье и благополучное путешествие было распито еще несколько бутылок шампанского, и, попрощавшись сердечно и трогательно со всеми этими милыми людьми, я поехал под звон бубенцов по зеркально-гладкому льду Волги, провожаемый громким «ура!» моих друзей. Прекрасные годы! Где вы теперь?

Так как лед на Волге был не очень прочен, я проехал по реке лишь две станции. В целях предосторожности я оставил при себе двух казаков, которые двигались верхом впереди. Затем я проехал две станции по песчаному берегу, пока наконец не добрался до снега. Я быстро доскакал до приветливой Сарепты, где отдохнул один день. Теперь путь пролегал по глубокому снегу и сильно разъезженным дорогам, по которым из Астрахани через необозримые степи в Новохоперск и Тамбов следовало множество санных обозов, груженных рыбой. Из-за глубоких ухабов на моих санях несколько раз ломались рессоры. Из предосторожности я захватил с собой запасные, и все же продвижение вперед шло не так быстро, как того хотелось.

Приехав в Москву, я намеревался попасть на карнавал. Мои друзья и родные предложили мне покончить с бродячей жизнью на Востоке и подыскать в Москве богатую невесту. Однако человек полагает, а бог располагает. Едва я провел в Москве неделю, как мне уже сообщили, что скоро я получу от тогдашнего военного министра, графа Чернышева, приказ отправиться в Персию, в наше посольство в Тегеран. Это сообщение было полной неожиданностью для меня, и я уведомил об этом назначении моих родственников, добавив при этом: «Итак, со смотринами все покончено, вероятно, судьба определила мне отдать сердце прекрасной персиянке».

Я сразу же поспешил в столицу, чтобы доложить о результатах моего туркменского путешествия и получить новые инструкции. 3 февраля 1837 г. я приехал в Петербург, изумив друзей и знакомых своим неожиданным появлением и новым назначением. Однако я воспользовался карнавалом, чтобы после долгих лишений ежедневно бывать в немецком, французском или русском театрах и балете и принимать многочисленные приглашения.

С окончанием путешествия завершился еще один интересный эпизод моей жизни, и я добавлю лишь следующее. Через два десятилетия после этого путешествия на восточное побережье Каспийского моря наше правительство отдало распоряжение произвести астрономическую, тригонометрическую и топографическую съемку всего побережья и определить морские глубины. Руководство этой грандиозной работой, продолжавшейся десять лет, было доверено ученому — морскому офицеру, полковнику Ивашенцеву. Проводя исследование и съемку Астрабадского залива, его берегов и восточного побережья моря, он следовал моим маршрутом. На заседании Русского географического общества он сказал мне, что, располагая моим путевым журналом и топографическим описанием восточного побережья и т. д., часто дивился точности и добросовестности моих записей, что в устах такого бывалого моряка только польстило мне.

Глава II

1837 год

После двухмесячного пребывания в Петербурге и после получения инструкций я готовился покинуть столицу, но прежде познакомился с моим спутником поручиком Виткевичем[20], который также получил назначение в Персию. Передо мной предстал обаятельный, молодой поляк 28 лет, с выразительным лицом, хорошо образованный, обладавший энергичным характером. Поскольку этот молодой человек в 1837—1839 гг. сыграл определенную роль в тогдашних политических отношениях между Персией и Афганистаном, поскольку он так много пережил и так печально закончил свою жизнь, позволю себе привести здесь его краткую биографию.

Иван Викторович Виткевич родился в Гродненской губернии. Воспитание получил в кадетском корпусе в Варшаве. 17-летним юношей из-за необдуманных поступков, совершенных по молодости, был сослан тогдашним наместником великим князем Константином[21] в солдаты в Орск (Оренбургская губерния). Здесь, на границе в Азией, он прозябал бы, если бы тогдашний комендант Орской крепости, превосходный человек, полковник Исаев, не позаботился о нем. Не имея возможности сразу освободить молодого человека от службы в действующей армии, он все же ввел его в свой дом. Из чувства благодарности Виткевич занимался с его детьми французским языком, географией и другими науками, так как в 20-е годы в этом отдаленном крае очень трудно было найти для детей учителя. В свободное время он изучал татарский язык, знакомился с кочевавшими в окрестностях Орска киргизскими старейшинами (аксакалами), часто приглашал их к себе, угощал чаем, пловом и бараниной и привык к их обычаям, нравам и языку, на котором мог читать и писать. Так проходили годы тяжелых испытаний для молодого образованного человека со средствами. В 1830 г. Александр Гумбольдт[22] с профессором Розе, совершая свое широко известное путешествие на Алтай, проезжали через Орск. Они остановились в доме коменданта Исаева. Здесь Гумбольдт с изумлением увидел на столе свою книгу «Tableaux de la nature», т. е. описание путешествия по Центральной Америке, Перу и т. д. На вопрос, чья это книга, ему ответили, что

она принадлежит молодому поляку, который служит солдатом в Орском гарнизоне. Из любопытства Гумбольдт попросил позвать его, поговорил с ним. Приятная внешность молодого человека в грубой солдатской шинели, его скромный нрав и образованность так заинтересовали этого большого ученого и замечательного человека, что он выпросил у Виткевича его адрес, чтобы быть полезным ему.

Вернувшись из своего путешествия по Сибири в Оренбург, он сразу же поговорил с замечательным, но, увы, слишком рано скончавшимся оренбургским генерал-губернатором графом Павлом Сухтеленом[23] о печальном положении Виткевича и просил графа позаботиться о молодом человеке и облегчить его судьбу. Граф вызвал Виткевича в Оренбург, произвел в унтер-офицеры, назначил своим ординарцем, перевел к оренбургским казакам и позднее предоставил ему работу в канцелярии киргизского управления, которым тогда руководил ученый — генерал фон Генц. К сожалению, граф Сухтелен умер уже в 1832 г. Однако его преемник, генерал и позднее граф Василий Перовский[24], после того как узнал Виткевича поближе, произвел его в офицеры, сделал своим адъютантом и посылал несколько раз с поручениями в киргизские степи и даже два раза в Бухару. Первый раз, зимой, в киргизской одежде, сопровождаемый двумя преданными киргизами, он совершил за 17 дней переход в Бухару верхом, по глубокому снегу, через замерзшую Сырдарью. В одетом по-киргизски, прекрасно усвоившем обычаи, привычки и язык киргизов человеке никто не признавал европейца и христианина, даже фанатичные бухарцы; более того, красивые темные глаза, черная борода, обстриженная макушка и смуглое лицо делали его похожим на азиата и мусульманина.

Когда Виткевич во второй раз приехал в Бухару по поручению генерал-губернатора Перовского, чтобы потребовать от эмира выдачи нескольких русских купцов, незаконно задержанных там, он случайно познакомился в караван-сарае, где остановился, с Мирзой-Али — афганским посланником Дост Мухаммед-хана[25], тогдашнего правителя Кабула. Мирза-Али доверился ему, сказав, что имеет письменное поручение своего господина к нашему вице-канцлеру графу Нессельроде[26], и попросил взять его в Оренбург под своей защитой. Поскольку миссия Виткевича в Бухаре затянулась, он научился читать, писать и говорить по-персидски. В этом ему помогло ежедневное пребывание в обществе Мирзы-Али.

Преодолев многочисленные затруднения и даже опасности, они покинули Бухару и благополучно добрались до Оренбурга, откуда генерал Перовский направил обоих в Петербург.

Так как послание от Дост Мухаммед-хана графу Нессельроде содержало уверения в дружбе и желание установить

торговые связи с Россией, Виткевичу, произведенному к тому времени в поручики, было приказано сопровождать в Кабул полномочного представителя Мирзу-Али с ответным письмом Азиатского департамента. Это и явилось причиной того, что я должен был встретиться с Виткевичем в Москве или Тифлисе и отправиться в его обществе в Тегеран. О дальнейшей судьбе этого молодого человека будет сказано позже.

Я покинул Петербург 27 апреля 1837 г. и вернулся в столицу лишь через восемь лет. В Москве я вынужден был несколько задержаться, чтобы получить 15 больших ящиков с ценными вещами, в числе которых были сукно, зеркала, бархат, оружие, серебряные изделия. Я доставил их через одного комиссионера в Тифлис, а оттуда в Тегеран нашему послу. Эти вещи предназначались в качестве подарков для персов высших и низших рангов. Кроме того, я имел поручение от директора Азиатского департамента действительного статского советника Родофиникина взять под свою опеку и доставить из Москвы в Тегеран Ивановского, молодого человека, закончившего Восточный институт по отделению персидского языка. Его болезнь помешала нам, однако, выехать из Москвы на двух экипажах ранее 25 мая.

Несмотря на то что мы следовали по большому почтовому тракту, нам часто не хватало лошадей. Проехали Тулу, наполовину сожженную бушевавшим здесь недавно большим пожаром, Елец, Воронеж, Ставрополь и прибыли в Екатериноград на Малке. Во владениях донских казаков нам везде давали хороших лошадей. Стояла нестерпимая жара. Отсюда мы выехали с оказией во Владикавказ. Мы пересекли Кабардинскую равнину, а затем, к великому восторгу моего молодого спутника, — дикую долину Терека. Мы перевалили (я в четвертый раз) через Кавказский хребет между Коби и Кайшауром и 14 июня прибыли в Тифлис. Я нанес визиты тамошним властям. Барон фон Розен, командир корпуса, находился тогда в войсках в Абхазии, и я встретил лишь сына Родофиникина с супругой. Затем я посетил графиню Симонич, супругу нашего посла в Тегеране[27], у которой стал часто бывать; ее прелестные дочери были так похожи на свою мать, слывшую тогда самой красивой женщиной Грузии. Здесь мы встретили и Виткевича, который вынужден был оставить в Москве своего тяжело заболевшего афганского спутника Мирзу-Али и ждал нас, чтобы вместе с нами отправиться в Персию. Наш отъезд задерживался по различным обстоятельствам, и мы покинули Тифлис лишь 6 июля, в 7 часов вечера.

Виткевич, Ивановский и я купили верховых лошадей и наняли шесть мулов с погонщиками, чтобы везти багаж. Наконец, Ивановский взял себе в слуги пронырливого армянина Стефаноса, говорившего бегло по-грузински, по-армянски

и по-татарски. Мы спали под открытым небом, так как ночь была теплая и чудесная. Ехали по прекрасной долине и ущелью Дилижан, где опять провели ночь на воздухе, у родника. 8-го прибыли в Пиписс и, так как жара днем была нестерпимой, отправились в путь лишь к вечеру. Снова ехали по живописной горной местности, вдоль горной реки Акстафа, свернули с большой дороги, чтобы пробраться более коротким путем через горы, и 10 июля заночевали в лагере кочевников у Эшек-Майдана (Ослиная площадь).

Когда мы приблизились к лагерю, навстречу нам бросилась целая стая огромных сторожевых собак, и только камнями, да еще с помощью кочевников, мы смогли от них отбиться. Для нас освободили палатку, устланную коврами. Позже принесли хороший плов с вареной бараниной. Затем появился персидский трубадур, который вытащил спрятанный за спиной под халатом тамбурин и начал импровизировать в нашу честь стихи, сопровождая их гнусавым пением и игрой на тамбурине. Лагерь кочевников был разбит в горной котловине. С пастбищ пригнали скот, и у каждой палатки можно было видеть женщин и девушек с непокрытыми головами, которые доили скот и готовили ужин, в то время как вокруг бегала толпа полуголых ребятишек. Тут же вокруг палаток слонялись и голодные собаки. Снова была теплая чудная ночь, тишина которой нарушалась лишь лаем многочисленных собак.

11-го мы перешли границу провинции Эривань[28] и из-за гнетущей жары сделали привал в разрушенной мечети. Здесь мы впервые любовались великолепным видом величественного Арарата, двойная вершина которого, покрытая ослепительным снегом, поднималась на юге над равниной. 13-го числа мы перевалили через последнюю цепь гор и спустились в долину Аракса. День был великолепный, небо безоблачное. Мы расположились под группой деревьев, около журчащего ручья, и снова любовались видом Арарата, высившегося перед нами во всем своем великолепии. Наш армянин приготовил замечательный плов, и мы, находясь в веселом расположении духа, опустошили бутылку мадеры. Вечером отправились в путь и 17-го на рассвете приехали в Нахичевань, где, по преданию, Ной посадил первую виноградную лозу.

В городе, построенном целиком из саманного кирпича, мы остановились в так называемом дворце губернатора (хана). Нам отвели чистые и прохладные комнаты. Вскоре из гарема прислали персидский завтрак, состоявший из крутых яиц, кислого молока, зеленого лука, фруктов и тонкого хлеба (лаваш), а позже — замечательный обед. Завтрак и обед приносили на больших круглых медных подносах и ставили перед нами на ковер. Биби-ханум, или первая жена отсутствовавшего в настоящий момент хозяина, оказывавшая нам почести,

как невидимка, была настолько любезна, что сама распорядилась прислать нам лед, который пришелся очень кстати в эту сильную жару. Мы сердечно поблагодарили нашего невидимого ангела-хранителя за доброту и велели узнать, не можем ли мы со своей стороны чем-нибудь услужить ей. Вскоре появился евнух и попросил у нас бутылку рома для дам гарема; мы были счастливы передать ему ее. Вероятно, прекрасные, для нас невидимые одалиски понемногу выпивали в отсутствие своего повелителя, несмотря на то, что Мухаммед в Коране запретил пить вино. Но в его время еще не был изобретен ни ром, ни портер. Эти два напитка персы не считают запретными и называют портер «арпа-чай», т. е. «ячменная вода». Так как нам здесь понравилось и дул суховей, мы остались еще на день вблизи наших невидимых красавиц и лишь 19-го поехали дальше. Миновали ущелье и в 5 часов вечера прибыли наконец на карантин Джульфа, на левом берегу пограничной реки Аракс. Здесь мы встретили начальника карантина, который сидел по шею в воде, купаясь в прохладной реке. Мы видели только его красное, круглое, как луна, лицо. Вскоре он, однако, пришел на карантин и угостил нас шербетом. Отдохнув с полчаса, мы переправились через знаменитую своим прошлым и настоящим реку, не терпевшую мостов, и оказались на персидской территории, в провинции Азербайджан. Нас не задержали ни пограничники, ни таможенники, и вообще там не было ни единой души, которая потребовала бы у нас паспорта и спросила имена.

Мы двинулись в глубь страны по дикой равнине, окруженной высокими горами. Наши погонщики мулов привели нас в деревню Сугучи, где мы остановились на ночь во фруктовом саду. 21-го мы прибыли в селение Маранд, где снова расположились во фруктовом саду и отведали великолепных фруктов. Переждав дневную жару, тронулись дальше. 22-го мы остановились в селении Софиан, у мельницы, и, так как весь день дул сильный ветер, двинулись в путь только вечером. Всю ночь ехали по равнине, которая постепенно поднималась и 28-го на рассвете подъехали к еще закрытым воротам столицы провинции Азербайджан — Тавриза (Тебриза). Вместе с нами открытия ворот ожидали караваны верблюдов из Внутренней Персии и множество персидских крестьян с ослами, нагруженными овощами и другими продуктами. Когда нас впустили в город, мы поехали по узким улицам, вдоль домов с окнами во двор и с низкими дверьми в стенах. На плоских крышах одноэтажных зданий еще спали люди. Здесь, в Персии, а также на юге Закавказья летом все спят на плоских крышах или террасах.

В Тавризе жил наш генеральный консул статский советник Кодинец, в просторном доме которого, состоявшем из не-

скольких дворов, мы и остановились. Так как было еще очень рано, нас встретил надир, т. е. дворецкий, который разместил нас в четырех комнатах в одном из дворов. Здесь мы отдохнули после 17-дневного путешествия верхом, подкрепились двухчасовым сном и около часа дня нанесли визит консулу. Он принял нас очень сердечно и пригласил к завтраку. Здесь я впервые отведал персидский плов с керри, т. е. с приправой из индийского перца, и сильно обжег себе при этом нёбо и горло, потому что еще не привык к таким острым кушаньям. Консул был другом нашей семьи, и мы вспомнили время, проведенное вместе в Одессе. Он был холост и вел здесь однообразную жизнь. Кроме нескольких итальянцев и поляков, находившихся у персов на военной службе или в качестве врачей, здесь в 1837 г. не было ни одного европейца. Эту однообразную жизнь скрашивала, хотя и ненадолго, еженедельная почта из Тифлиса.

На следующий день я с генеральным консулом совершил прогулку по городу, который был очень растянут и местами разрушен. Частые землетрясения и последняя война с турками причинили ему значительный ущерб. Несмотря на это, он как столица Азербайджана и как пункт, расположенный на главном караванном пути, связывавшем Тифлис, Эрзерум и Тегеран, все еще имел большое значение. Впереди нас покорно, как того требовал персидский этикет, шествовало с полдюжины феррахов, или слуг, а также два кальяноносителя. Пройдя базар и много узких улиц с домами без окон, напоминавшими скорее параллельные высокие стены из самана или кирпича, с низкими деревянными калитками, мы вышли через городские ворота и направились к большому саду, чтобы нанести визит губернатору провинции Хасан-хану, имевшему титул амир-низама (главнокомандующего регулярными войсками). Нас провели на террасу, где было расставлено несколько больших шатров. Амир-низам встретил нас очень дружелюбно, приказал подать нам два кресла, щедро, по персидскому обычаю, угостил чаем, кофе, сладостями и предложил кальян. Во время приема, опять же по персидскому обычаю, он наговорил нам много комплиментов и лестных слов. Наконец, распрощавшись с ним, мы пошли через учебный плац, где находившийся на службе у персов английский сержант муштровал сарбазов (регулярная пехота), а итальянец — конных артиллеристов. В конной артиллерии были одни жеребцы, потому что перс никогда не сядет верхом на кобылу, не говоря уже о мерине. 28-го мы пережили подземный толчок (говорят, здесь это обычное явление), который, по счастью, не был значительным.

Во время моего 14-дневного пребывания в Тавризе я немного научился персидским обычаям и привычкам. Познакомился с несколькими итальянцами, бывавшими в консуль-

стве, а также с молодым греком из дома Ралли (известные на всем Востоке, а также в Европе банкиры). Он часто бывал у нас и сообщил мне некоторые сведения о торговле Персии с Россией и Англией. Климат, сильная жара, и, возможно, также перемена образа жизни вызвали у меня дизентерию в легкой форме, от которой меня вылечил д-р Гарибальди. Ночью нас мучили москиты. Каждый вечер мы перед сном устраивали на них охоту, прохаживаясь вдоль стен с горящей восковой свечой. Их укусы очень болезненны и вызывают зуд. Насекомое очень маленькое, серого цвета, его полет совсем не слышен, в то время как европейский комар при своем приближении издает знакомый всем звук.

1 августа Виткевич отправился в Тегеран, сопровождаемый лишь двумя слугами. Я должен был в Тавризе ожидать прибытия из Москвы подарков, которые наконец привезли 7 августа, и генеральный консул обещал мне послать их далее в Тегеран. Мы снова наняли мулов с погонщиками. 8 августа, вечером, в сопровождении слуг Афанасия и Стефаноса мы с Ивановским покинули Тавриз. Мы поехали через Хаджи-Ага, Кара-Чамен, Туркманчай и Саун до города Миане, куда прибыли 12 августа, проделав за эти четыре дня 22 агача (132 версты). Дорога вела местами по равнине, местами через горные цепи Кафлан-Куха, мимо разрушенных караван-сараев, через ущелья и долины. Попадавшиеся нам на пути деревни утопали во фруктовых садах, и у нас создалось впечатление, что персидский крестьянин живет здесь не так уж бедно.

Город Миане славится красивыми и прочными коврами, а также клопами, укусов которых, как говорят, опасаются иностранцы. Однако мы ни одного не видели. Город, в сущности, расположен на северной стороне Кафлан-Куха, отделяющего Азербайджан от Ирана; мы проехали его на следующий день. Склоны гор не крутые, и дорога вдоль них не связана с трудностями. Сами горы без всякой растительности, скалы голые. У южного склона этой горной цепи протекает Кызылузен, пробивший себе в северо-восточном направлении проход у Рудбара через горы Эльбурса. Далее он протекает через провинцию Гилян, где его называют Сефидруд (Белая река), и впадает к востоку от города Решт в Каспийское море. Это одна из самых больших рек Персии, но она не судоходна. Мы перешли ее к юго-востоку от Миане по солидному мосту, построенному из камня, и после неоднократных подъемов и спусков прибыли в деревню Ак-Кент. Рано утром 15 августа двинулись дальше по высокогорной равнине, лежавшей между двумя горными цепями, и в 11 часов утра прибыли в город Сеньян. Мы проехали через базар, растянувшийся на версту, где шла торговля всевозможными товарами и продуктами. Прибыв на свои квартиры, мы попросили

принести с базара еду; нам доставили замечательный плов с вареной курицей и кебабом (жареное мелко нарубленное мясо ягненка в форме колбасок, смешанное с перцем и луком). Все это было очень вкусно. Губернатором города был шах-заде (сын шаха) Али-Мирза[29]. Он приветствовал нас через своего управляющего и прислал дынь и винограда. По персидскому обычаю, мы должны были сделать управляющему денежное подношение.

На следующее утро мы продолжили наш путь. Он пролегал по бесконечной равнине, по краям которой в отдалении тянулись горные цепи. Проехав 48 верст, мы прибыли в 2 часа в Султание, некогда большой город, ныне обращенный в развалины. О былом блеске города свидетельствуют лишь две роскошные мечети, хотя и полуразрушенные, с великолепными куполами из цветного глазурованного кафеля. Мы остановились в полуразрушенном дворце покойного шаха Фатх-Али. Здесь он обычно проводил несколько летних месяцев, в то время как часть армии располагалась лагерем на широкой равнине, где имелись хорошие пастбища для лошадей. Этот город был обычно и сборным пунктом для армии, когда персидские шахи замышляли войну против турок, грузин или русских.

17 августа мы отправились дальше по пустынной равнине. Нам встретился караван паломников, возвращавшихся из Мешхеда. 19 августа мы перевалили через последнюю горную цепь Эльбурса и спустились на широкую равнину, где стоит Казвин, прежняя столица государства, большой город, окруженный садами, виноградниками и пашнями. Проделав 30 верст, мы въехали в этот прекрасный город, с многочисленными фонтанами. Губернатор Бакрам-Мирза, брат шаха, прислал нам пять больших подносов с фруктами — подарок, стоивший нам два дуката. Эти денежные вознаграждения являются если не единственным, то, во всяком случае, главным заработком персидских слуг, которые редко получают плату от персидских господ, в чем я позднее не раз убеждался на собственном опыте. Расстояние между Миане и Казвином составляет 44 агача, или 265 верст, которые мы проделали за семь дней.

Из-за сильной жары мы выезжали очень рано, обычно в 4 часа, а если расстояние до следующей станции было очень велико,— даже в 2 часа утра. На ночлег прибывали в 11—12 часов или в 2 часа пополудни; затем мы и наши люди, лошади и мулы отдыхали до утра. Небо было постоянно безоблачным, а воздух — таким прозрачным, что все предметы казались ближе, чем в действительности. Этот оптический обман приводил нас часто в отчаяние. В то время как мы бывали твердо уверены в том, что ночлег уже близок, что доберемся до него за час, нам приходилось ехать еще три или

четыре часа в сильную жару, чтобы наконец найти тень и кров.

Персия — пустынная высокогорная равнина (Тегеран расположен на высоте 3,5 тыс., а Исфахан — 4 тыс. английских футов над уровнем моря), пересеченная множеством горных хребтов и цепей холмов. Там, где есть вода, можно найти великолепные оазисы. Сотни подземных каналов (канатов), следы и остатки которых можно встретить повсюду, свидетельствуют о былом благополучии страны. Ислам, как и везде, где он господствовал, постепенно сводил на нет величие Персии; теперь это лишь тень того, что было когда-то.

Путешественники попадались нам на пути редко, большей частью мы встречали караваны нагруженных верблюдов и мулов. На необъятном плоскогорье мы часто видели пасущихся овец или многочисленные стада ослов. Когда мы прибывали на ночлег, нас обычно встречал хозяин с уверениями, что его дом, он и его семья находятся в нашем распоряжении. Затем он вел нас в чистую комнату, устланную коврами, и сразу же приносил большой медный поднос с фруктами, кислым молоком, овечьим сыром, крутыми яйцами, нарезанным зеленым луком или молодым луком и хлебом — завтрак, который мы, а после нас наши люди съедали с большим аппетитом. После отдыха и сна мы отправлялись вечером гулять по деревне, чтобы осмотреть окрестности. По возвращении нас ожидал ужин; вкусный плов и другие блюда персидской кухни, как правило великолепно приготовленные. Если позже у нас возникало желание попить чаю, мы обычно приглашали хозяина, что ему очень льстило. Но женщин мы не видели. На улицах мы все же встречали молодых девушек, которые обычно возвращались в деревню от колодцев или родников с большими кувшинами, полными воды, на плече. Их стройные фигуры, их одежда и осанка напоминали нам картины Ветхого завета. Домашние обычаи на Востоке, во всяком случае у крестьян и кочевников, остались такими же, как и во времена Авраама. И только в Персии я понял многие места из Библии, которые мне были непонятны в то далекое время, когда мальчиком я ее изучал. Когда на следующий день мы снова отправлялись в путь, хозяин становился у входной двери с букетом цветов или розой в руке, вручал их нам, а мы давали ему деньги за гостеприимство. В Персии, чтобы взять вознаграждение, протягивают не одну руку, а две приложенные друг к другу ладони. Этот жест, как можно предположить, означает, что от вас ожидают очень щедрого денежного вознаграждения, которое будто бы одна рука не в состоянии удержать.

20 августа, вечером, мы покинули Казвин и проехали через большие фруктовые сады и виноградники. Проделав за ночь 42 версты по широкой равнине, остановились в 4 часа

утра в деревне Кишлак, где провели целый день из-за сильной жары. Хозяин дома, молодой перс приятной наружности, отвел нам прохладную комнату без окна, в которую дневной свет проникал лишь через две двери; вторая, запертая, вела во внутренний двор, где он жил со своей семьей. Поскольку, однако, персидские двери не отличаются массивностью и большей частью состоят только из сколоченных тонких досок, мы, предварительно подкрепившись крепким сном, воспользовались этим обстоятельством, чтобы взглянуть через щели упомянутой двери на быт персидской семьи. Мы увидели двух молодых красивых женщин 18—20 лет, которые готовили для нас плов. Из-за жары на них была лишь легкая хлопчатобумажная одежда темно-коричневого цвета, представлявшая собой широкие шаровары и рубашку с вырезом впереди, едва прикрывавшую грудь. Их головной убор, без покрывала (они были уверены, что за ними не наблюдают), состоял лишь из красной шапочки (фески), которая держалась на самой макушке, так что пышные, черные, как смоль, волосы, заплетенные в толстые косы, спускались на шею и плечи. Красивые черные глаза с длинными ресницами, свежий цвет лица и перламутровые зубы дополняли портрет. Мы не могли насмотреться на их пышные формы и плавные движения. К счастью, молодой супруг не догадывался, что чужие глаза проникли в тайны его гарема. Позже мы увидели обеих женщин во дворе, в тени вяза, отдыхавших после обеда. Они лежали в живописной позе на простом ковре, и мы часто смотрели через предательские дверные щели и любовались приятным зрелищем. Вечером мы увидели, как они с любопытством рассматривают чайный котел, который мы дали хозяину, чтобы иметь под рукой горячую воду. Позже мы послали им несколько чашек чаю с большими кусками сахара, которые отдали хозяину для его хане (дома), так как в Персии напоминать супругу о его женах считается нарушением обычаев и даже обидой.

В 6 часов вечера мы отправились дальше и ехали всю ночь. Такое ночное путешествие навевает в Персии лирическое настроение. Темно. Безоблачное небо покрыто мириадами звезд, блеск которых намного интенсивнее, чем в Северной и Центральной Европе; они дают достаточно света, чтобы можно было видеть дорогу. Ничто не нарушало божественной тишины теплой ночи на обширной равнине, кроме тихого перезвона колокольчиков нагруженных мулов, быстро передвигавшихся один за другим. Во время таких больших ночных переходов имеешь достаточно времени, чтобы предаться мыслям. Однако длительные ночные поездки утомительны, и путешественник с нетерпением ожидает восхода лучезарного Сириуса или следующего за ним Ориона, созвездия, предвещающего наступление утра. Ночью мы заблуди-

лись. За все это время мы проделали в общей сложности 42 версты и оставались в седле 16 часов.

В 10 часов утра приехали в Солеймание, где после утомительного путешествия расположились под аркадами летнего дворца и погрузились в крепкий сон. Позже мы осмотрели внутренние залы дворца. В них роскошь сочеталась с легкостью архитектуры. В зале приемов мы видели портреты господствующей династии Каджаров, написанные на стене. В одном из залов потолок был сделан из зеркал; позднее я видел это украшение во многих персидских дворцах. Обширные сады были запущены и пустынны, так как после смерти Фатх-Али-шаха никто из членов королевской семьи здесь не жил, и все, казалось, было обречено на гибель. Было воскресенье (22 августа), и мы весь день оставались под этими прохладными аркадами. Вечером приехал голям (верховой слуга) первого секретаря нашей миссии в Тегеране барона Боде, чтобы проводить нас в русский летний лагерь, до которого предстояло ехать еще одну станцию.

23 августа, в 4 часа утра, мы оседлали лошадей и двинулись по широкой равнине. Слева тянулась знаменитая цепь Эльбурсских гор. Мы проехали в тропическую жару 48 верст, последние 10 верст рысью, чтобы побыстрее добраться, оставили Тегеран справа в направлении вышеупомянутой горной цепи и в 3 часа дня прибыли наконец в Касре-Каджар (замок, или крепость, Каджар) — увеселительный замок покойного Фатх-Али-шаха, где в тенистых садах, орошаемых журчащими кристально-чистыми ручьями, были установлены палатки императорской миссии. Расстояние от Казвина до Тегерана составляет 22 агача, т. е. 132 версты. У входа в парк, окруженный высокой стеной, стоял персидский почетный караул, который отдал нам честь. Барон Боде и Виткевич вышли нам навстречу и провели в палатку нашего посланника графа Симонича, перед которым мы предстали в пыльной дорожной одежде и который принял нас очень любезно.

Лагерь русской миссии был расположен, как уже говорилось, в парке Касре-Каджар, и каждый выбрал для себя тенистое местечко. Для меня приготовили просторную высокую персидскую палатку в форме четырехугольника, и так как сегодня было уже поздно полностью поставить ее (из-за большой жары она должна была быть двойной, т. е. с коридором из хлопчатобумажной материи и с двойной крышей для сквозняка), удовлетворились пока внутренней, или нижней, палаткой. Долгое путешествие в сильную жару, особенно сегодняшняя поездка, сильно возбудило меня, и доктор миссии, господин Йениш, немец, дал мне для успокоения немного содового порошка. Слуга поставил мне походную кровать, состоящую из обоих моих чемоданов (яхтан), в угол палатки. Я лег рано и погрузился в глубокий сон. Ночью со снежных

гор Эльбурса повеял холодный ветер, продувавший тонкие, полуоткрытые стены палатки. Во время сна одеяло сползло с узкой походной кровати, и на другое утро, проснувшись, я был точно парализованный. Поднявшись, я потерял сознание и вынужден был оставаться 18 дней в постели, которую мне сразу же приготовили на расстеленных в палатке коврах. Для меня устроили горячую баню в ванной из юфтовых кож, поставили 25 пиявок на виски и на затылок. Но так как я был сильно возбужден, страдал бессонницей, читая все ночи напролет и выпивая каждую ночь по два-три графина воды или полдюжины шипучих порошков, мне сделали кровопускание. Во время этой операции кровь не ударила фонтанчиком из артерии, как обычно, а полилась, будто из лейки, испачкав при этом врача и постель. Мне выпустили около двух фунтов крови, и я почувствовал себя легче, но, несмотря на это, мои нервы еще долго были возбуждены. У меня был ревматизм левой стопы и мизинца левой руки, который, казалось, совсем онемел, затем приступы странной лихорадки, повторявшиеся 12 дней и сопровождавшиеся выделением пота, от которого намокала рубашка и простыни. Однако я всегда был в полном сознании и постепенно поправился. Граф Симонич ежедневно бывал у меня в палатке, уделял мне много внимания, был очень добр и, если позволяло мое состояние, возил с собой на прогулку и показывал окрестности Тегерана.

Весь сентябрь было 24—26° тепла в тени, но ночью температура падала до 12°, и надо было быть очень осторожным, чтобы не простудиться. Все наши из миссии одевались по вечерам тепло, и не напрасно перс, а также турок носят теплый кушак.

Во время моей болезни уехал в Кабул Виткевич, сопровождаемый только толмачом. Он попрощался со мной. Позже он мне признался, что не надеялся увидеть меня снова живым, но судьба хотела, чтобы он сам вскоре (в 1839 г.) ушел из жизни; об этом я позднее еще скажу.

Его отъезд в Кабул и наше прибытие в Персию вообще сильно обеспокоили английскую миссию, которая находилась тогда в Тегеране. В ее составе были министр* Макнил[30], шотландец, бывший врач английской миссии в Персии, знавший в совершенстве язык и обычаи страны и имевший большие связи в персидских верхах благодаря своим врачебным познаниям, далее — первый и второй секретари и несколько английских офицеров (половина находилась на персидской службе в качестве военных инструкторов), а также капитан артиллерии Тодд, майор Ферранд, полковник Сохейл, полковник Стоддарт[31] (он находился при персидской армии во время похода на Герат, а позднее так печально кончил в Бухаре)

* Посланник.

и несколько английских сержантов, обучавших сарбазов строю. Из-за моего приезда в Персию политические отношения между обеими миссиями стали несколько натянутыми. Однако внешне отношения продолжали быть дружескими, поскольку все члены английской миссии были образованными и приятными людьми.

Граф Симонич, родом из Зары в Иллирии, поступил на французскую службу, когда его родина после заключения мира в Шенбрунне (в 1809 г.) [32] отошла к Франции. Молодым, в чине капитана, он принимал участие в походе 1812 г., попал в плен у Красного во время ужасного отступления французов и был отправлен с многими своими товарищами по несчастью во внутренние районы государства. Будучи больным, остался в Казани, встретил у местного дворянства дружеский прием и благодаря своей красивой внешности, образованности, живости характера и как человек славянского происхождения сделался всеобщим любимцем. После заключения Парижского мира (1814 г.) Иллирия снова отошла к Австрии, и так как граф Симонич не пожелал быть подданным этого государства, он поступил на русскую службу и попросился на Кавказ, чтобы сделать там карьеру. Ему присвоили звание майора и послали служить в грузинский гренадерский полк. Здесь под командованием генерала Ермолова [33], который его очень высоко ценил, он участвовал во многих экспедициях против горцев. Женился он на 18-летней вдове, княгине Орбелиани, женщине необычайной красоты. В битве при Елизаветполе (сентябрь 1826 г.), когда он повел свой батальон в штыковую атаку против персов, был тяжело ранен в левое бедро и остался хромым на всю жизнь. Позднее, в 1828—1829 гг., он принимал участие в походах против турок в Азии. После заключения Адрианопольского мира [34] Симонича произвели в генерал-майоры и по рекомендации его покровителя, князя Паскевича [35], назначили в 1833 г. посланником в Персию, где он завоевал большое доверие тамошнего правителя Фатх-Али-шаха. Граф находился в дружеских отношениях с английским посланником Эллисом, и после смерти Фатх-Али-шаха (1835 г.) благодаря их энергичным действиям не вспыхнула гражданская война между многочисленными сыновьями шаха (который, к слову сказать, имел гарем из 1500 жен), каждый из которых претендовал на трон. Оба правительства (русское и английское) добивались от персов того, чтобы в будущем престол занимал только ближайший наследник, и таким образом законным престолонаследником был признан в 1833 г. старший сын умершего Аббас-Мирзы (последнему мы обязаны войной 1826—1828 гг., приобретением двух бывших персидских провинций — Эривань и Нахичевань, а также 20 миллионами серебряных рублей контрибуции) по имени Мохаммед-Мирза, который вступил на персидский трон под

именем Мохаммед-шаха. Господин Макнил был тогда всего лишь врачом в английском посольстве. После отзыва господина Эллиса из Персии лорд Пальмерстон[36] назначил господина Макнила его преемником, что, естественно, несколько задело самолюбие графа Симонича, так как новоиспеченный английский министр играл ранее лишь второстепенную роль в Персии и теперь вдруг занял равное положение с русским полномочным министром. Я еще вернусь к фигуре Макнила в связи с политическими событиями в Персии, Афганистане и Индии в период с 1836 по 1840 г.

Во время нашей лагерной жизни в Касре-Каджаре я ближе познакомился с персидскими обычаями, привычками и характером этого народа. Никто их не описал так правдиво и верно, как англичанин Морриер в своем замечательном романе нравов «Мирза-Хаджи-Баба»[37]. Морриер долгое время находился в Персии в качестве первого секретаря английской миссии и в совершенстве знал язык страны. Он был очень тонким наблюдателем, и его книга о характере, нравах и обычаях различных слоев персидского народа является шедевром. Роман нравов «Хаджи-Баба» я впервые прочитал на английском языке в Одессе в 1829 г. и считал его острой эпиграммой на персов; однако впоследствии мое пребывание в этой стране убедило меня в противоположном.

В первые дни в лагере Касре-Каджар я часто слышал резкие звуки незнакомого мне инструмента, которые особенно резали слух ночью. На вопрос, что это за звуки, мне ответили, что производит их факир, который устроился у входа в парк. Он прибыл бог весть откуда и сидел здесь уже несколько недель, требуя от графа Симонича с факирской наглостью 30 туманов (пол-империала) и лошадь, чтобы совершить паломничество в Мекку. Дожидаясь своего, он устроился у входа в парк под открытым небом, где проводил дни в безделье, курил кальян и дул в большую раковину, время от времени громко выкрикивая: «О господь, где правда?» Позже я увидел этого изверга в человеческом обличье. Голый, лишь в грязной набедренной повязке, с длинными волосами, взъерошенными и нечесанными, свисающими с головы, худой как скелет, с кожей грязного цвета, поскольку он никогда не мылся, он сидел на корточках в тени платана и проводил дни, ничего не делая или, как он утверждал, с молитвой и в тихом раздумье. Он был чрезвычайно воздержан, так как ел только хлеб, виноград или другие фрукты, которые давали ему слуги или караульные сарбазы. Его единственным удовольствием было сосать лед, без которого во время летней жары не может жить ни один персидский крестьянин. Кусочки льда он получал с кухни графа, как и немного табаку для кальяна, без которого не обходится ни один перс; этот кальян, медная чаша и раковина было все его богатство. Так это существо

жило у входа в парк до тех пор, пока мы не вернулись в Тегеран, куда он с настойчивостью последовал за нами. Здесь он поселился у ворот нашего дома в нише стены, где просидел всю зиму в холоде и сырости и покинул свой пост только весной, когда граф пожаловал ему 10 туманов, чтобы отделаться от него. Таких факиров в Персии очень много; население терпит их; однако большей частью это притворщики и аморальные люди, которые странствуют по стране, продают амулеты невежественному народу и живут милостыней. Морриер очень метко описал их привычки.

Во время одной из наших поездок по окрестностям Тегерана граф показал мне место у городского рва, недалеко от Казвинских ворот, где были зарыты тела 37 русских, которые погибли во время убийства нашего посланника Грибоедова в Тегеране в 1829 г. После приезда графа Симонича в Тегеран в 1834 г. их останки при его содействии были вырыты темной ночью и перевезены в армянскую церковь, где были похоронены во второй раз в освященной земле. Развалины бывшего дома русского посланника в центре города, где фанатичной чернью был убит Грибоедов со всей его свитой, показал мне потом барон Боде. Мы взобрались на эти жалкие кучи кирпича и глины, и моим глазам предстали еще следы пуль в стенах кабинета несчастного посланника, где он погиб последним, когда толпа сняла крышу дома и открыла стрельбу сверху. Его гибель была позже подробно описана. Из всей миссии спасся лишь юный Мальцев, который находился в этот злосчастный день на охоте, за городом.

В октябре 1837 г. миссия вернулась в город. Наш просторный дом находился в Арке (цитадели), недалеко от ворот Довлет-Дервасси. Дом состоял из четырех довольно просторных дворов, два из которых были обсажены платанами, с бассейнами в центре. Мне отвели уютную комнатку на первом этаже дома, в котором жил граф. Стены, по персидскому обычаю, были разрисованы пестрыми арабесками, цветами и золотом, как и потолок, где были изображены два медальона. В комнате были камин с заслонкой и два маленьких чулана по обеим сторонам для хранения вещей и для слуги. В стенах были сделаны небольшие ниши, куда можно было ставить книги и другие предметы. По всей вероятности, в этих комнатах жили раньше женщины, потому что весь комплекс зданий, который мы получили от шаха на зимнее время, принадлежал ранее персидскому хану, жившему тут с семьей. Я уютно устроился и начал усердно собирать материал относительно персидской армии и управления страной, используя архив миссии.

Наша жизнь в Тегеране была немного однообразной. Каждое утро я пил чай в своей комнате. Между 10 и 11 часами приходил слуга (ферраш) и обращался ко мне со сло-

вами: «Нахар бефармайид» («Прошу, пожалуйста, к завтраку») или: «Нахар хазер аст» («Завтрак готов»), приглашая в столовую графа. Здесь собирались мои товарищи по службе: барон Боде, Ивановский и доктор Йениш. Второй секретарь миссии Гутт (поляк) находился тогда в персидской армии на пути в Герат. Вскоре появлялся граф в сопровождении своего сына Николая, красивого мальчика двенадцати лет, и охотничьей собаки. Мы садились за завтрак, который состоял лишь из двух легких блюд, обычно бараньих ребер с картофельным пюре или домашней птицы с овощами, и затем фруктов; замечательное вино из Исфахана или Хируза, разбавленное из-за жары водой, услаждало нашу трапезу. Персы-камердинеры (пишхедмат), имевшие привычку оставлять туфли в коридоре, бесшумно ходили в цветных носках по толстому ковру, покрывавшему пол, и объяснялись между собой знаками, что кому надлежало делать: пока мы сидели за столом, они не произносили ни единого слова. После завтрака появлялся кальянчи графа и подавал ему трубку. Одновременно приносили кальяны и наши слуги. Вскоре каждый из нас возвращался в свою комнату. По просьбе графа я ежедневно несколько часов занимался с юным Николаем, веселым, жизнерадостным юношей, которого мало влекло к математике, истории и географии; его страстью были лошади, собаки и охота. Отец баловал молодого человека и питал слабость к своему любимцу. Во второй половине дня я обычно ездил с графом на прогулку, но так как улицы были узки даже для проезда легкого фаэтона, мы ехали верхом до ворот Довлет-Дервасси, где уже стояла наготове коляска, а затем отправлялись за город, сопровождаемые двумя или тремя донскими казаками.

Нельзя сказать, что окрестности Тегерана уж очень живописны, поскольку резиденция находится на равнине. Тем не менее горы Эльбурса, тянущиеся к северу от города, являли собой чудесный вид. Здесь было почти всегда чистое небо, чего не бывает на севере, и осеннее богатство красок деревьев и кустарников сохранялось до конца ноября, пока не опадали листья. Здесь можно было любоваться всеми оттенками — от светло-зеленого до темно-красного и коричневого, и на эту великолепную картину бросало золотые лучи вечернее солнце. На дальнем плане, к северо-востоку, возвышался покрытый снегом исполинский конус горы Демавенд, высотой 18 600 футов, а на западе терялись в голубой дымке Эльбурсские горы. На обратном пути в город мы обычно встречали целые караваны ослов без поклажи, которые возвращались со своими хозяевами в окрестные деревни.

Персидский крестьянин перевозит все продукты полеводства и другие грузы на спинах этих терпеливых животных, и каждое утро большая вереница ослов, нагруженных овоща-

ми, домашней птицей, дынями, фруктами и льдом (с Эльбурса или с ледников), ждет открытия городских ворот Тегерана, который окружен стеной с башнями из глины и сухим рвом. Сразу же после продажи продуктов крестьянин возвращается в свою деревню, погоняя ослов, которые медленно передвигаются по узким улочкам города. Едва выбравшись за городские ворота, животные оживляются, радуясь свободе и освобождению от тяжести, и в густом облаке пыли мчатся галопом в поле, издавая громкие крики и выделывая потешные движения. Владелец следует за ними, сидя верхом не на спине осла, а на крупе, и иностранцу кажется комичным вид такого крестьянина, едущего быстрой рысцой в длинном кафтане, прикрывающем его ноги и зад осла; если смотреть на него со спины, можно подумать, что это он сам бежит быстрой рысцой, а не его верное животное, которое следует за своими товарищами.

По возвращении на квартиру я занимался чтением или навещал своих товарищей по службе в соседних домах, пока нас после захода солнца не приглашал к ужину дежурный ферраш словами: «Шам хазер аст» («Ужин готов»). Время ужина в Персии — основное время еды. Начинается он летом или зимой после захода солнца. У нас он состоял из супа, овощей и жаркого — обычно из домашней птицы, дичи или баранины, так как в Персии нет говядины или телятины. Баранина вкусная; она белая, нежная и сочная, как лучшая телятина, и всегда свежая. После еды курили, обменивались новостями дня или рассказывали об охотничьих приключениях, ибо и доктор Йениш был заядлым охотником.

Каждые две недели из Тавриза приезжал чапар (курьер), привозивший нам почту, т. е. газеты, письма, книги и депеши из России. Приезд чапара был всегда праздником для членов миссии: нужно жить далеко от родины и от всех близких, среди чужих людей, чтобы понять то радостное настроение, которое охватывало нас каждый раз по прибытии почты. Письма и газеты жадно проглатывались, и каждый спешил ответить на полученное письмо.

Из сказанного ранее видно, что мы вели без женского общества немного однообразную жизнь, довольствуясь, в сущности, своим собственным обществом. Правда, к нам нередко приходили в гости персы. Графа часто посещали управляющие различных департаментов, принцы по происхождению, и т. д. Это были большей частью официальные визиты, от которых мы не были в восторге. По персидскому обычаю, очень невежливо отказываться принимать гостя, и это извинительно лишь в том случае, если находишься в бане. Граф был вынужден всегда наносить ответный визит, сопровождал его обычно я. Итак, я имел возможность наблюдать церемониал, который характерен и для государственных визитов.

Так как граф считался везир-и-мухтаром, т. е. представлял русское правительство, а в Персии вообще придают большое значение внешнему блеску и роскоши, то он всегда заранее оповещал о своем прибытии и притом к разным персонам в один и тот же день, чтобы разом покончить с церемониалом. В установленный час мы отправлялись в путь — как того требовал обычай, верхом. Впереди нас шли попарно шесть-десять феррашей во главе с их начальником феррaш-баши, все в голубых или темных кафтанах. Далее следовали три персидских или туркменских жеребца, крупы которых покрывали большие пестрые попоны (симпуши); каждого из них вел под уздцы конюх. За ними, тоже попарно, шли четыре камердинера, опрятно и даже элегантно одетые. Затем верхом ехал граф, впереди которого шел его конюх (мирахор), неся на плечах вышитую попону. Далее — кальянчи с курительной трубкой в руках, слуга с палкой графа (Симонич из-за ранения хромал), человек, несший его галоши, и шесть казаков в форме. Потом ехал я, также сопровождаемый конюхом с попоной. Замыкал шествие драгоман Мирза-Якуб, который также имел конюха и прислугу. Вся эта процессия, за исключением графа, меня и драгомана, следовала пешком, медленно, как того требовал персидский этикет. Так мы ехали по узким, грязным или пыльным, немощеным улица Тегерана. По обеим сторонам были лишь высокие, построенные из глины или саманного кирпича стены без окон, с низкими воротцами или воротами со сводом, с которого свисали закрепленные на обоих косяках железные цепи, препятствовавшие въезду на лошадях. Народ почтительно расступался, хотя толкотня, особенно на базарах, через которые мы иногда ехали, была огромной.

Подъехав к дому министра и т. д., мы спешивались, и конюх сразу же накрывал лошадей попонами. Такие дома имели обычно просторный двор, в глубине которого находился селямлик, т. е. комната приемов. В ней были большие окна с цветными стеклами, которые часто имели вид прекрасных арабесок; летом окна были всегда настежь открыты. Рамы крепились вверху на шарнирах или поднимались снизу вверх, как жалюзи. Такие окна, как у нас, редко встречались в Персии. У двери комнаты приемов, которая обычно представляла собой вышитый занавес (сарай-парде), мы снимали галоши и проходили в помещение, пол которого устилали ковры. Вдоль стен были еще расстелены толстые войлочные коврики, на которые, по персидскому обычаю, садятся на пятки, скорее, на корточки. Однако вежливости ради для нас всегда держали наготове кресла или стулья. Драгоман садился на корточки у входа в комнату. Хозяин дома, если он не был принцем или первым министром, выходил навстречу графу, осыпал его по обычаю любезностями и обращался к нему,

как правило, со словами: «Ахвал-е шома хуб аст?» («Как ваше здоровье?») или: «Ахвал-е шома четоур аст?», что означало то же самое, и просил его сесть. Затем слуга сразу же приносил кальяны и поднос с черным кофе без сахара в маленьких чашечках с блюдцами филигранной работы, чтобы не обжечь пальцы. Эти чашечки подавали по рангу. Если приходили другие гости, то при входе они говорили: «Хода хафез шома» («Да хранит вас господь»), присоединялись к находившимся в комнате и садились на корточки, каждый согласно рангу, на свои места вдоль стены. Другие гости уступали вновь пришедшим место, если те имели более высокий ранг, чем они. Во время приема беседовали о погоде, обменивались новостями из Герата, но никогда не говорили о семье, ибо в Персии это считается в высшей степени неприличным. После кофе появлялся второй слуга с большим подносом на голове, на котором стоял чайный сервиз. Он садился на корточки в центре комнаты, наливал чай (без сливок), и чашки передавались согласно рангу гостей. Выкуривали второй и третий кальян, причем, по обычаю, каждый делал лишь несколько затяжек из трубки и затем отдавал ее слуге. Иногда появлялся еще третий слуга с блюдом, наполненным сладостями, большей частью сахаром. Визит продолжался около получаса, затем граф поднимался со словами: «Мораххас бефармайид», т. е. «Разрешите мне удалиться», и хозяин, очень сожалея о коротком визите, провожал нас до двери, где ожидали наши слуги, которые показывали нам дорогу через двор на улицу. Здесь снова садились на лошадей и, соблюдая тот же церемониал, отправлялись к следующему дому, где все повторялось снова. Сделав пять-шесть визитов в день, можно было возвращаться домой, ощущая в желудке тяжесть от выпитых пяти чашек кофе и стольких же чашек чая и с головной болью от выкуренных кальянов. Деревенские обычаи — чистые нравы!

Наши ежедневные поездки по окрестностям чередовались иногда с прогулками верхом. Часто мы отправлялись верхом за город и без графа, чтобы полюбоваться окрестностями.

В пятницу (джума), т. е. в мусульманское воскресенье, мы обычно отправлялись в мечеть Шах-Абдул-Азим, место паломничества, в 5—6 верстах восточнее Тегерана. Здесь мы всегда встречали много женщин, которые совершали свой «зиарет», т. е. паломничество, верхом или на носилках (тахтараван), которые несли два мула. Богатых персиянок сопровождали верхом и пешком евнухи или мужская свита. Другие, победнее, ехали одни, как обычно тщательно закутанные и с белой хлопчатобумажной сеткой, закрывающей лицо. Однако женщины везде одинаковы, и часто бывало, что, когда поблизости не было ее соотечественников, встреченная нами женщина, если она была красива и молода,

стыдливо поднимала покрывало, чтобы приветствовать нас пылким взглядом своих черных, как уголь, глаз, и иногда тихо шептала: «Салам сахеб» («Приветствую вас, господин»).

Во время наших прогулок мы бывали и в садах покойного Фатх-Али-шаха. Все эти сады обнесены высокими стенами. За всегда запертой входной дверью, примерно в трех шагах от нее, находится вторая стена, высотой 7 и длиной 10 футов, которая, если даже открыта внешняя дверь, защищает внутреннюю часть сада от взоров любопытных, так как там в это время могут гулять или сидеть без покрывал женщины.

Ревнивые жители Востока принимают всевозможные меры предосторожности, охраняя своих женщин, но их все же часто обманывают. В одном из таких королевских садов имеется Аби-Сер, или Серд-Аб, т. е. подземный павильон, в который спускаешься по пологому коридору без ступенек. Внизу оказываешься вдруг в просторном помещении с боковыми комнатами, купола которых с оконцами из цветного стекла находятся на уровне поверхности сада. Тут же обставлено с восточной роскошью; стены украшены арабесками ярких тонов, везде бассейны с кристально-чистой водой и фонтаны.

Здесь в прохладных полутемных покоях шах проводил со своими одалисками жаркие летние дни и мог даже купаться. Старый сладострастник приказал устроить здесь приспособление, которое ласкало бы его взор. Из одной верхней комнаты этих подземных покоев (бала хане) прямо в бассейн вела узкая покатая плоскость, т. е. лестница без ступеней, из белого мрамора. Если шах желал искупаться, он садился в прохладную воду бассейна, и по его знаку к нему съезжали по этой плоскости его одалиски, единственным украшением которых была, конечно, естественная нагота. Во время этого спуска обрюзгший развратник мог наслаждаться прелестями своих наложниц. Можно только догадываться, какие здесь совершались оргии, о которых мы, европейцы, не имеем никакого представления.

Между тем приближалась зима, которая на широте Тегерана обычно не сурова. Небо было пасмурным, иногда шел дождь, иногда небольшой снег, который быстро таял на улицах Тегерана, но оставался лежать на окрестных горах. Мы редко наносили визиты, зато Мирза-Салех и Мирза-Массуд, тогдашний министр иностранных дел, оба говорившие по-французски и сопровождавшие в 1829 г. принца Хозрев-Мирзу в Петербург[38], а также Мирза-Баба, лейб-медик шаха, воспитывавшийся в Англии, часто бывали у нас.

Члены английской миссии пригласили нас к себе на рождество, и мы весело провели там вечер. Позднее мы устроили ответный банкет, который прошел еще веселее. Так закончился 1837 год.

Глава III

1838 год

Январь был настолько мягким, что уже 24-го мы смогли совершить поездку в один из окрестных королевских садов, чтобы устроить пикник прямо на молодой траве. В то время я еще не предполагал, что этот год будет одним из интереснейших в моей жизни. Объяснялось это сложившейся тогда политической ситуацией на Востоке, о которой необходимо предварительно дать некоторые разъяснения[39].

Выше упоминалось, что во время моего приезда в Тегеран, в августе 1837 г., шах отсутствовал. Он продвигался со своей армией к Герату, чтобы овладеть им. Шах имел на то полное право, потому что этот важный город ранее принадлежал Персии и персидские правители никогда не отказывались от него. Тогдашний правитель Герата Камран-Мирза (называвшийся также Камран-шахом), афганец, часто совершал набеги на пограничные персидские районы, грабил города и деревни, уводил с собой жителей и тысячами продавал их в Бухару и Хиву. Несмотря на то что русский и английский министры отговаривали шаха от этого похода (в особенности граф Симонич убеждал шаха через его первого министра Мирзу Хаджи-Агасси привести сначала в порядок расстроенные финансы государства, улучшить управление, а затем уже думать о возвращении своей прежней собственности), эти дружеские советы не имели ни малейшего успеха. В июле 1837 г. Мохаммед-шах выступил из Тегерана со своей армией, чтобы вернуть Герат, ключ к Индии, как называли его англичане. Английское правительство неодобрительно относилось к этому предприятию и пыталось любыми средствами его сорвать или по крайней мере помешать его осуществлению. Всем английским офицерам, находившимся на персидской службе, было запрещено следовать за армией; исключение составлял лишь полковник Стоддарт, который должен был подробно информировать министра Макнила о продвижении войск. Армия шаха двигалась очень медленно. В октябре она овладела маленьким фортом Гуриан, который был ключом к Герату, и начала осаду последнего.

Во время похода персидской армии к Афганистану его величество покойный император Николай предпринял поезд-

ку на Кавказ, посетил Тифлис, но ранее побывал в Эривани. Здесь его встретил губернатор персидской провинции Азербайджан амир-низам из Тавриза, чтобы приветствовать его величество от имени шаха. Амир-низам прибыл на встречу, по персидскому обычаю, с большой свитой, в которой находился и юный наследник престола, нынешний шах Насер эд-дин, тогда восьмилетний мальчик. Император принял мальчика очень дружелюбно, посадил его себе на колени, приласкал и щедро одарил, но в беседе с амир-низамом заявил, что со стороны шаха, его друга и доброго соседа, нелюбезно не только принимать к себе русских и польских дезертиров, но и, более того, формировать из них под командованием бывшего вахмистра целый батальон, который теперь находится при армии шаха и, вероятно, стоит уже у стен Герата. Итак, он желает, чтобы эти дезертиры были отправлены в Грузию. Желание императора было для амир-низама, естественно, приказом, и он ответил его величеству, что тотчас же сообщит об этом своему государю, но счел необходимым добавить, что отправка дезертиров назад связана в данное время с некоторыми трудностями, так как русский батальон, вероятно, уже под стенами Герата. Император Николай настаивал тем не менее на его выдаче и выехал из Эривани в Тифлис. Граф Нессельроде поставил в известность графа Симонича о воле его величества императора и приказал ему приложить все усилия к тому, чтобы завершить это дело. Между тем слух об этом дошел до графа уже с персидской стороны. Однако персидская администрация начала с того, что стала поспешно переправлять в лагерь под Гератом снаряжение русских и польских дезертиров, находившихся в Тегеране и Тавризе. Эти действия не свидетельствовали о персидской лояльности. Так как шах и его первый министр Мирза Хаджи-Агасси (который был действительным правителем Персии) находились под Гератом и граф ни с одним из них не мог вступить в прямой контакт, чтобы обсудить этот вопрос, он в записке графу Нессельроде попросил добиться для него разрешения его величества лично отправиться в лагерь под Гератом и переговорить с шахом и его министром об этом деле.

Между тем английская миссия пронюхала об обмене депешами, и, догадываясь об их содержании, Макнил, чтобы опередить нас, выехал 26 февраля из Тегерана в лагерь под Гератом в сопровождении артиллерийского полковника Тодда, майора Ферранда и нескольких английских сержантов. Цель этой спешной поездки, как мы позднее узнали, заключалась в том, чтобы склонить шаха снять осаду Герата, а в противном случае побудить защитника города Яр-Мухаммедхана, первого министра Камран-Мирзы, а также его тайного советника и помощника английского лейтенанта Элтреда

Поттингера затянуть оборону Герата до тех пор, пока Англия официально не вмешается в это дело.

Мы тем временем вынуждены были ждать ответа из Петербурга. Он пришел в конце февраля. Царь дал свое согласие на то, чтобы граф Симонич отправился в лагерь и потребовал выдачи батальона. С этого момента в русской миссии наступило оживление. Было куплено много лошадей, наняты мулы, а еще больше — феррашей и голямов. Готовясь к длительному путешествию в Герат, мы сделали покупки, подготовили дорожную одежду и другие вещи. Дату отъезда назначили на 9/21 марта 1838 г. И действительно, в тот самый день, а именно в среду вечером, мы отправились в путь из Тегерана. В нашу экспедицию входили граф, его сын, я, второй секретарь Ивановский, доктор Йениш и драгоман Мирза-Якуб, а также назир (управляющий), 6 казаков с урядником, 10 феррашей с ферраш-баши, 4 камердинера, 10 вооруженных голямов и приблизительно 50 лошадей и 100 мулов с погонщиками.

Первый секретарь барон Боде отсутствовал, потому что еще в ноябре 1837 г. получил отпуск и отправился в Англию и Россию. Первого драгомана миссии Гутта мы должны были разыскать в лагере под Гератом.

Так как маршрут нашего путешествия в Герат и обратно указан в опубликованном мною военно-статистическом описании Персии, вышедшем в 1853 г. в VII книжке «Записок Императорского Русского географического общества», я не буду вдаваться в подробности и ограничусь здесь лишь общими данными.

Путешествие в Персии, особенно предпринятое русским посланником, нельзя сравнить с путешествием в европейских странах. Здесь, в Персии, нет даже хороших дорог, мостов через реки (по крайней мере не везде), ни одной гостиницы, не говоря уже о комфорте, с которым можно путешествовать в Европе. В Персии, если отправляешься в путь, надо брать с собой все имущество. И так как на Востоке о человеке судят по одежде, внешности и свите (т. е. чем больше у путешественника свита, тем уважительнее относятся к нему), то и мы должны были придерживаться этого обычая.

Для походного экипажа у меня были четыре лошади, две из которых были прекрасными туркменскими иноходцами. Со мной ехали русский слуга, он же прачка, а при случае и повар, слуга-армянин и персидский конюх. Мое имущество помещалось в двух яхтанах, т. е. четырехугольных деревянных, обтянутых кожей ящиках с кожаными ремнями, которые навьючивают по два на мулов или лошадей. Ящики имеют с обеих сторон железные кольца, в которые можно продеть две прочные деревянные палки длиной $3^1/_2$ фута с крюками. Ремнями к палкам привязывают толстый, сложенный вдвое

кусок полотна, на который можно класть матрац. К крышке одного из ящиков к тому же приделана обтянутая кожей доска, которая поднимается и опускается при помощи шарниров. Подняв ее, можно положить подушку. Когда ящики снимались с вьючного животного и между ними навешивались палки, они образовывали кровать; оставалось только положить матрац, подушку, простыни, и походная кровать была готова. Подобными яхтанами на Кавказе пользуются все офицеры, так что во время ночлега не надо ложиться на сырую землю и к тому же всегда имеешь при себе кровать.

В одном яхтане находились мое белье, форма, сюртук, пальто и прочая одежда, а также портфель с необходимыми принадлежностями для письма; в другом — запас чая, сахара, восковых свечей (стеариновых свечей тогда в Персии еще не знали) на пять месяцев, затем ром, чайный сервиз, походный несессер и т. д. Если ко всему этому добавить еще вещевой мешок моего слуги, то набирался груз для одного мула (6—8 пудов, или 2—3 английских центнера). Другой мул навьючивался двумя большими войлочными баулами (мафраш), подбитыми изнутри ковровым материалом. В одном находились матрац, две подушки, покрывало, простыни, три походных стула, походный раскладной стол, медный умывальник с кувшином, персидский бумажный фонарь и другие мелочи; в другом — конская упряжь, т. е. четыре большие попоны из войлока, уздечка, хомуты, веревки с кольцами и железными наконечниками, которые вбивались в землю, четыре торбы, большой медный, оцинкованный внутри котел, из которого поили коней, щетки и скребницы для лошадей, четыре больших широких ремня из хлопчатобумажной ткани для крепления попон, плюшевая тряпка для чистки и имущество конюха.

Палатки и ковры находились под особым присмотром ферраш-баши. Каждый из нас имел свою палатку. Ночевали мы либо в городах, либо в деревнях, иногда даже в караван-сараях, но чаще всего в палатках.

Каждое утро, на рассвете, попив чаю, мы отправлялись в путь. Все ехали верхом, только граф в легком фаэтоне, запряженном двумя лошадьми. Если дорога была плохая, он садился на коня. Перед фаэтоном графа верховые конюхи вели четырех оседланных жеребцов с роскошными едеками (попоны, расшитые цветными полосками сукна, арабесками и цветами). Казаки и голямы следовали за фаэтоном. Что касается феррашей и чарвадаров (погонщиков мулов), то они всегда выезжали рано утром вперед на следующую станцию (мензил) или с палатками, коврами и багажом для разбивки ночного лагеря. В пути мы ехали либо вместе, либо поодиночке. Кто-то зарисовывал красивые пейзажи, делал наброски руин и т. д., другой занимался охотой. Для этой цели мы

имели полдюжины борзых. Однако в полдень наши взоры устремлялись лишь в одну точку на горизонте. Этой точкой было место расположения лагеря. Здесь, в тенистом местечке у ручья или цистерны (аб-амбар), четыре камердинера, высланные вперед с холодными закусками, готовили нам завтрак. Лагерь был заметен издалека по афтаб-гердену (навес от солнца), представлявшему собой косо натянутое белое полотнище, одна сторона которого крепилась снизу деревянными колышками, а другая растягивалась вверху двумя шестами. Получалось что-то вроде полупалатки. В ее тени расстилался ковер, а поверх него скатерть.

Когда мы приезжали в лагерь, камердинеры вынимали из ящика полевой кухни холодное жаркое, крутые яйца и т. д., персидский белый хлеб, вино и ликер. Перед каждым ставилась маленькая серебряная тарелочка. Мы садились, по персидскому обычаю, на корточки и смело брались за дело. После завтрака подавались кофе и кальян. Пока мы еще с полчаса отдыхали, слуги убирали походную кухню, снимали и скатывали афтаб-герден и грузили все это на мула. Мы снова садились на коней и ехали так до вечера, пока не добирались до станции или ночного лагеря. Здесь для каждого из нас была приготовлена палатка, внутри постелен ковер, наготове походная кровать, стол и раскладные стулья, а также кувшин для воды с умывальным тазом. Если ночевали в деревне или городе, то каждого из нас уже ожидала квартира или комната; все шло как по маслу. До ужина приводили себя в порядок. В промежутках пили чай и отдыхали на походной кровати. Когда мы квартировали в деревне или городе, то зажигали персидский фонарь — бумажное страшилище длиной 2—3 фута с деревянным или медным дном. Слуга, провожая нас к дому посланника, шел впереди и освещал дорогу. Мы вооружались толстыми палками, чтобы отгонять многочисленных собак, рыскавших ночью по улицам. Ужин продолжался обычно полчаса, иногда целый час, смотря по тому, насколько утомительным был дневной переход. Во время ужина обменивались впечатлениями об увиденном в пути. Затем желали графу спокойной ночи и отправлялись по домам, предшествуемые слугами с фонарями.

Если ночевали в открытом поле, т. е. в лагере, ферраши приходили на рассвете и зачастую разбирали палатки, когда мы еще спали крепким сном, потому что, как было сказано выше, их каждое утро отправляли с багажом вперед. Затем мы собирались у графа и в 6—7 часов утра ехали дальше.

По пути нашего следования, естественно, распространялась весть о том, что русский везир-и-мухтар (посланник) направляется в Герат. Поэтому в каждой деревне или каждом городе, где мы останавливались на ночлег, графу организо-

вывали маленькую церемониальную встречу. Нас приветствовал староста деревни (кетхода), а также милая деревенская молодежь, которая, по персидскому обычаю, оказывала посланнику честь тем, что зажигала курения; впрочем, из-за недостатка благовоний они жгли в черепках с раскаленными угольками сечку (мелкую солому). Церемониал этот нас всегда смешил. У входа в дом, отведенный для графа, уже стоял в ожидании хозяин, держа в руках ягненка, которого он преподносил графу, высказывая при этом тысячу комплиментов и уверяя его в своей преданности. Позднее, вечером, этот ягненок фигурировал на столе как жаркое.

На следующее утро во время прощания хозяин получал в награду несколько дукатов или сукно на кафтан, как того требовал персидский обычай; поэтому посланник вез с собой разнообразные подарки. Если мы прибывали в город, то о нашем приезде возвещали с городских стен звуки трубы. Навстречу на коне выезжал губернатор. Приветствуя графа, он бесчисленное число раз уверял его в своей преданности и, поскольку на дворе стоял март и фрукты еще не созрели, преподносил посланнику ягнят, домашнюю птицу или дичь; слуги, приносившие эти подарки, всегда получали щедрое денежное вознаграждение — бакшиш, или по-персидски пешкеш.

Каждый раз, когда мы покидали ночной лагерь, нас провожали дервиши и факиры. Они стояли и вдоль дорог, полунагие, с перекинутыми через плечо бараньими шкурами, держа в руках медные или изготовленные из кокосового ореха плошки с водой. Они протягивали их нам с громкой молитвой о нашем здравии, чтобы получить немного серебра. Вообще, наши карманы опустошались ежедневно, потому что персы очень жадны до денег и считают всех иностранцев очень богатыми, особенно урусов (русских) и инглиси (англичан). Мы всегда были рады случаю остановиться на ночлег в чистом поле, где нам меньше докучали.

Мы двигались быстро. На пути к Герату у нас было только три или четыре дня отдыха. Сначала наш путь пролегал по большой дороге паломников, которая вела к святому городу Мешхеду[40] в Хорасане, вдоль южных склонов Эльбурсских гор через Пелешт, Ласджерд, Семнан, Ауван, Дамган (старый Гектомополис), столицу Парфии (как утверждают историки), в Шахруд. Здесь мы свернули с большой дороги паломников на юго-восток, чтобы сократить путь до Герата, и пересекли часть огромной солончаковой пустыни. За одну ночь мы проехали по этой пустыне 90 верст от Шахруда до Биар-Чумена и добрались туда в полдень, уставшие до полусмерти, потому что все это время почти не слезали с седла. Здесь выказали свою выносливость мои туркменские иноходцы.

В деревне, где как раз проходил мохаррем, о котором я

упомяну позже, было очень много мулл. Что нас поразило — были lieux d'aisances *, которые находились все в одном месте деревни, полностью открытые и лишь окруженные небольшой стеной высотой в $2^1/_2$ фута. Каждый мог пойти туда и à la barbe de tout le monde ** справить свою нужду, и испарения этих клоак были не совсем приятными. Окрестности пересекает множество ручьев. Земля здесь очень плодородна. Тут мы видели огромные плантации табака. Туркмены расширили свои набеги до этих мест, уводя с собой многих жителей в рабство в Бухару и Хиву. Нам сообщили, что около 150 жителей Биар-Чумена еще находятся там в рабстве.

Отсюда наш путь лежал все время на юго-восток через Туршиз (Султанабад), Ханабад, Аббасабад и Назирабад. Затем мы миновали руины некогда большого города с обширным кладбищем, проехали мимо форта Саламе и 4 апреля прибыли в Руй (или Хаф). Город лежал в развалинах; правда, хорошо сохранился дворец, где мы и остановились.

Вспоминая места, которые мы в последние дни проезжали, мы могли с уверенностью сказать, что раньше они были густо заселены. Каждый день нам попадались руины бывших городов или деревень, кладбища со множеством мусульманских могил, караван-сараи из обожженного кирпича, удивлявшие нас своими размерами, старые ирригационные каналы и, наконец, водохранилища (аб-амбар), также сооруженные из обожженного кирпича; последние, а также имамзаде (надгробные памятники святых) с небольшими мечетями были в лучшем состоянии. Прежнее многочисленное и трудолюбивое население этой части Восточной Персии было уничтожено или угнано разбойниками-туркменами в рабство в Хиву и Бухару. Набеги поощрялись правителем Герата, он и сам в них участвовал. Это и явилось основной причиной похода Мохаммед-шаха на Герат.

Мы осмотрели развалины Хафа, а также прекрасные обширные сады дворца, украшением которых были могучие платаны, вязы и другие деревья. Начальник провинции Хаф, некий Насролла-хан, нанес графу визит и предложил ему дать нам для сопровождения отряд персидских войск, хотя окрестности между Руем и Гурианом были относительно безопасны.

5 апреля, рано утром, мы выехали из Руя. Нас сопровождали персидская милиция из крестьян (туфенджи), вооруженная кремневыми ружьями, и небольшой отряд кавалерии. К нам присоединился большой караван с провиантом и прочим для персидского лагеря. Сначала мы ехали по широкой равнине, потом — через узкое ущелье длиной в $3^1/_2$ агача (21 версту). Теперь мы двигались прямо на восток. Мино-

* Отхожие места (фр.).
** На виду у всего света (фр.).

вав ущелье, мы снова выехали на равнину и расположились на отдых у разрушенной деревни Деханей-Керати, от которой остался лишь старый минарет.

На следующий день мы ехали по широкой равнине и вскоре натолкнулись на остатки каравана, который за несколько дней до этого подвергся нападению туркмен или афганцев. Кругом валялись седла, клочья одежды, а также трупы. Купцы и туфенджи, которые сопровождали нас, похоронили погибших, призывая тысячи проклятий на головы убийц.

Мы заночевали у небольшого водоема с солоноватой водой. Ночью прошел сильный ливень. 7 апреля мы продолжили наше путешествие. 8 апреля спустились в долину, в которой находится небольшая крепость Гуриан, и расположились у ее полуразрушенных стен. Здесь еще сохранились окопы персидской армии. Мы видели следы пуль на стенах и домах этого городка. Побывали мы и в развалинах дворца, в котором прежде жил афганский комендант Шер-Мухаммед-хан.

В окрестностях Гуриана я и доктор Йениш обнаружили одинокую могилу в тени старой ивы, где покоился молодой прусский гвардейский офицер барон фон Эммерих. Из Берлина в персидскую армию его привела несчастная любовь, и здесь во время осады он скончался, одни говорят — от нервной лихорадки, другие — от яда.

8 апреля мы продолжили наш путь, держа направление на восток, пересекли равнину, проделав $3^1/_2$ фарсанга[41], и расположились у деревни Сендеджан, утопавшей в садах.

Проехав 9 апреля 2 фарсанга по этой равнине, мы достигли реки Герируд, вздувшейся из-за таяния снега на Паропамизских горах и несшей свои мутные воды на север. Не без труда мы пересекли верхом этот широкий и бурный поток. Верблюды, лошади и люди удачно перешли реку вброд, но нагруженные ослы были оставлены на берегу в ожидании момента, когда спадет вода.

После того как мы проехали еще около 30 верст (5 фарсангов) по равнине, нас встретил наш драгоман Гутт с большим истикбалом (свитой) из персидских ханов и офицеров и проводил нас в персидский лагерь, куда мы прибыли к 4 часам дня. Лагерь выглядел очень грязным и ничем не напоминал лагерь европейских войск.

Сначала мы посетили Мирзу Хаджи-Агасси, первого министра шаха, пользовавшегося во всей Персии дурной славой из-за сумбурности мышления и вздорности характера. Я имел честь впервые познакомиться с этим человеком, и, казалось, он был очень обрадован нашим приездом. Так как эта личность играла, к сожалению, значительную роль во время всего Гератского похода, будет не лишним подробнее описать характер и особенности этого оригинального человека.

Мирза Хаджи-Агасси, уроженец Эривани, из племени байят, был обыкновенным школьным учителем (моаллимом), преподавал чтение и письмо, хорошо толковал персидских поэтов и считал себя искусным астрологом. Ему удалось позднее стать служителем или надзирателем (лале) двух сыновей Аббас-Мирзы, а именно Мохаммед-Мирзы и Феридун-Мирзы; первый — впоследствии Мохаммед-шах, а второй — губернатор провинции Фарс.

Мирза Хаджи-Агасси настолько втерся в доверие к Мохаммед-Мирзе (молодому человеку со слабым характером), что стал его любимцем. После восшествия на персидский трон новый шах сделал его первым министром, хотя Мирза Хаджи-Агасси официально не занимал эту должность. Человек он был эксцентрического характера и нрава. Невежественный в высшей степени во всем, он утверждал, что принадлежит к секте суфиев (философы) [42], и вообразил, что может по звездам угадывать судьбу людей; часто болтал чистейший вздор и хвастал своим хладнокровием и самообладанием. Так, он прочитал плохой персидский перевод книги Бурьенна о жизни Наполеона I и возомнил, что похож на маршала Нея. Он также уверял, что Наполеон только потому совершал такие великие дела, что его собственная душа (т. е. душа Мирзы Хаджи-Агасси) пребывала с ним, в то время как его тело оставалось в Персии. Он присутствовал во время сражения у Елизаветполя (сентябрь 1826 г.) [43], но при первом вражеском пушечном залпе пустился наутек и чистосердечно в этом признавался, добавляя, что свист первых русских ядер показался ему плохим предзнаменованием для исхода сражения.

Несмотря на все эти странности, Мирза Хаджи-Агасси был совсем не глупым, а лишь, как говорится, упрямцем. Его коньком были солдаты, ружья и особенно пушки. Он возомнил, что, чем больше шах, его повелитель, будет иметь пушек, тем больший страх, по его мнению, будут испытывать перед ним враги Персии.

Однажды он показал нашему консулу в Гиляне А. Ходзько во время его пребывания в столице арсенал Тегерана. Указывая на многочисленные пирамиды ядер, сложенные в просторном дворе арсенала, он сказал ему:

— Смотри, сколько у меня уже есть ядер: если мне пришлют еще те ядра, которые я приказал отлить в Мазендеране, то у меня будет целый курур (500 тыс.). Предположим, что каждое из этих ядер убьет одного солдата. Какая армия сможет тогда устоять против персидской?

В то же время надо признать, что в качестве первого министра он верно служил своему повелителю. На него никто не имел влияния, и к тому же он был честным человеком, каким может быть только перс. Поскольку шах давал своему

министру полную свободу действий и все приказы и распоряжения во время осады Герата исходили от Мирзы Хаджи-Агасси, не удивительно, что все шло шиворот-навыворот, ибо у него не было никаких военных знаний и он никогда не покидал лагерь, чтобы поближе посмотреть на Герат.

Мирза Хаджи-Агасси угостил нас шербетом и много говорил о своих подвигах в сражениях против афганцев. От него мы направились к Мохаммед-шаху, который принял нас в просторном шатре, окруженном сарай-перде, т. е. перегородками из холста, составлявшими род двора. Церемониал этой аудиенции был гораздо проще, чем если бы он принимал нас в своем дворце в Тегеране. Он казался очень милостивым и благосклонным по отношению к графу, обрадовался его приезду. И так как граф представил меня своим адъютантом и сказал шаху, что я обладаю некоторыми познаниями в искусстве осады, шах выразил пожелание, чтобы я побывал в окопах и высказал о них свое мнение. Граф Симонич ответил, что желание его величества будет исполнено, и мы удалились из шахского шатра, соблюдая обычный церемониал, и трижды низко поклонились. В это время наши слуги занимались тем, что ставили палатки на почтительном расстоянии от лагеря персидской армии. Так как места было много, я приказал размещать их на определенном расстоянии друг от друга, с тем чтобы позднее вблизи палаток можно было построить конюшни и даже летние помещения из саманного кирпича или сырой глины.

Едва мы разбили палатки, как появился капитан Семино, пьемонтец, служивший у персов. Он представился графу, которого знал по Тавризу и Тегерану. Я воспользовался случаем и познакомился с ним. Наш министр предложил ему отправиться со мной для осмотра окопов.

Мы сразу же сели на коней и поехали через персидский лагерь, через опустошенные виноградники и деревни, через ручьи и каналы. Во время инспектирования я поднялся на возведенный из сухой глины бруствер, дабы через зубцы его стенок посмотреть, что происходит на валах или стенах крепости. В тот же момент в зубцы, за которыми я прятался, ударила пуля, осыпав мое лицо глиняной пылью. На мое счастье, зубцы стенок бруствера были толстыми. Могло статься так, что меня сразу же по приезде в Герат сразила бы афганская пуля.

Осада этого города, в котором находилось лишь около 3 тыс. афганцев без артиллерии и перед крепостными стенами которого около 10 месяцев стояла и не смогла его взять 30-тысячная армия персов с 60 пушками, потому что они часто игнорировали основное правило искусства осады и еще чаще действовали вопреки здравому смыслу, описана мною в специальной статье со всеми подробностями.

Мирза Хаджи-Агасси

Я привожу здесь лишь важнейшие моменты этой странной осады и указываю на эксцентричность характера, если не сказать сумасбродство, первого министра Мирзы Хаджи-Агасси. Кроме того, я делюсь некоторыми впечатлениями, которые сложились у меня от лагерной жизни под крепостными стенами Герата с 9/21 апреля до 28 августа (9 сентября) 1838 г.

Приводимые здесь подробности военного похода персидской армии под командованием Мохаммед-шаха на Герат в 1837—1838 гг. основаны на фактах, очевидцем которых был я сам или о которых мне сообщали надежные люди. Все, что я говорю об этой странной осаде, нисколько не преувеличено. Сам поход и последующая осада были не чем иным, как едкой сатирой на военное искусство и смешной пародией на правила, которые лежат в основе осады. Действительно,

европейцу трудно представить себе, как могла армия численностью около 30 тыс. человек с 60 пушками 10 месяцев безуспешно стоять под стенами города, который, начисто лишенный пушек, обороняло лишь от 2 тыс. до 3 тыс. афганцев. Однако осаждавшими были персы, так верно описанные остроумным Морриером в его книге «Хаджи-Баба», правдивость которой в том, что касается характерных черт и обычаев персов, нельзя переоценить.

Вид персидского лагеря, беспорядок и грязь, которые там господствовали, солдаты в рваных мундирах, множество бродячих собак, которые держались в лагере или вокруг него, валявшиеся кругом куски войлока и кости — и вообще все, что здесь происходило, было для меня новым и тем более неприятным, потому что я уже давно привык к большому порядку, чистоте и даже элегантности русских военных лагерей.

Проходы между палатками были узкими или совсем отсутствовали, а веревки, которыми палатки крепились, были в некоторых местах так запутаны, что почти невозможно было пройти. В центре лагеря размещался базар, где продавались продукты питания и т. д. и где толпами слонялись сарбазы. Перед заходом солнца здесь обычно была неимоверная сутолока.

Верблюды, мулы и ослы часто загораживали дорогу и поднимали тучи пыли. На перекрестках стояли полуголые факиры и дервиши с медными или кокосовыми чашками в руках, которые они с громкими молитвами протягивали проезжающим, прося милостыню. Вдоль речушки, протекавшей около лагеря, паслись слоны шаха. Днем, в жару, они заходили в воду, выдергивали хоботами молодой камыш, но прежде чем бросить его себе в пасть, смывали грязь с корней; они обдавали себя водой, а часто и проходивших мимо солдат, которые дразнили их.

Нередкими были казни пленных афганцев и туркмен. Они проходили иногда жестоко и даже отвратительно.

Вообще, персидский лагерь под Гератом, здешняя жизнь и среда, в окружении Паропамизских гор, представляли собой живописную картину Востока.

С капитаном Семино я объехал стены и валы Герата (имевшие форму большого четырехугольника), побывал во всех окопах, а также в окрестностях этого города, которые, очевидно, были некогда живописными, пока персидская армия не разграбила многие прилегающие деревни и не уничтожила сады и огромные виноградники. К северу от Герата стояла в развалинах великолепная мечеть Моссала. От нее осталось лишь несколько порталов, высокие стены которых были покрыты пестрыми арабесками из глазурованных и эмалированных изразцов, да высокие минареты. Мы с Семино поднялись на один из них, чтобы бросить взгляд на окре-

стности. Отсюда мы могли видеть даже внутреннюю часть города, которая казалась обширной.

Город окружали великолепные клеверные поля, многочисленные виноградники. Герат славится своим виноградом. Здесь лозы не привязывают к шестам или шпалерам, а кладут вдоль склонов небольших земляных насыпей и крепят колышками, вбиваемыми в землю. Равнину Герата покрывали бесконечные ряды таких земляных насыпей, точнее, траншей.

Когда мы приехали в этот город, весна была в разгаре, и красота природы проявлялась во всем своем великолепии. Стояли уже теплые дни, и игра красок освещенных солнцем гор Паропамиза была особенно великолепна на закате. Воздух, чрезвычайно чистый и прозрачный, приближал все предметы и создавал оптический обман.

24 апреля выдалось чудесное воскресенье, и я с Семино, нашим врачом и Ивановским отправились в горы на север от города. Мы проехали много крестьянских участков и виноградников с искусственным орошением, переправились через реку Герируд по великолепному мосту, построенному из обожженного кирпича, с 17 красивыми стрельчатыми сводами. Мост назывался пул-и-мулла; он был перекинут через высохшее русло, в то время как сама река текла по новому руслу.

Приехав в лесопарк, в котором росли платаны, вязы, кусты ягодников (джуджубир) и фисташки, мы отыскали красивую полянку под куполом имамзаде, которая была открыта со всех сторон и давала великолепный обзор.

Здесь мы позавтракали в прохладной тени и провели жаркое время дня.

Пока мы отдыхали, курили кальян и беседовали между собой, подошел дервиш, бесцеремонно подсел к нам и сказал, что прибыл прямо из Пенджаба (Страна пяти рек) и провел длительное время в Лахоре при дворе Ранджит Сингха. Он рассказал о его могуществе и любви к роскоши, об инглиси, о Дост Мухаммед-хане в Кабуле, у которого он якобы тоже побывал, как и у его братьев Кохендиль-хана и Мирдиль-хана в Кандагаре; сообщил нам интересные подробности об обычаях и нравах сикхов и афганцев и ушел от нас, щедро одаренный, в персидский лагерь, где мы его потом часто встречали. Наведался он и к нашему графу, естественно чтобы получить подарок.

Все дни я проводил обычно в траншеях (если их можно было так назвать). Там я имел возможность наблюдать персидских солдат, а также офицеров и высоких начальников. Персидский солдат чрезвычайно воздержан, довольствуется малым, выносли, отличный ходок, выполняет всю тяжелую работу и получает за это мало или совсем не получает жа-

лованья, потому что бо́льшая часть денег оседает в карманах его начальников. Что касается офицеров, то у них почти совсем нет теоретических знаний по их специальности, еще меньше смыслят в этом начальники и высший командный состав, зато они очень высокого мнения о себе, чванливы и высокомерны.

Полностью укомплектованный персидский полк (фаудж) насчитывает 1000 человек и формируется из племен, населяющих Персию. Обычно командиром такого полка является глава соответствующего племени, иногда 12-летний мальчик. Полки одного племени не подчиняются главе другого племени, и часто между разными полками существуют соперничество и вражда.

Полки, находившиеся в окопах под Гератом, редко или совсем не сменялись, и поэтому сарбазы стремились создать себе здесь максимум удобств.

Они отрывали по обеим сторонам окопов в жирном суглинке ниши, своего рода каморки, и, так как здесь очень редко шли дожди, довольствовались этими жилищами троглодитов.

Очень скоро некоторые из этих каморок превращались в мелкие лавчонки, где солдаты торговали всевозможными продуктами питания и т. д., пользуясь весами самого примитивного типа, так как в Персии все продается на вес, даже масло, дрова и т. д. Гирями служили камни различной величины. Пшеничный хлеб выпекался либо на горячих железных листах, либо в круглых ямах 2—3 фута глубиной и 2 фута в диаметре, которые выкапывались в твердом суглинке. Пока один разводил огонь в яме, чтобы накалить стенки этой естественной духовки или, скорее, котла, другой месил тесто, которому потом придавали форму тонких лепешек длиной $1^1/_2$ фута и шириной 8—9 дюймов и прилепывали их к раскаленной стенке духовки. Поскольку во всей Персии хлеб, называемый лавашем, выпекается таким способом, то и в лагере под Гератом мы имели ежедневно свежий и вкусный лаваш, который зачастую служит персам тарелкой и салфеткой.

Я часто видел, как целые группы сарбазов сидели в окопах вокруг кучи юнджи (сорт клевера) и ели его сырым с солью и хлебом, и казалось, им нравилась такая еда.

Поскольку, как сказано выше, солдаты мало или совсем не получали жалованья, они, естественно, вынуждены были искать себе пропитание. Часть их грабила окрестные деревни, другие косили траву и клевер, чтобы продать в лагере, или рубили виноградные лозы и сучья деревьев на топливо для лагерной кухни; остальные становились строителями и с большим мастерством и ловкостью возводили различные строения, так что персидский лагерь мало-помалу превра-

щался в маленький город, в котором каждый начальник или офицер имел свой дом.

Эти жилища возводились следующим простым способом, распространенным по всей Персии. Рядом с местом, где намечалось строить жилище, выбирали небольшую площадку. Вокруг нее прокладывали канаву, а глину ссыпали в середину площадки и обильно поливали водой. Для вязкости добавляли мелкую солому, потом все это месили, большей частью ногами. Из этой влажной глины возводили затем стены толщиной 1 или $1^1/_2$ фута, причем один слой клали на другой и так до определенной высоты, обычно до 7 или 8 футов. В то время как кладут верхний слой стены, нижняя часть уже высыхает на солнце. Во время кладки оставляют дверные и оконные проемы (об окнах со стеклами здесь не может быть и речи). Через два-три дня такое небольшое жилище было готово. Для крыши использовали тонкие прямые жерди или сучья деревьев, на которые клали соломенные маты, а затем все это засыпали землей. Внутри жилища, в центре, выкапывали землю с таким расчетом, чтобы вдоль стен оставалось естественное возвышение высотой от $1^1/_2$ до 2 футов и шириной от 2 до $2^1/_2$ футов, служившее потом ложем. Ковры использовали в качестве подстилки на пол, а также занавеса в дверных проемах. Вместо ставен на оконные проемы вешали маты из тонкого зеленого камыша, которые можно было поднимать и опускать и которые несколько раз на дню в жару обливали снаружи водой. В таком жилище чувствуешь себя хорошо и уютно. У каждого из нас рядом с палаткой было построено такое жилище. Здесь же возводилась сравнительно невысокая длинная стена с крышей или террасой на столбах, покрытая камышом и открытая с трех сторон для вентиляции; она служила конюшней.

Граф Симонич приказал себе построить кирпичный дом из трех комнат: спальни, гостиной и столовой, с коридором и просторной кухней, а также небольшой сарай для своего фаэтона, чтобы уберечь его от палящих лучей солнца. Кирпич для постройки был взят из соседних разрушенных зданий. Наконец, весь наш лагерь был окружен глинобитной стеной, а в центре двора на шесте поднят русский флаг. Английская миссия возвела сходные постройки и подняла свой флаг.

В течение первых двух месяцев нашего пребывания здесь персидский лагерь был также обнесен глинобитной стеной, в которой было оставлено пять проходов, служивших воротами, где стояли часовые. В центре лагеря находился большой холм. Здесь размещался арсенал вместе с пороховым складом (хорхане), который был окружен специальной стеной. Для шаха и его первого министра были возведены отдельные просторные помещения с двором, скрытым высокой стеной. Мирза Хаджи-Агасси принял еще бо́льшие меры пре-

досторожности: его жилище с просторным двором было обнесено высокой стеной, по четырем углам которой имелись круглые башенки с бойницами, и все это было вдобавок окружено рвом, так что он сидел как бы в крепости.

Прежде чем продолжить рассказ, я вкратце опишу события, имевшие место в персидском лагере и под стенами Герата до нашего прибытия сюда, и сам город.

Город расположен в обширной долине или, скорее, на большой и плодородной равнине, которая с юга, востока и севера окружена высокими горами и обильно орошается. Возникновение Герата относится к временам Александра Великого, и его считают ключом к Афганистану.

Здесь, в Герате, сходились дороги из Бухары, Туркмении, Мешхеда, Йезда, Кермана и Кандагара. Раньше, судя по множеству развалин, его площадь, очевидно, была больше. По высказываниям восточных писателей, здесь проживало более миллиона жителей. Герат был несколько раз опустошен и разрушен. Здесь свирепствовал Чингисхан, а позднее — Тамерлан; он страдал от афганцев, узбеков и, наконец, Надир-шаха, но каждый раз вновь отстраивался и укреплялся. Когда в 1837 г. персидская армия осадила Герат, в нем насчитывалось около 60 тыс. жителей, включая беженцев из окрестных деревень.

Город имел форму большого четырехугольника, окруженного валом высотой около 25 футов, который имел вдоль внешнего склона две расположенные друг над другом крытые галереи. С верхней обороняли нижнюю, лежащую наискось, и с обеих можно было держать под обстрелом ров, имевший глубину около 15 футов.

На гребне вала возвышалась довольно толстая зубчатая стена высотой около 15 футов, сложенная, как почти все постройки в Персии, из саманного кирпича с башнями на определенном расстоянии друг от друга и четырьмя массивными высокими башнями (бурджи) по углам из того же материала. Вдоль северной части стены находился Арк, т. е. цитадель, отделенная валом и рвом от внутренней части города.

Вплотную к городскому рву подходили сады и предместья, что облегчало проведение осадных работ. Персы могли бы овладеть городом первым же энергичным штурмом, ибо гарнизон был тогда малочисленным и без артиллерии, но из-за полнейшего невежества Хаджи в вопросах военного искусства, искусства осады и его путаных указаний все вышло наоборот.

Персидская армия продвигалась из Тегерана очень медленно, и Мохаммед-шах тешил себя надеждой, что тогдашний правитель Герата Камран-Мирза и его министр Яр Мухаммед-хан покорятся ему без боя. Поэтому он часто

делал в пути длительные остановки, которые растянулись на четыре месяца, и появился у стен Герата лишь 11/23 ноября, расположив армию в $2^1/_2$ верстах от города.

Здесь Хаджи (первый министр) сразу же отдал свое первое «гениальное» распоряжение: он приказал блокировать лишь двое из пяти городских ворот, в то время как остальные трое оставались в течение трех месяцев открытыми, так что афганцы имели достаточно времени, чтобы обеспечить город продуктами и усилить гарнизон. Мирза Хаджи-Агасси оправдывал эту глупость тем, что хотел дать жителям (в основном персам-шиитам) возможность оставить город, чтобы они могли присоединиться к своим братьям по религии в лагере. Однако боязливое, угнетенное персидское население не тронулось с места, потому что энергичные, дикие афганцы никогда не позволили бы им покинуть город. Затем Хаджи приказал обстрелять одну из четырех угловых башен, Бурдж-Хакистер, потому что в свое время Надир-шах проник в город через такую башню. Однако сотни ядер, выпущенных наугад по башне, лишь застревали в ее глинистой массе, не нанося повреждений. О полнейшем невежестве персов в искусстве осады свидетельствовала, впрочем, и манера обстрела. Шах, например, приказывал произвести сегодня по башне или стенам 100 выстрелов, на другой день — 50 и т. д. После этого его величество, сопровождаемый большой свитой, отправлялся на возвышение, чтобы, как в спектакле (тамаша), наблюдать за обстрелом. Когда при ударах ядер о глиняные стены поднималась столбом пыль, вся свита в восторге громко восклицала: «Барек Аллах! Ой джан! Маш Аллах!» — но никто из них не мог и не хотел понимать, что это была напрасная трата пороха и что таким способом ничего нельзя добиться.

Перед блокированными воротами, называвшимися Хош, находилась высота, которую капитан Семино как искусный инженер предложил занять еще в начале осады, прежде чем там укрепятся афганцы. И действительно, Моэб Али-хану, родственнику министра, поручили овладеть ею. Поскольку он, однако, медлил, Семино сам вызвался возглавить войска, чтобы взять высоту. Однако высокомерный Моэб Али-хан язвительно заметил, что первый министр дал ему на это 20 дней. Через два дня афганцы заняли эту высоту и удерживали ее до конца осады.

В персидской армии имелась батарея из шести русских 12-фунтовых пушек из числа двенадцати, пожалованных в 1830 г. его величеством покойным императором Николаем тогдашнему персидскому престолонаследнику Аббас-Мирзе. Вместо того чтобы выдвинуть всю батарею на выгодные позиции, пушки распределили по две-три среди знатных ханов, потому что каждый из них почитал за честь иметь хотя бы

одну русскую пушку в своем распоряжении, и поэтому последние не приносили никакой пользы.

Вообще, начальники, отвечавшие за определенный участок окопов, действовали каждый сам по себе. Никто не хотел подчиняться другому, даже вышестоящему. И каждый тешил себя втайне надеждой самому овладеть городом. Поэтому повсюду господствовал настоящий хаос, осадные работы продвигались медленно. Самым странным было то, что ни шах, ни его министр ни разу за 10 месяцев осады не появились в окопах или по крайней мере вблизи них, считая это ниже своего достоинства.

К счастью, зима 1837/38 г. выдалась в районе Герата очень теплой. За всю зиму только один раз выпал снег; недолго продолжался и сезон дождей. После того как армия простояла три месяца у Герата без малейшего успеха, первый министр приказал наконец 14/26 февраля 1838 г. блокировать и остальные трое ворот, чтобы полностью изолировать город. Он намеревался теперь действовать активно, и вот каким оригинальным способом.

Несмотря на то что персидская армия располагала 60 пушками, среди которых были 12-, 18- и 24-фунтовые, первый министр полагал, что их калибр недостаточен, чтобы овладеть Гератом. Он приказал построить в лагере литейную мастерскую для отливки 42-, а позднее 70-фунтовых пушек. С этого момента он каждое утро пропадал в своей новой мастерской, даже завтрак ему приносили туда. И однажды за завтраком он выразился следующим образом: «Граф Паскевич был вынужден везти орудия из России через Кавказские горы, чтобы осадить мой родной город Эривань. Только их транспортировка стоила ему 60 тыс. туманов. А вот я здесь, под стенами Герата, сам лью пушки, и они мне ничего не стоят». Действительно, дрова для топки плавильных печей ему ничего не стоили, так как для этого использовали фруктовые и другие деревья в окрестностях. Единственно, на что он тратил большие суммы, так это на покупку меди и цинка в Хорасане и на их транспортировку. Первая пушка 42-фунтового калибра была отлита на $1^1/_2$ фута короче, потому что ошиблись в весе металла. Никто ее не испытывал, и после второго выстрела она разорвалась, причем не обошлось без жертв среди артиллеристов. После этого министр приказал отлить две гигантские пушки 70-фунтового калибра, но так как не хватало металла, у ханов, командиров батальонов и остальных офицеров была реквизирована часть их кухонных кастрюль, а также колокольчики верблюдов, мулов и вьючных лошадей, чтобы наскрести необходимое количество меди для литья. Министр хотел отлить шесть таких пушек, но не смог раздобыть нужного количества металла во всем Хорасане и вынужден был, к сожалению, до-

вольствоваться лишь двумя пушками, на которых была выгравирована высокопарная надпись.

Он вообразил, что стены Герата могут развалиться даже от грома этих пушек (как стены Иерихона в библейские времена). Когда же ему заметили, что отлить в лагере достаточное количество ядер 70-фунтового калибра невозможно, он и на это имел ответ. Он, например, с апломбом заявил: «Ядра эти пробьют стены, пролетят через весь город, пронзят противоположные стены и упадут в поле; я пошлю туда своих всадников, чтобы собрать их и привезти обратно».

Когда позже, а именно в первых числах июня, обе гигантские пушки были установлены на огромные, массивные лафеты из платана, министр наивно спросил меня, скрестив два пальца своих рук: «Можно ли положить обе 70-фунтовые пушки в окопах крест-накрест одна на другую, с тем чтобы одна могла разрушать стены, а другая в это время держала бы под обстрелом крытую галерею афганцев?» И очень удивился, когда я ему сказал о невозможности такого предприятия. Чтобы доставить оба эти чудовища из лагеря к окопам и установить их на специально оборудованные позиции, понадобилось три дня. Перед каждым из них впрягалось сто сарбазов, и, так как не хватало канатов и веревок, люди крепко брали друг друга за руки, образуя несколько живых цепей, и тащили пушку таким образом вперед. Эту процедуру я видел своими собственными глазами.

Персидская артиллерия напрасно расходовала свои ядра, которые из-за плохой наводки не попадали в цель. О распределении пушек по полкам я уже говорил. Несмотря на то что капитан Семино часто советовал командующему артиллерией сделать наконец в указанных им местах насыпь для установки осадных батарей, чтобы по всем правилам искусства осады пробить в стенах бреши, персидские ханы, преисполненные самомнения и гордости, не прислушались к этому доброжелательному совету. Каждый действовал так, как ему вздумается, и, так как никто ничего не понимал в искусстве осады, было не удивительно, что за шесть месяцев персы ничего и не добились. Чтобы возместить по возможности напрасно использованные ядра, министр приказал разобрать мраморные надгробные плиты на афганском кладбище. Для изготовления из этого мрамора ядер определенного калибра было отряжено несколько сот сарбазов. В каждом ядре просверливали потом отверстие диаметром 1 дюйм и длиной 4—5 дюймов, которое наполняли порохом. Такие ядра использовались как бомбы, но они обычно лопались на две части и почти не причиняли вреда.

После приезда графа в персидский лагерь капитану Семино удалось наконец добиться принятия мер для серьезной осады Герата. Шах одобрил предложение Семино оборудо-

вать две позиции для осадных батарей, а именно по обе стороны угловой башни Бурдж Абдулла-и Мизр, первую в 70 и вторую в 45 саженях от городской стены. Поскольку в Персии вообще и в особенности здесь, в лагере, обсуждение всех так называемых секретных планов велось при открытых дверях и окнах, во время которого часовые и камердинеры часто бывали невольными слушателями, не было ничего удивительного в том, что приказы шаха быстро становились известными всем. Только этим можно объяснить следующий факт. Когда капитан Семино отправился на рассвете 12/24 апреля к окопам, чтобы выбрать место для сооружения позиций вблизи Бурдж Абдулла-и Мизр, ему повстречался полковник Тодд из английской миссии, который уже успел предупредить запиской английского лейтенанта Элтреда Поттингера, оборонявшего Герат от персов, о предстоящей атаке с этого направления, чтобы тот мог подготовить контрмеры. Полковник Тодд предпринял этот шаг, как я потом узнал, с ведома Мохаммед-шаха. После этого мне ничего не оставалось, как воскликнуть словами Яна Гуса: «O sancta simplicitas!» *, отнеся последнее слово к слабовольному Мохаммед-шаху и его министру.

Я присутствовал на аудиенции, которую министр Мирза Хаджи-Агасси дал вскоре после этого капитану Семино, и был свидетелем следующей сцены: Семино просил 800—1000 сарбазов с 600 лопатами и кирками, чтобы за 14 дней подготовить позиции. «Иншалла, я завершу работу за пять дней, ибо я дам вам 1200 человек и 1000 лопат и кирок», — ответил Хаджи. Но это было его обычное хвастовство, так как Семино получил только 200—300 рабочих, а во всем персидском лагере едва нашлось 60 лопат и столько же кирок.

Чтобы придать окопным работам солидность, Хаджи решил доверить командование всеми полками, расположенными вблизи Бурдж Абдулла-и Мизр, члену шахской семьи и избрал для этого 19-летнего Хамза-Мирзу, ничего не понимавшего в военном деле. Он приказал позвать принца. Тот явился по вызову и вошел в шатер министра со скромным и испуганным видом. Хаджи сообщил ему волю шаха, добавив высокомерно: «Я надеюсь, что ты оценил доверие, которое кибле-алем (центр вселенной, т. е. шах) тебе оказывает. Более того, если бы его величество не был таким великодушным, он уже давно велел бы ослепить тебя и твоих братьев, как это уже произошло с Хозрев-Мирзой и Джангир-Мирзой, и ты бы сейчас просил милостыню на улицах Тегерана». Хамза-Мирза ответил скромно, тихим голосом: «Бале» («Да») — и со смирением воспринял высокопарные слова Хаджи, однако покинул шатер гордый от сознания своего

* «О святая простота!» (лат.).

нового назначения. Разумеется, он получил это место лишь для проформы и не имел ни малейшего влияния или власти.

Для постройки артиллерийских позиций, как сказано выше, не было ни лопат, ни кирок. О тачках персы не имели представления и переносили землю в мешках, куда насыпали ее лопатами или руками. Семино вынужден был сначала научить солдат плести туры и вязать фашины, потому что в персидской армии не было саперов. Солдаты проявляли способность и усердие в работе. Но людей было мало, и без необходимого шанцевого инструмента и тачек работа шла медленно. Прошло 7 недель вместо 14 дней, пока были построены обе позиции для осадной артиллерии, имевшие в длину от 15 до 20 и в высоту от 18 до 28 футов и такую же ширину.

Ежедневно шах выделял сарбазам, занятым земляными работами, вязанием фашин и плетением туров, 50 туманов, но $^4/_5$ этой суммы присваивались амир-диваном, т. е. министром юстиции, которому словно на смех доверили надзор за сарбазами, выполнявшими земляные работы, и выдачу им ежедневного жалованья. Я не буду говорить ни о тысячах препятствий, которые пришлось преодолеть Семино, ни о бессмыслице, свидетелем которой я ежедневно был. Эти подробности нашли отражение в моем описании этой единственной в своем роде осады. Все-таки я должен упомянуть еще об одном событии, являвшемся красноречивым доказательством слабоумия Хаджи. Однажды утром я поехал к окопам. Поднявшись на позицию осадной артиллерии, с которой открывался широкий обзор местности, я, к моему великому удивлению, заметил, что весь ее правый фланг оголен от войск, а в окопах напротив ворот Хош, которые еще вчера занимали полки Искандер-хана, кишели афганцы, торопливо уносящие в город фашины, туры и вообще лесоматериалы, поскольку там была большая нехватка дров. Я никак не мог объяснить себе это странное обстоятельство. Потом я узнал, что действительно по приказу министра Искандер-хан оставил окопы, потому что некоторые осведомители заверили министра в том, что Яр Мухаммед-хан, министр Камран-Мирзы в Герате, испугавшись подготовки к штурму со стороны персов, намеревается ночью покинуть город. «А! Он хочет бежать, — обрадованно воскликнул Хаджи, — тем лучше, я ему облегчу побег. Отвести войска от ворот Хош, из которых дорога ведет в горы, и пусть он бежит, этот голубчик». В результате Искандер-хан оставил окопы. Между тем Яр Мухаммед-хан и не думал бежать из Герата.

Почти каждое утро, когда я направлялся из лагеря к окопам, мне встречались небольшие отряды из 6, 8—12 сарбазов. Они несли на штыках своих ружей кто голову, кто руки. Впереди, обнажив меч, с гордым и независимым видом

шагал офицер, чтобы сложить к ногам его величества эти кровавые трофеи небольшой ночной стычки с афганцами и получить за это денежное вознаграждение (пешкеш) или халат.

Однажды суждено мне было наблюдать сцену, давшую представление о дисциплинарных наказаниях в персидской армии. Во время ночной вылазки афганцев командир полка Сенган струсил, и шах приказал посадить его верхом на осла задом наперед, вымазать бороду, святыню мусульман, кислым молоком и провезти в таком виде по лагерю в сопровождении музыкантской команды, которая шла впереди осла и усердно била в литавры. Случайно оказавшись свидетелем этого унизительного спектакля, я очень хотел узнать, какое впечатление произведет это оскорбление на персидского полковника. К моему великому удивлению, я узнал, что «храбрец» остался на своем посту и, как прежде, командовал своим полком (фауджем). Подобное наказание по распоряжению шаха не является, по персидским понятиям, позором. Так, побывав в окопах, я увидел знакомого полковника, сидевшего в своей землянке. Слуга втирал ему в страшно опухшие ноги мазь из яичного желтка и масла. На вопрос, что с ним случилось, он поведал со смирением в голосе, что вчера его вызвал шах и приказал в своем присутствии дать ему 200 палочных ударов по пяткам. Когда же я спросил: «За какую провинность?» — несчастный ответил мне: «Не знаю. Шах знает! Шах знает!» Он — государь и может делать все что ему вздумается.

Еще по пути из Тегерана в Герат мы узнали в Шахруде, что шах приказал задушить прямо на месте своего личного секретаря Мирзу Али-Таги. Этот негодяй, которому шах оказывал большое доверие, изменил своему господину и поддерживал тайную переписку с английским министром Макнилом. Одно из писем Али-Таги попало в руки шаха. Он пригласил секретаря к себе в шатер, поднес письмо к его глазам и спросил, не его ли эта печать. (Персы и вообще все мусульмане не подписывают корреспонденцию и документы, а ставят печать и под ней свое имя. Только шах или султан ставит печать вверху своих приказов и фирманов.) Мирза Али-Таги упал к ногам шаха и стал просить пощады. Мохаммед-шах приказал позвать феррахов. Они принесли фелек, т. е. деревянный шест с двумя веревочными петлями одна рядом с другой. Ноги секретаря продели в петли и задрали вверх, затем два ферраха обработали толстыми палками подошвы ног несчастного, который лежал спиной на земле. В присутствии шаха он получил 300 таких ударов. После этого ему затянули одну петлю на шее и задушенного поволокли на базар в центре лагеря, где предатель оставался лежать до вечера. Когда наказание было приведено в испол-

нение, шах сказал с серьезным видом стоящим вокруг сановникам и ханам: «Так надо обходиться с мошенником, который служит двум господам».

Несмотря на то что Мохаммед-шах обладал слабым характером и полностью находился в руках своего первого министра, он был жесток по отношению ко всем пленникам. Их часто убивали на его глазах. Сначала графу Симоничу удавалось отстаивать пленных и сохранять им жизнь, однако позже их убивали прямо на месте. В лагерь с триумфом приносили лишь их головы и руки и складывали у шатра кибле-алема.

Так, 5/17 мая во время ночной вылазки афганцев было взято в плен несколько их начальников. В прежних своих вылазках они уничтожили много сарбазов, захватили даже пушку и уволокли ее в город. Эти отважные воины были убиты отвратительным образом недалеко от лагеря английской миссии, потому что все знали, что англичане находятся с афганцами в хороших отношениях. Несчастным отрезали руки и ноги, затем половые органы, которые в издевку запихнули им в рот, и, наконец, голову. Афганские военачальники стойко выдержали эти муки и умерли как мученики своей религии, потому что были суннитами и смертельно ненавидели шиитов (персов) даже за их веру. В другой раз, еще до нашего прибытия в лагерь, в присутствии шаха саблями и штыками убили 35 пленных туркмен, и когда кровь этих несчастных потекла струями, он сказал своей свите, поглаживая бороду: «Какой прекрасный розарий!» После прибытия графа Симонича в лагерь, как сказано выше, эти ужасные спектакли прекратились.

Раньше, когда в персидском лагере пленных афганцев и туркмен представляли сначала шаху, а потом умерщвляли, палач прирабатывал на них. Он волок несчастных на базар, перерезал им горло, бросал тела перед купеческими лавками на землю, где они оставались лежать до тех пор, пока купцы не давали ему денег, чтобы избавиться от быстро разлагающихся трупов. Понятно, что афганцы, возмущаясь подобной жестокостью, также убивали персидских пленных, которых они, как уже упоминалось, смертельно ненавидели за их веру.

Никаких мер предосторожности, чтобы защитить свой лагерь от неожиданного неприятельского наступления или нападения, персы не принимали. У них не было ни патрулей, ни сторожевых пикетов, которые бы охраняли лагерь. Зато множество караулов выставлялось у лагерных шатров. До полуночи постоянно слышались возгласы: «Али! Будьте бдительны! Будьте начеку, бодры, готовы!» Однако за полночь эти возгласы ослабевали, и наконец лагерь погружался в глубокий сон. Однажды ночью унтер-офицер наших казаков

делал обход в нашем собственном лагере и невинно развлекался тем, что отнимал у спящих караульных ружья. Это занятие не стоило ему большого труда, потому что ночью персидские часовые не ходят взад и вперед и даже не находятся на своем посту, а сидят, зажав между коленями ружья, и спят.

К счастью, ни афганцы, ни гиссарцы, ни туркмены не осмеливались нападать на персидский лагерь ночью; в это время им без труда мог бы завладеть полк кавказских линейных казаков с батареей конной артиллерии. Однако 24 мая средь бела дня банде гиссарцев (разбойничавших жителей Паропамизских гор) удалось напасть на пастбища, находившиеся лишь в 7 верстах от лагеря шаха, и на глазах персидской охраны они угнали много артиллерийских лошадей, среди которых было несколько лошадей и мулов, принадлежавших русской миссии; естественно, мы больше их не видели.

В первый месяц после нашего приезда в персидский лагерь артиллеристы обстреливали бомбами город каждую ночь, и когда капитан Семино стал настаивать, чтобы зря не растрачивали снаряды, ему ответили: «Шаху недостойно праздно стоять у стен осаждаемого города». Взрывы этих бомб, пушечная и ружейная стрельба по ночам в передовых окопах, потому что афганцы делали вылазки только ночью, постоянная перекличка часовых, жалобный вой шакалов, бродивших вокруг лагеря, а также лай беспризорных собак, наконец, неприятный крик ослов в лагере — все эти звуки создавали малоприятный ночной концерт.

С рассветом в лагере играли утреннюю зорю, затем барабанщики, горнисты и флейтисты отправлялись в окрестности, чтобы поупражняться в своем искусстве, и так как каждый играл сам по себе и на собственный манер, то это была ужасная музыка. Ежедневно за час до захода солнца на широкой площади перед шатром, а позднее у дома шаха собирались три разных оркестра. Начинал оркестр русского батальона, хотя многие его инструменты имели не совсем чистый строй. Затем вступал оркестр, состоящий из 20 барабанщиков, горнистов и флейтистов. И, наконец, за дело бралася личный оркестр шаха (негаре-хане) с бубнами, волынками и длинными огромными прямыми трубами двух размеров, каждая из которых тянула лишь одну ноту. Музыка этого последнего оркестра была особенно ужасна для европейского слуха. Нетрудно представить, что это был за кошачий концерт из разных мелодий, когда на заходе солнца все три оркестра начинали играть одновременно. Тем не менее персидские солдаты и прочий народ каждый вечер окружали их плотным кольцом и считали эту какофонию очень приятной.

Хотя мои воспоминания не касаются политики, я должен все же описать здесь некоторые события, которые тем временем произошли в Афганистане (Кабуле и Индии) и которые связаны с осадой Герата. Впрочем, от этих событий нас отделяет почти 40 лет, и они являются теперь уже историей.

Выше упоминалось, что английская миссия прибыла в лагерь под Гератом раньше нас, но была холодно встречена ханом и его первым министром. Английский министр Макнил добился разрешения самому отправиться в город, чтобы побудить Камран-Мирзу или, скорее, его всемогущего министра Яр Мухаммед-хана покориться шаху и сдать Герат. Он пробыл в городе 24 часа и вернулся ни с чем. Однако по лагерю поползли слухи, что он якобы вручил Яр Мухаммед-хану значительную сумму денег и просил его потерпеть еще несколько месяцев, потому что персы никогда не осмелятся штурмовать Герат. Он и после этого поддерживал тайную переписку с этим министром и лейтенантом Поттингером. Об этом было известно в персидском лагере. Шах приказал схватить и задушить курьера (кассида), пробиравшегося с письмом из Герата в английскую миссию в лагере. Наконец 27 мая английская миссия выехала из лагеря под Гератом, чтобы вернуться в Тегеран и покинуть Персию.

Между тем зимой 1837/38 г. в Кабул с большой свитой прибыл знаменитый в то время путешественник Бернс, направленный тогдашним генерал-губернатором Индостана лордом Оклендом в качестве английского поверенного, чтобы заключить договор с Дост Мухаммед-ханом против вражеских замыслов персов, потому что Герат считался ключом к Индии, и Великобритания делала все, чтобы этот город не попал в руки властителей Персии. Бернс преподносил богатые подарки, предлагал даже субсидии, чтобы склонить Дост Мухаммеда к союзу с Ост-Индской компанией. Однако правитель Кабула поставил условие получить обратно от Ранджит Сингха Пешаварскую провинцию, которая принадлежала ранее Афганистану и была захвачена им и в различных городах которой, особенно в Джелалабаде, он держит сильные гарнизоны. Поскольку, однако, Ранджит Сингх, властитель Пенджаба и глава воинственных сикхов, был тогда союзником английской компании в Калькутте и Англия дружественно относилась к этому опасному человеку, Бернс не смог, естественно, согласиться с требованиями Дост Мухаммеда. Переговоры потерпели провал, и Бернс, который растратил во время этой миссии три лакха (300 тыс.) рупий, ни с чем вернулся в Индию. Так как наш Виткевич находился в Кабуле одновременно с Бернсом, английские газеты в Бомбее и Калькутте распространили слух, что переговоры Бернса с Дост Мухаммедом потерпели провал якобы из-за русских интриг, в то время как Виткевич, имея всего несколь-

ко сот дукатов на проезд, привез только ответ на письмо Дост Мухаммеда графу Нессельроде и никакой политической миссии России не выполнял.

Приезд и пребывание этого офицера в Кабуле, прибытие графа Симонича в лагерь под Гератом, чтобы от имени его величества императора Николая вытребовать у шаха русский батальон, и, наконец, зимняя экспедиция генерала Перовского из Оренбурга против Хивы в 1838/39 г.[44] — все это было лишь случайным стечением обстоятельств, не имевших между собой ни малейшей связи. Однако они так напугали лорда Окленда, что он предположил, будто Россия строит враждебные планы против английских владений в Индостане, и, чтобы опередить эти мнимые намерения, Англия предприняла в 1839/40 г. неудачную экспедицию против Афганистана, в которой потеряла 20 тыс. человек убитыми, 60 тыс. верблюдов и около 100 млн. серебряных рублей; ее могуществу в Индии был тогда нанесен не меньший удар[45].

Однако вернемся к осаде Герата. В конце мая из Мешхеда под командованием генерал-лейтенанта Боровского, поляка по происхождению, находившегося на персидской службе, прибыл большой караван с провиантом, порохом, ядрами и картечью. В пути караван подвергся нападению афганской конницы, но, успешно отразив атаку и насадив на длинные пики дюжину голов, которые несли впереди, он под музыку и гром литавр с триумфом вступил в лагерь под Гератом.

В первых числах июня были наконец готовы обе позиции для осадных орудий. Много хлопот стоило получить необходимые пушки и боеприпасы, чтобы укомплектовать батареи. Из 24 тяжелых орудий (18- и 24-фунтовых), которых требовал Семино, дали только 17, потому что ханы в окопах вцепились в свои пушки, как репейники. План Семино состоял в том, чтобы непрерывным огнем пробить две бреши. Однако первый министр с этим не согласился. Он хотел, чтобы это зрелище, новое для персов (тамаша), продолжалось несколько дней. Обстрел был начат 7 июня. Под огнем батарей стены по обеим сторонам угловой башни Бурдж Абдулла-и Мизр начали постепенно рушиться. Услыхав грохот пушек в своем доме в лагере, Мирза Хаджи-Агасси радостно вскочил со своего места и крикнул приближенным: «Слушайте и смотрите, как мы, персы, можем стрелять!» — но отказался поближе взглянуть на это зрелище. Обстрел продолжался три дня, каждый день по два-три часа, и прекратился 9 июня. Были пробиты две широкие бреши и засыпан ров. Афганцы вели себя между тем очень пассивно. Они лишь углубили двойные крытые галереи вдоль склона вала под обеими брешами и вокруг них, чтобы затруднить персам штурм.

В тот же день из Кабула и Кандагара в лагерь приехал поручик Виткевич. С ним прибыл также сын властителя Кан-

дагара, Кохендиль-хана, Мухаммед Омар-хан. Последний привез с собой большую свиту, а также слона в подарок Мохаммед-шаху. Живописные костюмы афганцев и их воинственный вид нам очень понравились. Омар-хан со свитой нанес графу визит, и у нас было достаточно времени, чтобы рассмотреть и зарисовать людей, костюмы и оружие.

Никто из нас не узнал Виткевича, когда он, одетый афганцем, в большом белом тюрбане, из-под которого выбивались длинные густые черные локоны, пришел к нам в лагерь. Он до такой степени усвоил обычаи, привычки и язык афганцев, что даже персу и афганцу трудно было отличить его от своих. Во время последнего дневного перехода между Фарахом и Гератом при падении с лошади он вывихнул ногу и теперь хромал. Он сообщил нам много интересных подробностей о своем путешествии из Герата в Кабул в сопровождении лишь одного голяма через Паропамизские горы, населенные дикими племенами гиссар, о пребывании в Кабуле, знакомстве с Бернсом и возвращении через Кандагар.

11 июня, вечером, я провел графа в окопы и на позиции осадных батарей, чтобы показать ему их действие. Он удивился их близкому расположению к городским стенам и нашел, что бреши достаточно широки, дабы прорваться через каждую из них во время штурма с 30 солдатами по фронту. Из окопов мы отправились к шаху. Когда мы вошли к нему в дом, он держал в руках лук и стрелы. Он обещал направить в окопы для штурма достаточное количество войск и в тот же вечер огласил обращение (прокламацию) к армии и особенно к начальникам, в котором апеллировал к их повиновению и мужеству. Затем мы отправились к первому министру, обещавшему нам то же самое. От просьбы графа показаться завтра с шахом хотя бы вблизи окопов, чтобы его величество своим присутствием воодушевил персов, он наотрез отказался. «Недостойно персидскому шаху проявлять интерес, когда он захватывает такой незначительный город, как Герат», — возразил он. За этими высокопарными словами и вздором Хаджи пытался скрыть трусость, а скорее злые намерения, и результаты штурма подтвердили мое подозрение. Возвратившись в наш лагерь, я сообщил графу свое мнение и сказал, что не доверяю сарбазам, так как они, хотя и являются хорошими солдатами, не уверены в себе и имеют плохих командиров. Особенно это касается высших начальников, а они не будут действовать энергично и сообща, потому что никто из них, как уже упоминалось выше, не хочет подчиняться приказам вышестоящих. К сожалению, я оказался хорошим пророком.

По утвержденному Мохаммед-шахом плану атаки основную штурмовую колонну из 2500 добровольцев, собранных из всех полков, должен был возглавить генерал-лейтенант

Боровский, а резерв из 3 тыс. человек — Мохаммед-хан-сердар. Чтобы поддержать штурмовую колонну в критический момент, 300 стрелков под командованием капитана Семино должны были вести огонь из траншей по солдатам неприятеля, которые появятся во время штурма на башнях рядом с брешами, на валу и стенах. Каждый сарбаз и стрелок должен был иметь 30 патронов. Штурмующим колоннам надлежало без единого выстрела с примкнутыми штыками атаковать бреши в сомкнутом строю. Одновременно в других местах вокруг города должны были предприниматься ложные атаки, чтобы хотя бы частично отвлечь внимание афганцев от главной колонны. Штурм намечался на полдень 12/24 июня.

В 11 часов я выехал из лагеря к передовым окопам, на позиции осадной артиллерии, чтобы наблюдать за атакой. По пути туда я увидел, что плоские крыши разграбленных деревенских домов сплошь усеяны сарбазами, которые собрались оттуда смотреть на штурм, как на интересный спектакль. На мой вопрос, почему они не на своих местах в окопах, они ответили, смеясь: «Наших там уже достаточно». В окопах, где было полно войск, я встретил Боровского, который спокойно ел из большой миски плов. Я заметил ему, что перед штурмом нельзя есть, так как он может получить ранение в живот, а такая рана опасна. Боровский улыбнулся на мое замечание и возразил, что он не боится пуль; однако, сам того не подозревая, я предсказал несчастному его судьбу.

Между тем началась стрельба, чтобы отогнать афганцев от брешей и валов. В полдень командир артиллерии дал сигнал к приступу залпом из всех пушек.

Атакующую колонну возглавил Боровский. Персы, в авангарде которых находился Хамаданский батальон со своим отважным молодым командиром Неби-ханом, ринулись из окопов на вал, но не в колонне, как было приказано, а по подразделениям, поэтому атака с самого начала носила несогласованный характер.

Вместо того чтобы подняться на гребень бреши и там закрепиться, часть сарбазов задержалась в крытой галерее и начала грабеж. К подножию бреши все же прорвался отряд численностью 500—600 человек, и знаменосец Хамаданского полка водрузил знамя на полуразрушенную башню Бурдж Абдулла-и Мизр *.

В это время был смертельно ранен пулей в живот Боровский, тяжело ранило полковника Моэб Али-хана, Неби-хана и командира полка Карадуга. Лишившись своих начальников, атакующая колонна простояла два часа в страшную

* Позже нам рассказывали, что Яр Мухаммед-хан в Герате, увидев развевающееся персидское знамя на вышеупомянутой башне, хотел бежать из города, но лейтенант Поттингер воспрепятствовал этому, посоветовав дождаться исхода штурма. — *Примеч. авт.*

жару у подножия бреши, не двигаясь ни вперед, ни назад, ожидая подкрепления и назначения других командиров. Афганцы между тем стали бросать через брешь камни, не показываясь из-за укрытий, или стреляли с соседних башен и стен в сарбазов.

Персидские стрелки (туфенджи), которые должны были из окопов снимать метким огнем афганцев с соседних стен и башен, вообще не получили патронов.

Командира резерва Мохаммед-хан-сердара, который был слишком высокого мнения о себе, чтобы находиться в подчинении у Боровского, нигде не могли найти, равно как и сам резерв, поэтому штурмовая колонна не могла получить подкрепления. Спустя два часа солдаты, изнуренные жарой и жаждой, вернулись в окопы. Афганцы их не преследовали, потому что артиллерия вновь открыла огонь по брешам. Из-за противоречивых распоряжений окончились неудачей ложные атаки персов и в других местах. Ничего не мог поделать даже русский батальон, против которого афганцы выставили своих лучших бойцов. Действуя изолированно, он отступил, потеряв 50 человек убитыми и ранеными. Так закончился этот бессмысленный штурм. А в это время шах и его первый министр спокойно отсиживались в своих домах в лагере, удаленном на $2^1/_2$ версты от места сражения. Граф Симонич, находившийся в полуразрушенной вилле недалеко от позиций осадной артиллерии, собственными глазами убедился в том, насколько правильны были мои выводы.

Так как персы не приняли никаких мер для устройства перевязочных пунктов, солдаты сами перевязывали своих раненых товарищей в окопах, выносили мертвых из крытых галерей и рва, обмывали их по всем правилам Корана под жалобное пение, чтобы затем похоронить. Врач русской миссии, доктор Йениш, единственный врач, находившийся на месте, наложил первые повязки вышеупомянутым командирам, а Боровского отнесли на носилках (тахтараван) в лагерь, где он умер на следующий день, вечером.

Число раненых и убитых персов, по словам адъютант-баши (обер-квартирмейстера), составляло 1500, среди них 328 убитых, а именно: генерал (сертиб), 7 полковников (серхенг), 3 майора (явар), 40 офицеров и 277 сарбазов. Многие сарбазы, однако, были легко ранены или контужены камнями. Афганцы якобы потеряли при этом штурме около 600 человек. Если бы персы в ту же ночь повторили штурм, они проникли бы в город, потому что и там господствовала невыразимая сумятица. Афганцы оставили валы и бреши без прикрытия.

Во время штурма в окопах и на позициях осадных батарей царил полнейший беспорядок. Здесь не было ни командиров, ни подчиненных, ни врачей, ни фельдшеров, не говоря

уже о госпитале для раненых. Однако большое число убитых офицеров по отношению к убитым сарбазам свидетельствовало о том, что офицеры свой долг выполнили. Причиной неудавшегося штурма было лишь злополучное соперничество начальников, поскольку каждый хотел действовать независимо от другого, отчего терялась всякая согласованность. Главнокомандующего, как такового, в персидской армии вообще не было. Все приказы исходили от шаха или, скорее, от его министра, но оба они не показывались вблизи войск.

Понятно, что провал штурма настолько обескуражил персидскую армию, что афганцы смогли восстановить разрушенные части валов и стен, не встречая препятствий со стороны персов. Шах, правда, приказал окружить весь город валом с башнями, но никто и не подумал выполнить этот странный приказ.

Первого министра, казалось, не трогало это несчастье, и он продолжал хвастаться и болтать. Например, Омар-хану, афганцу, который посетил его через несколько дней после штурма, он сказал, показывая на караульного у дверей: «Видишь ты этих солдат? Это львы, это тигры! Мне стоит сказать лишь слово, и они покорят Афганистан, Кабул и выгонят англичан из Индостана». Омар-хан, улыбаясь, ответил, что он верит этому, но пусть Мирза Хаджи-Агасси попробует сначала захватить Герат! Этот ответ, естественно, задел самолюбие министра, и он возразил с досадой: «Герат! Герат! Для меня это так же легко сделать, как выпить стакан воды!» Подобным бахвальством он пытался пускать пыль в глаза, однако все здравомыслящие люди осуждали слабость шаха, доверившего этому полусумасшедшему судьбу Персидского государства.

После неудавшегося штурма армия простояла в бездействии еще два месяца у стен Герата. В это время из внутренних районов Персии прибыли подкрепления, примерно 2 тыс. человек, с малочисленной артиллерией и боеприпасами. Кроме отдельных попыток проникнуть в крытые галереи, которые делались вновь прибывшими войсками по приказу первого министра наугад и безрезультатно, с крупными потерями, персидская армия ничего не предпринимала. Напротив, начались дипломатические переговоры с правителем Герата Камран-Мирзой или, скорее, с его всесильным министром Яр Мухаммед-ханом. Последний каждый раз делал вид, что подчинится и покорится. Начался обмен письмами, посылались уполномоченные с той и другой стороны, и даже наш драгоман Гутт отправился однажды в город, получив инструкции заверить Яр Мухаммед-хана, что ему нечего опасаться за свою жизнь, если он сдаст Герат шаху и покорится ему. Во время этих переговоров между афганскими и персидскими солдатами установилось молчаливое согласие о

перемирии. Афганским солдатам продавали масло, соль и даже туры и фашины, поскольку в городе не хватало топлива. Лишения, которым подверглись за десять месяцев осажденные, были действительно огромными. В городе свирепствовали эпидемии, особенно офтальмия (воспаление глаз). Из Герата было изгнано много жителей, но предварительно их всех обобрали. Их даже пытали, чтобы получить деньги и ценности. Несчастные приходили в персидский лагерь голые и босые. Многие из них последовали затем за армией и осели в Хорасане.

Все дипломатические переговоры со стороны Яр Мухаммед-хана были лишь фикцией; единственная их цель состояла в том, чтобы водить за нос первого министра. Перед своим отъездом из персидского лагеря Макнил не напрасно советовал Яр Мухаммед-хану потерпеть и выждать несколько месяцев, пока Англия не найдет способа освободить его от персидской армии. И действительно, 20 июля в лагерь под Гератом прибыл полковник Стоддарт и вручил ноту, в которой английский министр при персидском дворе Макнил заявлял, что Великобритания рассматривает осаду Герата как враждебный акт, направленный против Индостана, и требует от шаха немедленно снять осаду; в противном случае английское правительство будет вынуждено вмешаться. В подтверждение этой несправедливой угрозы из Бомбея в Персидский залив была направлена флотилия из пяти кораблей, которая овладела персидским островом Харг, а затем оккупировала город Бендер-Бушир.

Несчастный Мохаммед-шах, слишком слабый характером, чтобы отстоять свои права, покорился судьбе. Он внял угрозам Англии и решил снять осаду. Литейную мастерскую в лагере разрушили, гигантские пушки распилили на куски, чтобы взять с собой хотя бы металл. Вся свита, например писари, и другой бесполезный народ были отправлены вперед, в Мешхед. Мы между тем откармливали своих лошадей и мулов, готовясь двинуться в обратный путь. Первый министр выступал теперь в роли философа. Однажды он так высказался в нашем присутствии: «Если государь лишится трона из-за Англии, то я уединюсь с ним в Моздоке (маленькой крепости на Тереке. — *И. Б.*) и удовлетворюсь пенсией от русского императора в размере одного персидского дуката (батхакли, состоящий из 9 серебряных сахиб-кранов. — *И. Б.*) в день, из него $^{8}/_{9}$ отдам на содержание шаха, а себе оставлю $^{1}/_{9}$ часть».

В таком духе он продолжал бахвалиться перед всеми. 23 августа доктор Йениш покинул лагерь под Гератом, чтобы вернуться в Тифлис. Когда он прощался с Мирзой Хаджи-Агасси, тот сказал ему среди прочего: «Персия сейчас так же могущественна, как и во времена Надир-шаха. Нам под-

властны вся Средняя Азия, Афганистан, Пенджаб, а также Индостан; что же касается Грузии и Кавказа, то мы подарили эти земли русскому государю в знак дружбы».

В течение июля и августа стояла невыносимая жара. В наших палатках температура достигала 30—34° по Реомюру, а в жилищах из глины — 27—29°. Однако жара смягчалась постоянно дующим свежим восточным ветром; небо оставалось всегда ясным, и ни разу не было ни дождя, ни грозы. В этот период мне пришлось слышать и видеть много интересного, так как к Мохаммед-шаху спешили со всех сторон посланники, чтобы заверить его от имени правителей близлежащих земель и районов в их преданности ему. Они прибывали из Систана, Гиссара, Меймене, Кандагара и т. д. Я узнал о вышеупомянутых землях много любопытных подробностей, которые нашли позднее отражение в моем описании Персии. Афганский начальник Шамс эд-дин-хан не раз бывал у графа и много рассказывал о своем народе. Он сообщил, например, что афганцы считают русских воинов самыми храбрыми в мире, и уверял, что во время своих походов они едят камни, которые каждый солдат носит за спиной в мешке. Эта легенда возникла, вероятно, на основе того факта, что русский солдат в походе, особенно в Азии, носит с собой ржаные сухари, твердые как камень, но чрезвычайно питательные.

Наконец 28 августа (9 сентября) персы подожгли фашины и все деревянные сооружения в окопах, а также сам лагерь, и персидская армия после десятимесячной бесполезной осады покинула равнину Герата и отправилась в обратный путь, в Мешхед. На огромном пространстве беспорядочно двигались артиллерия, кавалерия, пехота, огромный обоз, в котором везли и дюжину гробов, нагруженных на верблюдов. Это была огромная толпа, в которой смешались и люди, и кони, и верблюды, и слоны, и мулы, и ослы. Вся равнина была покрыта густым облаком пыли. Афганцы и не думали преследовать персов. Они поспешили ограбить персидский лагерь и с триумфом проводить полковника Стоддарта в город, где ему был устроен блестящий прием, потому что он не скупился на обещания жителям от имени Англии.

Мы покинули лагерь у Герата около полудня, переправились через Герируд и заночевали около деревни Сендеджан. На следующий день добрались до Гуриана, который сарбазы разграбили, и 31 августа прибыли в персидский лагерь, снова переехав через Герируд.

На плодородной равнине, некогда ухоженной и возделанной, мы видели теперь лишь разрушенные караван-сараи, разгромленные деревни, а также большие кладбища. В прошлом густо населенная долина Герируда превратилась в пустыню.

4 сентября Виткевич был послан из лагеря с миссией в Кандагар, а армия тем временем медленно двинулась дальше на северо-запад, вдоль правого берега Герируда. Здесь были замечательные пастбища. Обширная равнина изобиловала дичью, особенно антилопами (джейранами). В камышах по берегам реки водились также дикие кабаны. Во время марша армии ханы развлекались охотой на антилоп и соколиной охотой, и я ежедневно наблюдал в миниатюре картину знаменитой «охоты Чингисхана или Тамерлана»; испуганные антилопы, окруженные и преследуемые со всех сторон, выбегали несколько раз на ряды сарбазов, где их добивали штыками. Случалось, что в пылу охоты шальная пуля, предназначенная антилопе, попадала в армейскую колонну и ранила людей. Но это никого не волновало, потому что человеческая жизнь мало ценится в Персии и в Азии вообще.

В первый день обратного похода в армии царила, как упомянуто выше, страшная сумятица. Это напоминало мне персидскую армию Ксеркса. Позднее в войсках был установлен некоторый порядок. Первыми рано утром выступали авангард с шатрами и кухней шаха, а также артиллерийский парк, навьюченный на верблюдов. Во главе ехали зембурекчи (верблюжья артиллерия) с разноцветными значками. Первые верблюды из артиллерийского парка были увешаны колокольчиками и флажками. На них сидели музыканты с волынками и бубнами, которые подбадривали животных своей монотонной и нестройной музыкой. Затем следовал эскадрон улан, остатки полка, который был сформирован английским майором Феррандом, находившимся на службе у персов. Потом шла артиллерия с 12-фунтовыми русскими орудиями впереди. Каждое тяжелое орудие везла упряжка из восьми или шести лошадей, а легкое — из четырех. Лучшей частью армии была артиллерия. За ней следовала пехота во главе с русским батальоном. Солдаты шли в две шеренги на расстоянии 4—6 шагов друг от друга, без ранцев и шинелей, так как весь багаж был нагружен на многочисленных ослов, которые были приданы каждому полку. Этих терпеливых животных сарбазы подгоняли штыками. Каждый персидский полк имел свое знамя из шелка — красное, белое, желтое и т. д. по желанию, с гербом Персии — лежащим львом в лучах восходящего солнца. На конце древка знамени была приделана серебряная рука (рука Али). Кавалерия, в большинстве иррегулярная, обоз из десятка тысяч мулов, верблюдов, лошадей и ослов с погонщиками растянулись на обширной равнине на 2—3 версты и поднимали страшное облако пыли. Залп из фальконетов был сигналом для армии, что его величество снялся с ночного лагеря; второй залп означал, что он на полпути сделал остановку для завтрака, а третий залп оповещал армию о его прибытии в новый лагерь.

Шатер шаха устанавливался заранее. Он служил для армии маяком, куда надо держать направление, чтобы потом расположиться вокруг него. Сам лагерь представлял собой огромный четырехугольник, фронтальную часть которого занимали пехота и артиллерия. Внутри лагеря стояли шатры, раскинутые в живописном беспорядке. Палаточные веревки образовывали настоящий лабиринт, потому что каждый разбивал свой шатер там, где это ему было удобно или где он находил свободное место.

Поскольку каждый офицер держал коня рядом со своей палаткой и животные не должны были стоять ближе 5—6 футов друг от друга, нетрудно себе представить, сколько требовалось места, чтобы разместить множество палаток и тысячи лошадей. Каждое из этих прекрасных животных было привязано четырьмя веревками из крученого хлопка. Две веревки привязывались к узде и крепились через кольцо к вбитому в землю колу, что позволяло лошади свободно двигать головой влево или вправо; на задние ноги надевались веревочные петли, которые также крепились через кольцо к колу. Привязанные таким образом лошади не могли брыкаться, а также сближаться друг с другом. Жеребцам привязывали к голове торбу с мелкой соломой и ячменем и поили из медного луженого котла. На водопой их не водили. Во всей армии не было ни меринов, ни кобыл, и каждую ночь в лагере происходил спектакль, так как жеребцы то и дело срывались с привязи и бросались друг на друга. В лагере ежедневно открывался рынок, где можно было купить рис, хлеб, свежую баранину и пр. Была даже введена должность начальника рынка, который наблюдал за порядком. Высокий шест с флагом означал место, где следовало располагать рынок.

Часто в тишине вечера мы слышали хлопки в ладоши в какой-нибудь палатке, которым отвечали в другой палатке, и так постепенно по всему лагерю. Это было своего рода персидским поверьем, чтобы отпугнуть из лагеря скорпионов, тарантулов и фаланг.

Выше уже упоминалось, что жители пограничных деревень, опасаясь афганцев и туркмен, следовали за персидской армией. Эти люди тащили с собой, естественно, все свое имущество, что чрезвычайно увеличивало обоз армии. К счастью, туркмены и афганцы, следовавшие за армией малочисленными группами на почтительном расстоянии, не нападали на обоз. Они довольствовались тем, что захватывали отставших или больных. Персидский солдат не получает медицинской помощи, будь то в походе, когда он заболевает, или в бою, когда его ранят. Его оставляют лежать там, где он падает, и, если о нем не позаботятся его товарищи, он погибает. Там не знают, что такое полевые госпитали, полевые аптеки, са-

нитарные кареты, санитары. Там уповают на Аллаха или чаще всего на покровителя Персии — Али.

Армия пересекла обширную равнину и холмистую местность вдоль Герируда и его притока Джам и прибыла 7/19 сентября в город Торбет-е-Шейх-Джам, жители которого предусмотрительно заперли ворота, чтобы защититься от грабежа. С высоких стен они спустили на веревках необходимые продукты, получив за них сначала деньги, которые поднимали также на веревках в маленьких мешочках.

Отсюда армия двинулась на северо-запад мимо разрушенных деревень, бассейнов, больших кладбищ и караван-сараев и расположилась наконец вблизи речки Джам, у Абдулабада, на широкой равнине, чтобы подготовиться к большому смотру. Для этой цели в войсках сперва распределили сурзат, т. е. провиант, и немного денег. 11 сентября я отправился с графом Симоничем на этот королевский парад. Войска были построены в несколько рядов. По словам адъютант-баши, в параде участвовало около 28 тыс. человек, из них 2—3 тыс. кавалеристов. Мохаммед-шах, сопровождаемый большой свитой, проехал вдоль строя, равнение которого оставляло желать лучшего, приветствовал войска, благодарил их за добрую службу и казался очень веселым и возбужденным. Впереди бежали его скороходы в причудливой одежде. Их шапки были усеяны маленькими серебряными монетами. Далее шли слуги со связками тонких палок и фелеком, наконец, палач с обнаженным мечом на плече; таков был персидский обычай, чтобы нагонять на народ страх. Его величество был облачен в своего рода форму (низам), т. е. синий сюртук с бриллиантовыми пуговицами и воротником, усеянным бриллиантами. На предплечьях — большие императорские браслеты из крупных бриллиантов, рубинов и изумрудов; каждый браслет стоил около 50 тыс. туманов (туман — 3 рубля). Шапка шаха была с обручем и султаном из бриллиантов, ножны украшены жемчугом и драгоценными камнями, а эполеты усеяны крупными жемчужинами и бриллиантами. Стоимость украшений и шитья на этом наряде оценивалась в 2 млн. серебряных рублей.

Несколько пехотных полков были одеты хорошо, другие выглядели жалко. В рядах сарбазов мы заметили много ружей без штыков или стволы без ложа и ружейные ложа без стволов. Батальонные командиры, чтобы построить по фронту как можно больше солдат, наняли для этого парада много людей из обоза, например погонщиков верблюдов и мулов, писарей, прислугу, феррахов и т. д.; им дали в руки ружья и поставили позади первого ряда. Русский батальон численностью около 450 человек был лучшим во всей армии; это касалось как мундиров, так и выправки и равнения. Неплохо выглядела и артиллерия. Ниже всякой критики была кавале-

рия; это относилось и к одежде и к сбруе (harnachement) *; только курды выделялись своими живописными нарядами и воинственным видом.

Разумеется, во время смотра войска стояли на месте и не проходили строем перед шахом, не говоря уже о выполнении ими каких-либо маневров. Об этом не имеют представления ни солдаты, ни офицеры. Последние в большинстве своем полные невежды в вопросах строевой подготовки и маневра, но зато высокого мнения о себе. Персидский солдат обладает многими достойными качествами, о которых я уже выше говорил, и был бы хорошим солдатом, имей он соответствующих командиров. В опубликованных мною записях о Персии приводится много подробностей о персидской армии. Кроме того, в 1865 г. у Ф. А. Брокгауза в Лейпциге вышла работа о Персии под названием «Персия. Страна и ее жители» доктора Поляка, некогда лейб-медика теперешнего шаха Насер эд-дина. Ее автор также подробно описывает армию, причем его характеристика полностью соответствует моему мнению. И все же персидские солдаты — это представители того же народа, из которого 150 лет назад рекрутировались войска Надир-шаха, завоевавшие Индию и державшие в страхе всю Азию. Для создания образцовой армии Персии были необходимы другое правительство и совсем другая администрация. Однако сейчас об этом и речи быть не может. Персидская армия и по сей день плохо одета, плохо вооружена и плохо питается, так как командиры кладут себе в карман бóльшую часть жалованья, и бедные сарбазы вынуждены на марше кормиться грабежом, а в гарнизоне — различным ремеслом и мелкой торговлей, что дозволялось; даже в лагере и в окопах под Гератом я часто видел целые туши баранов, висящие на штыках в ружейных пирамидах, без шкур; мясо сарбазы продавали.

Во время вышеупомянутого парада воду солдатам разносили в бурдюках сотни водоносов (сака), так как стояла сильная жара и было очень пыльно. Каждый такой сака вел за собой на поводу мула с перекинутыми через него двумя огромными кожаными бурдюками. Парад продолжался 4 часа.

Перед каждый полком читали прокламацию шаха, которую я здесь привожу как пример персидского красноречия.

«Нашим сертипам, серхенгам и другим командирам нашей победоносной армии, всем отважным полкам сарбазов, нашей мужественной кавалерии и всем присутствующим в лагере!

Когда в свое время по приказу почившего Фатх-Али-шаха мы отправились под командованием покойного Наиб-Султана

---

* Конская сбруя, упряжь (фр.).

(Аббас-Мирзы. — *И. Б.*) в Хорасан, нашей целью было, имея в виду благополучие этой провинции, положить конец продаже пленного населения и вообще установить в Хорасане спокойствие. Для достижения этой цели я во время последнего похода (1833 г. — *И. Б.*) получил приказ наказать жителей Герата, но так как между тем Аббас-Мирза отправился в мир иной, мы ушли из-под стен Герата. Уже тогда властитель этого города Камран-Мирза дал клятву, что в будущем гератцы не станут больше совершать набеги на наши границы и прекратят грабить и опустошать деревни и окрестности Хорасана.

Но не прошло и двух месяцев, как эта клятва была нарушена и гератцы снова стали грабить наши деревни и уводить жителей, наших подданных, как пленных [чтобы продавать их как рабов в Бухару и Хиву]. Я чувствовал себя виноватым перед богом, так как по его милости все было подготовлено к войне [против Герата], и я тем не менее колебался освободить наших людей. Если бы тогда я выполнил свое намерение, то ни Аллах, ни пророк, ни люди не имели бы права упрекнуть меня. Я стыдился самого себя, так как моему желанию ничто не мешало. Даже если бы все народы, живущие между Оксусом и Индом, захотели покорить меня, я сомневаюсь, что они рискнули бы задержать наше продвижение через эти страны, тем более что сардары из Кабула и Кандагара, властители Систана и Белуджистана, а также Шамс эд-дин-хан направили ко мне послов, чтобы уверить меня в своей верности. Итак, с их стороны мы не ожидали сопротивления.

Наконец мы подошли к Герату; армия осадила город и достойно сражалась с врагом. Проявив отвагу, завладела Бадкиром, Мюманом и покорила их всех, так что от Инда до Оксуса не было не покоренного нами народа. Правитель Балха, начальники аймаков (хезарейцы), а именно из Фирузкуха, джемшиды и другие явились к нам сами и попросили милости. Я остался доволен войсками. С редким терпением они переносили холод зимы и зной лета, работали в окопах, сражались с врагом на краю крепостного рва и с большим трудом доставляли продукты питания из внутренних районов государства. Со всем этим войска справились отлично, всегда проявляли примерное рвение и блестящее мужество. Всадники, как львы, преследовали врага, а артиллеристы метали снаряды с быстротой молнии. Войска несколько раз предпринимали штурм города, мужественно жертвуя собой, наносили врагу чувствительные потери и забросали осажденный город 40 тыс. снарядов всех видов. Вследствие этого Герат был опустошен настолько, что более 30 тыс. жителей покинуло этот город и тысяча человек поступила к нам на службу, в то время как начальники в Ге-

рате тайно посылали уверения в своей верности и предложения сдаться.

Случилось так, что, несмотря на три официальных договора, подписанных также [английскими] посланниками, в которых было определено, что Англия ни в коем случае не должна вмешиваться в дела Афганистана, английское правительство прислало нам объявление войны. В нем говорилось, что война, которую мы ведем с гератцами, вредит интересам Англии и ее господству в Индостане и что она рассматривает наши действия против Герата как враждебные по отношению к ее территории. Английские военные корабли силой завладели нашей землей, десант с них высадился на остров Харг. Объявлено, что он вторгнется в провинцию Фарс и продвинется до Шираза, если мы не откажемся от наших притязаний на Герат. Поскольку мы твердо надеялись на соблюдение вышеуказанных договоров, мы полагали, что побережье Персидского залива, а также Фарс защищены от нападения. Более того, мы считали, что договоры сильнее, чем сотня крепостей и орудий, которые мы воздвигли и установили вдоль упомянутого побережья. Исходя из этого обстоятельства, поскольку война с афганцами и их союзниками — узбеками продолжается уже два года и поскольку Англия, могущественное государство, противится ее продолжению, мы посчитали разумным закончить войну и отступить. У населения Персии, возможно, сложится впечатление, что война утомила меня и что я отказался от намерения освободить наших плененных подданных. Никогда! Никогда! Я клянусь богом! Наши плененные подданные могут быть уверены в том, что, пока я живу, меня ничто не отвлечет от моего намерения в этом отношении и с помощью бога я верну их обратно [освобожу].

Теперь мы возвращаемся на родину, чтобы дать отдохнуть войскам и укрепить наши границы. Тем временем я пошлю в Гуриан, этот ключ к Герату, гарнизон из хорасанских войск, а также из лучших регулярных пехотных полков с командиром из Хорасана, который при первой же попытке неприятеля навредить нам ринется на Герат. В городах Торбет и Мешхед будет также оставлено достаточное количество наших отважных сарбазов и нашей храброй кавалерии наряду с артиллерией, которые с божьей помощью в состоянии изгнать армию в 100 тыс. человек.

Пусть знают наши верные сарбазы, наша мужественная кавалерия, что почетная смерть достойнее, чем столетняя жизнь в бесчестии и унижении. Я всегда считал и считаю, что с помощью победоносного льва (Али) — да будет он благословен! — вы в состоянии легче переносить трудности, выразить бо́льшие усердие, мужество и готовность защитить честь нашей родины и нашу религию, чем любая европейская

армия. Все, что я имею, я поделю с вами. Я желал лишь возместить потери, которые нанесли жителям Хорасана узбеки и туркмены, не причиняя никому зла. Исполнение этих желаний — для меня высшее счастье, а вы останетесь навсегда моими верными спутниками и товарищами по вере!

Написано 5-го числа месяца джомади ус-сани, 1254» (т. е. 11/23 сентября 1838 г.) *.

Персидская армия продолжала свой марш в Мешхед. Численность ее быстро уменьшалась, так как люди возвращались домой, мало заботясь о разрешении покинуть армию. Навстречу нам шли свежие войска из Тегерана, Урмии и Внутренней Персии, которые присоединялись к армии. Новоприбывшие остались в Хорасанском гарнизоне.

После 18-дневного перехода по долинам Герируда и его притока Джам и преодоления горной цепи армия прибыла в окрестности Мешхеда и приветствовала с возвышенности вблизи деревни Турук, где она разбила лагерь, золотые купола мечети персидского святого имама Резы громким «О Али!». Сарбазы склонили свои знамена и бросились на колени. Все были счастливы исполнить молитву у могилы своего покровителя-патрона и сразу же поспешили еще сегодня сделать это; затем они вернулись в лагерь, удаленный на 1 фарсанг (на 6 верст) от города.

Мы тоже послали нашего голям-баши, чтобы занять квартиры для русской миссии, и 17 сентября армия в парадной форме вступила в святой для персов город. Мешхед для шиитов то же, что и Мекка для суннитов, т. е. святыня. Сам город весьма большой, но наполовину разрушен и наводнен муллами, девицами легкого поведения, паломниками, многие тысячи которых собираются ежегодно в Мешхед из всех провинций государства. По Корану или, скорее, по тамошнему обычаю шиитов (персов), каждый верующий может здесь жениться на день, неделю и месяц, т. е. жить в «конкубинате». Эта церемония освящается муллой и считается законной. Приготовленные для нас квартиры нам не понравились, и мы предпочли жить в палатках за городом, тем более что шах со своим двором и войском также разбил лагерь в окрестностях западной части города. В первый день нашего пребывания здесь мы остались без персидской прислуги, так как она не хотела упустить случая отправиться к могиле имама Резы и помолиться там.

20 сентября мы нанесли визит здешнему имам-джоме и встретили у него первого министра Мирзу Хаджи-Агасси с большой свитой. Церемониал был такой же, как и на всех персидских приемах, и мы любовались сыном имама, очень

---

* Дословный перевод с персидского на французский Эдуарда Гутта. — *Примеч. авт.*

красивым мальчиком семи лет. Затем я отправился с капитаном Семино верхом для осмотра города. Мы позавтракали, по персидскому обычаю, на базаре, где была страшная сутолока, потом ближе ознакомились с городом, который, как сказано выше, был наполовину разрушен, особенно вблизи большой цитадели. Огромные кладбища занимали значительную часть города, преимущественно вокруг мечети, около которой находится могила Резы. Вся окрестность вокруг последней — огромное кладбище, где гладкие мраморные плиты, испещренные надписями, лежат тесно одна около другой. Ежегодно из всех районов Персии в Мешхед привозят сотни гробов с трупами, навьюченных на верблюды, чтобы предать тела священной земле, и муллам дорого платят за место для могилы, особенно вблизи гробницы святого. Доступ к гробнице и внутрь мечети для неверующих закрыт, поэтому мы и не могли их осмотреть. Мечеть, равно как могила имама Резы, подробно описана во многих путеводителях по Персии, а также в моих набросках об этой стране.

В лагерь мы возвращались поздно. Ехали при яркой луне, которая освещала магическим светом город и все его окрестности. В последующие дни мы продолжали осмотр города. Его главная улица обсажена по обеим сторонам деревьями, орошаемыми из ручьев с кристально-чистой водой.

Мы побывали в еврейском доме и еврейской бане, проехали через темные коридоры, которые частично составляют узкие улицы, сделали покупки для дальнейшего путешествия в Нишапур и Тегеран. Нам сказали, что в Мешхеде нет армян.

25 сентября мы посетили шаха и первого министра, чтобы попрощаться с ними. При этом последний неприлично ругал англичан и клялся, что если он не займет Джелалабад (крепость в провинции Пешавар), то пусть его, Мирзу Хаджи-Агасси, оденут проституткой. Его выражения были весьма оригинальными, но лучше их не переводить.

26 сентября мы, наконец, покинули лагерь у Мешхеда, проехали только 10 верст и заночевали в горах в караван-сарае, где графу подарили дикую ослицу, красивое крупное животное и почти ручное. 27 сентября, еще до восхода солнца, мы отправились дальше. Ехали по горной местности с крутыми склонами, так что этот день нас очень утомил. Персидская артиллерия сделала крюк, чтобы миновать эти узкие проходы; тем не менее персам приходилось запрягать в каждую пушку по 10 лошадей. Жара была мучительной. Проделав $3^1/_2$ фарсанга, мы расположились в деревне Шерифабад, в прекрасной, обильно орошаемой долине, утопавшей в садах. Хотя многие сарбазы остались в гарнизоне Мешхеда, персидский лагерь занимал на привалах еще значительную площадь, однако меньшую, чем у Герируда. 28 и 29 сентября

миновали последние отроги Эльбурсских гор перед спуском на равнину Нишапура. Мы двигались на запад-северо-запад и, проделав за два дня пути $7^1/_2$ фарсангов, остановились в деревне Кадамга, расположенной на возвышенности. Здесь в живописном месте стояла красивая мечеть в окружении платанов и пиний, орошавшихся причудливыми каскадами. В мечети нам показали черный камень, на котором имеются отпечатки обеих ног святого имама Резы. Поэтому мечеть стала местом паломничества. Граф подарил сеидам[46] (священникам), охранявшим мечеть, четыре дуката, и только мы отъехали, как святые начали между собой драку из-за денег.

30 сентября мы ехали по широкой, хорошо орошаемой и густонаселенной равнине и расположились у города Нишапура, окруженного садами. В прошлом это была жемчужина Хорасана. Как уверяют персидские писатели, население Нишапура превышало миллион человек.

Нишапур был разрушен Чингисханом и Тамерланом, и с тех пор он уже не смог подняться. В его окрестностях находятся знаменитые рудники бирюзы, которые подробно описаны в моей работе о Персии. Мы осмотрели город, базар, поели замечательных гранатов, однако знаменитые дыни Нишапура нам не понравились.

Из этого города, который мы покинули 2 октября, русская миссия отправилась вперед, оставив позади армию и его величество шаха. Но мы были не одни, так как к нам присоединилось множество людей, чтобы под нашей защитой избежать возможного нападения туркмен. Мы находились теперь на большой дороге паломников, которая вела из Мешхеда в Бухару, и должны были пройти опасные участки, где обычно совершали нападения грабители. Теперь эта дорога была, впрочем, безопасна. По ней шли сарбазы, оставившие армию, чтобы быстрее добраться до родных деревень. Они брели большими и маленькими группами, погоняя штыками ослов, груженных скарбом.

Почти ежедневно нам попадались караваны паломников. Они направлялись в священный город пешком и на лошадях, со знаменами и громко молились.

Мы проехали самый большой караван-сарай Персии — Сеафуруй, превращенный теперь в развалины, город Себзевар, деревни Ривед-Мехр, Сюдхар, Мезинан, в прошлом город, наполовину разрушенный туркменами (из 1000 семей здесь осталось теперь лишь 100), Аббасабад, грузинскую колонию, созданную еще по приказу шаха Аббаса Великого (потомки первых переселенцев, однако, уже давно забыли свой родной язык), караван-сарай Алхак, деревню Меиермей, окруженную садами. Во всех этих местах мы ночевали. В последней деревне был красивый, хорошо сохранившийся

караван-сарай, где мы из-за жары остались до вечера. Затем совершили ночной переход в 60 верст (10 фарсангов), на рассвете проехали мимо большой деревни Бедешт, окруженной обширными садами, и 9 октября, рано утром, прибыли в Шахруд, где снова заняли наши мартовские квартиры, здесь мы отдыхали два дня. Весь маршрут из Тегерана в Герат и обратно подробно описан в моей работе о Персии.

Из Шахруда в Астрабад и Мазендеран ведет дорога, пересекающая горную цепь Эльбурса; она служит лишь для пешеходов или мулов. 11 октября мы поехали дальше на запад-северо-запад, оставив справа Эльбурсские горы. Наши борзые взяли след гиены, и мы устроили на нее охоту. Отвратительное животное попыталось спрятаться в старых развалинах, но сын графа смертельно ранил ее, а собаки довершили дело. Мы ночевали в Хадирабаде, Девлетабаде, Ауване, Сернане, Сорхе, знаменитом своими замечательными дынями, Ласджерде, Кешлаке и Айвони-Кеифе. Несмотря на октябрь, стояла жара. По пути мы обогнали многих возвращавшихся на родину сарбазов. Переход от Айвони-Кеифа и до Пелешта мы совершили из-за жары ночью и 19 октября, поздно вечером, прибыли в Тегеран. Мы отсутствовали семь месяцев и десять дней, а я прожил странный и интересный эпизод своей жизни.

27 октября шах вернулся в столицу с остатками войска, бо́льшая часть которого прошла мимо нашей квартиры в Арке. Узкая улица, лишь 10—12 футов шириной, была запружена сарбазами, которые продирались через нее со своим оркестром, в то время как прочие фауджи, войдя в город с другой стороны, двигались им навстречу. Толкотня была страшная; толпа не могла двигаться ни вперед, ни назад. Подошла и артиллерия, приблизительно в 50 орудий, которая силой прокладывала себе дорогу. Кроме гвардии и русского батальона, все войска разбили лагерь за городом. Солдаты расходились потом по домам или располагались в казармах. Когда шах перед своим дворцом слез с коня, раздался залп из пушек и фальконетов, возвещавший о том, что его величество благополучно вернулся в столицу. 30 октября мы нанесли визит шаху, чтобы выразить свое удовольствие по случаю его возвращения. Первый министр приказал между тем отлить в большом арсенале Тегерана 40 новых пушек и получил из Амоля в Мазендеране 20 тыс. снарядов и продолжал хвастаться в том же духе.

Тем временем мы получили сообщение, что вновь назначенный русский министр при дворе Тегерана уже выехал из Тавриза. Было решено послать ему навстречу от его величества михмандара (церемониймейстер и одновременно провожатый). Выбор пал на Мирзу Мусси, который отправился

навстречу полковнику Дюгамелю с подарками и прекрасным жеребцом в богатой сбруе. Граф для встречи министра послал меня. 1 ноября я выехал из Тегерана, сопровождаемый двумя слугами с двумя нагруженными мулами, а также голямом, через Солеймание и Кешлак, где останавливались на ночевку, в Казвин. 3 ноября я приехал в Тише и встретил там министра, прибывшего туда со своей свитой накануне.

Александр Осипович Дюгамель, француз по происхождению, был старшим сыном сенатора того же имени. Он служил в Генеральном штабе, участвовал в войне с Турцией в 1828—1829 гг., попал в плен под Праводи, был выкуплен до заключения Адрианопольского мира и послан графом Дибичем[47] через Трапезунд и Байбурт, чтобы сообщить графу Паскевичу условия мира. В 1830—1831 гг. он участвовал в походе против Польши. В 1833 г. был послан с поручением в лагерь Ибрагим-паши[48] в Малую Азию, а потом назначен российским генеральным консулом в Александрии, где оставался до 1838 г. Здесь он получил сообщение о назначении полномочным министром в Тегеран и поехал через Константинополь и Севастополь в Петербург, чтобы получить инструкции. В Петербурге он женился на мадемуазель Козловской, дочери отставного, очень состоятельного гвардейского генерала, и Юлия Михайловна последовала за своим супругом в Персию. Я, со своей стороны, был рад получить в начальники человека, которого знал лично и которого высоко ценил за характер и образованность.

По приезде в Казвин я представился ему как был в дорожной одежде, познакомился с его молодой супругой, а также с новым врачом миссии, Каппером, наконец, с князем Алексеем Солтыковым, атташе миссии, который прибыл в Персию, чтобы познакомиться со страной и людьми. Солтыков был камер-юнкером и перебывал на службе почти во всех русских посольствах в Европе в качестве атташе, но, как он сказал мне позднее, никогда не брался за перо. Он был богатым, образованным и независимым человеком, занимался живописью, что делал мастерски. Поскольку князь рано познал все стороны жизни, он ко всему относился свысока, был немного скептичен и наводил на всех скуку. Вскоре он покинул Персию, чтобы отправиться в путешествие по Индии, во время которого сделал много замечательных рисунков. В 60-х годах он умер в Париже старым холостяком, оставив после себя очень большую коллекцию редкого и дорогого оружия. Он был джентльмен в полном смысле слова. Одевался как англичанин и следовал английским обычаям. Великолепно владел английским языком, а также немецким, французским и итальянским. Я провел с князем приятные часы в Тегеране и еще долгое время после его

отъезда из Персии вел с ним переписку, вплоть до его путешествия в Индию.

4 ноября я отправился с новой миссией в Тегеран. Михмандара, сопровождавшего полковника Дюгамеля из Тавриза, звали Алаир-хан. В его обязанности входило заботиться о подготовке ночлега, подвозе пищи и вообще обо всем, чтобы сделать путешествие по возможности приятным. Мадам Дюгамель, милая и очень образованная женщина, ехала в элегантной берлине *, для разнообразия иногда садилась на коня, так что наше путешествие было очень приятным. 6 ноября мы прибыли в Солеймание, где остановились на ночь во дворце шаха. Отсюда я послал в Тегеран чапара (курьера), чтобы предупредить графа Симонича о нашем скором прибытии, дабы он мог все подготовить для встречи (эстекбаль) нового министра. 7 ноября мы добрались до лагеря Кент-Сохиган, красивой большой деревни, расположенной у подножия Эльбурса и удаленной от Тегерана приблизительно на 2 фарсанга, где и заночевали. Здесь новому министру и его супруге представились члены миссии Гутт и Ивановский, с которыми мы провели приятный вечер.

8 ноября, рано утром, я выехал с мадам Дюгамель в Тегеран. Одетая в персидский костюм, она сидела в носилках, которые везли два мула. Лицо ее было закрыто плотной вуалью. Я представил мадам графа, который вышел навстречу нам или, скорее, ей к воротам нашей миссии. Граф провел мадам внутрь помещения, а я поехал обратно в Кент, чтобы присутствовать при торжественном въезде полковника Дюгамеля в персидскую столицу. Для этой цели шах послал навстречу новому посланнику несколько вельмож с многочисленной свитой. Посланнику хотели показать этим, что, чем дальше от ворот столицы, тем больше внимания ему оказывается. Впереди шли скороходы и феррахи шаха, и я прошептал полковнику Дюгамелю, чтобы он ехал очень медленно, потому что на Востоке это свидетельствует об авторитете и важности. Так процессия приблизилась к Дервазе-йе Доулат (Ворота властителя столицы). По обеим сторонам дороги был выстроен гвардейский батальон сарбазов, между которыми мы медленно проехали. На нас обрушилась оглушительная музыка; она сопровождала посланника до ворот его резиденции.

11 ноября полковник Дюгамель нанес шаху свой первый визит, а граф Симонич — прощальный. Мохаммед-шах принял нас в тронном зале, демонстрируя неприступность и роскошь. Стены зала были покрыты зеркалами. Однако это была лишь тень той роскоши, которой был окружен во время таких приемов его предшественник — Фатх-Али-шах. Об этом

* Берлина — дорожная коляска.

мне подробно рассказывал граф Симонич, который еще застал последние дни блеска персидского двора. После аудиенции мы отправились к первому министру, который, казалось, очень сожалел, что граф Симонич покидает Персию, и наговорил ему тысячу любезностей, но при этом не мог удержаться, чтобы не поругать англичан и не похвалиться могуществом Персии. 13 ноября граф устроил новому министру и его свите, а также нам прощальный ужин и 15 ноября покинул Тегеран, чтобы отправиться в Петербург. Я сердечно попрощался с ним, и мне не довелось больше увидеть этого замечательного человека. Он был назначен комендантом Варшавской цитадели и умер от последствий падения из-за поломки оси экипажа, оставив большую семью.

Между тем в Тегеран прибыл наш консул Александр Ходзько из Решта в Гиляне, чтобы представиться новому полномочному министру. Он был моим старым знакомым, с 1836 г., со времени моего пребывания в Астрабадской бухте. Консул сопровождал подарки, которые были посланы из С.-Петербурга нашим правительством по воде через Астрахань в Решт, а оттуда по суше в Тегеран,— обычай, который повторялся каждый раз при смене полномочных министров при персидском дворе. Эти подарки — хрустальные и фарфоровые сосуды с императорских фабрик, сукно, бархат, ткани, шитые золотом и серебром, и т. д.— были нагружены на 50 мулов и доставлены сюда капитаном Леммом из топографического корпуса. Он, бывший мой учитель астрономии, научил меня определять точку солнцестояния, а также вычислять долготу по хронометру. Однако нас больше всего интересовал прибывший капитан Альбранд, который был направлен сюда начальником Кавказского армейского корпуса, чтобы принять здесь русский батальон и препроводить его в Тифлис.

Выше я уже указывал причину, которая побудила нас отправиться в лагерь под Гератом. Речь шла о выдаче батальона из русских и польских дезертиров, который находился в 1838 г. у Герата. Мохаммед-шах оттянул его выдачу до конца осады и возвращения армии в Тегеран. Наш новый министр имел поручение настоять на выдаче этих людей, и Альбранд, способный, умный, храбрый и энергичный офицер, выразил готовность препроводить упомянутый батальон из Персии в Тифлис и прибыл теперь с несколькими опытными линейными казаками — унтер-офицерами, чтобы выполнить свое намерение. Естественно, в батальоне уже давно знали о выдаче, и, как мы узнали, солдаты хотели воспротивиться этому, особенно поляки. Персидское правительство не имело ни желания, ни власти применить силу. Первый министр и Мирза Массуд, министр иностранных дел, заявили нам напрямик, что их правительство оставляет за нами право

разоружить батальон и вывести его за границу; сами они якобы не имеют достаточно сил, чтобы его вывести. Итак, русскому министру и капитану Альбранду предстояло самим выполнить это рискованное предприятие.

Упомянутым батальоном, численностью около 500 человек, из которых половина были поляки, командовал некий Самсон-хан. Бывший вахмистр драгунского полка в Нижнем Новгороде, он дезертировал в 1807 г. во время осады Эривани графом Гудовичем[49] и перешел на персидскую службу. Так как между Персией и Россией тогда не существовало соглашения о выдаче дезертиров, Фатх-Али-шах воспользовался этим обстоятельством и постепенно сформировал из дезертиров сначала роту, а затем и батальон. Бывший вахмистр Самсонов был произведен в полковники (серхенг) и назначен его командиром. С течением времени он вознесся до хана, его стали называть Самсон-хан и пожаловали генеральский титул. Батальон отличился во многих походах против курдов и туркмен и был сам очень опасен для персов, потому что солдаты были пропащими людьми; они бесчинствовали и в некоторой степени повиновались лишь своим офицерам (русским и полякам, принятым персидским правительством на службу). Многие женились на армянках или несторианках[50], обзавелись семьями, но ни один из них не сменил веру. Многих со временем охватила тоска по родине, но страх наказания удерживал беглецов в Персии. Многие стали пьяницами и влачили жалкое существование.

Капитан Альбранд начал с того, что послал своих казаков — унтер-офицеров на квартиры русских и польских беглецов, чтобы узнать их мнение, pour sonder le terrain *, как говорится по-французски. Наши кавказские линейные казаки, украшенные георгиевскими крестами, не жалели денег и угощали своих соотечественников вином и водкой. Они убеждали их, что те ведут жалкую жизнь в Персии, где их презирают как неверующих и в случае болезни дают подыхать как собакам; гораздо утешительнее когда-нибудь умереть среди родных и быть похороненным в родной земле — надежда, которую лелеет каждый русский, потому что они, особенно простые люди, очень привязаны к своей родине, обычаям и привычкам. Многие беглецы были готовы вернуться на родину, но боялись, что по прибытии в Тифлис будут прогнаны сквозь строй и будут потом служить всю жизнь. Казаки успокаивали их и уверяли, что солдатам, которые добровольно последуют за капитаном Альбрандом, все простят и не подвергнут их телесному наказанию.

Поляки ничего не хотели слышать об этом, но немало русских беглецов пришло на следующий день в посольство.

---

* Чтобы прозондировать почву (фр.).

Здесь их хорошо приняли, дважды в день выдавали хорошую еду и порцию водки, и Альбранд, наделенный редким даром обращения с русскими солдатами, так расположил их к себе, что за первыми вскоре последовало столько, что в резиденции с трудом смогло разместиться такое количество людей. Альбранд часто приходил к ним, говорил с ними, как солдат с солдатом, пил с ними водку, и каждый вечер слышались русские песни под аккомпанемент тамбурина и колокольчиков. Так была усмирена русская часть батальона и возвращена к выполнению своего долга. С поляками у Альбранда дело обстояло хуже. Они не верили обещаниям, особенно те, кто на персидской службе получил звание офицера, и лишь заверение, что польские офицеры уволятся со службы, сохранив звание, и получат разрешение вернуться к себе на родину, если они добровольно со своими подчиненными последуют за капитаном через границу, сломило сопротивление, и они обещали сделать все возможное, чтобы их польские соотечественники прислушались к этому. Действительно, в русской миссии появилось и много поляков. Чтобы разместить всех перебежчиков, русский министр снял за городом большой караван-сарай, где расквартировали весь батальон. Здесь Альбранд устроил для солдат праздник, который превратился в грандиозную попойку, так как он нарочно пил с ними, чтобы еще больше склонить на свою сторону, и на самом деле все восхищались им и слепо ему повиновались.

Так как весь батальон перешел теперь на нашу сторону, началась подготовка к его отправке. Однако возникло препятствие, которое задерживало выступление: солдаты в течение 15 месяцев не получали жалованья, и персидское правительство заявило, что в настоящий момент не в состоянии заплатить батальону долг в размере 4 тыс. голландских дукатов.

Чтобы устранить это препятствие, полковник Дюгамель распорядился выплатить указанную сумму из казны императорской миссии. Теперь солдаты хотели получить деньги наличными, но Альбранд просил их положиться на него в этом деле. Он разделил батальон на роты и взводы, во главе которых остались те же офицеры, фельдфебели и унтер-офицеры, что и раньше, на персидской службе. Начальствовать батальоном он также доверил прежнему командиру, полковнику, в прошлом русскому унтер-офицеру, женатому на дочери Самсон-хана. Каждая рота должна была выбрать каптенармуса, которому бы она полностью доверяла. Альбранд приказал сделать ящик для батальонной кассы и четыре поменьше для ротных касс. Потом был объявлен полный сбор. Каждому солдату отсчитали по два дуката, а остаток поместили в ротную кассу, которая опечатывалась ротным каптенармусом и сдавалась в батальонную кассу с при-

ложением печати командира роты и командира батальона. Сданные на хранение в батальонную кассу деньги должны были быть по прибытии батальона в Тифлис выплачены владельцам, что позднее и произошло. Солдаты поняли всю целесообразность заведенного порядка и успокоились. Полученные 2 дуката были тут же растранжирены и пропиты. Капитан Альбранд заключил контракты с несколькими армянами, которые должны были следовать за батальоном как маркитанты и снабжать его ежедневно бараниной, хлебом, рисом и водкой. Далее он нанял необходимое количество мулов, чтобы везти багаж, а также жен и детей семейных солдат. И когда все было готово к выступлению, русский министр со всей миссией приехал в вышеупомянутый караван-сарай, где батальон был выстроен в каре в парадной форме. Здесь уже находился армянский православный священник со своими помощниками. Спели Te Deum, потом перед батальоном держал краткую речь полковник Дюгамель. Он поздравил солдат с тем, что они теперь снова стали верными подданными его величества императора, заверил их, что все данные им обещания будут выполнены, и пожелал благополучного пути обратно на родину. Батальон ответил громовым «ура!», и мы вернулись обратно в город, очень довольные тем, что так благополучно выполнили столь тяжелую миссию. Огромная заслуга в этом принадлежит капитану Альбранду; вряд ли кому-нибудь другому удалось бы выполнить это поручение лучше, чем сделал он.

22 декабря батальон выступил из караван-сарая. Было 8—10° мороза. Впереди шел Альбранд, певцы и музыканты следовали за ним, затем весь батальон с громким пением в полном вооружении; потом двигался обоз, т. е. мулы с женщинами, детьми и багажом; шествие колонны замыкал арьергард. Первую часть пути Альбранд шел пешком, чтобы показать солдатам хороший пример, и он благополучно провел всю колонну через Аракс в Тифлис, несмотря на суровую зиму в Азербайджане в 1838/39 г. и сильные снежные бури, особенно в горах Кафлан-Кух; потерялись только два человека, которые, вероятно, погибли во время одного из таких снегопадов. По прибытии в Тифлис капитан получил в награду звание подполковника, пропустив чин майора. Польские офицеры уволились со службы и уехали на родину. Сам батальон с женщинами и детьми был поселен в станицах вдоль Кубани, офицеры и солдаты получили жилье и землю и были довольны своей судьбой. С тех пор никто больше не помышлял бежать в Персию. Так закончился у нас в Тегеране 1838 год.

Поскольку батальон, состоящий из русских и польских беглецов, провел в Персии около 30 лет, он участвовал за это время во многих походах, которые Персия предпринима-

ла против курдов и туркмен. Мне рассказали много историй о мужестве батальона и о страхе, который он вселял упомянутым народностям и самим персам.

Здесь мне хотелось бы привести две такие истории. Шах Аббас Великий поселил в Северном Хорасане, а именно вдоль границы от Астрабада на восток до Кучана (Кабучана), 15 тыс. курдских семей. Он выбрал эти горные районы потому, что они изобиловали роскошными пастбищами и напоминали новым поселенцам их родину. Шах Аббас подарил им эти земли с условием, что они будут защищать северные границы Хорасана от нападений туркмен и узбеков. Но курды имеют сейчас ту же репутацию, какую имели еще во времена Ксенофонта их предки, кардухены[51], т. е. это дикий, беспокойный народ. Вместо того чтобы защищать Хорасан, курды скоро нашли общий язык с туркменами. Они грабили несчастных жителей района и даже продавали их в Хиву и Бухару. Усилия Фатх-Али-шаха покорить и успокоить их были напрасными, и он предпринял против них несколько походов. При тщетной осаде Кучана случилось так, что у стен крепости остались лежать несколько убитых русских солдат. Курды с удивлением окружили трупы, но не рискнули к ним прикасаться. Прежде они хорошо обмыли водой их руки, потому что среди этого дикого народа бытует легенда, будто у русского солдата в каждом пальце сидит патрон, который может выстрелить. Эта легенда возникла, вероятно, потому, что русский солдат стреляет намного быстрее, чем курды из своих фитильных ружей.

В 1835 г., если я не ошибаюсь, одно из многочисленных племен курдов из Курдистана (в Восточной Персии) совершило набег с гор в пограничные персидские районы, опустошив и разграбив их. Чтобы проучить разбойников, туда были посланы войска под командованием персидского начальника. В этих войсках находилось также 250 человек из русского батальона во главе со своим командиром. Персы проникли в горы Курдистана, но не обнаружили врага. Однажды они заметили многочисленные стада овец, пасущиеся на склонах гор. Персидский предводитель приказал овладеть этими высотами и захватить овец. Русский отряд был оставлен как резерв в долине. В упомянутых персидских войсках находился также итальянский врач, состоявший на службе у шаха. Продвинулись дальше и неожиданно натолкнулись на множество курдов, которые скрывались за соседними скалами и стремительно выскочили на них со страшными криками. Панический страх охватил сарбазов; они кинулись вниз по склонам и увлекли за собой даже своего командира. В это время русский резерв образовал каре, в котором нашел свое спасение и врач. Курды рискнули атаковать эту горстку солдат, но ружейный залп вскоре дал им понять, что здесь они

имеют дело не с сарбазами. Они довольно долго кружили вокруг небольшого каре, которое медленно отступало, однако не рискнули на дальнейшую атаку и вернулись в горы с вновь отвоеванными стадами.

К вечеру русский отряд добрался до персидского лагеря, и итальянский врач поспешил разыскать своего начальника. Он обнаружил его в палатке лежащим на ковре без сил, но курящим кальян. Взглянув на врача, он глубоко вздохнул и сказал: «О хаким (доктор)! Сегодня я был мертв, но благодаря Аллаху теперь снова ожил. Теперь я понимаю, почему эти неверующие русские непобедимы. Им не хватает качества, которым мы, персы, обладаем в высшей степени: они не могут бежать, а стоят как стена, если их атакует враг».

Глава IV

1839 год

В течение этого года произошло мало интересных событий. Я ограничусь описанием лишь того, что вносило в нашу монотонную жизнь некоторое оживление. Как я уже говорил, русская миссия в Тегеране состояла лишь из нескольких человек, поэтому мы жили как бы одной семьей. Во время завтрака и ужина мы собирались вместе, ежедневно совершали прогулки по окрестностям. Прибытие почты бывало, естественно, всегда для нас праздником, потому что каждый получал письма от близких и друзей с далекой родины; мы узнавали из газет о политических новостях.

2 февраля нас покинул князь Солтыков, чтобы вернуться в Петербург. Он не провел здесь и двух месяцев, потому что однообразная жизнь в Персии ему не нравилась. Он занимался преимущественно живописью и удостоился чести написать портреты Мохаммед-шаха и его сына-наследника (валиахда), а также первого министра. Эти и другие групповые портреты были потом литографированы в Лондоне и высланы нам.

Приближалась весна, и русский министр решил отправить с капитаном Леммом приготовленные для губернатора Хорасана (им был тогда Асиф од-Доуле) подарки. Лемм должен был воспользоваться этим случаем, чтобы определить как можно больше астрономических пунктов. Я набросал ему маршрут, следуя которому он мог определить эти пункты на возможно большем пространстве. Ему предстояло ехать по большой дороге паломников до Мешхеда, повернуть затем на северо-восток и проехать через Кучан, Боджнурд, т. е. через Хорасанский Курдистан, в Астрабад и отсюда вернуться в Тегеран через Сари и Барфруш, перевалив горную цепь Эльбурса. Так как кроме астрономического прибора у него было четыре хронометра, он взял с собой бедного персидского пилигрима, намеревавшегося совершить паломничество в Мешхед. Тот шел рядом с Леммом, неся хронометры в маленьком ящичке. Лемма сопровождал и слуга-армянин, который мог говорить по-тюркски (по-татарски). Присоединившись со своими слугами к каравану паломников, капитан Лемм, напутствуемый нами, покинул Тегеран 4 февраля.

11 февраля в Тегеран прибыл из Кандагара Виткевич. Сопровождаемый лишь одним слугой, он поехал из Фараха (Ферраха) прямо на восток, через большую солончаковую пустыню, через Йезд в Исфахан и благополучно завершил это смелое и опасное путешествие. К нам он добрался по большому караванному пути из Исфахана через Кашан и Кум. Виткевич очень много рассказывал нам о своем пребывании в Кабуле и Кандагаре, но, к сожалению, он не вел дневника и вообще не любил писать. Несколько раз я запирался с ним в моей комнате, приказав слуге никого не впускать, и Виткевич диктовал мне свои воспоминания, а также описания маршрутов, которые я впоследствии включил в свою книгу о Персии. 2 марта Виткевич выехал из Тегерана в Петербург.

О неожиданной кончине этого дворянина и благородного человека я расскажу ниже.

13 февраля был праздник курбан-байрам[52]. Мы нанесли визит шаху и его первому министру. 21 февраля в шахском дворце был дан большой прием (салам). Его величество сидел на галерее или, скорее, на веранде, на возвышении, и опирался на подушки, усеянные большими жемчужинами. Министр и знатные вельможи стояли на некотором расстоянии вокруг него. Позади, в двадцати шагах, стоял придворный поэт, который, держа в руках большой свиток, громко читал хвалебную речь, изобиловавшую высокопарными и напыщенными фразами в честь кибле-алема. В глубине сада, в котором происходил салам, толпился народ. Затем привели слонов шаха, которые преклонили перед ним колени. Стреляли из пушек. Мы с интересом наблюдали этот новый для нас спектакль. Доктор Поляк очень подробно описал эту церемонию, а также праздник мохаррем в своей работе о Персии (глава X).

На первые числа марта пришлись дни памяти смерти Хусейна в пустыне около Кербелы. Этот большой праздник траура отмечается лишь шиитами (персами), но не суннитами (турками) и продолжается 10—12 дней. Сначала мы слышали, особенно ночью, непривычные вопли «Хусейн! Хусейн!», которые производились муллами и другим народом, носившимся по улицам. Фанатики наносили себе раны наподобие ран Хусейна. Однажды во дворе посольства среди прочих появился такой фанатик, обнаженный до бедер; грудь и руки его были залиты кровью. Он нанес себе множество небольших ран (как бы следы выпущенных стрел), чтобы уподобиться личности Хусейна. По улице за ним шла большая толпа; люди били себя кулаками в грудь, беспрерывно выкрикивая: «Хусейн! Хасан!», и одаривали фанатика деньгами за его страдания. Через несколько дней на многих перекрестках были установлены подмостки (текке), покрытые сукном и

украшенные блестками, где давался своего рода спектакль. Такие представления, называемые тазийе, организовывали также знатные вельможи во дворах своих домов. На одно из них, у министра иностранных дел Мирзы Массуда, мы были приглашены.

Нас провели на второй этаж в просторную комнату с большими персидскими окнами, откуда был хорошо виден просторный двор. В центре его были установлены подмостки (без кулис), на которых изображались страдания и смерть Хусейна в окружении его семьи, жен и детей. Остальное пространство двора, а также все окна, галереи и веранды близлежащих домов были усеяны зрителями. Среди них были сотни женщин, которым было отведено особое место. Они сидели на корточках, закрытые паранджой и закутанные в темные одежды. Мужчины также сидели на корточках и с волнением следили за развитием действия. В особенно трогательных местах раздавались громкие всхлипывания, плач, возгласы сострадания и отчаяния. Эти сцены захватывали даже зрителей, не понимавших слов. У многих из нас на глазах стояли слезы, потому что горе зрителей было непритворным. Артисты произносили свои роли, читая их с полосок бумаги, которые держали в руках. Для нас, европейцев, такая манера игры несколько разрушала иллюзию происходящего на сцене. Женские роли исполнялись мужчинами, которые надевали на себя женское платье и повязывали черные бороды белой тканью. Лишь роли девочек и мальчиков исполняли дети обоих полов. Для этого подбирали самых красивых, и здесь действительно были прелестные мальчики и удивительно красивые девочки восьми-десяти лет. Одежда девочек была украшена золотом и жемчугом, и они очень естественно играли свои немые роли. Участие детей в спектакле сводилось к тому, чтобы при появлении новой жертвы, т. е. убитого члена семьи Хусейна, которого приносили на носилках, выбегать из палатки, рвать на себе волосы и посыпать голову мелкой соломой вместо пепла, что является у восточных народов знаком глубокого горя. Пышные черные локоны девочек и мальчиков, выразительные черные глаза производили большой эффект, и мы, европейцы, не могли на них налюбоваться. Такие красивые детские лица и фигуры редко встретишь в Европе. В числе персонажей был и европейский посланник в причудливой одежде и в треугольной шляпе, который должен был добиться пощады для несчастного Хусейна и его семьи.

В просторном дворе и в соседних домах Мирзы Массуда собралось около тысячи зрителей. В антрактах разносили кофе, сладости и шербет. Вообще, такой тазийе дорого обходится хозяину. При этом персидские вельможи стремятся превзойти друг друга в роскоши и затратах.

На ноуруз, т. е. на Новый год, который персы празднуют 9/21 марта, с наступлением весны, в день весеннего равноденствия, у шаха вновь был салам, на котором присутствовали члены русской миссии и персидская знать. Эти празднества очень подробно описаны доктором Поляком в его работе о Персии (1865 г.). Я ссылаюсь на эту интересную книгу потому, что в ней очень правдиво изображены страна и люди. Более того, этот врач прожил девять лет в Персии, в совершенстве владел языком и состоял лейб-медиком у Насер эд-дин-шаха. Фил-баши, или смотритель слонов шаха, воспользовался тем, что эти животные находились в Тегеране во время ноуруза, и приводил их во дворы богатых горожан и вельмож, чтобы получить за это вознаграждение. Он привел этих животных и во двор русской миссии. Корнак, или погонщик, сидевший на них верхом, заставлял дрессированных слонов преклонять колени и выполнять другие трюки. На наш вопрос, может ли его слон сломать и вырвать один из платанов, растущих во дворе, корнак предложил нам указать ему дерево. Мы выбрали высокий стройный платан, ствол которого имел в диаметре приблизительно шесть дюймов. Корнак подвел животное к дереву, и слон по указанию своего погонщика сначала испытал сопротивление дерева головой, затем отступил на несколько шагов, навалился на него всей своей тяжестью, сломал его, оторвал хоботом верхнюю часть платана от корня и бросил в сторону. В качестве вознаграждения слон получил от нас сахар и ром, а его погонщик — несколько дукатов. К нам на двор привели и пару молодых львов, которые были пойманы в горах, к югу от Шираза; они были худые и мельче, чем африканские.

17 апреля мы были приглашены Мирзой Массудом на персидский ужин, накрытый в саду министра. Сначала нас угощали чаем, шербетом и сладостями. Во время ужина персидские мальчики, переодетые девочками, исполняли выразительные танцы, а музыканты оглушали нас своей игрой. Сам ужин, состоявший из 20—30 блюд, был очень вкусным. Европеец вообще быстро привыкает к персидской кухне, потому что она замечательна.

Доктор Поляк описал основные блюда персов и даже персидские названия различных кушаний и специй, добавляемых в них.

Стало уже традицией, что с наступлением жары столица пустеет, так как пребывание там летом вредно и даже опасно. Мы решили поэтому разбить летний лагерь у подножия Эльбурсских гор и выбрали для него прекрасную долину Арговань, в 8 верстах к северу от Тегерана. Здесь находилось несколько зданий полуевропейского типа, где прежде в летние месяцы жил граф Симонич. В них и расположился полковник Дюгамель, после того как мы покинули столицу 22 апре-

ля. Каждый из нас выбрал себе удобное местечко рядом с журчащим ручьем, в тени деревьев, чтобы поставить для себя и слуг палатки.

Моя палатка, как и у каждого сахеба (джентльмена), была двойной. Наружная часть (пуш), из хлопчатобумажной ткани на подкладке, возвышалась над конусообразной внутренней частью. Свободное пространство между ними, называемое «таби», размером, как правило, 4 фута, образует коридор для вентиляции. Внутренняя палатка выглядит более или менее элегантно и может быть разгорожена на несколько отделений. Я приказал вырыть в центре палатки небольшой бассейн в форме параллелограмма и пустить в него холодную ключевую воду из рядом протекавшего ручья. Это давало мне возможность в летнюю жару ежедневно по нескольку раз принимать прохладные ванны. Поблизости стояла палатка моих слуг. Моих лошадей привязывали под деревьями. Для каждого коня были построены круглые ясли из глины высотой в 2 фута, открытые сверху. В ясли насыпали клевер, свежескошенную траву, а позднее — сечку вперемешку с ячменем. В десяти шагах от моей палатки к югу была поставлена большая двойная парадная палатка из тяжелого шелка, которая служила миссии приемным салоном и одновременно столовой. Там могли удобно разместиться 20—30 человек. Остальные члены миссии также выбрали себе удобные места для палаток. Прекрасные окрестности Шамруна, чистый горный воздух, свежая, сочная трава, великолепная ключевая вода делали наше летнее пребывание здесь приятным.

Рано утром, после подъема, я бросался прямо с кровати в прохладный бассейн. Потом мы навещали друг друга или оставались в своих палатках, занимаясь чтением или письмом. Около 10 часов все члены миссии собирались в парадной палатке, куда приносили завтрак — чай, кофе, яйца, холодное жаркое, масло, сыр и т. д. Мадам Дюгамель выступала в роли приветливой хозяйки. После завтрака проводили час за беседой и намечали маршрут сегодняшней прогулки. Затем каждый возвращался в свою палатку, чтобы прилечь и переждать дневную жару или заняться чтением и письмом. Около 5 часов вечера я принимал вторую ванну, а в 6—7 часов седлались кони, и мы все, возглавляемые мадам Дюгамель, отправлялись на прогулку по долине Шамруна. В лагерь возвращались на закате солнца. Ужинали обычно в доме у министра, где оставались до 11 часов, а затем отправлялись в свои палатки.

Каждое воскресенье совершались прогулки в горы Эльбурса. Еще на рассвете вперед отправляли четырех мулов, нагруженных провизией, вином и льдом, в сопровождении повара и нескольких феррашей, которым надлежало выбрать в

долине живописное место у ручья, в тени. В 7 часов утра мы трогались в путь. Ехали по прекрасным долинам, узким ущельям, переправлялись через быстрые горные потоки, поднимались по крутым тропам вдоль ущелий, проезжали приветливые персидские деревни и, проделав иногда 15 верст, т. е. около 2 немецких миль, прибывали на сборный пункт голодные и одолеваемые жаждой. Здесь мы передавали лошадей слугам и располагались вокруг расстеленного ковра, на котором стоял холодный завтрак, а также кофе, чай и шоколад. С каким аппетитом, под веселые шутки мы поглощали блюда, любуясь живописными окрестностями и постоянно ясным, синим небом Ирана! Затем мы отправлялись пешком бродить по окрестностям, заходили в деревни, где нас всегда встречали прелестные мальчики и девочки в возрасте от 6 до 14 лет с фруктами и букетами цветов, которые они предлагали нам, чтобы получить взамен несколько шаев (мелкую монету).

Жители этих долин — красивые и зажиточные люди. Плодородная земля дает все, что требуется персидскому крестьянину. Это работящий, скромный народ, особенно сведущий в части искусственного орошения своих полей и садов. Горные речки на всем течении через верхние и нижние долины имеют отводы и так полно используются для искусственного полива и орошения, что на равнину они стекают узкими ручейками, чтобы исчезнуть в большой солончаковой иранской пустыне. Если жара становилась невыносимой, мы выбирали тенистое местечко и делали персидский кайф, т. е. грезили, курили кальян или сигару, любовались живописными окрестностями и пышной растительностью и засыпали. В 4 или 5 часов мы вновь собирались вокруг знакомого ковра, куда подавали роскошный обед, холодные вина, иногда шампанское. За обедом шутили. После кофе слуги разносили лед. К обеду часто приезжали наши итальянские друзья Семино, Барбиери и Колумбари — офицеры на персидской службе. К вечеру в веселом настроении отправлялись в обратный путь другой дорогой.

Мохаммед-шах, проводивший лето 1839 г. в долине Химран (Эльбурсские горы), совершал иногда прогулки со своей свитой, т. е. с таким же церемониалом, о котором я подробно рассказывал выше, описывая парад у Абдулабада в Хорасане. Когда шаха мучила подагра, приступы которой случались часто, он совершал поездки в подаренной ему императорским правительством двухместной коляске без козел, так как для персидского шаха было бы унизительным, если бы его кучер сидел перед ним выше, чем он сам. Поэтому кучер ехал верхом на лошади, запряженной в коляску.

В Персии еще помнят, с каким трудом был доставлен первый английский экипаж, подаренный Фатх-Али-шаху по-

слом сэром Гором Оузли. Его везли в разобранном виде из Бендер-Бушира в Персидском заливе через Бахтиарские горы в Тегеран. Шах с удивлением рассматривал экипаж, затем сел в него, приказал впрячься министрам и вельможам и прокатить его вокруг большой площади (майдана). После этого экипаж поставили в один из дворцовых сараев, откуда никогда больше не выкатывали.

Во время прогулок Мохаммед-шаха народ бросал в знак приветствия сахар под копыта его лошади. Некоторые стояли у дороги с баранами и ягнятами, держа в правой руке кинжал или нож. В тот момент, когда его величество проезжал мимо, владелец перерезал горло животному, принося его в жертву властителю. Один дошел в своем верноподданничестве даже до того, что приставил нож к горлу своего двенадцатилетнего сына, как бы ожидая от шаха лишь знака, чтобы принести мальчика ему в жертву.

Все это были обычаи прошлых времен.

Мохаммед-шах занимался усердно охотой в горах и долинах Эльбурсских гор. Но в этом отношении ему далеко было до его деда Фатх-Али-шаха, потому что последний, весьма жадный до денег, сочетал на прогулке или охоте приятное с полезным. Рассказывают, что однажды, отправившись на прогулку верхом по окрестностям Тегерана, он увидел на дороге медный шай. Приказав поднять его и спрятав в пояс, он сказал своей свите, что этот шай принес ему счастье. Вернувшись во дворец, он приказал купить на базаре на эту монету виноградную кисть, разрезал ее на мелкие части и отправил их в подарок министрам и вельможам, каждый из которых, по придворному обычаю, должен был за эту высокую честь прислать его величеству немало туманов. Если Фатх-Али-шах отправлялся на охоту, то для него выгоняли дичь. Тогда он обращался к одному из сопровождавших его вельмож и говорил, что хочет выстрелить на его счастье. Раздавался выстрел, и дичь падала, тогда шах спокойно протягивал за спину свою правую руку, в которую «осчастливленный» придворный должен был положить порядочную сумму за оказанную честь. У шаха было такое тонкое чутье на деньги, что он по весу мог угадать, сколько туманов лежит в его правой руке.

Фатх-Али-шах совершал путешествия по провинциям своего государства с целью вытягивать деньги у губернаторов (хакимов). Их он рассматривал не иначе как губку, которую время от времени надо выжимать, чтобы она не очень намокала. Хакимы делали все возможное, чтобы удовлетворить его величество. Однажды шаха встретил хаким Кермана и подарил ему ковер, сплетенный из серебряных нитей, с вытканными на нем арабесками и цветами из золотых туманов, на который шах с удовольствием опустился. Губернатор

Исфахана принял однажды шаха в зале, в центре которого находился бассейн с бьющим фонтаном; вокруг бассейна в качестве подарка для его величества были поставлены мешочки с тысячью туманов в каждом. Естественно, что при таком управлении больше всего страдал народ, потому что каждый губернатор старался наполнить свои карманы, а также удовлетворить королевскую жадность; несчастные крестьяне и другие подданные вынуждены были, таким образом, платить вдвойне.

После заключения мира в Туркманчае (1828 г.) [53], когда Фатх-Али-шаху был передан ратифицированный трактат, русский полномочный представитель преподнес, согласно персидскому обычаю, его величеству на серебряном блюде подарок в 3 тыс. новых голландских дукатов. Во время этой аудиенции шах наслаждался тем, что брал монеты горстями с блюда и вновь опускал их на него, как золотой дождь. Казалось, что это занятие доставляло Фатх-Али-шаху огромное удовольствие.

Эти анекдоты служат небольшим отступлением, а теперь я возвращусь к своему повествованию.

В конце апреля вернулся из своего путешествия в Мешхед, Хорасанский Курдистан и Мазендеран наш друг капитан Лемм. Он определил там около 30 астрономических пунктов и произвел барометрическое измерение многих высот. До отъезда он оставил мне в Тегеране свой барометр, при помощи которого я ежедневно два раза в день делал наблюдения, заносил показания в дневник и делал отметки температуры по термометру. Лемм рассказал нам много интересного о своем паломничестве. В каждом мензиле (ночном лагере) он делал астрономические наблюдения. По воскресеньям он оставался на своей станции, чтобы получить духовное наслаждение от чтения Библии. Вручив в Мешхеде местному хакиму Асифу од-Доуле подарки, он отправился через Кучан, Ширван и Боджнурд в Астрабад, а оттуда на запад, вдоль Каспийского моря, через Эшреф, Сари и Алиабад, затем снова на юг, перевалил вторично через хребет Эльбурсских гор и вернулся через Баб-и-Шах и Хастенак в Тегеран. Во время своего путешествия из Решта через Казвин в Тегеран и оттуда в Мешхед и Астрабад он определил 62 астрономических пункта, и я смог набросать карту этой части Персии, так как мне были знакомы маршруты этого района.

Капитан Лемм провел с нами в лагере в Арговани целый месяц. Он оформлял свои наблюдения и составлял карту районов, по которым проезжал; впоследствии она послужила основой для всех карт Хорасана и Мазендерана. В конце мая он вернулся в Петербург через Тавриз и Тифлис, определив в ходе этой поездки еще 22 пункта от Тегерана до карантина Джульфа на левом берегу бурного Аракса.

В апреле мы получили печальное известие о самоубийстве нашего друга Виткевича. Об этом мне сообщил в письме князь Солтыков. Перед смертью Виткевич сжег все свои бумаги. Это был печальный конец молодого человека, который мог бы принести нашему правительству еще много пользы, потому что обладал энергией, предприимчивостью и всеми качествами, необходимыми, чтобы сыграть в Азии роль Александра Бернса. Во время нашего с ним путешествия в Персию и пребывания там он часто бывал меланхолически настроен, говорил, что ему надоела жизнь. Указав на пистолет системы Бертран, заряжающийся с казенной части, он сказал однажды: «Avec ce pistolet la, je me brûlerai un jour la cervelle» *. И он сдержал слово, так как застрелился именно из этого пистолета в минуту глубокой меланхолии. Его смерть произвела тогда сенсацию, и английские газеты много иронизировали по этому поводу.

20 мая в наш лагерь прибыли новые люди — поручик гвардейской артиллерии князь Массальский с четырьмя унтер-офицерами. Он был командирован нашим правительством в Персию по просьбе Мохаммед-шаха или, скорее, его первого министра Мирзы Хаджи-Агасси, чтобы обучить персидских артиллеристов обращению с пушками. Со своими помощниками (кузнецом, слесарем и лафетчиком) он должен был также ознакомить персидских мастеров в Тегеранском арсенале с различными сторонами артиллерийского производства.

Князь Массальский, молодой, очень образованный артиллерист, стал вскоре нашим всеобщим любимцем. На первых порах он с головой ушел в работу как в арсенале, так и на плацу, где обучал расчет батареи. Вскоре, однако, это занятие ему надоело: он увидел, что на каждом шагу ему создаются искусственные препятствия, а первый министр только и делает, что дает обещания и не выполняет их. Зачастую солдаты батареи не приходили на плац; мастерам в арсенале не хватало леса, даже угля. К счастью, русские специалисты привезли с собой набор инструментов и потому, несмотря на все препятствия, соорудили макет зарядного ящика, а также лафета. В следующем году (1840) князь Массальский покинул со своими рабочими Персию и вернулся в Петербург. Его постигла та же участь, что и всех его предшественников и последователей, будь то французы, англичане, итальянцы, пруссаки или австрийцы. Все инструкторы (военные преподаватели), поступавшие на персидскую службу, очень быстро уезжали из Персии, несмотря на то что их приглашало правительство или же официально вербовали полномочные персидские представители в Европе. Их принимали с большой

* Когда-нибудь из этого пистолета я пущу себе пулю в лоб (фр.).

предупредительностью, обращались с ними учтиво и поначалу ежемесячно выплачивали жалованье. Однако у них не было постоянных занятий, и они на горьком опыте убеждались в том, что персы считали себя намного образованнее и опытнее, чем эти ференги (иностранцы). Исключение составляли лишь полковник Шейл, англичанин, генерал Боровский, поляк, и генерал Семино, итальянец, которые женились в Персии. Они выучили язык страны, привыкли к ее нравам и обычаям и жили в кругу своей семьи. Мнение доктора Поляка, прожившего в Персии девять лет, о положении иностранных офицеров на персидской службе полностью подтверждает и мои выводы.

В конце мая после долгого отсутствия вернулся первый секретарь русской императорской миссии барон Клеменс фон Боде. Он, как и я, был большим любителем природы, и часто во время вечерних прогулок по прекрасной долине Аргавани мы любовались великолепным видом пика Демавенд высотой 18 600 английских футов. Его снежная вершина и после захода солнца пылала огнем, в то время как другие хребты Эльбурсских гор уже исчезали в ночной мгле. Звездное ночное небо Персии, мерцание этих бесчисленных небесных тел на небосводе в ночной тишине навсегда останутся в моей памяти.

Между тем наступил конец августа, и мадам Дюгамель пожелала 30-го числа, т. е. в день Александра, устроить небольшое торжество. Князь Массальский обеспечил иллюминацию, генерал Семино — фейерверк. Были приглашены все наши знакомые. Аргованский сад был расцвечен фонарями. На внешней стороне большой аллеи был сооружен транспарант, в середине которого в лучах солнца сверкали буквы Н. А. Вечер оказался великолепным, не было ни ветерка. Иллюминация и фейерверк удались на славу. До поздней ночи в саду играл персидский оркестр, которым дирижировал брат знаменитого маэстро Доницетти, находившийся на персидской службе в качестве капельмейстера. Исполнялись мелодии из новейших итальянских опер. Чтобы понравиться нашим персидским гостям, на празднике появились и персы-актеры, забавлявшие их своими грубыми позами.

В конце сентября мы переехали обратно в Тегеран, куда перед нами возвратился шах. Живя в городе, мы тем не менее совершали ежедневные прогулки верхом вокруг городских стен или по окрестностям. Так, 12 октября, в прекрасный осенний день, мы отправились к роднику Чешме-Али, недалеко от развалин Рея, старого Рагиума, о котором упоминается еще в Священном писании, так как здесь сложилась легенда о молодом Товии. От этого некогда огромного города, с миллионом жителей, тысячью бань и сотнями караван-сараев, осталась лишь солидная восьмиугольная баш-

ня, и здесь можно было воскликнуть: Sic transit gloria mundi! *

Вся необозримая равнина, на которой возник Рей, перерыта, зачастую в поисках кладов, но чаще в поисках обожженного кирпича для строительства. Из этого кирпича построена часть Тегерана, расположенные в его окрестностях дворцы и имамзаде. И тем не менее этого строительного материала и сейчас еще там в избытке. У родника, где мы позавтракали и высказали свои философские замечания о бренности всего земного, стоит засохшая ива, ствол и ветви которой увешаны шелковыми и хлопчатобумажными лоскутками. Этот обычай выполнять обет или благодарственную молитву распространен во всей Персии, как и на Востоке вообще.

10 декабря шах покинул свою резиденцию, чтобы предпринять путешествие в Исфахан. Пока же, однако, он расположил свой лагерь в 6 верстах от города, у могилы святого Шах-Абдул-Азима, и мы отправились туда 14 декабря, чтобы попрощаться с его величеством. Мы нашли шаха в войлочной кибитке, которая в это время года теплее, чем палатка. Проехали через лагерь сопровождавших шаха сарбазов, который не отличался порядком и чистотой. В лагерь прибыли и туфенджи, т. е. стрелки из Мазендерана. К этим людям, принадлежавшим к племени каджаров, шах питал особую слабость, так как он и нынешняя правящая династия в Персии происходят из этого племени.

Зимой наши воскресные читательские вечера превратились в приятное времяпрепровождение, скрашивавшее одиночество. Мадам Дюгамель выразила пожелание, чтобы каждое воскресенье один из нас по очереди рассказывал что-нибудь интересное из своей жизни или читал выдержки из книг. В этих вечерах участвовал и наш консул в Гиляне А. Ходзько, который побывал у нас на рождество и подарил мне редкую рукопись, переведенную им с персидского языка на французский; я привожу ее здесь, в конце моих воспоминаний 1839 г. Она называлась «Кулсун-нене, или Как персидские женщины толкуют Коран».

Александр Ходзько, замечательный востоковед, провел в Персии 10 лет. Он в совершенстве знал литературу этой страны, собрал множество рукописей, в том числе и приводимую ниже, которая, по-моему, еще неизвестна в Европе. Я попытаюсь пересказать ее читателю по возможности подробно по-немецки. Однако некоторые выражения я вынужден смягчить или переиначить, потому что персидские женщины даже из высшего света до сих пор называют каждую вещь своим именем, ничего не затушевывая, как это делали немецкие жен-

* Так проходит мирская слава (лат.).

щины в средние века *. Но прежде хотелось бы еще привести описание посещения одной европейской дамой персидского гарема.

Когда вновь назначенный министр при персидском дворе полковник Дюгамель прибыл в Тавриз и ему пришлось провести там несколько дней, его молодая супруга использовала это время, чтобы нанести визит одной из четырех жен Мохаммед-шаха, жившей тогда в ссылке в этом городе. Она велела доложить о себе и сразу же получила любезное приглашение. Переводчиком у нее была дама, отлично владевшая персидским языком. У входа в гарем их встретил евнух, он проводил дам по узким коридорам в просторную комнату, пол которой был устлан коврами. Жена шаха сидела в глубине комнаты на богато вытканной подушке. Вокруг нее стояли женщины из свиты. Все были в пышных нарядах. Мадам Дюгамель и ее спутнице предложили стул и табурет.

Жена хана, по персидскому обычаю, рассыпалась в приветствиях и комплиментах. Затем рабыни принесли сначала кофе, потом чай и, наконец, сладости. Во время трапезы мадам Дюгамель засыпали сотней вопросов. Особый интерес присутствующих вызвала ее одежда. Ее внимательно осматривали и даже ощупывали. Всеобщее изумление вызвал у них корсет, ибо этот предмет женского туалета совершенно незнаком персиянкам. Мадам Дюгамель, утомленная постоянными расспросами, хотела удалиться. Когда ее стали удерживать, она, извинившись, сказала, что ее ждет к обеду супруг.

«О! Вы имеете счастье обедать вместе с вашим супругом? — спросила высокопоставленная дама. — Мне выпадало это счастье лишь дважды. Скажите, а сколько жен у вашего супруга?»

Мадам Дюгамель ответила с улыбкой: «Я его единственная жена».

«И вы этому верите?» — иронически возразила жена шаха.

Такие наивные вопросы могут задавать только восточные женщины, которые рождаются и воспитываются в гареме.

«Кулсун-нене, или Как персидские женщины толкуют Коран». Несправедливо обвинять Мухаммеда в том, что он будто бы унизил в Коране женщину. Такая мысль никогда не приходила в голову этому необыкновенному человеку, не говоря уже о том, что из-за своего горячего темперамента и жизненных обстоятельств Мухаммед очень благоволил к прекрасному полу **. В Коране он говорит о женщинах с большим

---

* См.: «История немецких женщин» и «Немецкая культура, история обычаев» — обе Иоганна Шерра. — *Примеч. авт.*

** См.: Иоганн Шерр. История религии. Изд. 2-е. Т. 3. 1860, с. 377 и 382. — *Примеч. авт.*

уважением, открыто высказывает благодарность богатой и красивой вдове Хадидже, которой он обязан своим первым возвышением. Сорок шесть жен и одалисок, которых пророк удостоил позже своим выбором, его рыцарская любовь к Зейнеб, наконец, его смерть на руках Айши, дочери Абу Бекра, как и много других подробностей его жизни, — все это основывается на вышеупомянутом утверждении. Если же в своих наставлениях он не ставил женщину на одну ступень с мужчиной, то причина заключалась в том, что ни в истории, ни в обычаях Востока он не находил ничего такого, что могло бы его побудить к идее введения этого неслыханного новшества у восточных народов. Как в его время, так еще и сегодня можно услышать, как один перс говорит другому, тому, кто жестоко обращается со своей сестрой: «Почему ты ее бьешь? Разве Аллах недостаточно наказал ее, создав женщиной?» Семиты, чьи законы служили Мухаммеду образцом, арабы и даже образованные народы древности, например греки и римляне, обращались с женщинами словно с вещами, которыми они могли распоряжаться как своей собственностью. В Китае и Индии было еще хуже. В своде законов Ману сказано: «Молодая или старая, женщина или девушка, должна повиноваться воле мужчины и ничего не предпринимать по своему желанию. Виновница должна наказываться палкой и веревкой».

Кто знает, не поступила бы Европа так же, не будь влияния Евангелия!

В подобных обстоятельствах ничего не оставалось, кроме проявления детских чувств сына к матери или капризной милости господина к своей избраннице; только это могло облегчить положение и судьбу женщин. Было бы интересно проследить историю репрессий, которые время от времени применял прекрасный пол, чтобы смягчить несправедливую суровость закона. Персия в этом отношении являет собой удивительный пример. Здесь бросается в глаза, что женщины, находясь в различные эпохи в гаремах своих властителей, вынуждали их приспосабливаться к себе и даже вселяли почтение. Постепенно и в менее высокопоставленные семьи проникали идеи равноправия между полами, направленные против наставлений (факх) толкователей Корана. Из старых обычаев и предрассудков господ, предрассудков, которые укоренились в гареме и которые позже смешались с мусульманским вероучением, возник своего рода свод законов, странная смесь учений, зачастую аморальных, но тем не менее защищающих хорошие поступки, что не могло быть иначе у народа, у которого страсти постоянно вступали в конфликт с нравственностью. Если, однако, персидские женщины до сих пор придерживаются этих законов, то происходит это не только потому, что с их помощью они сохраняют

свободу действий наперекор факху и супругу, но и потому, что все их симпатии и даже настроения предусмотрены в них, узаконены и стали привычкой и традицией такой же древности, как и сам Коран.

Эти законы, передававшиеся ранее из уст в уста, были затем зафиксированы письменно. Первым, кто их составил, был некий Мир-Дамед. Безвременная кончина помешала ему завершить работу над заметками, которые он собрал с большим трудом.

Фатх-Али-шах, этот король гарема, который имел 1500 жен и наложниц и умер в 1835 г., изумленный влиянием этой женской мистерии в гареме, приказал одному из своих сыновей, Мохаммед-Мирзе, собрать и опубликовать эти законы. Принц выполнил свою задачу, пересказав их стихами. Он назвал их «Адаб ун-нисса» («Обычаи женщин»). В своем предисловии принц говорит: «Мир-Дамед, да благословенна память его, хотел приподнять покрывало, скрывавшее порочные учения и тайные привычки наших женщин. Он начал с того, что стал внимательно следить за их поведением. Затем он привел в порядок записи историй, которые сообщили ему несколько кумушек в Исфахане, считавшиеся исключительно компетентными. Благодаря его умным стараниям вскоре стали известны дьявольская коварность и интриги, а также чертовские уловки нашей любимой половины, этого гнусного пола». Автор полагал, что этим предисловием он навлечет на сомнительный кодекс женщин проклятие священников (мулл) и персидских мужей. Но так как он считал, что, занимаясь таким пустяшным делом, уронит свое достоинство королевского принца, он добавил в конце, что поэма сочинена им с тем, чтобы удовлетворить любопытство своих многочисленных братьев и друзей.

Попытаемся теперь перелистать одну за другой 16 глав «Адаб ун-ниссы».

Первая глава повествует о женщинах, которые прославились в этой науке. Таких было много в различные эпохи, но те, чьи имена и авторитеты существуют до сих пор, зовутся: Кулсун-Нене, Хале-Джан-ага, Биби-шах-Зейнеб, Баджи-Ясмин и Деде-Бесмара. Их имена свидетельствуют об очаровании, которое эти пять корифеев оставили в душах и умах своих сторонниц. Нене означает «матушка», Джан-ага — «властительница души», Деде — «кормилица», Баджи — «сестра». Все это имена любви, почитания и лести, к которым так стремятся персидские женщины. Высокопарные прозвища, которыми их наделили, чтобы подтвердить непогрешимость их учения, не менее любопытны, например: Дана — «мудрая», Муджтехид — «жрица», Фукеха — «законодательница» и т. д. Всего того, чему они учили и что завещали, персидские женщины преданно придерживаются.

Вторая глава повествует о различных видах омовения, о времени и способах очищения, предписываемого исламом. Каждому известно, какое огромное значение придают этому сторонники Корана. По их мнению, прикосновение к мусульманину физически и морально нечистоплотно, если он не произвел омовения рук и ног (вузу) или головы (гузл). Его молитва не будет услышана; миска, из которой он поел, должна быть разбита, как если бы ее вылизала собака. Однако пять законодательниц не обращают на эти предписания никакого внимания. Напротив, они освобождают женщину от обоих видов омовения, если она только что нарумянила лицо, подвела ресницы и напудрила щеки золотой пылью. И на самом деле было бы ужасно и гнусно поднять руку на эту красоту, чтобы в один миг свести на нет всю проделанную работу, которой персидская дама с помощью своей камеристки или рабыни занималась по меньшей мере три часа. Кулсун-нене указывает, что женщина, позволяющая себе в течение трех дней после накладки грима производить гузл (мыть голову), должна рассматриваться как безбожница. Законно обойти вузу или гузл можно и в том случае, если муж собирается предпринять путешествие и не оставляет своей жене денег для оплаты бани; если он обещал подарить ей украшение или банный фартук (лунг), то она может не делать гузл до тех пор, пока он не сдержит обещания. Все эти мелочи, кажущиеся нам пустяшными и ничтожными, трактуются в женском кодексе с истинно «британской» серьезностью.

В третьей главе рассматриваются случаи, когда женщина может отказаться от молитвы (намаз).

Отказаться от намаза? Кто из верующих не придет в ужас от такого требования? Но это неважно. Мудрая Кулсун-нене не имеет ничего общего с верующими. Она идет прямо к цели и обращается к верующим женского пола со следующими словами:

а) каждый раз, услышав звуки музыки, особенно грохот тамбурина, перестаньте молиться, даже если вы стоите на коленях; вы освобождены от молитвы; если же вы, напротив, будете ее продолжать, то вы безбожницы и нечистоплотны (неджисс);

б) о молитве не может быть речи в день помолвки, кто бы вы ни были. Это наиважнейший момент в жизни женщины, бесповоротный конец всему прошлому, событие, определяющее ее будущее. Пусть молятся мулла и его слушатели. Спешите принять участие в торжестве, веселитесь там, смейтесь и беседуйте, будьте счастливы и веселы. Оставьте молитву до следующего дня;

в) грешно молиться в день возвращения супруга из путешествия, потому что ему одному нужно посвятить каждое мгновение, а это является богоугодным делом;

г) если у жены собирается общество, то она может воздержаться от молитвы (которая, по Корану, должна исполняться пять раз в день в определенное время);

д) если женщина надела платье с золотыми или металлическими блестками, то она может воздержаться от молитвы. Но, по мнению Хале-Джан-ага, она может совершать молитву и в такой одежде.

В четвертой главе перечисляются случаи, когда женщина должна поститься.

Мало того что персидские женщины имеют свои особые обряды омовения и молитвы, они должны также знать, когда и как поститься. Эта глава ритуальная. Предписываемые правила являются смесью мусульманских обычаев и предшествовавшего им культа Солнца, который раньше существовал в Персии. Например, пост называется биби-хур и биби-нур. Суть его в том, что постятся все утро 17 раджаба (персидский месяц), после чего едят немного сахара и изюма. Оба компонента должны покупаться на деньги, которые кающаяся добыла милостыней. На улицах персидских городов часто встречаются укутанные чадрой, опрятно одетые женщины, которые предлагают прохожему тарелку с яблоками, вареным горохом или пряностями и просят милостыню. В пост Али (шах-и велайет) нельзя ни есть, ни пить с утра до вечера. Вечером же необходимо зачерпнуть воду из семи различных колодцев, и когда кающаяся попьет этой воды, она должна дважды преклонить колени (намаз-и ду-рикят) и может тогда принимать пищу.

Мы завершили перечисление этих подробностей, которые могут интересовать лишь сторонниц Кулсун-нене, описанием Рузех-и сукут, или поста молчания, самого тяжелого испытания для каждой женщины, потому что с восхода и до захода солнца надо молчать и поститься. Когда истекает время молчания и поста, женщина должна идти просить подаяние. В этом ей не может препятствовать даже супруг. С деревянной ложкой в руках она спешит по улице и ударяет ею семь раз в ворота попадающихся на пути домов и просит милостыню. На полученные таким образом деньги она покупает рис, кислое молоко и финики — продукты, необходимые для пирога, отведав которого она заканчивает пост.

В пятой главе описываются церемония и правила, которые соблюдаются при обручении. Было бы очень кстати, если бы Кулсун-нене и ее опытные соавторы затушевали некоторые неприличные подробности, которыми так насыщена эта глава.

Мы приводим лишь советы, которые могут интересовать девиц на выданье. Хотите найти мужа? Нет ничего проще! Возьмите зеленую шелковую нитку, проденьте ее в иголку; смешайтесь с толпой любопытных, которые окружают не-

весту. Если вы сможете дотронуться до нее, незаметно проткните фату иголкой, вытяните ее обратно и надежно спрячьте нитку у себя на груди. Пусть вы даже старая и уродливая, сварливая и противная, ничего не бойтесь. Не пройдет и месяца, как к вам посватается богатый и красивый мужчина. Здесь пропущен целый ряд подробностей, которые по своему грубому выражению оскорбительны для европейского уха. Среди них имеются указания на то, как женщина может присушить легкомысленного мужчину; как разжечь темперамент холодного супруга; как супруг должен вести себя с молодой женой в возрасте 10, 12 и 15 лет (что в Персии часто бывает). Эти предписания и советы даются в таких выражениях, что их невозможно перевести на европейские языки. И тем не менее такие выражения можно слышать в среде персидских женщин, к какому бы слою они ни принадлежали, что свидетельствует о пренебрежении к просвещению и о низком уровне нравственности, хотя представляется, что персидские женщины обычно образованны и остроумны, причем последнее проявляется в их манерах.

Шестая глава разъясняет церемонию шеби-сефаф, т. е. все, что касается брачной ночи, когда молодая женщина в первый раз входит в дом своего супруга, который видит ее зачастую впервые в жизни. Момент, когда он убирает покрывало с лица молодой супруги, играет исключительную роль в ее последующей жизни.

Известно, с какой легкостью мусульмане разводятся; известна также ничтожная величина мехрие, т. е. суммы, которую супруг обязан выплатить своей жене, если он ее отвергнет. Пророк Мухаммед давал в таком случае только трех верблюдов. Кроме мехрие разведенная жена может взять с собой все, что было добровольно подарено ей мужем, но ничего более. Чтобы обеспечить будущее супруги и воздвигнуть препятствия на пути непостоянного и своенравного супруга, пять законодательниц позаботились о том, чтобы использовать великодушие и щедрость молодого супруга во время свадебной ночи для вымогательств. Для этого случая они дают молодой супруге следующие советы.

Впервые войдя в спальню своего супруга и оставшись с ним наедине, не соглашайся даром поднимать покрывало. Перед тем как показать свое лицо, обязательно требуй хороший ру-нуман, т. е. подарок. Затем следует дендан-рендж, или, дословно, подарок, чтобы ты стала двигать зубами, т. е. заговорила; он должен быть еще дороже, чем первый. Оставайся сидеть неподвижно на своем ковре и молчи; не обращай внимания на его речи и ласки, словом, действуй по возможности недружелюбно. Обычно муж хитер и более или менее жаден. Если он, например, может предложить тебе в подарок в качестве дендан-рендж деревню, то он обычно

начинает с того, что будет предлагать подарок меньшей стоимости. «Говори же, мой друг, тебе здесь рады», — скажет он тебе. Молчи и морщи лоб. «Взгляни только и скажи доброе слово». Молчи, как могила, и делай вид, что очень рассержена. «Как ты находишь это кольцо с бриллиантами?» — И он наденет его тебе на палец, внимательно наблюдая за выражением твоего лица. В этот момент помни, что тебя не должны выдать глаза, даже если тебе нравятся муж и подарок. Самое лучшее для тебя — это снять кольцо с пальца, швырнуть его от себя подальше и казаться еще более рассерженной, чем раньше. «Но, душа моя (джаним), разве я скряга, Гарпагон, чтобы со мной так обращаться? Успокойся, у меня ты будешь очень счастлива, я осыплю тебя ласками и окружу рабами и евнухами. Смотри! Для начала я подарю тебе молодую негритянку. Возьми ее». На этот раз ты можешь немного смягчить свой гнев. Но поскольку подарок менее значителен, чем тот, который он действительно мог бы предложить тебе, продолжай молчать и не открывай рта. Так мало-помалу ты должна заставить его быть щедрым вопреки желанию. Помни всегда, что первая ночь — единственная, когда мужчины готовы на все. Используй ее, чтобы победить его своей красотой и душой! Не забудь, за дверью и окнами твоей спальни целая толпа женщин и девушек подслушивает все, что происходит между вами, и на другой день, рано утром, в женской бане ты будешь проклята или вознесена на небо, в зависимости от того, как поведешь себя в эту счастливую ночь.

После правил поведения следует перечисление соответствующих обычаев и суеверий. Так, опытная Баджи-Ясмин утверждает, что если при первых родах женщина хочет иметь мальчика, то в момент, когда молодая невеста переступает порог дома супруга, он должен поднести ей розовую воду в золотой чаше и леденцы.

Большими преимуществами после первой брачной ночи пользуется и молодой супруг. Все женщины, присутствовавшие на свадебной церемонии, должны относиться к нему, как к своему брату. Если ему доставляет удовольствие целовать им лица и руки, они не могут отказать ему в этом. Находиться в его присутствии с покрывалом на лице было бы смертным грехом. Деде-Бесмара считает, что такой целомудренный поцелуй в щеку женщины является похвальным делом. Более скромная Баджи-Ясмин, хотя и придерживается того же мнения, добавляет, однако, что женщина может избежать такого поцелуя, не разгневав этим бога. Все пять законодательниц единодушны в том, что подслушивать у двери спальни супругов необходимо, чтобы потом можно было свободно обмениваться мнениями в бане и в обществе.

Седьмая глава посвящена беременным женщинам.

Трогательно читать советы, которые Кулсун-нене, как нежная мать, дает роженицам. В первые семь дней роженица должна оставаться в постели. В это время ей оказываются всевозможные услуги. На протяжении всей недели кто-нибудь должен находиться с ней рядом днем и ночью; в противном случае мать и ребенок могут стать жертвой кровавого обжоры Аалла — так называется демон или, скорее, гарпия, которая питается печенью роженицы. Несмотря на то что Аалла может сделаться невидимкой, ему не удается захватить сиделку врасплох. Он похож на старуху, худ как скелет и очень безобразен. Вместо ногтей у него когти, лицо ярко-красное, волосы рыжие, пальцы на ногах находятся там, где у нас пятки, что, впрочем, является отличительным признаком всех дивов (демонов). Его мораль еще ужаснее; он обладает опытом старой дуэньи и использует все свое дьявольское искусство, чтобы усыпить тех, кто охраняет роженицу. Если ему это не удается сделать в течение семи дней, то роженица вне опасности. На южном берегу Каспийского моря в Гиляне и Мазендеране, где господствует кодекс пяти законодательниц, рожениц окружают все женщины округи со своими детьми, даже те, с которыми они мало знакомы. Рожениц развлекают музыкой и танцами. Присутствуют здесь и фокусники. Это веселье продолжается неделю и называется шеб-пасси, или ночи недели. В это время в соседних комнатах или во дворе всегда должна находиться сиделка. Если муж не имеет средств развлекать такое большое количество гостей, то они сами приносят с собой все необходимое, потому что кодекс обещает им райскую жизнь за оказанную любезность. Их не может удержать от участия в таком добром деле ни запрет мужа, ни религиозный долг супруги. В Ираке и в персидских провинциях роженицу охраняют только одну ночь, после чего прибегают к другим средствам защиты, предписываемым кодексом. Например, как только акушерка примет ребенка, она вытаскивает из ножен меч и очерчивает им круг вокруг кровати роженицы. Под изголовье роженицы кладутся этот меч, две луковицы и копия Корана, т. е. три предмета, отпугивающие Аалла. Случается, однако, что все меры предосторожности оказываются напрасными и больная становится жертвой Аалла. Если амулеты и заклинания священнослужителя не помогают, если черная овца, которую жертвуют бедняжке и которую трижды обводят вокруг кровати, также не приносит пользы, то Кулсун-нене советует привести гнедую лошадь и насыпать ей ячменя в складки одежды роженицы. Эту масть лошади Аалла совсем не выносит, и если он до сих пор не тронул печень больной, то исчезает навсегда.

Хотите, чтобы ваш новорожденный был очень смелым? Разбейте несколько орехов над его колыбелью. Если ребенок

не моргнет глазами, не повернет голову и не заплачет, то он уже храбрый; если же нет, то повторите этот эксперимент несколько раз, и он станет смелым. После того как роженица выздоровела, ее ведут в баню, надев на нее лучшие наряды. Там ее поздравляют, развлекают музыкой.

Все детали этой главы могут интересовать этнографа, специализирующегося на обычаях древних народов. Он найдет в них нечто большее, нежели просто общие черты всех народов нашей планеты.

Восьмая глава описывает баню (хамам). Европейская женщина не понимает радости, которую вызывает слово «баня» в душе ее азиатской сестры. Баня является для нее самым дорогим и любимым воспоминанием. Баня — это ее мир, ее опера, ее салон. Без покрывала, без всяческого стеснения она может демонстрировать здесь открыто свою красоту, хвастаться перед завистливыми соперницами украшениями, богатой одеждой, драгоценностями, а также телесными прелестями. Здесь она может быть сама собой, что не всегда позволяется ей в гареме или в присутствии супруга. Здесь, в бане, она беседует, шутит и смеется, совершает туалет, принимает гостей и наносит визиты, блещет умом и черпает из источника злословия.

Вполне естественно, что пять законодательниц очень расхваливали и рекомендовали баню. Они старались доказать, что посещение бани — такое же достойное дело для достижения вечного блага, как и посещение мечети. Баня занимает первое место в важнейших событиях жизни. Сюда приходят после родов, до свадьбы, здесь проходит бóльшая часть всех празднеств. Поэтому все предписания, касающиеся бани, изложены и детализированы в женском кодексе до мелочей. В нем предусмотрено все, начиная от предосторожности, которую должна соблюдать молодая замужняя женщина, отправляясь в баню (она должна брать с собой красивых служанок и рабынь, чтобы лишить супруга соблазнов во время ее отсутствия), до приготовления косметического средства лехлехе (вид мыла), которое делает кожу белой и нежной, удаляет волосы и якобы вообще обладает свойством возвращать свежесть и бодрость молодости. Компонентами этого чудо-мыла являются: серый янтарь, лиций, изумрудное масло и сок мальвы. Но это еще не все. При выходе из ванной комнаты в рехт-хане, т. е. предбанник, должны стоять различные шербеты, а также определенные кушанья, которые кроме своих питательных свойств имеют еще и мистический смысл. Но пять законодательниц не едины на этот счет. Так, Кулсун-нене утверждает, что еда в бане должна представлять собой преимущественно жаркое из мяса диких гусей, в то время как Биби-шах-Зейнеб предпочитает мясо самки антилопы (аху) и римский латук (каху). Баджи-Ясмин

придерживается мнения, что вся эта пища без дыни и розовой воды — ничто. Итак, можно выбирать по вкусу.

Пять законодательниц приветствуют отвергаемую исламом музыку и сравнивают ее по значению с баней. Музыке отводится большая роль на всех праздниках: во время обручения, свадьбы, родов, встречи путешественников, но особенно она рекомендуется в бане. Проводить долгие часы за слушанием музыки — не только приятное и невинное времяпрепровождение, но и весьма благое дело, которое необходимо написать золотыми буквами на ласухи-мефус, т. е. на небесной доске, где ангелы отмечают все добрые дела смертных. Горе женщине, если музыкант, развлекающий ее музыкой, заберет свой инструмент и удалится, рассерженный тем, что его недостаточно вознаградили за игру.

Кулсун-нене не забывает также напомнить о том, какие остроумные беседы должны вестись в бане. Она советует подробно обсуждать жизнь того или иного супруга в его гареме, хвалить его или хулить, в зависимости от того, добрый ли он и щедрый в обращении со своими женами. Благодаря всем этим предписаниям персидская женщина покидает баню чистая телом, обкуренная благовониями, с накрашенными щеками, бровями и ресницами, с маникюром на ногах и руках (ногти красятся красно-желтой хной), одухотворенная услышанным и увиденным и, что самое важное, с легким сердцем, если вдоволь наговорится.

Девятая глава полностью посвящена музыке, которую, как мы уже упоминали, обожали все пять законодательниц. Все дела, которые женщины выполняют под звуки музыки, богоугодны и приносят счастье, но не все инструменты одинаково подходят для этого. Предпочтение перед всеми другими инструментами необходимо отдать бубну (даире), особенно тому, который имеет 40 металлических колец. Вот как говорится об этом в кодексе: «Благословение неба не простирается над домом, в котором нет даире. Сопровождайте игру на нем похлопыванием в ладоши. Пусть он играет 13-го числа месяца сефара с утра до вечера и в другие несчастливые дни, чтобы избавиться от их злого влияния». Лучшим инструментом после даире считается большой барабан, или двойной тамбурин (негаре), как знак предвещения. Музыканту, играющему на этом инструменте, всегда и везде открыт свободный доступ. Ему нельзя отказывать ни под каким предлогом. Он может сесть в присутствии любого человека, независимо от его положения, и ни одна женщина, в каком бы возрасте она ни была, не имеет права закрывать перед ним лицо или не отвечать на его вопросы. Негаре в сопровождении зурны и трубы должен ежедневно приветствовать заход солнца. Считается, что этот старый обычай, возникший, вероятно, еще в древности, приносит счастье. Поэтому-то

персидские шахи имели и имеют свой негаре-хане, т. е. оркестр, который каждый вечер до захода солнца, расположившись на террасе или возвышении, так немилосердно терзает слух европейца своей игрой.

Негаре-хане является необходимым атрибутом государственной власти на Востоке, неотъемлемым спутником шахов — независимо от того, живут ли они в своей резиденции или находятся в пути.

Все сказанное здесь о музыке доказывает, что мистическому воздействию инструмента придавалось большее значение, нежели восприятию его звучания. Кулсун-нене советует всем молодым девушкам учиться игре на даире и добавляет, что, за неимением такого инструмента, они могут использовать любые предметы, которые имеются под рукой. И на самом деле, персидские девушки рано привыкают механически подражать игре на инструменте, и многие из них занимаются целыми днями тем, что обрабатывают пальцами и ладонью оконную раму.

Для игры рекомендуются также скрипка, гитара и другие инструменты, хотя они и не имеют того благотворного влияния, как вышеупомянутые.

В десятой главе говорится об отношении жены к своему мужу.

Против этой главы особенно озлоблены персидские мужья. И следует признать, что, несмотря на все наше уважение к чистоте намерений авторов женского кодекса, они слишком решительны для своего пола, стремясь вопреки традициям Востока и Корана непозволительными приемами лишить мужчину власти над женщиной.

Мало того, что они стремятся ни с кем не делиться любовью и доброжелательностью супруга или, скорее, желают завладеть этими чувствами, они к тому же хотят иметь и полную свободу действий. Мать, сестры и вообще вся женская половина родственников супруга рассматриваются как докучливые шпионы и естественные враги. «Борьба без передышки, война до смерти, — указывает кодекс, — между замужней женщиной и ее свекровью! Не давать передышки! Пусть они ожесточатся друг против друга! Пусть они ногтями и зубами рвут друг друга! То, что говорит и делает одна, другая должна мгновенно отрицать и делать наоборот». Ничто не может дать нам лучшего примера морального унижения, до которого это несчастное существо доведено недостатком воспитания и образования. Что касается супруга, то пока он имеет жену и дает ей столько денег, сколько ей необходимо на туалеты и мелкие расходы, законодательницы ручаются за ее верность и, возможно, любовь. Муж не должен препятствовать жене делать четыре вещи, а именно: идти в баню, на спектакль во время мохаррема, в дом своих

родственников и на прогулку. Если он это делает, жена вправе не повиноваться ему. Здесь следуют слова Кулсун-нене: «Жена — зеркало мужа. Если он хочет, чтобы его собственное счастье отражалось в ней, то он должен относиться к ней так, чтобы она не знала заботы и горя, чтобы ее душа и лицо расцветали от счастья. Муж, который готов на все ради своей жены, будет пользоваться всеми благами на том свете. Звания мудрого заслуживает тот супруг, который берет себе только одну жену». Следующая из пяти законодательниц говорит: «Женщина — это букет. Хочешь быть опьяненным его благоуханием и красотой, не давай ему увянуть. Разреши ему (т. е. жене) вкушать удовольствия одно за другим».

После этих общих рассуждений переходят в случае необходимости к действиям. Если муж упрям и строптив, то его нужно заставить покинуть жену. Существует много способов добиться этого: третировать детей, бить прислугу, ломать мебель, а если и это не поможет, проклясть и околдовать тирана.

Одиннадцатая глава посвящена поварскому искусству или, скорее, мистическому влиянию, которое может оказать потребление различных блюд на счастье или несчастье женщины. К нему прибегают в том случае, если речь идет о клятвенном обещании. Блюдо семину и суп ааш-бехлул играют при этом главную роль. Впрочем, эта глава не представляет большого интереса для тех, кто не испытывает желания испробовать на себе действие всех этих специй.

В двенадцатой главе описываются средства против дурного глаза. Существует по крайней мере 41 средство, одно сильнее другого. Здесь и мистические буквы на амулетах, раковинах, когтях диких зверей, рогах антилоп и бог знает на чем еще, что пришивается на платья, надевается на руки и шею или закладывается в браслеты, которые носят женщины и дети. Зачастую прибегают и к окуриванию. К мангалу, на который высыпают 140 зерен растения исфенд (один из видов руты), сбегаются молодые женщины. Действия дурного глаза избежит та, на которую попадет больше всего дыма от этих зерен. Но для этого нужно быть веселой. Раздаются звуки тамбурина. Молодые женщины смеются, играют, обнимаются и начинают танец. Движения, повороты и позы рассчитаны на то, чтобы благословенный дым по возможности проникал в складки одежды и обволакивал все тело. Впрочем, нет ничего проще, так как женская персидская одежда очень просторна. При этом необходимы пение и заклинания: «О, пусть лопнут глаза завистника! О, пусть будут они растоптаны нашими ногами!»

Говорят, и мы очень верим этому, что нет ничего привлекательнее танца, исполняемого группой красивых молодых девушек.

Тринадцатая глава объясняет и различает мехремов, т. е. привилегированных мужчин, которые могут свободно и без препятствий общаться со всеми женщинами, и немехремов, т. е. тех, которым это запрещено. Эти правила персов известны своей строгостью.

Сначала пророк Мухаммед не возражал против того, чтобы женщины правоверных ходили с открытым лицом и даже принимали гостей в гареме. Причин, побудивших его изменить своему убеждению, мы не знаем; известно лишь, что архангел Гавриил вдруг растолковал ему суру (раздел Корана), в которой в сильных выражениях порицаются женщины, не закрывающие лицо в присутствии чужого. С тех пор стало практически невозможным для отца видеть свою дочь, для брата — сестру, особенно если она находилась в гареме ревнивого господина. Другие родственники могут иногда общаться с ней, но она должна оставаться с покрывалом на лице под присмотром евнуха. К матери могли свободно входить только ее дети, другие же жены хозяина должны были при них закрывать лицо.

Чтобы смягчить это жестокое насилие, Кулсун-нене предписывает следующее: «Мои дорогие! Вы должны прежде всего рассматривать как немехрем каждого мужчину, который носит тюрбан, мулл, ученых-теологов и всех тех, кто имеет дело с мечетью или медресе; бойтесь их как чумы. Но если у мулл есть молодой красивый сын, вежливый и веселый, то вы можете оказать почтение его отцу, приподняв немного покрывало и показав глаза. Нужно также остерегаться военных и светских людей.

Но имеются и исключения:

1) не надо прятать лица от красивого молодого человека, пока у него не растет борода; 2) пользуются также привилегией и рассматриваются как мехрем: молодые мужья, армяне, евреи, особенно музыканты; мехремами являются также парикмахеры (деллах), банщики, фокусники, коробейники и ювелиры. При них можно и закрывать и не закрывать лицо, в зависимости от вашего желания».

Четырнадцатая глава снова возвращает к мусульманским ритуалам и рассматривает случай, когда молитву (намаз) женщины слышит или не слышит бог, о чем уже говорилось в третьей главе. Однако в этой главе дается совет девушкам, желающим выйти замуж. Если девушка ищет человека, который ей понравится, она должна при звуках музыки молиться или раздавать своим подругам и беднякам приготовленное ею семину или, наконец, сделать следующее: наполнив карманы орехами, подняться на минарет, разбросать их по полу, накрыть их деревянной чуркой и сесть на нее, чтобы раздавить эти орехи один за другим тяжестью своего тела. Заклинания, которые она при этом произносит или, скорее,

напевает, неприлично здесь приводить, но любознательные могут найти их в женском кодексе.

Пятнадцатая глава поучает, как надо делать визит и принимать гостей.

Это, без сомнения, самая моральная глава кодекса. Ее главная идея — безграничное гостеприимство для всех, особенно для бедняков.

Если ты хочешь, говорит кодекс, быть счастливым на земле и потом оказаться с избранными в раю, никогда не отказывай в крове женщине, которая хочет провести с тобой некоторое время. Попроси ее войти к тебе с детьми. Первые три дня она ни под каким предлогом не должна уходить от тебя. На четвертый день она вольна решать, покинуть твой дом или нет.

В течение первых трех дней ешь с ней из одного блюда, пей с ней из одной чаши, развлекай ее по вечерам музыкой, танцами и всем, что может развеселить ее. Через два дня после того, как гости (мехман) покинут твой дом, пошли им ценную вещь или, если у тебя ничего нет, апельсин, красное яблоко или цветы как джан-кали (на память). Выражения «Твое место свободно» (не занято), «Нам недостает вас» особенно очаровательно звучат на персидском языке. Ими выражают чувство опустошенности, когда любимый человек покидает друзей. Еще один совет: «Не посещай друзей накануне среды — это принесет тебе несчастье». Если красивый остроумный молодой человек придет к мужу, то жена может и должна, как выражается Кулсун-нене, прошептать ему за дверью три раза: «Хош амедид!» («Добро пожаловать!»); «Сефаавурдид!» («Ты приносишь нам благополучие!»). Она может даже сказать ему несколько слов или одарить его взглядом, если нет свидетелей.

В конце этой главы проклинаются такие гости, которые пытаются совершить кражу или другое преступление в ущерб хозяину, гостеприимством которого пользуются.

Шестнадцатая, и последняя, глава посвящена усыновлению или способам усыновления брата или сестры. Это действие рассматривается как благородный поступок, используемый иногда как предлог для злоупотребления. Женский кодекс считает женщин способными к проявлению дружеских чувств и рекомендует им придерживаться их.

Здесь следует несколько стихов Мохаммед-мирзы по этому поводу: «Горе женщине, которая не умеет найти себе сестру в этом мире! Для чего она жила? Одинокая и покинутая, прозябает она здесь, на земле, а после смерти ее не будут освежать дуновения рая. Несчастная! В Судный день ты будешь стоять покинутая вместе с евреями и неверными». Эта картина дополнена другой: «Знай, что женщина, которая имеет душевную подругу, сестру на всю жизнь, совершает

самое благородное дело в своей жизни! Эта счастливая пара неразлучна. Опьяненные радостью, нежно обнявшись, названые сестры гордо парят под сенью райских кущ. Им все простится, даже если бы книга их грехов пестрела самыми тяжкими преступлениями».

После всех этих громких обещаний любопытно узнать, как обрести высшее счастье. Вот что об этом говорится. В день элди-кадир, 18 зу-ль-кааде, обе женщины, желающие поклясться в вечной дружбе, надевают свои лучшие одежды и отправляются в шебистан, т. е. в отдаленную каморку мечети. Здесь с обнаженной головой и грудью они обнимаются, радостно смотрят друг на друга, пьют шербет и говорят следующие слова. Первая восклицает: «Я принимаю тебя как сестру, во имя Аллаха! Я принимаю тебя как подругу, во имя Аллаха! Я вступаю в этот союз, касаясь при этом твоих рук, во имя Аллаха! И я обязуюсь перед Аллахом, его ангелами, его посланником (Мухаммедом. — *И. Б.*) и другими пророками и бессмертным имамом (святым. — *И. Б.*) — пусть покоится на них благословение бога! Я обязуюсь, я повторяю, что если однажды я окажусь среди избранников рая и обрету блаженство и получу позволение наслаждаться им, то я не приму его, если ты также не обретешь высшего счастья». Другая отвечает: «Я принимаю тебя, и я даю тебе все права сестринства в этом и в том мире, посещения святых мест, а также милосердия божьего на земле и там, выше, в раю». Теперь они связаны неразлучным союзом дружбы. Теперь им остается лишь выучить мистический язык, которым они будут пользоваться впредь, чтобы остаться непонятными непосвященным. Для этого берут шелковые ткани и пряности. Чаще всего они обращаются к старой, опытной женщине, чтобы она обучила их этому языку. Для этого приобретают несколько платков. Способ их подвешивания или прикрепления к той или иной части тела также меняет смысл телеграфной фразы.

Мы лучше понимаем язык пряностей, напоминающий «цветочный язык» турок. Так как многие персидские женщины не могут ни читать, ни писать, то пряности служат им телеграфом. Только передающий или, скорее, передающая должны в крайнем случае подкрепить язык пряностей устно.

Если тебе пришлют семя кардамона, которое частично очищено от оболочки, то это значит: «Приходи, подруга, меня терзает смятение!» Если зерно не очищено, то оно означает: «Не печалься». Если расщеплено на кусочки, то это означает: «К тебе идет подруга».

Гвоздика означает: «Я горю!» Корица с трубочками: «Приходи! Раздели со мной мою печаль». Если трубочка корицы переломлена или смята, то это означает: «Разлука с тем, кого я люблю, убивает меня». Леденец: «У меня нет пи-

чего слаще тебя». Разбитое стеклышко: «Побереги мое нежное сердце». Шафран: «Я люблю» и т. д.

Мужчина также может принять брата или сестру, церемония та же. При исполнении клятвы меняются лишь слова «сестра», «брат» и наоборот.

Примечание. Женский кодекс находится лишь в рукописи в персидском гареме и тщательно оберегается и сохраняется женщинами; если манускрипт попадет в руки супругу, то его немедленно сжигают или уничтожают.

Глава V

1840 год

Мохаммед-шах покинул свой лагерь при Шах-Абдул-Азиме 8 января и отправился в Кум (расположенный на пути в Исфахан), город, о котором я расскажу ниже.

20-го прибыл турецкий посланник Сарым-эфенди. Он был направлен султаном, чтобы урегулировать пограничные дела, поскольку между обоими государствами постоянно возникали конфликты из-за персидско-турецкой границы, населенной полудикими кочевыми племенами [54]. Он нанес нам визит. Нанося ответный визит, полковник Дюгамель взял меня с собой, и тут я невольно вспомнил свое пребывание в Адрианополе в 1829 г., где впервые столкнулся (в его доме) с турецкими обычаями и привычками. Нам предложили замечательный кофе мокко и длинные турецкие трубки с янтарными мундштуками, украшенные жемчугом и бриллиантиками. Настоящий латаки нам очень понравился. Трубки, по турецкому обычаю, нам подал слуга, который сразу же подставил под головку трубки маленькую позолоченную тарелочку, чтобы на ковры, которыми покрыты полы в комнатах у турок и персов, не попали искры.

Чтобы набить и раскурить турецкую трубку, а также персидский кальян (наргиле), требуется большое искусство. В турецкой трубке очень слабо горит лишь верхний слой табака, и курить из нее очень легко и приятно. Слуга постоянно меняет их. Поэтому-то держат специального чубук-баши, который следит за трубками и головками и отвечает за их чистоту. Что касается кальяна, то для него необходимо точно рассчитывать все — объем воды, степень смачивания табака шираз (его курят только в наргиле, так как он очень крепок), набивку трубки, количество угля для разжигания. Поэтому умелый кальянчи получает более высокое жалованье, нежели остальная прислуга персидского сахеба (господина). Во время путешествия своего господина такой слуга следует за ним верхом и везет с собой принадлежности для кальяна. Для этой цели по обеим сторонам седла крепятся кожаные, обитые пестрой тканью цилиндры; в цилиндре с правой стороны помещается разобранный кальян, т. е. хрустальный сосуд или полый кокосовый орех, отделанный серебром, дере-

вянные части и гибкие трубки кальяна; в цилиндре слева — запас табака и щипцы для угля. Внизу седла, с правой стороны, подвешен на цепи круглый закрытый железный сосуд с раскаленным углем; с левой стороны — бурдюк с водой. Снаряженный таким образом кальянчи следует за своим господином. Как только хозяин произносит: «Бетхе, кальян беде» («Парень, дай мне кальян»), тот вынимает из правого цилиндра кальян, собирает его, наливает из бурдюка в хрустальный сосуд или в полый кокосовый орех нужное количество воды, затем достает из левого цилиндра необходимое количество хорошо измельченного и увлажненного ширазского табака, набивает им серебряную головку кальяна, берет маленькими щипцами из железного сосуда раскаленные угли, кладет их на табак, прикрепляет к кальяну гибкие трубки, имеющие в длину 6—7 футов, и, догнав галопом своего господина, подает ему хрустальный мундштук кальяна и следует около него в 5—6 футах с кальяном в руках. Такое зрелище для новичка очень интересно. Если сахеб не хочет больше курить, он возвращает мундштук слуге. Тот докуривает кальян, затем чистит и разбирает его, выливает воду из хрустального сосуда и все кладет на свои места до тех пор, пока господин снова не пожелает новый кальян, и тогда операция повторяется в обратной последовательности.

В феврале мы ожидали редкого, но очень приятного визита — приезда французского посольства, которое и прибыло в Тегеран 18-го. Со времени правления Наполеона I при персидском дворе не было посольства из Франции [55]. Мохаммед-шах направил с различными поручениями в Константинополь, а оттуда в Париж и Лондон своего посланника Хосейн-хана. В числе прочего тот имел задание пригласить на службу в персидскую армию французских инструкторов. Король Луи Филипп ответил любезностью и направил с подарками двору в Тегеран графа Серси, бывшего первого секретаря французского посольства в Петербурге, в сопровождении 12 человек из знатных семей Франции.

Первый секретарь маркиз де Лавалет (позднее, в 1865 г., министр внутренних дел во Франции) сразу же нанес нам визит, а на следующий день приехал сам граф Серси со своей свитой, в составе которой находились виконт де Шазель, граф Жерар, сын маршала, капитал д'Опуль и др. Гости были очень любезно приняты, и 22-го наш министр дал в их честь великолепный обед, который прошел очень весело. Граф Серси пообещал нам взять реванш в Исфахане. Теперь же он торопился в Исфахан, чтобы представиться шаху. У нас было то же намерение, и мы распрощались с любезными французами, надеясь на скорую встречу.

Подготовка к путешествию в Исфахан протекала так же, как и два года назад, когда мы направлялись в персидский

лагерь под Гератом. Вся русская миссия выехала из Тегерана раньше французов, 28 февраля, в сопровождении большой свиты голямов, феррахов, пишхедматов, погонщиков лошадей и мулов. В обозе ехал и экипаж мадам Дюгамель, однако бóльшую часть пути она проделала с нами верхом. Почва была насыщена солью, так как мы приближались теперь к западной части солончаковой пустыни.

1 марта мы перевалили через горную цепь и спустились в долину бурной речки Аб-и-Шур, сильно вздувшейся из-за таяния снега в горах, так что мы не без риска преодолели ее вброд. Затем дорога пролегала по горным цепям с солончаковой почвой, через Долину Ангела Смерти (Дерех-и-Мелекэль-Маут), как называют персы это ущелье, потому что его стены состоят из голого красного песчаника и вся окрестность являет картину пустыни и уныния. С последней возвышенности нам открылся вид на восток, на большую солончаковую пустыню.

Рано утром 2 марта мы поехали на юго-запад. Примерно $3^1/_2$ фарсанга наш путь проходил по западному краю большой солончаковой пустыни. В половине фарсанга отсюда находился большой, просторный караван-сарай Седирабад с прекрасной конюшней и новым водохранилищем (цистерной). Тут во всем поддерживался порядок. Мы позавтракали и поехали дальше через скалистые горные цепи до долины Пул-и-Деллах. Проделав всего 5 фарсангов, мы расположились на ночь у полуразрушенного караван-сарая того же названия. Длинный узкий каменный мост, построенный под острым углом и полуразрушенный, вел через горную реку. Ныне она была очень бурной, ширина ее достигала 40 саженей; летом же она совсем высыхала.

3 марта, рано утром, мы проехали по упомянутому мосту, названному по имени парикмахера (деллах), построившего его на собственные деньги, и повернули на запад и юго-запад. Почва здесь солончаковая. Мы проехали еще 2 фарсанга по горам, также сложенным из песчаника, и нашим глазам открылся святой город Кум с куполом большой мечети. Мы достигли города к полудню, преодолев расстояние в 4 фарсанга. Чтобы приветствовать русского министра, нам навстречу выехал губернатор города Мохаммед-хан со свитой.

Позже я осмотрел город. Королевский дворец, очень красивый и просторный, лежит теперь наполовину в развалинах. Базар велик и имеет хорошую планировку. Для персов Кум — священный город, являющийся местом паломничества. Они называют его Дар-е Муршид (жилище духовного учителя). Здесь полным-полно мулл, которые столь же фанатичны, сколь невежественны и бессовестны. Полагают, что Кум — один из древнейших городов Персии. Это древняя Шоана (по д'Анвилю), упоминаемая еще Птоломеем. Город был раз-

рушен Тамерланом, а позднее (в 1722 г.) — афганцами и с тех пор наполовину лежит в развалинах. Здесь находятся усыпальницы Каджаров, династии, ныне правящей в Персии. Фатх-Али-шах и его дядя Мохаммед-шах похоронены в большой мечети, в которой находится также могила сестры имама Али-Резы (похороненного в Мешхеде) — Фатме-и Массуме, или «Непорочной». Эта святая высоко почитается народом. Ни один неверный не должен видеть святое надгробие и заходить в мечеть, где покоится ее прах. Персидская легенда о непорочной Фатме, которую сообщил мне ученый мулла в Куме, стоит того, чтобы привести ее здесь.

Когда арабы вторглись в Персию, жители которой тогда еще поклонялись огню (парсы, или гебры), предводитель диких арабов или, как говорят другие, курдов по имени Езид осадил Кум с 70-тысячной армией. Город, тогда еще густонаселенный и хорошо укрепленный, оборонялся много месяцев, но в конце концов остался без продовольствия. Начался страшный голод, и жители вынуждены были просить о пощаде. Езид поставил перед ними очень тяжелые условия. Так как он и его войско уже долгое время были лишены общения с прекрасным полом, изверг потребовал отдать им на три дня всех совершеннолетних девушек и молодых женщин города, дабы они могли развлечься. Это предложение, естественно, привело жителей в отчаяние, всюду слышались вопли и громкий плач. Старейшины города решили, что лучше погибнуть под руинами города, чем поставить на карту жизнь своих жен, сестер и дочерей. И вот как Deus ex machina среди охваченных горем людей появилась прекрасная молодая девушка по имени Фатме, вызывавшая благоговение. До сих пор она жила в городе никому не известная. Она объявила удивленным жителям, что жертвует собой во имя общего блага и пойдет в лагерь врага, чтобы выполнить желание или, скорее, приказ Езида. Старейшины и мужчины Кума онемели от удивления и открыли мужественной деве ворота города. Фатме отправилась в палатку Езида и стыдливо промолвила, что готова пожертвовать собой. Езид не хотел верить своим глазам, но благородная девушка сказала: «Великий Аллах даст мне силу и мужество выполнить мой долг». Легенда не говорит, сколько времени Фатме провела во вражеском лагере, но однажды утром она исчезла. Эта удивительная девушка, благополучно выполнив свой обет, вероятно немного утомленная, вернулась в город. Жители встретили ее с триумфом. Но Фатме считала своим долгом обследоваться у опытных матрон. Осмотрев ее, они единодушно объявили, что она непорочна. Благодаря этому чуду все жители Кумы стали мусульманами. Эта легенда показывает, что приверженцы Мухаммеда, и особенно муллы, преподносят верующим такие же удивительные легенды, как и испанские и итальянские монахи.

После этого небольшого отступления позволю себе вернуться к моему рассказу.

6 марта мы продолжили наше путешествие. На востоке показались горы Сиях-Кух (Черные горы). Справа остался знаменитый сад шаха, Баг-е Финн, известный своими замечательными гранатами и другими фруктами и прохладным родником, и после долгой езды мы прибыли в Кашан — персидский Манчестер или Бирмингем. Остановились в караван-сарае. Затем мы посетили большой базар, где нас оглушили молотки сотен медников, потому что Кашан славится на всю Персию производством всевозможной медной посуды. Мы побывали и на шелковых, плюшевых и ковровых предприятиях, а также в прекрасных медресе. Кашан — крупный центр ремесла. Расположенный на обширной равнине, он сильно страдает летом от жары, поэтому жители живут частично в подземных комнатах (сер-семин), где прохладно и приятно. Аналогичное положение в городах Южной Персии — Ширазе и Бендер-Бушире.

Из Кашана в Исфахан ведут две дороги. По правой, прямой дороге, которую называют горной, почти невозможно двигаться с артиллерией и в экипажах. 7 марта из-за нашего экипажа мы двинулись по левой дороге, сделали крюк, чтобы миновать восточные отроги Бахтиарских гор, и 10 марта снова вышли на шоссе у Муртхахора, укрепленной деревни с караван-сараем, где заночевали. Мы увидели сплошные развалины деревни того же названия, знаменитой крупной победой, которую одержал здесь в 1729 г. Надир-шах над афганцами под предводительством Ашрефа и которая открывала ему ворота Исфахана и укрепила в Персии его силу и могущество [56]. Я побывал с бароном Боде на поле сражения, где некогда нашли смерть тысячи афганцев и персов.

11 марта мы отправились дальше на юго-юго-восток, проехали мимо роскошного караван-сарая Мадер-и шах (мать шаха) с амбаром и разрушенную деревню. Этот караван-сарай — единственное строение, расположенное на необозримой равнине, и потому он производит сильное впечатление. Полфарсанга мы ехали по холмам, которые тянутся с северо-востока на запад, миновали еще один разрушенный караван-сарай и, проделав путь в 6 фарсангов, остановились на ночлег в прекрасном, недавно построенном караван-сарае Гёз. Здесь была наша последняя ночевка перед Исфаханом, и нам не терпелось попасть туда.

12 марта мы покинули Гёз. В Исфахан вела по солончаковой равнине почти до границ старого города широкая дорога. На полпути нас ждал достопочтенный отец Джиованни, католический армянский священник и миссионер, который служил пастырем душ в маленькой католической общине в Джульфе и был знаменит среди всех иностранцев своим гос-

теприимством. Он присоединился к нашему обществу, и немного погодя нас встретил большой эстекбаль (встречающие), свита ханов и придворных, посланных шахом, — почетный эскорт, которому в Персии придается чрезвычайное значение. Они проводили нас до наших домов. Знаменитый Исфахан предстал перед нашими глазами. Древняя столица Ирана, о которой персы еще сегодня с гордостью говорят, что она является центром вселенной (Исфахан несфе джахан аст).

Город расположен на левом берегу реки Зайендеруд, берущей начало в Бахтиарских горах, несущей свои воды на восток и, как все реки Ирана, теряющейся в пустыне. Эта древняя столица хорошо описана Жаном Шарденом [56а], который застал ее былой блеск. Позднее Исфахан посетили и описали Малькольм [57], Морриер, Фрезер [57а] и другие. Мы въехали в этот великолепный город, окруженный множеством руин, которые свидетельствуют о том, что во времена шаха Аббаса Великого он, вероятно, мог насчитывать 600 тыс. жителей. Теперь здесь проживает едва ли десятая часть этого. Затем мы проехали верхом, а мадам Дюгамель в своей берлине великолепный крытый базар, который сам по себе образует целый город; на перекрестках находились бассейны с фонтанами. Этот базар, единственный в своем роде по размерам и великолепию архитектуры, сейчас запущен и приходит в негодность. Миновав Шах-майдан, т. е. Королевскую площадь, главную мечеть, некоторые дворцы и другие здания, свидетельствовавшие о былом величии Исфахана, мы проехали по прекрасному двухарочному мосту через Зайендеруд, также построенному шахом Аббасом Великим, который привел нас в Джульфу, где для министра был приготовлен дом.

Джульфа — армянская колония, которую Аббас Великий перевел сюда с левого берега Аракса. Он хотел оставить между своими и турецкими районами пустыню и поэтому разрушил богатый армянский город Джульфу, а оставшихся жителей (около 30 тыс.) переселил, как рассказывают, на правый берег Зайендеруда, где они построили новый город со старым названием. Вскоре здешние армяне благодаря своим ремеслам и торговле с Индией разбогатели, и Аббас предоставил им большие привилегии. В то время все товары из Индии еще переправлялись по суше через Кандагар, Исфахан, Багдад в Смирну и Константинополь, а столица Персии была главным центром этой грандиозной торговли. В Джульфе жили консулы Португалии, Голландии и других стран. Они построили себе роскошные дома с бассейнами, фонтанами, садами и оборудовали их с восточной роскошью. Улицы Джульфы были по обеим сторонам обсажены деревьями. Вдоль них были проложены каналы со свежей, чистой водой.

Мы остановились в большом доме, принадлежавшем в свое время голландскому консулу. Стены и потолки просторных

залов, построенных согласно требованиям здешнего климата, были украшены арабесками, золотом, светлыми, сочными красками, так хорошо сохранившимися, будто были наложены только недавно. Большие цветные стекла, которые поднимались и опускались, обширные дворы с бассейнами и фонтанами, клумбы с цветами и кустарник, тянувшиеся в каждом дворе вдоль стен или вокруг бассейна, просторные конюшни, подсобные постройки всех видов — все это поразило нас своей ухоженностью. Первую ночь я провел в душевном волнении в моей бала-хане (комнате на втором этаже) с балконом (по-персидски «бала-хане» — верхняя комната). Тишина ночи нарушалась лишь плеском фонтанов и близким жалобным воем множества шакалов. Я размышлял о бренности всего земного. Какие катаклизмы пережила эта прекрасная, поэтическая страна с момента своего возникновения! Сколько нашествий народов потрясали ее устои! Сколько династий господствовало здесь! От былого блеска, могущества и великолепия страны сохранились лишь жалкие остатки. Даже величественные здания шаха Аббаса Великого (персидского Людовика XIV) постепенно разрушаются. «Все суетно под солнцем», — говорил еще мудрый Соломон.

13 марта, т. е. после прибытия в Джульфу, каждый член императорской миссии подыскал себе частную квартиру, которую легко можно было снять у армян. Я расположился недалеко от вышеописанного дома министра, у армянина-католика, и занял половину флигеля, который был отгорожен от основного дома большим виноградником. Но прежде я приказал исфаханскому маляру покрыть стены моих комнат клеевой краской, и он придал им нарядный вид. В нижней, сводчатой комнате жили мои люди, а я занял верхнюю, более просторную, с балконом и кабинетом, где устроился с комфортом.

Конюшня для четырех лошадей, а также кухня находились в соседнем дворе. В самом саду имелся колодец со свежей и вкусной водой. Рядом с колодцем были сооружены беседки из виноградных лоз, меж которыми пролегали аллеи, орошавшиеся маленькими журчащими каналами.

14 марта в парадной форме мы нанесли визит шаху и первому министру. Они занимали павильоны в саду Хешт-Бехешт (Восемь раев) — апартаменты, в которых в свое время проживали члены прежней династии и которые еще сохранили в какой-то степени былой блеск. Обширные сады прорезались водопроводами и оросительными каналами. Теперь здесь стояли в беспорядке грязные палатки шахской охраны. Когда мы вышли от шаха и его министра, нас окружила толпа назойливых нищих, и лишь благодаря феррахам, сопровождавшим нас, мы спаслись от этой чумы. Позже я побывал в чистой армянской бане, где смыл с себя четырнадцатидневн-

ную дорожную пыль, а также дал сделать себе хороший массаж на персидский манер.

15 марта я навестил доброго старца отца Джиованни, уроженца Рима, с которым беседовал по-итальянски, что доставило ему большое удовольствие, потому что здесь ему редко удавалось поговорить с кем-нибудь на его родном языке. Он рассказал мне о своей судьбе. В Персии он прожил уже 30 лет и все это время боролся с фанатизмом шиитов. Он показал мне свою небольшую церковь и рефекторий *. Здесь я увидел плиты, под которыми покоились останки убитого под Гератом генерала Боровского и естествоиспытателя Аухера.

К периоду расцвета Джульфы относятся и многие христианские церкви, но теперь они уже разрушены. Особенно бросаются в глаза развалины бывшей иезуитской церкви. Находясь в Джульфе, я часто навещал достопочтенного старца, который сообщил мне много интересных данных о населении, различных племенах и расах, населявших Персию, а кроме того, легенду о знаменитой непорочной деве Фатме, похороненной в Куме, которую я рассказал выше.

10 марта вместе с нашим министром я нанес официальный визит первому духовному лицу Персии, известному тогда моджтахиду Сейиду Багиру, имам-джоме (митрополиту) Исфахана, который кроме чая угощал нас елейной речью с цитатами из Корана. И так как, по персидскому обычаю, наши слуги подслушивали эту речь у открытого окна, то они подумали, что мы потрясены речью уважаемого моджтахида и не подвергаем сомнению ее правдивость. После визита мы проехали бóльшую часть города и любовались базаром, называемым Мадер-и шах, великолепным караван-сараем с медресе, площадью Шах-майдан, парком Чахар-баг (Четыре сада) и мостом, у которого он кончается. Колоссальные размеры всех этих сооружений изумили нас. Стены-ограды бывших королевских садов были сложены из обожженного кирпича в виде повторяющихся арабесок и представляли собой нечто вроде решетки, через которую можно было обозревать внутреннюю часть садов, потому что они предназначались для публики, а не для личного пользования. Сады окружены не только высокими стенами. Вход в них расположен в трех шагах внутри ограды и закрыт поперечной стеной, чтобы нельзя было видеть внутреннюю часть сада. Чтобы войти в сад, надо обойти справа или слева этот небольшой барьер. Эта мера предосторожности, о которой уже говорилось, была продиктована ревностью, поскольку в саду могли находиться женщины, которых перс стремится любым способом оградить от постороннего взгляда.

* Рефекторий — в католических монастырях столовый зал братии.

В воскресенье, 17 марта, нам нанес ответный визит первый министр Мирза Хаджи-Агасси. Нас посетил также Манучар-хан, тогдашний губернатор провинции Исфахан и самого города. Армянин по происхождению, он в молодые годы находился в плену в Грузии и был оскоплен, но позднее поднялся до ранга хана. Манучар-хан обладал большим умом и энергией. Его боялись и почитали все его подчиненные и народ. Особенно дрожали перед ним «лути» Исфахана, своего рода хулиганы.

После этого визита полковник Дюгамель вместе с супругой отправился на мессу, которую служил в своей армянской церкви отец Джиованни. Церковь была пуста, так как армяне посещали лишь утреннюю мессу. На обратном пути мы проехали по улицам Джульфы. Из дверей выглядывали женщины и девушки, которые с любопытством рассматривали феринтов и особенно ханум (супругу министра). Армяне — красивый народ, и их женщины и девушки славятся на Востоке своей красотой. Природа одарила их свежим цветом лица, черными пылкими миндалевидными глазами, великолепными белыми зубами, пышными черными волосами. Только носы у них чуть великоваты. К тому же женщины выглядят в наших глазах безобразно из-за дурной привычки прикрывать нижнюю часть лица до кончика носа белой хлопчатобумажной тканью, так что не видно ни подбородка, ни рта, ни зубов: по их обычаю, иначе ходить неприлично. Они созданы целиком для дома и для семьи, очень умеренны в еде, и их содержание обходится весьма дешево. Тем не менее они любят, как и все дочери Евы, красивую шелковую одежду и украшения и очень гордятся богатыми нарядами.

20 марта в Исфахан приехал турецкий посланник Сарым-эфенди, а также маркиз де Лавалет с врачом господином Боре, который находился тогда на службе в Урмии у несторианн. Эти господа, которые сразу по прибытии посетили нас, были первыми представителями французского посольства. Маркиз де Лавалет пригласил меня на souper en trois *, и мы очень весело провели вечер 22 марта. Это был приятный молодой человек, вдовец, ранее женатый на англичанке; поэтому он блестяще владел английским языком. Он рассказывал мне о своем путешествии и т. д. и курил мои настоящие гаванские сигары с истинным наслаждением, поскольку, как он выразился: «Nous sommes depuis long temps á sec, pour ce qui concerne les bons cigares» **.

24 марта в Исфахан прибыло французское посольство. Покончив с аудиенцией у шаха и с визитами к вельможам двора, а также вручив Мохаммед-шаху подарки от Луи Фи-

---

* Ужин втроем (фр.).

** «Мы уже давным-давно сидим без хороших сигар». (фр.).

липпа, граф Серси пожелал взять реванш, обещанный нам в Тегеране, и пригласил всех нас на обед в свой дом в Джульфе. Обед или, скорее, ужин состоялся 8 апреля. Приятные, остроумные и веселые французы постарались, чтобы обед прошел в шутках и веселье, и смеху не было конца. После обеда все направились в кабинет графа, куда был подан кофе, и веселые французы начали хором петь свои чудесные песни, а один из них поиграл нам немного на рожке (корнет-а-пистон), инструменте, который как раз входил тогда в моду. Вечер у французского посланника был для меня самым приятным в Персии, и у нас сложились чрезвычайно дружеские отношения с этими остроумными французами. Их отъезд в Багдад в мае нас очень огорчил, так как своим присутствием в Персии они скрасили наше одиночество. Маркиз де Лавалет часто приезжал к нам обедать и развлекал нас шутками и забавными анекдотами так, что полковник Дюгамель однажды высказался, что присутствие Лавалета на наших ужинах производит на него такое же впечатление, как если бы он смотрел французский водевиль. При французском посольстве находились также архитектор Коста и художник Фландрен (скончавшийся в 1865 г.); оба они прославились своими замечательными рисунками и описаниями Исфахана, развалин Персеполиса[58], Ниневии[59], Вавилона и т. д. Позднее французское правительство опубликовало результаты их путешествия в отличном издании, куда были включены их великолепные планы и рисунки, изображавшие дворцы, здания и мосты Исфахана.

В апреле мы использовали чудесную весеннюю погоду и всегда ясное, голубое небо для частых прогулок по городу и его окрестностям. Так, 16 апреля я с бароном Боде побывали на прежнем месте жертвоприношения. Все эти старые места жертвоприношения в Персии называются атеш-гях (кострище) и расположены на возвышенностях. Далее мы посетили знаменитые качающиеся минареты Куне Бириндши. Явление это я не могу объяснить. Минареты стоят в нескольких шагах друг от друга во дворе мечети; они невысокие и имеют тонкие стены. Поднявшись изнутри на самый верх и ухватившись обеими руками за края смотрового оконца, можно легко раскачать весь минарет. При этом с него не слетает даже штукатурка. Исфаханские девушки, желающие выйти замуж, поднимаются по всем ступенькам минарета и на каждой ступени давят и измельчают своим седалищем по ореху, громко произнося при этом персидские стихи, которые доктор Поляк перевел на латынь, потому что перевод их на живой язык неблагозвучен.

24 апреля мы с полковником Дюгамелем совершили длительную поездку по Исфахану. Мы побывали во дворце Чехел-Сетун (сорок колонн). Полы его просторных залов были

устланы коврами веселых расцветок. Несмотря на свои огромные размеры, они были вытканы из целого куска; их возраст превышал 200 лет. Краски арабесок на высоких потолках залов так свежи и красивы, словно они нанесены только вчера. Сухой климат и чистый воздух Исфахана были, очевидно, причиной их долговечности. Затем мы посетили дворцы Серипуш и Имарет-и-Садр, потом знаменитые ворота Али-Капы, откуда открывался чудесный вид на город и его окрестности. Это была самая прекрасная панорама, которую мне когда-либо довелось видеть. Мы превосходно позавтракали в саду Хешт-Бехешт под цветущими розами и великолепными платанами (Platanus orientales). Пели соловьи, журчали ручьи, текущие, увы, по полузапущенным садам. Под конец мы осмотрели дворец принца Исфахана Мотемида, брата Мохаммед-шаха. Один зал этого дворца вызвал у нас особый интерес. Его украшали высокие колонны. Потолок был отделан разноцветными стеклянными арабесками, благодаря чему в зале стоял таинственный полумрак. В центре зала находился большой бассейн с бьющим фонтаном. Струя была такой силы, что выдерживала тяжесть апельсина, который положили на нее сверху сопровождавшие нас слуги. Апельсин поднимался и опускался вместе с бьющей струей и не падал. Такие эксперименты часто проделываются в залах домов персидских вельмож, где обычно сооружены такие же фонтаны. Позже мы посетили также Кух-и-Сефи, Гезар-Джериб, Ферахабад и окрестности Джульфы. Все эти места подробно описаны Шарденом, Малькольмом и другими путешественниками.

В окрестностях Исфахана мы видели на полях много отдельно стоящих круглых башен, сложенных из обожженного кирпича, диаметром в 4 сажени и такой же высоты, со множеством маленьких четырехугольных отверстий в стенах. Это были голубятни. Птичий помет использовался как очень хорошее удобрение для дынных полей. Исфаханские дыни славились по всей Персии. Они явились причиной смерти Фатх-Али-шаха в 1835 г.: он скончался вследствие чрезмерного потребления этих чудесных плодов.

30 апреля мы нанесли визит турецкому посланнику Сарым-эфенди. Здесь нас снова угостили замечательным кофе мокко и табаком. Потом совершили еще одну прогулку верхом через Четыре сада (Чахар-баг), столетние высокие платаны которых создавали густую тень и приятную прохладу в изнуряющую жару. Когда мы проезжали по роскошному двухэтажному, т. е. двухарочному, мосту Аллах-Верды, перекинутому через Зайендеруд, мы увидели, что вода в реке сильно поднялась из-за таяния снега в горах Лурестана.

Поскольку наш общий друг генерал Семино был вдовцом и жил один, он воспользовался персидским обычаем и взял в

Джульфе на время в жены молодую армянку. Обычай этот считается здесь благопристойным, так как паломники, например совершающие паломничество в Мешхед, женятся здесь на четыре недели, на две недели, на восемь дней, три дня и даже один день. Этот обычай, называемый сиге-хан, широко распространен в Персии и Дагестане. Однако для временной связи, по армянскому обычаю, обязательна церемония бракосочетания. Приглашается священник; он произносит молитву, затем дает молодой паре бокал вина, который они должны опустошить вместе, и делу конец.

Находящиеся на персидской службе английские офицеры и другие иностранцы часто пользуются этим обычаем. Вскоре после приезда в Персию они вступают в связь с армянками или несторианками, чтобы не жить в одиночестве и быстрее изучить язык страны. Не подлежит сомнению, что лучшим учителем для этого является красивая девушка или молодая женщина, которая ежедневно находится подле вас. Правда, по понятиям европейцев, такая связь считается аморальной, к тому же «что ни город, то норов», как говорится в пословице, а на Востоке на это обращают меньше всего внимания, поскольку там никто не ведет холостяцкой жизни, за исключением дервишей и факиров, и каждый имеет семью. Засидевшуюся в невестах девушку старше двадцати лет, если она, конечно, не урод, в Персии не встретишь. Образования у таких девушек, естественно, нет. Они просто дети природы, несколько наивные. Зато у них цветущий вид, они очень скромны, нежны, обладают веселым нравом и выказывают своим защитникам большую привязанность и верность.

Барон Боде был намерен совершить вместе со мной в мае поездку к развалинам Персеполиса. Однако я был занят и не мог подготовиться к ней; к тому же я неожиданно получил из Петербурга приказ отправиться в Оренбург. Намеченное путешествие в Персеполис пришлось отложить. 21 мая я попрощался с шахом и его первым министром и 31 мая покинул ставшую мне дорогой Джульфу, простившись с моим шефом, его супругой и товарищами по службе. Барон Боде проводил меня до большой дороги, которая вела в Тегеран, и я в последний раз проехал королевский город Исфахан с его великолепными зданиями и руинами.

Климат Исфахана столь приятен и воздух так чист, что летом, казалось, можно было бы повесить в воздухе меч и он бы не заржавел. В Персии я чувствовал себя всегда очень хорошо, и кроме нервной лихорадки, которой я заболел по прибытии в Касре-Каджар (август 1837 г.), и несмотря на различные путешествия и хлопоты, мое железное здоровье не пошатнулось. В основном я приписываю это моему правилу придерживаться на Востоке умеренности в пище и напитках и жить в соответствии с привычками и обычаями жителей.

В Индии только потому умирает столько англичан, что они придерживаются здесь своей английской привычки потреблять много мяса, крепких вин, рома и портера и не хотят довольствоваться простой пищей индусов.

Так как в июне жара на высокогорном плато Ирана изнуряюща, я совершал переезды только ночью, а днем отдыхал на станциях. Это обычный способ путешествия в Персии в летние месяцы.

Из Исфахана я поехал через Гёз в Муртхахор. По пути мне попались шесть диких ослов (гур), которые очень часто встречаются в солончаковой пустыне. С последней станции я направился прямиком через горы в Кашан. Я ехал при чудесном лунном свете по живописным местам, мимо садов с прекрасной оросительной системой, через деревню Дейлур в Сау, красивую деревню с караван-сараем (в 7 фарсангах от Муртхахора), куда прибыл 2 июня, в 7 часов утра. Сау расположена уже высоко. Здесь я отдыхал целый день, а вечером отправился дальше на север и в полночь 3 июня приехал в Кохруд. Дорога тянулась по отрогам гор и возвышенностям; ее высшая точка находится в фарсанге от Кохруда. Город расположен в прекрасном месте. Я позавтракал под столетним ореховым деревом. На заходе солнца я снова сел на коня. Мои нагруженные мулы с погонщиками ушли вперед, и звон колокольчиков и бубенцов, которые, по здешнему обычаю, привязываются на шею мула, был далеко слышен в тихой, великолепной лунной ночи. Я следовал за ними в сопровождении двух слуг. Дорога вела теперь вниз через сады и поля, затем по узкой долине. В полуфарсанге севернее Кохруда, справа от дороги, находится знаменитая дамба (бенд), которую возвел Аббас Великий для задержания воды горного потока, с тем чтобы жители равнины не ощущали недостатка в воде в летнюю жару. К сожалению, я смог полюбоваться этим колоссальным сооружением лишь при лунном свете. Еще ниже я проехал мимо красивого караван-сарая Гебер-Абад. Затем дорога вывела из гор на равнину. Отсюда до Кашана было 4 фарсанга (от Кохруда — 7 фарсангов). В Кашан я приехал 4 июня и остановился в караван-сарае. Было страшно жарко, но я все же отправился на базар, чтобы купить пару кашанских ковров из шелкового плюша, а также медную пиалу на память. Вечером, в 8 часов, я покинул город. Было еще очень жарко, и густая пыль делала мое путешествие по равнине затруднительным. 6 июня я приехал в Кум и 9 июня — в Тегеран, где провел некоторое время. Оттуда я поехал по уже знакомой мне дороге, причем двигался все время ночью. 7 июля подъехал к бурной пограничной реке, через которую при сильнейшем ветре, дувшем из горного ущелья, переправился на пароме. На противоположном, русском берегу уже ожидали начальник карантина и врач; они

проводили меня в карантин Джульфы, где мне отвели чистую комнату. Так я снова очутился на родной земле, проведя почти три года в стране древних сект гебров и парсов.

Поскольку прохождение карантина в Джульфе было тогда чистой проформой, я использовал свое пребывание здесь, чтобы посетить развалины, а особенно огромное кладбище старой Джульфы, жители которой были когда-то переселены самым деспотическим образом в Исфахан шахом Аббасом Великим. Затем я привел в порядок свои многочисленные статистические, топографические и этнографические материалы, которые собрал во время пребывания в Персии и которые позднее обработал и опубликовал на русском языке.

10 июля я выехал на почтовых из Джульфы и в тот же день прибыл в Нахичевань, полуразрушенную происшедшим здесь несколькими днями раньше сильным землетрясением, следы которого были видны до Тавриза. Разрушения, причиненные землетрясением на левом берегу Аракса, были ужасны. Почти все дома в деревнях вдоль почтовой дороги были разрушены или дали трещины. Недалеко от вершины величественного Арарата произошел чудовищный горный обвал. Снежная масса, скатившаяся вниз, быстро таяла на солнце, превращаясь в бурные потоки. Была затоплена и сметена с лица земли армянская деревня в несколько сот домов. Жителей, дома и сады накрыл селевой поток. Никто не спасся, потому что несчастье обрушилось внезапно. Полицмейстер Нахичевани, который нанес мне визит, рассказал жуткие подробности о катастрофе.

11 июля в хорошую погоду я проехал две полностью разрушенные землетрясением почтовые станции. Ночевать пришлось под открытым небом, так как все почтовые станции были разрушены. Во время вчерашней поездки через долину Аракса у меня был постоянно перед глазами величественный Арарат с его двумя снеговыми вершинами, и я любовался видом этого горного исполина. Сколько прошло тысячелетий и сколько сменилось поколений с тех пор, когда, согласно легенде, Ной посадил первую виноградную лозу в этих местах!

12 июля, поздно вечером, я приехал измученный на почтовую станцию Ардашар, первую уцелевшую после землетрясения. 13 июля я проезжал по хорошо возделанной местности, изрезанной множеством оврагов, с замечательной оросительной системой и прибыл в 9 часов в старую Эривань. Остановился я у коменданта князя Сумбатова, кавказского товарища по оружию, жившего в великолепном дворце бывшего сардара Эривани. После обеда у князя я совершил поездку в знаменитый армянский монастырь Эчмиадзин, так часто описывавшийся путешественниками, и отправился затем в Тифлис — не верхом, а на почтовых. Из Исфахана до Эрива-

ни я проделал верхом свыше 1200 верст. Дорога шла через Ахти, вдоль озера Гокча. Здесь мой друг инженер-полковник Мишель Эспежо проложил в скалах вдоль самой воды замечательное шоссе, с которого открывался чудесный вид на само озеро и близлежащие горы. От озера Гокча, называемого также Севан, путь лежал на север, через Чубукли, по романтической долине Дилижан в Тифлис. Я прибыл туда 17 июля, около полудня, и сразу же отправился в персидскую баню, чтобы смыть с себя шестинедельную пыль и освежиться в серных источниках.

Многое изменилось в Тифлисе за эти три года. Барона Розена сменил генерал-адъютант Головин, с которым я познакомился в Бургасе, в Румелии[60], в 1829 г.; семья Родофиникина уехала из Грузии в Петербург, как и князь Константин Суворов и другие бывшие знакомые и друзья. Из-за жары Главный штаб находился в Приуте — великолепном парке, расположенном высоко в горах на пути в Манглис, в 30—35 верстах от Тифлиса, причем дорога все время шла в гору. Я прибыл туда 20 июля. Дорога была крутая, но очень живописная и часто вела через густой лес и вдоль глубоких пропастей. В Приуте я представился тогдашнему командующему Кавказской армией генерал-адъютанту Головину и был приглашен на обед. Затем я встретился с начальником штаба генералом Павлом Коцебу. Он принял меня очень любезно, много расспрашивал о Персии, которая его живо интересовала, потому что он под командованием графа Паскевича принимал участие в войне против Персии в 1826—1828 гг. Я был вынужден провести в Тифлисе почти целый месяц. Наконец, закончив свои дела, я получил четырехмесячный отпуск, чтобы побывать в Крыму, и 15 августа выехал из Тифлиса. Я получил рекомендательные письма от греческой дамы, которая с 1837 г. жила в Тифлисе. Письма были адресованы ее сестрам в Крым, и она просила меня побывать у них.

По дороге из Тифлиса я в пятый, и последний, раз перевалил через столь знакомые мне Кавказские горы. Во Владикавказ я прибыл 17 августа и поехал отсюда по Кабардинской равнине, через Ставрополь и по знакомой мне с 1830 г. дороге на Кубань. В низовьях Кубани оба ее берега заросли густым камышом, и черкесы пользовались этим, чтобы совершать иногда набеги на большую почтовую дорогу, тянувшуюся вдоль реки. На каждой станции поэтому были своего рода «впередсмотрящие», т. е. на высоком помосте из четырех бревен с лестницей и платформой наверху находился караульный казак, сменявшийся каждые три часа. В его задачу входило наблюдать за местностью, чтобы обнаруживать подозрительные передвижения. Так как вокруг лежала степь, обзор у него был очень хороший. Около каждого такого помоста, называемого на Кавказе вышкой, стоял столб, оберну-

тый соломой или с небольшой бочкой со смолой на его вершине. При появлении больших групп черкесов солому или смолу зажигали. Это позволяло быстро сообщать об опасности по линии. С такой вышки караульному казаку хорошо было видно приближающихся путешественников и число запряженных коней. По приезде на почтовую станцию, которая была одновременно маленькой крепостью и казачьим гарнизоном, нас уже ждало необходимое число лошадей для отправки дальше. Подобным образом я путешествовал по казачьим землям от Черного моря еще в 1830 г.

27 августа я проехал главный город [края] — Екатеринодар, 28 августа переправился через Копил, рукав Кубани, впадающий в Азовское море, и в полночь прибыл в Тамань. Этот город, в окрестностях которого еще сохранились развалины старой Фанагории, был в 1840 г. второстепенным портом; он же был главным портом полуострова того же названия. Полуостров интересен своими грязевыми вулканами, которые подробно описаны. 29 августа, рано утром, я нанял большой парусный бот, чтобы переправиться через Босфор Киммерийский *, ширина которого в районе Керчи составляет около 30 верст. Погода стояла ясная, но ветер был не очень благоприятный. На полпути поднялся сильный ветер, и море разволновалось. Но волнение продолжалось недолго, и вскоре я увидел множество дельфинов, которые, играя, преследовали друг друга и плавали вокруг бота. В Керчь я прибыл к вечеру. Остаток дня я использовал, чтобы осмотреть тамошний музей, основанный моим дядей, умершим в Одессе. С возвышенности, на которой расположен музей, открывался великолепный вид на город, порт и море. Все ценные экспонаты греческой старины, которые здесь хранились, были по счастливой случайности перевезены перед Крымской войной в Петербург и находились теперь в Эрмитаже императорского Зимнего дворца. Во время оккупации Керчи в 1855 г. англичанами и турками музей был разграблен этими вандалами. Много античных ваз было разбито.

Из Керчи я хотел поехать через Таврический полуостров прямо в Симферополь, чтобы оттуда совершить кратковременную поездку через Севастополь и Балаклаву к южному побережью Крыма. Я нанял татарскую маджару — крытую плетеную повозку на четырех колесах, вращающихся вместе с осями, в которую впрягают двух лошадей или верблюдов. Оси редко и плохо смазывают жиром, так что они сильно скрипят и действуют на нервы европейцам. Двухколесные ногайские арбы, на которых на кавказских равнинах подвозят товары или провиант для войск, издают такой же непри-

---

* Керченский пролив.

ятный звук. Кучера хвастались ими, говоря при этом, что они не воры, так как об их приближении слышно издалека.

Рано утром 30 августа мне подали такую маджару. Татарин, молодой веселый малый, впряг в нее двух низкорослых лошадок. При этом он надел хомуты не как обычно, через головы лошадей, потому что татарские хомуты при надевании раскрываются снизу и затем завязываются.

Маджара вместе с упряжкой представляет собой самобытное средство передвижения и в ходу только в таврической степи. Из старого Пантикапея я поехал на запад по необозримой степи, оставив справа Азовское море. Сначала шла холмистая местность с деревнями, садами и хуторами, но затем передо мной раскинулась необозримая степь, покрытая низкорослой, часто выжженной солнцем травой. Не было видно ни души; единственными живыми существами были овцы, которые паслись на горизонте, охраняемые чабанами и собаками. Я проехал 45 верст и устроился на ночлег посреди степи в татарском хуторе. Он представлял собой низкий одноэтажный каменный дом, крытый черепицей, с несколькими каменными загонами для овец. Вокруг не было ни дерева, ни куста. Недалеко от хутора находился глубокий колодец, воду из которого доставали кожаным мешком, перекинутым на веревке через блок. Конец веревки привязывали к упряжи лошади или верблюда и гнали животное вперед. Глубина такого колодца иногда превышает сотню футов, и напоить здесь скот очень трудно. Никакой еды, кроме яиц и молока, не было. Спал я около маджары под великолепным звездным небом, которое, как бриллиантовый купол, распростерлось над безмолвной степью. 31 августа я проделал таким образом еще 40 верст, и, поскольку маджара двигается очень медленно, я прошел значительное расстояние пешком. Свежий ветер, дувший в степи, смягчал дневную жару. Вечером прибыли в татарскую деревню, где, как и вчера, я провел ночь на открытом воздухе. Хотя жилища татар очень опрятны, все же ночевать в помещении в это время года весьма жарко.

1 сентября закончилось это однообразное путешествие по широкой безлесной степи. К полудню я заметил, что северные отроги Таврических гор приближаются. Дорога вела уже по приветливым долинам, мимо виноградников, фруктовых садов и тополей. Перейдя вброд Кара-Сыр, я в 6 часов вечера прибыл в красивый, живописно расположенный город Карасубазар, проделав путь в 40 верст. На ночлег я устроился в караван-сарае и с удовольствием отведал крымского вина, которое хозяин-татарин подал мне к плову. Вечером я долго сидел на террасе, любуясь прекрасными окрестностями и видом на Таврические горы, освещенные луной.

2 сентября я проехал на маджаре до Зуи (20 верст), последней станции перед Симферополем, деревни, населенной

русскими крестьянами. Об этом можно было судить по тому, что по улицам бегали свиньи, чего не заметишь в татарских деревнях. Здесь я нанял почтовых лошадей и поехал в город (20 верст). Остановился я в немецком хуторе; багаж с моими людьми прибыл через несколько часов. Тем временем я поспешил в татарскую (турецкую) баню, чтобы освежиться после долгого путешествия из Тифлиса и смыть степную пыль.

Итак, я благополучно прибыл в столицу Таврического полуострова и уже наперед радовался путешествию по южному побережью Крыма. Симферополь (тат. Ак-Мечеть) — новый, красивый город. Широкими улицами и большими каменными зданиями он отличается от старого татарского города, который стал теперь пригородом. Я представился начальнику штаба 5-го корпуса генералу фон Данненбергу, женатому на польке, и был любезно принят ими. С нетерпением ждал я встречи с поэтическим Бахчисараем и 3 сентября покинул Симферополь. Мой путь пролегал по плодородной равнине. В 2 часа я уже был в старой татарской столице. Здания, улицы, а также жизнь здесь напомнили мне Адрианополь, Сливно (Селимно), Ямполь и Бургас в Румелии. Я остановился во дворце прежних ханов. Здесь царила суматоха, так как ожидали прибытия штаба 5-го армейского корпуса, который переводился в Севастополь. В 1840 г. умер султан Махмуд [61], что вызвало большое замешательство в Турции. Однако я не хочу затрагивать политику и рассказываю лишь то, что касается лично меня.

Вечер 3 сентября, который я провел в Бахчисарае, останется в моей памяти навсегда. Я гулял около дворца и в саду. Полная луна проливала на окрестности свой магический свет. Высокие кипарисы и другие деревья бросали свои темные тени вдоль аллей и на старые ханские могилы. Журчание ручьев, текущих по саду, шум фонтана в ночной тишине — все это настраивало на размышления о бренности земного. Сколько событий, сколько драм разыгралось тут на протяжении столетий! Сколько раз правившие здесь татарские ханы потрясали Россию, когда они со своей ордой, опустошая все на своем пути, доходили до стен Москвы! Сколько слез отчаяния было пролито тысячами несчастных женщин и девушек, которых во время этих разбойничьих набегов уводили в вечное рабство и бросали в гаремы, чтобы удовлетворить похоть победителей! А с другой стороны, какая роскошь, какой блеск были здесь во времена Керим-Гирея [62] и его преемников! Все это уже давно исчезло, и могущественные властелины Крыма покоятся под кипарисами, бросающими тень на их могилы.

4 сентября я поехал в имение семьи Мавромихали, отдал рекомендательные письма из Тифлиса, был любезно принят

матерью и познакомился с младшей дочерью Еленой, о которой в Тифлисе мне много рассказывала ее сестра. Среднего роста, с удивительно красивыми темными глазами, свежим цветом лица, пышными темно-каштановыми волосами, обладающая живым характером, она была создана для того, чтобы вызывать страсть. Ей было тогда 24 года. Ее окружало много поклонников, но она еще не сделала выбора. Я был тот счастливец, которому она отдала свое сердце и руку, и через два дня после моего приезда между нами царило уже полное согласие. Матери было около 50 лет, лицо ее сохранило еще следы прежней красоты. Она овдовела в 1822 г. Ее покойный супруг, потомок древнего рода из Майны, был прежде полицмейстером в Одессе при герцоге Ришелье, с которым он был очень дружен *. Из писем, которые герцог посылал ему из Парижа, я узнал, что герцог собирался провести остаток дней своих в Крыму, у своего друга Мавромихали. Неожиданная смерть помешала ему осуществить это намерение.

Я побывал в роскошных фруктовых садах и на виноградниках, на мельнице богатого имения и любовался могучими, столетними ореховыми деревьями, в тени которых стоял дом. Многочисленные яблони сгибались под тяжестью плодов. Почти под каждой было по 50—70 подпорок, чтобы не обломались ветки. Знаменитые крымские яблоки (синап) составляют главный доход тамошних имений. Они долго хранятся и отправляются в огромном количестве в Москву, С.-Петербург и в Сибирь.

9 сентября мадам Мавромихали дала согласие на мой брак с Еленой, и для меня начались счастливые дни. Мы наносили визиты соседним помещикам, которые принимали нас самым предупредительным образом. Но поскольку мне пришлось бы ждать не менее шести недель официального согласия моего петербургского начальника на бракосочетание и поскольку греческий священник, который должен был нас обвенчать, заявил, что мне надо представить справку от вышестоящего лица, которая удостоверяла бы, что я не женат и не состою в близком родстве с семьей моей невесты, 21 сентября я отправился в Севастополь, изложил генералу Данненбергу мое положение, и тот был так добр, что немедленно выдал нужную мне справку. Тем временем я осмотрел пре-

* Его отец, знаменитый Стефан Мавромихали, покинул после Кючюк-Кайнарджийского мира (1774 г.) свою родину Майну в Морее, чтобы переселиться со многими соотечественниками на Таврический полуостров. Императрица Екатерина II пожаловала им земли у Балаклавы и назначила Стефана Мавромихали командиром сформированного из этих переселенцев-майновцев греческого батальона. Род Мавромихали[63] до сих пор существует в Греции и пользуется там большим уважением. В Европе известно убийство графа Каподистрии[64], который пал вследствие кровной мести от рук Мавромихали. — *Примеч. авт.*

красный многолюдный город, насчитывавший 40 тыс. жителей, полюбовался огромными доками, мощными каменными укреплениями береговых батарей, прекрасной бухтой, самой большой и надежной на Черном море и в Европе, побывал на нескольких 100—200-пушечных линейных кораблях, с большим интересом осмотрел их внутреннее устройство, где царили порядок и чистота, и, наконец, понаблюдал за деятельной жизнью в бухте и в городе. Спустя двадцать лет я снова увидел Севастополь, но, к сожалению, в развалинах.

22 сентября я с необходимой справкой вернулся к невесте и назначил венчание на 29 сентября 1840 г.

По этому случаю мы отправились в нескольких экипажах по очаровательной долине Качи в имение полковника Квицкого. Там была скромная церковь, где состоялось венчание по греческому обряду. Затем я с моей очаровательной женой отправились в экипаже в имение тещи. Нас сопровождало много верховых татар, одетых в праздничные платья. Они устроили скачки, чтобы получить в качестве призов шелковые платки. Когда я прибыл в Ак-Шейх, ворота были закрыты. Меня не выпустили из экипажа, пока я не дал выкупа, по греческому обычаю. За столом, естественно, пили много шампанского за здоровье новобрачных, а на следующее утро я отправился со своей молодой женой в небольшое свадебное путешествие к южному побережью Крыма. Я увез мою прекрасную Елену в Чоргун, главное имение матери. Когда мы проехали около 35 верст и стали спускаться с лесистых холмов Мекензи в очаровательную долину реки Черной, нам открылась восьмиглавая башня времен генуэзцев, затем мы проехали татарскую деревню, состоявшую примерно из 100 домов, и остановились у парадного крыльца господского дома. Сооруженный из дубовых бревен, солидный, просторный, двухэтажный, с кольцевой верандой, он насчитывал 150 лет. Он был построен в турецком стиле неким могущественным мирзой, который тогда, естественно, не мог предполагать, что в будущем его дом, как и весь Таврический полуостров, попадает в руки неверных.

1 октября я со своей молодой женой осмотрел имение Чоргун площадью 3,5 тыс. десятин (15 тыс. австрийских моргенов). Оно считалось лучшим в Крыму и получило название «Царское имение». Мы побывали в обширных фруктовых садах, бродили по лугам, осмотрели мельницу, хозяйственные постройки, бассейн императорского флота, питающий водой доки Севастополя; поднялись на Федюхины высоты, ставшие в 1855 г. столь печально знаменитыми; осмотрели внутреннее убранство нескольких татарских домов, и так как моя жена блестяще говорила по-тюркски, татарские девушки и женщины не стеснялись нас, и я имел возможность наблюдать за их бытом. После обеда мы поехали в Балаклаву и Кара-

ни, чтобы нанести визит родственникам моей жены, и вернулись в Чоргун уже поздно вечером, чтобы подготовиться к путешествию на южное побережье.

2 октября, рано утром, нам привели четырех лошадей — для меня, моей жены, которая была прекрасной наездницей, ее служанки и моего слуги, и мы отправились в путь.

Мы двинулись вверх вдоль лесистых склонов до высокогорной гостиницы Байдары, где позавтракали у зажиточного татарина, которого хорошо знала моя жена. Затем мы углубились в густой лес и уже пешком спустились по узкой тропинке южного склона. Когда мы наконец выбрались из лесу, перед нами далеко внизу, как зеркало, раскинулось Черное море. Тогда (в 1840 г.) еще не было прекрасного и удобного шоссе от Балаклавы вдоль южного побережья и склонов гор до Алушты, которое позднее построил инженер-полковник Бюрно, служивший под началом графа Воронцова. Наша тропинка петляла вниз до самой Мишатки, прекрасной виллы, принадлежавшей тогда графу Гурьеву. Нас любезно принял управляющий. Он отвел нам чудесные комнаты и угостил замечательным паштетом из перепелов. В это время года этих необычайно вкусных птиц ловили тысячами на южном побережье Крыма. Во время ужина я беседовал с управляющим, который сообщил мне, что большинство имений и вилл, расположенных вдоль южного побережья, не приносят доходов и являются убыточными. Например, граф Гурьев присылает ежегодно на поддержание Мишатки 26 тыс. рублей. Крестьяне, которых он переселил сюда из центральных районов страны, ничего не смыслят в виноградарстве, не выдерживают здешнего климата, вымирают или возвращаются на родину. Прежнего владельца Мишатки камергера Башмакова это имение полностью разорило. Владеть имениями на южном берегу Крыма могут позволить себе только богатые люди. Точка зрения, высказанная управляющим в 1840 г., до сих пор, за редким исключением, может считаться правильной.

3 октября, рано утром, мы отправились бродить по парку и любовались кипарисами, лавровыми деревьями, миртовыми кустами, а также видом на море и высокие скалы на северной стороне. Затем мы поехали верхом в восточном направлении. Около 15 верст мы пробирались по узким и часто крутым тропинкам то вверх, то вниз до деревушки Кикеней, прекрасного имения Ревелиотти, где и остановились на скромной вилле. Имение, славившееся великолепными виноградниками, было тогда почти единственным на южном берегу, которое давало доход. Незадолго до нашего посещения недалеко от виллы произошел горный обвал, и вдоль склонов гор были видны многочисленные обломки скал, а также вырванные с корнем деревья. 4 октября я отправился в путь один, чтобы посетить Алупку и осмотреть чудесный замок графа

Воронцова, а также прелестный парк. Замок, выстроенный наполовину в готическом, наполовину в мавританском стиле, стóит миллионы. Пришлось бы исписать много страниц, чтобы рассказать о существующей там роскоши, а также о прелести окрестных садов и парков. Вид с террасы сада на море изумительный. Затем я отправился в Мисхор, на виллу камергера Нарышкина. Сам он здесь не жил, но как раз в это время приехал навестить графиню Потоцкую, жившую на вилле. Я передал графине письма из Тифлиса. Посетив еще Ореанду, я поехал назад в Кикеней при сильном ветре.

5 октября мы поднялись вверх по очень узкому горному проходу Мердевен (лестница), который действительно имел врубленные в скалы ступени. Он тянулся зигзагообразным ущельем до самого перевала, затем вел по густому лесу через Байдары в Чоргун. Только татарские кони способны подниматься и спускаться по этой лестнице. Мы проехали 35 верст и прибыли домой вечером вконец уставшие. Только спустя 20 лет (в 1860 г.) мне удалось снова побывать на южном берегу и проехать до Алушты. Что касается Чоргуна, то во время войны 1854—1856 гг. он был полностью разрушен. От прекрасного имения осталась лишь голая земля, обильно пропитанная кровью, так как здесь 4/16 августа 1855 г. произошло сражение. Дома и сады были сровнены с землей. После воцарения мира его императорское величество предоставил нам средства, чтобы отстроить и восстановить имение. Однако столетние ореховые деревья и тысячи фруктовых деревьев, как и бóльшая часть дубовой рощи, вырубленной для лагерных костров, погибли. Деревья пришлось сажать заново. И пройдет еще много десятилетий, прежде чем имение примет прежний облик. Два других прекрасных имения, расположенные на Альме, а именно Бурлук и Альматамак, также принадлежавшие моей теще, были сожжены и разрушены во время сражения на Альме в сентябре 1854 г. Однако судьбе было угодно, чтобы теща не дожила до этого несчастья. Она скончалась еще в декабре 1851 г.

6 октября мы вернулись в Ак-Шейх. Начались сборы к отъезду на мое новое место службы. Однако лишь 12 октября после душераздирающего прощания Елены с матерью мы выехали в Симферополь. Отсюда я отправил весь лишний багаж в Москву, попрощался затем с сестрами, и 23 октября мы двинулись из Симферополя на двух экипажах. Ехали днем и ночью через Перекоп и Екатеринослав до Харькова, куда прибыли 29 октября. Дорога между последними двумя городами была ужасной. Непролазная грязь и песчаная почва затрудняли продвижение, однако это были лишь предвестники тех неприятностей, которые нам суждено было пережить на пути до Москвы. Так называемое шоссе из-за осенних дождей оказалось непроезжим. Нехватка почтовых лошадей вы-

нудила меня нанимать лошадей у возчиков, которые заламывали немыслимые цены. Иногда я платил за проезд от одной станции до другой 10—12 рублей серебром, или мне удавалось нанять лошадей у крестьян по цене 14 рублей для обоих экипажей. К тому же я вынужден был за свой счет кормить этих кляч, чтобы добраться до следующей станции. В Курской и Орловской губерниях вообще творилось необъяснимое. Станционные смотрители нередко прятались, боясь гнева проезжающих, которым приходилось на каждой станции ждать лошадей подолгу, иногда неделями. Я видел как императорские фельдъегери в легких почтовых каретах, запряженных пятью почтовыми и даже курьерскими лошадьми, едва преодолевали две станции за сутки. Поездка от Перекопа до Тулы и Москвы в это время года была ужасна. После многих мучений мы прибыли наконец 10 ноября в Москву и остановились у моих родственников, где заняли две комнаты. Мой багаж из-за адской дороги еще не прибыл, и мне пришлось ждать его. Тем временем я познакомил свою молодую супругу с достопримечательностями Москвы. Мы побывали в Кремле, во дворцах, церквах, театрах и т. д. и приятно проводили время в кругу семьи. 12 ноября, через два дня после нашего приезда в Москву, выпал глубокий снег. Сразу же установилась санная дорога до весны. Багаж мой прибыл только к рождеству; бедный возница вынужден был, как и многие его товарищи, провести четыре недели в Харькове, пока не установилась санная дорога, и все понесли большие убытки из-за длительного ожидания. Я поставил коляску на полозья, о чем потом очень сожалел.

Мы покинули Москву 29 декабря, вечером, и 1 января 1841 г. прибыли в сильный мороз в город Муром. После Арзамаса я вынужден был отправить обратно в Москву поставленную на полозья коляску, так как снег был слишком глубок. Я купил легкие сани, перегрузил на них багаж, и мы поехали в Симбирск, куда прибыли 6 января. Здесь я купил крытые сани (возок), которые должны были защитить мою жену от холода, ветра и снега. Так как большой почтовый тракт из Симбирска в Самару, ведущий через Сенгилейские горы, из-за снежных метелей был совершенно непроезжим, я решил проделать часть пути по льду Волги. Мы двигались довольно быстро, тем не менее вынуждены были останавливаться на ночлег в какой-нибудь деревне на правом берегу Волги. Мы спали в возке при температуре —20°. Моя жена, попавшая из теплых долин Таврии в жестокий, холодный климат, терпела лишения как спартанка. Она откровенно сказала мне потом, что, когда мы ехали по реке, она все время дрожала от страха, что лед проломится и мы утонем. Однако при толщине льда в три фута такое путешествие по Волге протяженностью 130 верст не представляет риска.

9 января мы продолжили наше путешествие по большому почтовому тракту. 11 января переправились через замерзшую Волгу в Самару, где день отдыхали. Это была уже оренбургская земля. Изменились тип людей и одежда. Башкиры и киргизы ходили в странных меховых шапках (малахаях). Перед нами простиралась бескрайняя степь, покрытая глубоким снегом. Станции большей частью были грязными. Из-за сильного мороза жители брали телят и ягнят в теплые избы. Мы с женой проводили ночь в санях, так как было невозможно выносить эту испорченную атмосферу. Я торопился как можно быстрее добраться до пункта моего назначения, находившегося в 430 верстах от Самары.

Из Бузулука мы ехали днем и ночью. Ночью обычно при ясном свете луны. Дорога была замечательной, однако стояли страшные холода. 17 января я прибыл в Оренбург, тогда еще крепость. Из Москвы я написал моему бывшему кавказскому шефу и другу генералу Рокассовскому, теперь начальнику штаба в Оренбурге, чтобы мне приготовили квартиру, в которой я и остановился.

Так судьба перебросила меня из древнего Исфахана на берег Урала. На пути я посетил южный берег Крыма, обзавелся красивой молодой женой и проделал вместе с ней 3 тыс. верст (около 400 немецких миль) из Севастополя в Москву и Оренбург в то время года, когда путешествие для дамы сопряжено со многими трудностями, особенно тогда (в 1840 г.), так как еще не было железных дорог и даже почтовая связь и дороги оставляли желать много лучшего.

Этим окончилась эпоха моих странствий 1837—1840 гг. Теперь я попал совсем в другую обстановку, очутился в чужой земле, среди новых людей, нравов и обычаев, которых я не знал. Я не догадывался, что мне суждено провести здесь пятнадцать лет, что я буду предпринимать дальние и частые путешествия в киргизские степи, на Аральское море, древний Яксарт, в Башкирию и Уральские горы. Человек полагает, а бог располагает, и он всегда милостиво защищал меня и делал все к лучшему.

Глава VI

1841 год

Прежде чем перейти к воспоминаниям 1841—1856 гг., я считаю целесообразным сначала окинуть взором край, где судьба уготовила мне провести 15 лет моей жизни, и рассказать о его жителях. Я описываю землю и людей такими, какими их видел тогда. С тех пор там многое изменилось, однако границы края остались прежними. Населяют его все те же народности. Сильно изменилось лишь административное деление.

Оренбургский край лежит между 67° и 84° восточной долготы, 44° и 56° северной широты и занимает площадь в 26 400 географических миль, т. е. он почти в три раза больше Франции.

Огромная площадь этого района и разнообразие почвенного покрова, естественно, влияют на климат и возделывание сельскохозяйственных культур на его границах, где жара и холод одинаково сильны. На крайнем юге вызревает замечательный виноград, в то время как на крайнем севере не могут расти огурцы.

Среднюю часть этого района пересекают Уральские горы, которые тянутся от Ледовитого океана почти до Аральского моря и имеют множество ответвлений. В центре губернаторства эти горы покрыты густым лесом и хранят в своих недрах золото, драгоценные камни и особенно в большом количестве железо и медь. Восточная часть этого района, наоборот, представляет собой необозримые волнообразные степи, которые переходят на юге в песчаную и солончаковую пустыню, простирающуюся до Аральского моря и Яксарта *.

Оренбургская губерния известна своим плодородием. Особенно плодородна ее западная часть, где собирают богатые урожаи пшеницы, ржи и овса; однако здесь еще мало хороших дорог, что затрудняет доставку хлеба в пункты отправления, т. е. к Волге и Каме.

Большинство рек, орошающих эту губернию, берут начало в Уральских горах и их отрогах. Во время весеннего разлива многие из них пригодны для сплава леса и проводки барок,

* Древнее название Сырдарьи.

и только одна, Белая, после ее слияния с Уфой судоходна все лето. Так как Белая является притоком Камы, которая течет вдоль северо-западной границы губернии и впадает в Волгу, все богатства уральских рудников (за исключением золота), особенно изделия многочисленных чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводов, перевозятся весной по воде большими караванами во внутренние районы России до Нижнего Новгорода и даже Петербурга.

Оренбургский край населен различными народностями, отличающимися между собой как по происхождению, так и по языку и религии. В Оренбургской губернии живут русские, башкиры, мещеряки, тептяри, черемисы, вотяки, чуваши, мордва, татары, калмыки и кочевые киргизы. Зауральские киргизы кочуют между рекой Уралом, Устюртом, Аральским морем, Яксартом и на востоке до Сарысу и гор Улутау, где начинаются пастбища сибирских киргизов. Ниже следует краткое описание быта всех этих народностей.

Оренбургские казаки, первоначально состоявшие из крестьян-переселенцев, беглых крепостных, отставных солдат и т. д., поселились вдоль правого берега Урала и в прилегающих районах. В 1736 г. они получили статус оренбургских иррегулярных войск, куда вошли также разные люди из Уфы, Самары и других городов. С основанием города Оренбурга в 1743 г. началось заселение Оренбургской пограничной линии вдоль реки Урал. Вниз от Оренбурга эта линия тянулась вдоль правого берега реки, тогда еще называемой Яиком, до Гурьева и Каспийского моря, а вверх — до реки Уи и сибирской границы; общая ее длина достигала 1780 верст. Эта линия была создана для того, чтобы защитить расположенные по эту сторону реки Урал районы от разбойничьих набегов тогда еще совсем диких и не покоренных киргизов. Вдоль пограничной линии было воздвигнуто множество крепостей. На протяжении многих лет здесь селился разный народ, и постепенно население увеличилось настолько, что при новом административном делении по указу от 12 декабря 1840 г. оренбургских казаков уже насчитывалось 150 120 душ обоего пола, из которых 22 609 несли действительную военную службу. Из них было сформировано десять полков, по 870 человек в каждом, и конно-артиллерийская бригада, состоявшая из трех батарей. Все население было подразделено на два района (округа), а каждый район — на пять полковых округов; на каждый из этих полковых округов приходилось 2500 оседлых семей. Каждый полковой округ делится на 3—10 станиц в зависимости от местности и населения. Всего в 1840 г. насчитывалось 67 станиц, населенных оренбургскими казаками. Впоследствии их стало еще больше.

Уральские казаки, населяющие правый берег упомянутой реки от города Илецка до ее впадения в Каспийское

море, поселились там еще в XVI столетии, а может быть, даже раньше; это были переселенцы с Дона, Волги, беглые крепостные и другой люд. Здесь они вели вольный образ жизни, занимались преимущественно рыболовством или даже разбоем и грабежом. Позднее они были подчинены русским правительством, несмотря на то что часто бунтовали. Знаменитый мятеж Пугачева в 70-х годах XVIII столетия начался на Яике (реке Урал). Со времени его подавления уральские казаки отличаются своей преданностью, и теперь (1846 г.) подразделены на 12 полков, два из которых населяют станицы Сакмару и Илецк. Оба эти полка не имеют пая в богатых рыбных промыслах на реке Урал и лишь несут службу вдоль Уральской линии, защищая от нападений разбойничающих киргизов. Другие десять полков считаются состоящими на службе, но несут ее не в прямом смысле, а выделяют по требованию правительства необходимое число вооруженных верховых казаков как для регулярной армии, так и для пополнения частей, расположенных вдоль Уральской линии от города Уральска до Каспийского моря. Все они проходят службу не в порядке очередности, а нанимаются за деньги. Как только правительство издает приказ призвать на действительную службу определенное количество полков или сотен, сразу же производится расчет, сколько следует выделить вооруженных верховых людей, состоящих на службе, затем собираются деньги, чтобы нанять последних с условием, что обмундирование и оружие они покупают за свой счет.

Обычай уральских казаков наниматься на службу имеет, с одной стороны, следующие преимущества: 1) каждый казак, идущий на службу, получает средства, чтобы надлежащим образом одеться, вооружиться и купить коня; 2) он может оставить деньги своей семье, чтобы во время его отсутствия она не страдала от нужды; 3) тот, кто имеет свое дело, не обязательно должен его бросать. С другой стороны, обычай этот имеет тот недостаток, что состоятельные казаки всегда могут отказаться от военной службы и тем самым отвыкают от нее.

В 1846 г. насчитывалось 10 тыс. состоящих на службе казаков. Они находятся под командованием атамана, резиденцией которого является город Уральск, и управляются особой военной канцелярией, во главе которой стоит атаман; последний подчиняется военному губернатору Оренбурга. Уральские казаки административно подразделены на девять районов, называемых здесь дистанциями. Население составляло тогда 63 273 души обоего пола *.

* В 1874 г. была введена новая организационная структура уральских казаков: их разделили в военном отношении на три отдела — Уральский, Калмыковский и Гурьевский. — *Примеч. авт.*

О знаменитых рыбных промыслах вдоль реки Урал и способе лова рыбы речь пойдет ниже.

Башкиры рассеяны почти по всем округам Оренбургской губернии. Они населяют также восточные округа Вятской губернии, южные — Пермской губернии, а также северную часть земель уральских казаков. Время их поселения в Оренбургской губернии, коренными жителями которой их считают, выяснить невозможно, так же как ничего определенного нельзя сказать об их происхождении. Среди этого народа распространены два предания. Согласно первому, они происходят от бурят (монгольское племя), согласно другому — от ногайских татар; азиатские соседи считают их потомками финского племени и называют истяками. По внешнему облику и обычаям они занимают среднее положение между татарскими и финскими племенами. Внешность мужчин не безобразна: они круглолицые, глаза карие, даже серые, у них обычные нос и рот, большие уши и жидкая борода. Женщины в большинстве своем некрасивы и имеют темный, отливающий медью цвет кожи.

Все башкиры исповедуют мусульманскую религию и в своей массе богобоязненны; однако они не имеют правильного понятия о догмах, что следует отнести за счет их весьма несовершенного воспитания. Сейчас они почти утратили воинственный дух, которым отличались раньше, когда находились в постоянной вражде с соседями, особенно со своими смертельными врагами — киргизами; однако до настоящего времени они сохранили свою ловкость и осторожность, столь необходимые на военной службе. Обладая легковерным характером, они хитры и мстительны, но все же кротки и послушны своему начальству и выполняют все его приказы.

Часть башкир ведет оседлый образ жизни и занимается земледелием, другая часть только осенью и зимой перебирается в свои бедные, грязные жилища, в которых чаще всего нет крыши. С мая до 15 сентября они кочуют в окрестностях своих деревень и по горам в радиусе 5—30 верст, занимаются скотоводством и пчеловодством и вынуждены, так сказать, заниматься земледелием. В последнее время земледелием стали заниматься и постоянно кочующие башкиры, так как они увидели в этом выгоду для себя. Кто не жил среди них, тот не может понять, что они не с максимальной выгодой для себя используют великолепный, плодородный и жирный чернозем, который при некотором усилии и без удобрений мог бы давать прекрасные урожаи. Они довольствуются плохой пищей, которой бы не удовлетворился ни один русский крестьянин. Например, они часто питаются одним только курутом — овечьим сыром. Их тесные избы, плохо отапливаемые чувалом (что-то вроде камина из плетеных ивовых прутьев, обмазанного толстым слоем глины), неопрятны, лишены всякого

комфорта, который окружает русского крестьянина. Сами они носят грязное белье, часто просто лохмотья. Вот картина жизни башкирской семьи зимой. Однако такая, по нашим понятиям, трудная жизнь для них не тягостна. Если они не голодны, не мерзнут и не страдают от болезней, а у скота, о котором они мало заботятся, есть скудный корм, то они счастливы и довольны. Разумеется, некоторые из них живут лучше. Это зажиточные семьи. Они проводят зиму в своих деревнях, занимаются работой по дереву, в которой очень искусны; возят железную и медную руду к плавильным печам или каменную соль из копей Илецкой Защиты (южнее Оренбурга), зерно или бочки с водкой на чугунолитейные, железоделательные и медеплавильные заводы или в отдаленные районы.

Женщины (башкиры редко имеют больше двух жен) прилежнее, чем мужчины, занимаются зимой изготовлением пряжи и домашней работой. С началом весны башкиры покидают деревню со скотом и домашним скарбом; остается лишь множество гусей да пара собак со сторожем. Они снимают и прячут где-нибудь даже двери и оконные переплеты. Все население перекочевывает на пышные пастбища, в соседние долины и в горы. И здесь башкир предается сладостному безделью: пьет свое вкусное и питательное кобылье молоко (кумыс), участвует в скачках, ходит в гости, ибо башкиры не только очень гостеприимны, но и сами любят, чтобы их хорошо принимали. Так он проводит лето, принимая этот отдых как вознаграждение за зимние лишения.

В 1848 г. насчитывалось 227 006 мужчин и 215 797 женщин — всего 442 803 души, из которых 4897 жили среди уральских казаков. В 1848 г. башкиры вместе с мещеряками были разделены на 17 кантонов. Население четырех из них, расположенных недалеко от Оренбургской пограничной линии, принуждалось к военной службе, в то время как башкиры и мещеряки остальных кантонов вместо несения службы ежегодно платили короне по 3 серебряных рубля каждый. Военнообязанными считались лица в возрасте от 17 до 45 лет. В 1847 г. на службе состояло 16 тыс. человек, уволенных было 68 626. Все башкиры находятся под началом военного губернатора, который живет в Оренбурге. Кантоны имеют управляющих, а отдельные юрты (деревни) — старшин.

Мещеряки. Ни причины, ни время заселения этим племенем Оренбургской губернии неизвестны; мы знаем лишь, что в XIV в. и даже еще позднее они жили в нижнем течении Оки рядом с мордвой и чувашами. При переселении в Башкирию они арендовали земли у башкир, но поскольку во время частых мятежей последних в XVIII столетии они оставались верными правительству, их освободили от арендной платы. Корона передала им арендованную землю в собственность. Этим и объясняется, что мещеряки рассеяны группами

по всей Башкирии и живут в основном в районах Челябы, Троицка, Верхнеуральской, Стерлитамака, Уфы, Мензелинска, Белебея и Бугуруслана.

По внешнему виду они похожи на казанских татар. По обычаям и особенностям характера они ближе к башкирам, но более образованны и крепки в вере. Их образ жизни также схож с башкирским, но, так как мещеряки гораздо раньше башкир оставили кочевой образ жизни, они зажиточнее и больше занимаются земледелием. В быту они чище, их жилища удобнее, и они лучше заботятся о скоте. В 1848 г. их насчитывалось 43 683 мужчины и 41 375 женщин — всего 85 058 душ.

Тептяри. Башкиры именуют так переселенцев татарского происхождения. Сначала тептяри арендовали у башкир землю, но позднее она стала их собственностью; это была награда за помощь, которую они оказали правительству при подавлении мятежных башкир. Сегодня тептяри живут небольшими группами по всей Оренбургской губернии, за исключением Челябинского округа, а также частично в Вятской и Пермской губерниях и образуют особую ветвь вместе с бобылями, также переселенцами, но финского происхождения, принявшими язык и религию татар. Они также платят правительству в год 3 рубля серебром с души и выставляют рекрутов. Среди них живет много черемисов и вотяков, которые частично являются еще язычниками и занимаются преимущественно охотой на пушных зверей. Тептяри занимаются земледелием, скотоводством и пчеловодством. Однако по уровню хозяйства они отстают от русского крестьянина.

Тептяри, так же как и бобыли, живут частично в обособленных деревнях, частично с башкирами; их число в Оренбургской губернии составило в 1846 г. 218 тыс., среди них 111 616 мужского пола.

Чуваши, которые населяют эту губернию, похожи на русских крестьян как по внешнему облику, так и по образу жизни. Однако они более медлительны и не выделяются умственными способностями; они хорошие работники, но упрямы и недоверчивы. В быту они неопрятны. Их закопченные избы, возвышающиеся над землей на 6 футов, имеют маленькие двери и крохотные оконные проемы, которые часто вместо стекол затягиваются пузырями. Часть закопченной комнаты занимают большая печь и плита, а также татарские нары, которые служат кроватями. Во дворе на высоких сваях размещают кладовые для зерна и продуктов, служащие им летним помещением. Основное занятие чувашей — земледелие, но многим больше нравится охота на пушных и других зверей. Среди них мало зажиточных. Они не религиозны, не соблюдают поста, а некоторые являются тайными идолопоклонниками.

Татары живут большей частью в западных районах Оренбургской губернии. Много их и среди оренбургских и уральских казаков. Среди нерусского населения Уральского края татары — самый красивый тип людей. Они большей частью среднего роста, у них длинное, худощавое лицо, тонкий нос, маленький рот и маленькие, живые, чаще всего темные глаза, темно-каштановые и иногда черные волосы. Они хорошо сложены, горды и честно держат свое слово, рассудительны, скромны, не ленивы, но любят покой, наконец, они жадны и завистливы. Их жены отличаются скорее крепким телосложением, чем красотой, однако встречаются и красивые девушки.

В быту они, как правило, очень опрятны. Их жилище состоит из двух изб, одна из которых является жилой, а другая, часто хорошо обставленная, предназначена для гостей. Здесь хозяин в свободное время предается сладостному безделью, сидит или лежит на широких диванах, накрытых коврами и мягкими подушками. Свой двор он обычно не застраивает конюшнями и сараями, он открыт и содержится в чистоте.

Татары твердо придерживаются ислама и имеют о его догматах познания бо́льшие, чем их верующие соседи. Детей они воспитывают строго в своей вере. Что касается ведения сельского хозяйства, то они отстают в этом от русского крестьянина. Занимаются они главным образом земледелием, однако многие предпочитают торговлю, к которой имеют большую склонность. Занимаются они и торговлей лошадьми, но часто и конокрадством.

Мордва. Из всех народностей, населяющих Оренбургскую губернию, они больше всего похожи на русских крестьян как по обычаям, так и по ведению сельского хозяйства и скотоводства. Однако они менее опрятны и не так набожны. Их основные качества — прилежание и честность, но вместе с тем и некоторая неуклюжесть во всех делах. По численности это не очень большой народ; они распылены по губернии, проживая частично в обособленных деревнях, частично вместе с русскими.

Калмыки, живущие в губернии, причисляются к оренбургским и уральским казакам. Мало кто из них ведет оседлую жизнь; большинство еще кочует с 15 мая по 15 сентября вблизи деревень и станиц. Кроме службы они занимаются земледелием и скотоводством, предпочитая последнее.

Они большие знатоки иррегулярной кавалерийской службы, ловки, проворны, проницательны, отличаются осторожностью и четкостью выполнения приказов; они общительны и мягки, обладают живым характером, услужливы, верны и очень преданны тем, кто стремится завоевать их расположение.

Некоторые замечания о положении жителей Оренбургской губернии.

Эти обширные земли отличаются друг от друга климатическими условиями, рельефом поверхности и плодородием почв. Это разнообразие оказывает значительное влияние на жителей и их благосостояние. Жители северных районов (округов) губернии — Мензелинска, Бирска, Уфы, части Бугульмы, Троицка и Челябы,— обладающих изобилием плодородных почв и лесов, имеют то преимущество, что могут сбывать свою сельскохозяйственную продукцию на Каме и Волге, а также на многочисленных чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных заводах. Кроме того, тамошние реки и множество озер выгодны для рыболовства, а в лесах водится много дичи.

Что касается средней зоны, в которую входят районы Стерлитамака, Бугуруслана, Белебея и другая часть Бугульмы, то и здесь плодородные земли дают богатые урожаи. Однако лесов тут меньше, а поскольку сбыт продуктов сельского хозяйства затруднен из-за плохих дорог, население не так зажиточно, как в северной зоне. Степные районы южной зоны (Бузулук и Оренбург) представляют собой обширные волнообразные равнины, перерезанные холмами. Здесь собирают богатые урожаи зерновых, а также бахчевых культур — арбузов; кроме того, широкие степи уральских казаков очень выгодны для скотоводства. Казаки, как уже упоминалось выше, занимаются рыбной ловлей в Урале и Каспийском море.

Зерно, выращиваемое в этих районах, находит сбыт на берегах реки Сакмары, откуда его доставляют на Волгу. Покупает зерно и корона для содержания дислоцированных здесь войск. Наконец, зерно, особенно муку, обменивают на овец и лошадей киргизы. Поэтому все жители этого района состоятельны, особенно уральские казаки. Оренбургские казаки также обменивают свое зерно и муку вдоль линии на овец, лошадей и изделия киргизского ремесла, например на войлок, верблюжью шерсть, мех степных лисиц и т. д. Башкиры и другие племена беднее, чем русские крестьяне, потому что они, несмотря на плодородие почв, не так трудолюбивы, как последние; башкиры также непривычны к оседлой жизни. Со временем их положение должно значительно улучшиться, так как правительство делает все, чтобы поднять среди этих мусульманских племен сельское хозяйство и промышленность.

В начале 1848 г. население 12 районов (округов) Оренбургской губернии (за исключением земель, которые занимали оренбургские и уральские казаки) составляло 1 706 837 душ, из которых 864 388 были мужского и 842 449 — женского пола.

Площадь Оренбургской губернии была равна 282 551 квадратной версте (включая район расселения оренбургских казаков вдоль правого берега реки Урал).

Пространство между старой и новой линией	36 565	квадратных	верст
Район расселения уральских казаков	57 680	»	»
Степь Внутренней (Букеевской) орды	56 896	»	»
Земли в Пермской и Вятской губерниях	8 630	»	.
Всего	442 322	квадратные	версты

Примечание. Теперь эти земли разделены на три губернии, а именно:

Уфа	1 297 577	жителей
Оренбург (включая оренбургских и уральских казаков)	840 704	»
Самара	1 743 422	»
Всего	3 881 703	жителей

(По последним сообщениям [1870 г.] Центрального статистического комитета министерства внутренних дел.)

Степные районы

Необъятные степи, простирающиеся по ту сторону реки Урал до Каспийского моря, Аральского моря и Яксарта, а также те, которые находятся между рекой Урал и Волгой, населены киргизской ордой, которая делится на племена и множество мелких племенных единиц. С незапамятных времен киргизы ведут кочевую жизнь и занимаются в основном скотоводством. Каждое такое племя и его ветви имеют свои летние и зимние пастбища. Зиму они проводят большей частью в южных степных районах, между песчаных холмов Каракумов, в густом камыше вдоль рек Сырдарья и Куандарья, а также в Больших и Малых Барсуках (также песчаных холмах). Весной вся степь приходит в движение. Племена и их ветви со стадами, маленькими и большими юртами (джуламейками и кибитками), которые разбираются и навьючиваются на верблюдов, женщинами, детьми и домашним скарбом медленно, упорядоченными дневными переходами кочуют на север, ближе и ближе к Оренбургской и Сибирской линиям (границам). Каждая племенная группа имеет свои определенные пастбища, которые меняет по мере стравливания скотом.

Из-за обладания этими пастбищами раньше, да еще и теперь, возникали ссоры и даже кровная вражда, которая на-

зывается у киргизов барантой. С наступлением осени все снова возвращаются на юг, на зимние пастбища, за исключением племенных групп, которые косят на зиму сено для скота вдоль линии, вблизи которой зимуют.

Степи оренбургских киргизов или малых кочующих племен делятся на две части. Киргизы, которые кочуют между Уралом и Волгой, называются Внутренней (Букеевской) ордой. Свое теперешнее местожительство они избрали лишь в 1801 г., когда сын хана киргизской орды Нурали-Султан Букей, чтобы избежать постоянных распрей (баранты) по ту сторону Урала, перешел тогда с позволения императора Павла Урал с 5 тыс. кибиток и 22 775 душами, а также с 2 млн. голов скота. Внутренняя орда во главе с султаном находилась под верховным надзором оренбургского военного губернатора, а после смерти хана Джангир-Букея она перешла в ведение министерства внутренних дел.

К 40-м годам нынешнего столетия население Букеевской орды увеличилось до 80 тыс. человек обоего пола. По тогдашним статистическим данным, у них насчитывалось 65 тыс. верблюдов, 300 тыс. лошадей, 200 тыс. голов крупного рогатого скота и 1500 тыс. овец. Количество юрт выросло до 20 тыс.

Населяемая ими степь между рекой Уралом и Волгой охватывает площадь приблизительно в 57 тыс. квадратных верст, из которых 36 тыс. занимают пастбища, более или менее пригодные для кочевки; остальные 21 тыс. квадратных верст составляют песчаные холмы, солончаки или соляные болота (хаки).

Через степи с северо-северо-запада на северо-северо-восток протекают две реки — Большой и Малый Узень,— которые впадают в Камыш-Самарские озера; длина последних составляет 40, ширина — 70 верст; берега густо заросли камышом. Вдоль берегов обоих Узеней имеется около 40 тыс. десятин лугов и пастбищ. Букеевская степь занимает территорию в 7 млн. десятин, т. е. по 550 десятин на каждую юрту (кибитку) или по $3^3/_{10}$ десятины на каждую голову скота. Если же учитывать только пастбища — без песчаных земель и песчаных холмов, между которыми часто имеются хорошие выгоны, то на каждую юрту приходится по 435 десятин, а на каждую голову скота — около 3 десятин.

Посреди этого степного пространства тянутся песчаные холмы, которые носят название Рын-пески. Раньше тут жил покойный хан Джангир-Букей, а теперь располагается нынешняя администрация. Всего здесь 50 домов; в них проживают русские и армянские купцы, занимающиеся меновой торговлей с киргизами.

Несмотря на то что до смерти хана Джангира Внутренняя орда не платила правительству налога, она ежегодно по-

ставляла 350 тыс. голов скота, который киргизы обменивали у русских купцов на товары или золото.

Район по ту сторону реки Урал, населяемый кочевыми киргизами Малой (Оренбургской) орды, простирается в ширину от параллели Ново-Петровского укрепления на полуострове Мангышлак до Оренбургской линии вдоль реки Уй, от 44° до 54½° северной широты на 1 тыс. верст. В длину он достигает 1,5 тыс. верст — от предгорий Тюб-Карагана до гор Улутау, т. е. от 67°40′ до 84° (от Феррского меридиана). Территория, населяемая этой ордой, составляет 850 тыс. кв. верст, или 17 347 геогр. кв. миль, что почти в три раза превышает по площади Европейскую Турцию (6500 геогр. кв. миль), более чем в три раза — Итальянское королевство с Римом (5376 геогр. кв. миль) или Великобританию с Ирландией (5732 геогр. кв. мили).

Эта степь пересечена с севера на юг ответвлением Уральского хребта, а именно Мугоджарскими горами, которые тянутся до Устюрта — плато, находящегося на 640 футов над уровнем Каспийского моря и обрывающегося крутыми склонами, называемыми Чинк, в сторону степи, а также в Каспийское и Аральское моря. Самая высокая вершина Мугоджарских гор называется Айрук. Она поднимается примерно на 1000 футов над уровнем моря, а боковые ответвления этих невысоких гор теряются в степи на востоке и западе. Степь то совсем ровная, то волнообразная, с бесконечно длинными, мало понижающимися склонами. Лес растет лишь на небольших участках, а именно в северной части степи. Например, лесные массивы Аман-Карагай (между рекой Тобол и озером Убаган-Денгиз), Джабык-Карагай (между старой и новой линиями), Наурзум-Карагай (в 180 верстах севернее Оренбургского укрепления), на реке Тургай и другие менее значительные. В средней и южной частях степи леса вообще нет, и, чем южнее, тем меньше лугов и травянистых почв, которые постепенно переходят в солончаки, соляные болота (хаки) и пески (кум). Степных рек много, но они несудоходны. Маленькие речки являются в основном притоками более крупных. Последние, исключая Илек, впадающий в Урал, теряются в озерах или песке и камыше; даже главная река, Эмба, не достигает Каспийского моря, а теряется в густом, высоком камыше, который покрывает северное побережье вышеупомянутого моря. Другие летом почти совсем пересыхают или образуют маленькие, очень богатые рыбой озера, редко связанные друг с другом. Весной, во время таяния снега, они вздуваются и становятся непроходимыми, но высокая вода держится недолго.

С приходом весны киргизы выжигают в степи некоторые районы, чтобы уничтожить прошлогоднюю густую и жесткую траву и очистить таким образом площадь для молодой по-

росли. Такой степной пожар представляет собой, особенно ночью, величественное зрелище. Для распространения пожара в нужном направлении используют постоянный ветер, и степь горит до тех пор, пока огонь имеет пищу. Так как при здешнем континентальном климате переход от зимы к весне резкий, степь сразу же покрывается густой, пышной растительностью, особенно ковылем (Stipa pennata), нитевидной острой травой; там, где растет эта трава, почва пригодна для хлебопашества. Неповторимый, нарядный вид придают степи миллионы тюльпанов и другие полевые цветы. Это великолепное зрелище. Свежий, прохладный степной воздух напоен их ароматом. Однако часто уже в июне раскаленное солнце выжигает траву, и она сохраняет свою свежесть лишь в долинах рек или вокруг озер. Поскольку степной климат подвержен большим колебаниям, летом жара достигает в степи 35° по Реомюру и более, в то время как зимой термометр показывает до 35° ниже нуля. Если снег в степи неглубокий, то скот киргизов, пасущийся круглый год на свободе, достает себе скудную пищу из-под снега, разгребая его копытами; естественно, зимой скот сильно тощает. Если, однако, к несчастью, наступит оттепель, а затем снова ударит мороз и образуется корка льда, а овцы, крупный рогатый скот и даже лошади не в состоянии пробить ее, тогда для кочевых киргизов наступает страшное бедствие, так как от голода и изнурения погибают тысячи овец и другой скот. Кроме того, зимой следует опасаться и сильных снежных бурь, называемых здесь буранами, которые иногда длятся трое суток. Пасущийся на свободе скот, застигнутый бураном, большей частью погибает, так как овцы, крупный рогатый скот и лошади мчатся как бешеные по степи, гонимые бурей, до тех пор, пока не падают замертво или не срываются в ущелья, где погибают под снегом. Из-за таких бедствий киргизы иногда теряли в течение одной зимы десятки и сотни тысяч овец и другого скота.

Что касается населения, то в Зауральской степи в 1847 г. насчитывалось приблизительно 100 тыс. юрт, и если, как обычно, считать пять душ на одну юрту, то Малая орда насчитывала 500 тыс. душ обоего пола. С 1837 г. правительство стало облагать киргизов небольшим налогом за ту защиту, которую оно им оказывает, а именно по $1\frac{1}{2}$ серебряных рубля или по овце с юрты. Этот налог со временем был распространен на все племена Малой орды. Уже в 1846 г. он принес 100 тыс. рублей дохода и с тех пор значительно приумножился. Налог платят и те киргизы, которые летом переходят линию, чтобы наняться в работники к уральским и оренбургским казакам. За выдачу письменного разрешения они платят 15 копеек серебром, что уже в 1847 г. принесло короне 15 тыс. серебряных рублей.

Это поверхностное описание Киргизской степи может дать о ней некоторое представление. В ходе моих дальнейших поездок в степь будут приведены другие подробности об этом интересном районе.

Теперь снова вернемся к моим воспоминаниям.

Сразу же по приезде в Оренбург, 18 января 1841 г., я представился нашему начальнику штаба генералу Рокассовскому, которого не видел восемь лет. Он был настолько любезен, что заранее отдал распоряжение снять для меня дом из шести комнат, кухни, конюшни и кладовой. В доме, к сожалению, совсем не было мебели, и я потом приобретал ее постепенно, не без труда, так что первое время я был вынужден жить как на биваке. Оренбург был тогда (и еще теперь является) настоящим военным городом; в нем располагались все власти, и так как бóльшая часть жителей этого края состояла из казаков или башкир, несущих военную службу, то здесь было полным-полно офицеров всех чинов — настоящий парад мундиров. Линейная пехота, пешая и конная казачья артиллерия, оренбургские и уральские казаки, башкиры и киргизы — все они были представлены здесь. В Оренбурге находилось и много гвардейских офицеров из Петербурга, которые служили под началом военного губернатора генерал-адъютанта Перовского, собравшего возле себя блестящий круг образованных военных и гражданских чиновников, так что жизнь протекала тут очень интересно и отдаленность от столицы не ощущалась.

Сам город, большей частью деревянный и одноэтажный, насчитывал тогда с тремя предместьями 18 тыс. жителей (в 1871 г. уже около 33 тыс.). Городские стены служили местом общественного гулянья. Улицы, за исключением одной, были немощеные, но, так как почва состояла из твердого песка, в дождливую погоду грязи было мало. Тогда отсутствовали фиакры или извозчики, и каждый был вынужден держать собственный экипаж и лошадей.

Тем не менее жизнь была тогда там очень дешевой, хотя жители сетовали на то, что со времени Хивинской экспедиции 1839/40 г. подорожали все продукты и поднялись в цене дома. В первые годы моего пребывания в Оренбурге за воз сена платили от 1 рубля 40 копеек до 2 рублей ассигнациями (от 40 до 60 копеек серебром), за мешок овса весом $5\frac{1}{2}$ пудов — от 3 до $3\frac{1}{2}$ рубля ассигнациями (75—100 копеек серебром), фунт говядины стоил $2\frac{1}{2}$—3 копейки серебром, баранины — 1—$1\frac{1}{2}$ копейки серебром, пара рябчиков — 9—12 копеек серебром, фунт хлеба $\frac{3}{4}$ копейки серебром, причем жители совсем не ели ржаного хлеба, а только хороший пшеничный хлеб, называемый здесь калачом. Горничная полу-

чала 2 рубля, повар — 4—5 рублей и кучер — 5—6 рублей серебром ежемесячно. За дом из шести-семи комнат, конюшни, амбара, прачечной, ванной, ледника и кладовой я платил в год 600 рублей ассигнациями, или 170 рублей серебром, а когда я позже переехал в больший дом с маленьким садом, я платил 720 рублей ассигнациями, или свыше 200 серебряных рублей ежегодно. Однако с тех пор, как и везде, стоимость продуктов питания, а также цены на жилье утроились и учетверились.

В центре города находится большой каменный рынок с многочисленными лавками как для здешних купцов и мелких лавочников, так и для бухарских и хивинских, которые ежегодно приводили большие караваны. Сам город расположен на высоком, правом берегу Урала в степи; на левом, низменном берегу реки находится небольшой лесок, в котором растут береза, ива и ольха и который почти каждую весну затопляется разлившимся Уралом; летом он служит жителям местом гулянья и отдыха.

В полутора верстах к югу от города, на левом берегу Урала, находится большой меновой двор, огромный параллелограмм из камня, с двумя входами (на юг и север), внутри которого помещаются сотни маленьких каменных лавок. В просторном дворе стоит большая греческая церковь, а также дома для таможенников и надзирателей. Поскольку здесь ежегодно меняют у киргизов тысячи овец, в меновом дворе сооружено из дерева несколько низких вместительных загонов треугольной формы с открытым основанием и узким проходом в вершине, чтобы выпускать овец по одной и тем самым определять их число. В западной части города, в степи, находится большой караван-сарай предназначенный для башкир, с роскошной мечетью и с высоким изящным минаретом, выложенным снаружи белыми изразцами, которые выглядят очень красиво. Недалеко от караван-сарая расположен большой госпиталь с пристройками, а также большой тенистый сад, принадлежащий военному губернатору; к нему из города ведет ивовая аллея, большинство деревьев на которой засохли от жары и песчаной почвы.

Так как все рода войск были представлены их начальниками, большей частью генералами, я нанес им свои служебные визиты; затем я посетил генерала фон Генца, начальника пограничной комиссии, т. е. Киргизского управления, затем доктора Карла фон Розенбергера и фон Даля[65], своих старых знакомых. С тремя последними я преимущественно и общался. Как упоминалось выше, жизнь в Оренбурге была тогда очень оживленной. В зимние месяцы обычно в течение недели собирались каждый вечер в одном определенном доме. Здесь обменивались новостями, музицировали, молодежь танцевала, пожилые господа и дамы играли в карты.

Поскольку генерал находился еще в Петербурге, я использовал свое свободное время для того, чтобы привести в порядок материалы о Персии и переписать их первую часть набело. Вечера я большей частью проводил у генерала Генца, у Розенбергера и Даля, где устраивались литературные вечера, а не карточные игры.

На улицах лежал еще глубокий и плотный снег, и здесь я в первый раз пережил несколько снежных бурь (буранов), которые неистовствуют в этих степных краях. Случалось, что люди, шедшие пешком из предместья в крепость (расстояние в 150 саженей), сбивались в такую снежную бурю с дороги, не видя далее десяти шагов, и замерзали. Мне рассказывали о страшном холоде и глубоком снеге в степи во время Хивинской экспедиции зимой 1839/40 г.; о лишениях, которые вытерпел русский солдат; о том, как от изнеможения пали тысячи верблюдов, а войска из-за глубокого снега не могли продвигаться вперед, потому что не хватало транспортных средств. Только русский солдат в состоянии выдержать такие бедствия и мороз в 30° и более. Несмотря на то что экспедиция закончилась неудачей, она все же возымела полезное действие: хивинский хан освободил всех русских пленных и доставил их на русскую границу. Кроме того, он направил в Петербург посланника с целью убедить наше правительство в своем дружественном расположении и дать заверения в том, что в будущем он больше не станет брать русских в плен; он желал также наладить торговые связи. Одновременно отправил в Петербург посольство эмир бухарский. Оба посольства были милостиво приняты и получили богатые подарки. В качестве ответного шага предполагалось послать в Бухару и Хиву русских представителей. В Хиву был послан капитан Генерального штаба Никифоров, а в Бухару — подполковник Бутенев от горного корпуса. Никифоров и Бутенев должны были сопровождать бухарских и хивинских посланников из Петербурга в Оренбург и оттуда в Хиву и Бухару [66].

19 марта 1841 г. в Оренбург вернулся генерал-адъютант Перовский. Так как этот замечательный человек и командир сыграл в моей жизни большую роль, я хотел бы здесь привести некоторые подробности его богатой событиями жизни. Василий Алексеевич Перовский, получивший впоследствии графский титул, рано поступил на военную службу. Будучи молодым офицером, он при вступлении французов в Москву в 1812 г. был предательским образом пленен, вынужден был пешком двигаться во Францию, по дороге отморозил руки, так что пришлось отнять сустав одного пальца (позже он был заменен золотым*). После освободительной войны он

* Он носил на этом пальце золотой наперсток.

стал первым адъютантом великого князя Николая (позднее его величества императора Николая), который с тех пор оказывал ему большое доверие и благоволил к нему. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. он принимал участие в осаде Анапы, затем некоторое время руководил осадой Варны и получил ранение в грудь, которое сделало невозможным его дальнейшее участие в этой войне.

После восшествия на престол императора Николая он был возведен в чин генерал-адъютанта, а когда в Оренбурге в 1832 г. неожиданно после двухлетнего пребывания в должности генерал-губернатора скончался граф Павел Сухтелен, Василий Перовский стал его преемником. Начальником своего штаба он назначил моего кавказского друга и спутника многих путешествий Платона Рокассовского.

Новый генерал-губернатор имел многочисленный штаб, составленный из образованных военных и гражданских чиновников, и первый срок его губернаторства в этом крае — с 1832 по 1842 г.— считался золотым веком Оренбурга. Свободно распоряжаясь значительными денежными средствами, генерал Перовский много делал для развития края и города; он, например, построил для башкир вышеупомянутый караван-сарай, а также соорудил грандиозное здание Дворянского собрания; автором обоих проектов был знаменитый в то время архитектор Александр Брюллов[67]. Так как жара летом в Оренбурге почти нестерпимая, то он каждое лето уезжал на кочевку (выражение, взятое из жизни кочевых башкир и киргизов). Вскоре после своего приезда он выбрал в живописном гористом районе Башкирии, богатом лесом и водой, в 80—100 верстах от Оренбурга, место для летней резиденции (кочевки); здесь он приказал построить для себя и своей многочисленной свиты дюжину коттеджей и постоянно приглашал к себе гостей обоего пола, которых как щедрый и любезный хозяин прекрасно принимал. Ежедневно совершались поездки или прогулки верхом по великолепным окрестностям кочевки, часто устраивались фейерверки, скачки башкир и другие увеселения; мы очень приятно проводили там время. Губернатор не был женат и находился в расцвете сил, а потому не удивительно, что он имел множество поклонниц и пленил немало сердец. В течение долгой зимы, как упоминалось выше, ежедневно устраивались танцевальные вечера; кроме того, генерал-губернатор ежегодно давал один или несколько балов, для которых он как галантный кавалер выписывал дамам из Петербурга бальные платья и часто дарил им дорогие украшения.

Сразу после его приезда в Оренбург я имел с ним личную встречу. Он принял меня очень дружелюбно, расспросил о моем пребывании в Персии, об осаде Герата и пр. Наконец, речь зашла о смерти несчастного Виткевича, который

до 1837 г. был адъютантом у В. Перовского. Я рассказал ему изложенные в седьмой книге * данные о деятельности и смерти молодого человека, и Перовский никак не мог взять в толк, что толкнуло его на этот крайний шаг; я сказал, что, по моему мнению, это случилось из-за болезненного самолюбия Виткевича. Затем Перовский сообщил мне, что я буду находиться в его распоряжении, после чего я удалился.

В это время в Оренбург съехались представители обоих посольств, которые были назначены следовать в Хиву и Бухару. Я познакомился с ними, и мы часто виделись у генерала фон Генца, который помогал им добрым советом как председатель пограничной комиссии. Между тем наступила пасха, и я впервые праздновал ее в провинциальном городе. К полуночи в соборе собрались все военные и гражданские чиновники; после утренней службы мы отправились на квартиру генерал-губернатора, где нас ждал великолепный завтрак с шампанским, завершивший семинедельный пост. Пасхальное воскресенье было использовано для визитов. Мы ехали по грязным улицам, и казалось, что этому не будет конца. В то время (да и теперь еще), особенно в провинции, существовала священная обязанность наносить в этот день визиты всем знакомым, преимущественно начальникам. Везде, куда бы мы ни приезжали, был богато накрытый стол: тут были жаркое, яйца, пироги и всякие лакомства, и повсюду любезно приглашали чего-нибудь откушать.

Снег сошел, однако я был поражен тем, что на здешних улицах на солнечной стороне он таял и появлялась пыль, в то время как на северной стороне около домов еще лежали высокие снежные сугробы. Урал освободился от ледяного покрова. Вода прибывала так быстро, что совсем затопила небольшой лес на левом берегу и разлилась почти до большого менового двора в степи, но скоро она пошла на убыль, и к 1 мая был восстановлен мост, перекинутый на левый берег. Жители Оренбурга в этот день обычно совершали поездку к расположенной в 5 верстах западнее города возвышенности, называемой Маяк, которая находилась недалеко от впадения Сакмары в Урал; там пили чай, гуляли по близлежащему лесу. В этом месте всегда собиралось много публики всех рангов.

Тем временем я закончил первую часть моего описания Персии и представил ее генерал-адъютанту Перовскому. Он был настолько добр, что позднее переслал ее тогдашнему военному министру, моему покровителю графу Чернышеву. В первых числах мая я был официально извещен о том, что назначен командиром подразделения, которое должно было сопровождать обоих посланников ** по Киргизской степи до

* В нашем издании — глава IV.

** Бухарского и хивинского вместе с Никифоровым и Бутеневым.

Сырдарьи. Для меня началась активная жизнь. В Оренбурге был набран отряд из 400 уральских казаков, который пока расположился на вышеупомянутом Маяке, так как трава в степи была слишком низкая и молодая, чтобы уже теперь выступать в поход. Кроме того, в Оренбургском гарнизоне была отобрана пехотная рота (160 человек); ей были приданы четыре 3-фунтовых орудия с прислугой. Наконец, для перевозки пятимесячного запаса провианта, кибиток и багажа была выделена тысяча верблюдов, остаток тех 12 тыс. голов, которые участвовали в Хивинской экспедиции. Продукты питания состояли из черных сухарей, упакованных в прямоугольные ящики из древесной коры, из овса, крупы, муки в двойных мешках, из множества шестиведерных бочонков с крепкой водкой (esprit-de-vin*), а также из уксуса, табака, соли, перца и т. д. Чтобы совершить длительный переход по бескрайней степи, с собой нужно было везти буквально все. Мы захватили сотню легких деревянных корыт, чтобы поить лошадей, верблюдов и убойный скот (150 голов) из колодцев пустыни Каракум; приобрели множество войлочных одеял для кибиток и джуламеек, лопат, мотыг, металлических ведер, веревок; у нас была полевая кузница с необходимым количеством древесного угля и другое снаряжение. В то время такая военная колонна рассматривалась как кочевая колония, которая везла с собой все необходимое, даже мелочи.

Назначенные в экспедицию офицеры получили вперед полугодовое жалованье; это дало им возможность приобрести измерительные приборы, а также обеспечить себя одеждой и всем необходимым на четыре-пять месяцев. Мне генерал-адъютант Перовский выдал на эти цели тысячу рублей серебром. Сверх того я еще получил крупную сумму денег, чтобы во время экспедиции оплачивать обеды офицерам и ежемесячно выдавать жалованье многочисленным погонщикам верблюдов, проводникам, почтовым курьерам (исключительно киргизы) и на другие потребности. Кроме того, из фондов пограничной комиссии мне было выдано множество подарков для киргизских старейшин, султанов, баев, проводников и т. д. Это были ткани для парадной одежды (кафтанов) разных расцветок, золотые и серебряные шнуры для их окантовки, киргизские табакерки в форме рогов-пороховниц с серебряным окладом, а также вещи, предназначенные для прекрасного пола,— плюш разных расцветок, различного вида носовые и головные платки, гребенки, маленькие зеркала, иглы для шитья, булавки, ножницы, ножи; наконец, нюхательный табак, который киргизы очень любят, хлопчатобумажные ткани для рубашек и штанов, серебряные кольца, бисер и другие вещи.

* Винный спирт (фр.).

18/30 мая 1841 г., в воскресенье, на троицу, на левом берегу Урала военный отряд был построен в большое каре, в центре которого поставили полевой алтарь. В полдень состоялось богослужение. Священник со служкой шел вдоль рядов и, по русскому обычаю, кропил святой водой солдат и казаков, которые при этом осеняли себя крестным знамением. Затем я дал знак барабанщикам, и началось прохождение пехоты перед начальником нашего штаба генералом Рокассовским; за пехотой с громким пением под звуки тамбурина и треугольника следовали уральские казаки, далее четыре пушки и, наконец, караван из тысячи верблюдов с грузом по 14 пудов на каждом.

Я сердечно попрощался со своей молодой женой, которая была тогда на пятом месяце беременности, и поскакал вслед отряду. Она стойко держалась во время прощания, но когда я скрылся в облаке пыли, упала в обморок. Ее осторожно посадили в экипаж. Обо всем этом я узнал много позднее.

Колонна двигалась вверх вдоль Урала. Мы прошли только 5 верст и расположились на ночлег на берегу реки. Это была первая ночь, которую я провел в кибитке. Я с болью думал о своей молодой жене, которая осталась одна на долгие месяцы в еще мало знакомом ей городе. Грустные мысли бродили в голове, и лишь раздавшиеся на рассвете звуки барабана, игравшего зорю, вернули меня к действительности.

19-го утром было очень холодно, в 4 часа термометр показывал лишь 5° по Реомюру. Прошло много времени, пока была нагружена тысяча верблюдов, так как люди должны были сначала приобрести в этом навык. Мы двигались на восток по волнистой, глубоко изрезанной оврагами равнине до Бердянска, казачьего поста на Бердянке, степной речушке, впадающей в Урал. В дороге мы попали под сильный дождь, и в полдень термометр показывал $7\frac{1}{2}$°. Ночью также шел сильный дождь, было холодно, и на рассвете температура упала до $2\frac{1}{2}$°. Пошел снег. По степи гулял ледяной ветер. Отряд прошел 21 версту и расположился лагерем у поста Ханский. Рядом возвышался холм, на вершине которого я, к своему удивлению, обнаружил много ракушечника.

В ночь на 21-е в лужах замерзла вода. Мы снова двигались на юг, миновали посты Озерный и Прохладный и расположились лагерем у казачьего поста Полукуралинский, пройдя за день $25\frac{2}{3}$ версты. Погода была ужасная. Неистовствовала снежная буря вперемешку с дождем, и я вынужден был отдать распоряжение, чтобы в мою кибитку поставили маленькую железную печку. Ночью был только 1° по Реомюру, а между тем календарь показывал 21 мая/2 июня. Таков степной климат.

22-го я устроил дневку, чтобы подождать бухарскую и хивинскую миссии, члены которых постепенно присоединялись к нам. Сами бухарцы и хивинцы прибыли в наш лагерь лишь 23-го и 24-го. Между тем снова установилась теплая погода. Термометр показывал 17° в тени. В Киргизскую степь был выслан вперед отряд из 50 уральских казаков во главе с офицером. Отряд расположился у так называемого Караван-озера.

23-го я отправил на это озеро поручика Емельянова от топографического корпуса в сопровождении уральских казаков, чтобы определить места съемки, которая должна была начаться на следующий день, так как мы намеревались теперь перейти пограничную линию и углубиться в собственно киргизские степи. Вечером он вернулся и рассказал, что в степи все спокойно и что им не встретилась ни одна живая душа. Во время отдыха я произвел осмотр провианта, верблюдов, лошадей, быков и овец.

24-го с соблюдением всех военных предосторожностей колонна перешла так называемую Илецкую линию. Такая предосторожность не была излишней, ибо мы могли столкнуться с киргизами-разбойниками. И действительно, вскоре они нам встретились. Чтобы снять на местности путь нашей колонны, вперед и немного в сторону от него были посланы с эскортом казаков поручик Алексеев от топографического корпуса и несколько топографов. Вскоре они скрылись из виду за небольшой волнообразной возвышенностью. Едва мы прошли несколько верст по степи, как услышали далекую стрельбу, и через некоторое время к нам на взмыленном коне подскакал казак, который сообщил, что на наших топографов напала, чтобы завладеть их лошадьми, толпа более чем из 100 киргизов (барантовщики, т. е. разбойники, занимающиеся угоном скота). Поскольку топографы занимались в тот момент съемкой, т. е. были пешими, разбойникам удалось захватить их лошадей. Во время этой стычки они ранили нескольких казаков и самого Алексеева, разбили и увезли с собой его измерительный стол. В погоню за разбойниками была тотчас же отправлена сотня казаков во главе с опытным офицером. Однако догнать их было невозможно, потому что, по киргизскому обычаю, каждый из них уводил с собой под уздцы только одну лошадь для подмены и, естественно, быстро исчезал в степи.

Тем временем раненых доставили в лагерь. Поручик Алексеев получил огнестрельное ранение в икру, казаки были ранены пиками. Всех их немедленно отправили на пограничную линию, а оттуда — в Оренбург. Это была единственная в ходе всей экспедиции стычка с киргизами-разбойниками; последние не имели представления о том, что во время их нападения на топографов совсем рядом находился военный отряд,

насчитывавший 570 человек. Вся эта история была лишь несчастным случаем.

25 мая (в воскресенье) отряд оставался на Караван-озере. Было очень жарко: в 2 часа дня термометр показывал в тени 23°. 26-го двинулись дальше по холмистой местности, перешли притоки Илека — Жаксы Карабутак и Жаман Карабутак — и 28-го подошли к самому Илеку. 29-го переправились через него вброд и расположились лагерем в урочище Тенгри-Берген, где росла группа деревьев и кустарник. До этого места на правом берегу Илека доходят последние отроги Губерлинских гор. Пастбища в целом были отличные; жара смягчалась легким ветерком. 30-го мы двигались вверх вдоль левого берега Илека и прошли 28 верст до Женичке. Степь и здесь представляла собой холмистую местность, изрезанную широкими ложбинами, а сами холмы имели очень пологие широкие склоны. Их вершины часто украшали киргизские могилы. Здесь также росли группы деревьев и кустарник. Термометр показывал 25° в тени.

1 июня наш путь пролегал по волнистой степи, которая постепенно поднималась. Мы перешли ручей Батбакты и после короткого перехода в $18\frac{1}{2}$ версты расположились в урочище Бестамак (Пять устьев, потому что здесь сливаются пять речек, которые образуют Илек).

Эта местность и плоскогорье известны по всей степи своими замечательными пастбищами и запасами воды. Здесь обычно на несколько дней останавливаются караваны, следующие из Хивы и Бухары. Мы тоже сделали здесь однодневную остановку. Температура воздуха была 23° в тени.

Здесь я сделаю отступление и расскажу о том, как совершил свой степной переход с довольно большим отрядом и множеством верблюдов. Еще на Кавказе, а позднее в Персии я понял, что для здоровья солдат целесообразно в жаркое время года не совершать утомительных дневных маршей и, кроме того, не придерживаться слишком суровой дисциплины. Несмотря на то что дивизионный генерал генерал-лейтенант Т., командовавший частью, а позднее всем Хивинским военным отрядом, дал мне перед выступлением множество советов, как надо передвигаться в степи, чтобы не погубить людей и верблюдов, я все же следовал своей собственной методе и чувствовал себя прекрасно.

Как упоминалось выше, первые переходы из Оренбурга до Куралинской линии сопровождались задержками, потому что казаки и солдаты еще не умели быстро устанавливать кибитки и джуламейки и, что самое важное, нагружать верблюдов. Почти каждое утро я вынужден был ждать $1\frac{1}{2}$ часа, пока навьючат тысячу верблюдов, прежде чем отряд

мог двинуться в путь. К тому же казачьи лошади должны были привыкнуть к частому барабанному бою в лагере, чтобы не пугаться неожиданного шума, особенно по ночам, когда их ставили в центре лагеря, в два ряда, голова к голове, и привязывали к веревкам, прикрепленным к кольцам, которые надевались на вбитые в землю толстые колья. Чтобы лошадь не оторвалась и не убежала, ей связывали ремнем переднюю правую и заднюю левую ноги, но так, чтобы она могла двигаться. Каждый казак, как и все, кто имел лошадей, в том числе наши киргизы, были снабжены такими путами.

К табунам, пасущимся в степи, и к русским лагерям киргизские конокрады подкрадываются чаще всего темными ночами. Спешившись или оставаясь в седле, они высекают кресалом огонь. Разлетаясь, искры пугают лошадей, и животные убегают. Грабитель быстро пристраивается в голове табуна и уводит его за собой в степь, а ты остаешься с носом, потому что не имеешь возможности, особенно ночью, организовать преследование и догнать его.

Киргизы так угнали уже сотни лошадей. Подобный метод они применяют и в отношении друг друга во время баранты (или разбойничьих набегов) одного племени против другого. Все богатство этого кочевого народа составляет скот, прежде всего лошади, часть которых при угоне у вражеского племени съедают. Поэтому следствием многолетних междоусобиц явилось всеобщее обнищание народа, и только благодаря энергичным действиям и вмешательству русского правительства был положен конец обоюдной баранте. Вот уже 25 лет в степи совсем тихо, и кочевники снова богаты скотом. Об этом можно судить хотя бы по тому, что ежегодно пригоняют на пограничную линию 500 тыс. овец для продажи или обмена на муку, юфть, железные котлы, кувшины, треноги, хлопчатобумажные ткани и т. д.

После того как люди приобрели навык в погрузке и разгрузке верблюдов и стали соблюдать порядок следования на марше, все пошло как по маслу. Каждое утро, на рассвете, т. е. в это время года в $3^1/_2$ часа утра, барабан возвещал общий сбор. С этой целью около моей юрты спал барабанщик. Так как у меня еще с молодости выработалась привычка вставать рано, я был всегда первым в лагере на ногах, смотрел на хронометр и только после этого давал команду барабанщику, чтобы сразу же услышать ответ: «Слушаюсь», и барабан возвещал общий сбор. Мгновенно лагерь оживал. Снимались и складывались большие и малые юрты, а также войлочные одеяла, и все это готовилось к погрузке. В это время верблюдов, быков и лошадей гнали на водопой. Мои слуги готовили чай. Потом офицеры-топографы, готовые к походу, собирались у меня, чтобы, стоя на открытом возду-

хе, выпить чашку чаю с сухарями. Слуги между тем складывали кровать, стол и табурет и упаковывали их в мафраши (большие мешки из войлока). Теперь я приказывал барабанщикам дать сигнал «к погрузке». Верблюды со своими погонщиками были разбиты на отделения, и каждое отделение должно было за 10 минут навьючить 10 верблюдов. Поскольку у меня, включая погонщиков верблюдов, было 700 человек, погрузка шла быстро. После этого подавался сигнал «сбор». Люди и верблюды строились в ряды. Я садился на коня и ехал сначала к казакам, затем к пехоте, наконец, к артиллерии, желал людям доброго утра, на что они громко отвечали: «Здравия желаем!» Я громко приказывал: «Марш!», и барабанщики играли так называемый полевой марш, после чего вся колонна приходила в движение. Впереди на расстоянии 200—250 саженей от основной колонны двигался конный авангард, состоявший из офицера и 12 казаков, за ним — взвод пехоты, потом три пушки, за ними под охраной следовал мой маленький тарантас, в котором находилась полевая касса, затем другие телеги (всего их было 10—12) с багажом офицеров и, наконец, две санитарные повозки — длинные легкие подводы с войлочным верхом. По обеим сторонам колонны, на расстоянии приблизительно 120 шагов друг от друга, ехали две сотни уральских казаков. За ними следовала колонна навьюченных верблюдов, разделенная на 10 групп. Каждое подразделение состояло из 100 верблюдов по 10 ниток, т. е. один киргиз на коне вел цугом 10 верблюдов; через ноздри верблюдов продевали длинную хлопчатобумажную веревку (бурундук), которая крепилась к седлу впереди идущего или, скорее, переднего верблюда, и таким образом 10 ниток двигались рядом, ведомые 10 киргизами. Если степь была ровная, то рядом всегда шли две колонны из 100 верблюдов, по 10 ниток в каждой; другие нитки следовали в том же порядке. За ними шли ненавьюченные верблюды, которых погоняли верховые киргизы. В полуверсте по обеим сторонам колонны ехали конные патрули, по два человека в каждом, которые следовали один за другим на расстоянии 100—150 шагов. Наконец, колонну замыкал арьергард — взвод пехоты, пушка и 50 казаков во главе с офицером. Арьергард всегда следовал в полуверсте позади колонны и подгонял отставших верблюдов, потому что иногда требовалось поправить груз на каком-либо из животных. Чтобы не задерживать всю нитку, животное отвязывали. Два киргиза-погонщика поправляли груз и затем отправлялись дальше. Таким образом колонна, наподобие большой змеи, двигалась по необозримой степи. Такие переходы в ранние утренние часы при прохладном, освежающем степном воздухе, при чистом, безоблачном небе — одно удовольствие. Однако со временем, когда привыкнешь, они становятся мо-

нотонными, потому что впереди и позади видишь одну только бесконечную степь.

Я не настаивал на соблюдении строгой дисциплины во время степного марша. Все офицеры носили легкую летнюю одежду — белый полотняный или хлопчатобумажный китель, к которому можно было крепить эполеты; они носили еще шарф через плечо. У солдат также были белые кители. От каждой сотни казаков, а также от пехоты и артиллерии ежедневно во время марша отряжались несколько человек, которые собирали в большие мешки высохший верблюжий и лошадиный навоз; его использовали как топливо для приготовления пищи днем и вечером, так как степь была почти совсем безлесная.

Я приучил свое войско проделывать за один переход 25—30 верст, и так как мы выступали из лагеря с восходом солнца, то могли пройти такое большое расстояние до полуденной жары; при этом не утомлялись ни люди, ни лошади и верблюды. Последние благодаря длинным веревкам (бурундукам) могли прямо на ходу щипать траву. Обычно я разбивал дневной лагерь на реке или озере. Если близилось время привала, я скакал вперед, сопровождаемый несколькими киргизами-проводниками и казаками, и выбирал удобное место для лагеря; казаки втыкали затем в землю свои пики, чтобы отметить вехами лагерь. Мне оставалось только поджидать колонну, которая двигалась к лагерю с громким пением в сопровождении тамбуринов и треугольников. Казаки располагались с обеих сторон по краям, пехота и артиллерия занимали фронтальную часть, а штабные юрты и юрты офицеров ставились вдоль берега реки или озера, сзади. Верблюды подходили длинными рядами и ложились по периметру лагеря на расстоянии четырех шагов от его границы. Быстро приступали к разгрузке; освобождали привязные ремни, и груз соскальзывал с обеих сторон верблюда на землю, в то время как животное оставалось лежать. Юрты, малые и большие, развертывались и ставились солдатами в ряд на отведенные для них места вдоль каждой стороны лагеря. Это занятие занимало всего 15—20 минут. Затем по команде «На выгон» погонщики отгоняли верблюдов в степь под охраной особого казачьего прикрытия; здесь животные разбредались на большое расстояние, так как верблюд пасется всегда отдельно от своих собратьев.

По другую сторону лагеря под прикрытием казаков выпускали пастись коней и убойный скот. Каждый хозяин стреноживал свою лошадь при помощи вышеупомянутых пут, мешавших ей бежать, но не ходить. Между тем в лагере устанавливался порядок: забивали несколько голов скота и распределяли мясо среди солдат. Теперь принимались за свое дело повара. На огонь ставили походные котлы; в них

клали мясо, крупу, соль, лук. Вокруг распространялся не слишком приятный запах от раскаленного навоза. В это время те, кто не был занят службой, спали или занимались рыбной ловлей, так как я разрешил взять с собой несколько больших сетей, и иногда солдаты и казаки вытаскивали, ликуя, из небольших степных озер или речек тяжелые сети с жирными карасями или другой рыбой, которая была вкусной прибавкой к еде. В отряде было несколько егерей, и почти ежедневно я получал в качестве прибавки к моему столу пару диких уток, а иногда антилопу (сайгака). Эти красивые животные сотнями пасутся в степи, обычно стадами, но они такие быстрые и пугливые, что редко подпускают к себе егеря. Как часто мы видели вдали такое стадо, летящее с быстротой ветра по степи во главе с самцами, которые мчались впереди большими прыжками!

Обед я обычно откладывал до тех пор, пока из степи не возвращались мои топографы, которые ежедневно производили съемку маршрута по обе стороны от дороги на расстоянии 5—8 верст. В сильную жару это было утомительное занятие. Степь представляла собой, как уже неоднократно упоминалось, большей частью холмистую равнину с пологими склонами. Съемку ориентировали по многочисленным киргизским захоронениям, которые, по тамошнему обычаю, расположены всегда на высшей точке этих пологих склонов (pentes *) и обычно представляют собой срезанные пирамиды из земли или веток высотой 6—8 футов. Каждая такая могила имела свое название, и это были единственные предметы, скрашивавшие монотонность степи.

Вечером, на заходе солнца, в лагерь пригоняли с пастбищ лошадей, быков и верблюдов. У каждого казака за седлом или на спине лошади была привязана большая охапка травы, которую давали животным на ночь. Для заготовки кормов люди снабжались косами и серпами, по одному на пять-шесть человек. Верблюдов заставляли лечь между их вьюками и привязывали веревкой, продевавшейся им в ноздри, к длинному канату. Он тянулся по обеим сторонам вдоль каждого ряда верблюдов и был снабжен на конце кольцами и железными штырями, которые вбивались в землю. Для лошадей в середине лагеря, между двумя кольями, на высоте 3 футов, натягивались параллельно две длинные веревки. Между ними казаки насыпали скошенную траву, а затем привязывали к ним лошадей головами друг к другу. К тому же их стреноживали, чтобы ночью они не могли убежать. Убойный скот ложился на отдых недалеко от лошадей. Тем временем мы устраивали чаепитие, в котором принимали участие мои офицеры-топографы и несколько киргизов-проводников. По-

* Скат, склон, откос (фр.).

следние обычно выпивали по три-четыре большие кружки чаю, довольствуясь при этом одним куском сахара, остаток которого они, согласно обычаю, возвращали. Во время чаепития я расспрашивал проводников: интересовался направлением движения каравана в течение следующего дня, осведомлялся, какие овраги или речки нам предстоит преодолеть, какова почва — степная, песок, солончаки, каково расстояние до завтрашнего ночлега и т. д.

Между тем солнце заходило, и барабанщик давал сигнал отбоя. Затем появлялся офицер, рапортовал, что в колонне все в порядке, получал от меня пароль, расставлял вокруг лагеря посты, и вскоре все погружалось в глубокий сон. Тишина великолепной степной ночи нарушалась лишь перекличкой часовых, храпом лошади или жалобным криком вскочившего верблюда, которого погонщик принуждал снова лечь.

Днем, в жару, солдатам разрешалось идти и стоять на часах в одной рубашке и брюках. Однако строго следили за тем, чтобы ночью каждый был укрыт своей серой суконной шинелью как на посту, так и в юртах, чтобы не простудиться.

Во время дневной жары на привале края войлока, которым покрывали кибитки, загибали по окружности кверху от земли примерно на 2 фута, чтобы свежий степной бриз продувал юрту. В великолепные летние ночи я приказывал снимать войлочные одеяла, покрывавшие верх моей юрты, чтобы не было душно и чтобы можно было любоваться прекрасным звездным небом.

Довольствие и жалованье людей были щедрыми. Каждый солдат, казак и артиллерист получал ежедневно по $1\frac{3}{4}$ фунта сухарей, $\frac{1}{2}$ фунта крупы и $\frac{1}{2}$ фунта свежего мяса; кроме того, три раза в неделю выдавались полчарки водки, пара золотников соли и в тех местах, где вода была плохой, немного уксуса, чтобы смешивать его с водой, а также листовой табак. Офицерам полагался такой же рацион, лишь мяса они получали на $\frac{1}{2}$ фунта больше на человека. Киргизские погонщики верблюдов и проводники получали $1\frac{1}{2}$ фунта крупы и 1 фунт лошадиного мяса на человека; кроме того, первые — 3 рубля, а вторые — 5 рублей серебром жалованья в месяц, которые я каждому регулярно выдавал на руки. Офицеры ежемесячно получали столовые деньги, а топографы — порционные деньги; но в степи их не на что было тратить.

Благодаря ежедневной выдаче продуктов многие верблюды, естественно, освобождались от груза, и вскоре образовалось стадо ненавьюченных верблюдов. Они следовали за колонной или распределялись среди пехотинцев, которые ехали на них верхом по два человека, что вызывало иногда комичные сцены. Их впрягали также в пушки, чтобы поберечь

артиллерийских лошадей, по четыре верблюда в каждую, и они очень хорошо тащили их по степи и пустыне. Случалось, хотя и редко, что верблюды начинали хромать, тогда киргизы забивали их и с удовольствием ели верблюжье мясо.

В хивинскую миссию входили капитан Генерального штаба Никифоров, поручик Аитов, который уже бывал в Хиве, два топографа, 12 казаков и один унтер-офицер. В бухарскую — подполковник горного корпуса Бутенев, штабс-капитан того же корпуса Богуславский, топограф Яковлев, немецкий ботаник и геолог Леман, который незадолго до этого совершил с академиком Бэром путешествие к Северному Ледовитому океану и на остров Новая Земля, и, наконец, востоковед Владимир * Ханыков[68], который сопровождал Бутенева, потому что в совершенстве владел персидским языком. Ханыков был большой соня и ежедневно расстраивался по поводу того, что на рассвете у него над головой разбирали кибитку и ему поневоле приходилось вставать. Я посоветовал ему ночевать не в кибитке, а в тарантасе. Он последовал моему совету и просыпался обычно уже на следующем привале. Мои отношения с ним были самые дружеские, и я оказывал ему всяческие услуги. Ботанику Леману я каждый раз давал казачье прикрытие, когда он желал совершить прогулку в степь или Мугоджарские горы. Здесь я окончу мое длинное отступление.

Как упоминалось выше, 2 июня мы остановились на отдых. Термометр показывал 22° в тени. Вечером была сильная гроза с ливнем. 3-го мы переправились через Иссенбай, одну из речек, которая образует Илек, а также через ручей Ащесай. Здесь мы встретили караван, шедший из Бухары в Оренбург, и позднее расположились на верхнем Темире, притоке Эмбы. Мы держали направление на юго-восток и прошли 20 верст. Во время марша по степи колонна часто двигалась по глубоким колеям, оставленным в грунте тысячами башкирских телег, которые летом 1839 г. доставляли во временные форты Эмба, на реке того же названия, и Чучкакал, недалеко от Устюрта, крупные партии провианта — сухари, муку, овес и т. д. Эти форты служили складом продовольствия для войск Хивинской экспедиции и позднее были оставлены.

4-го колонна двинулась дальше по плато и расположилась у речушки Булаксай ($23^1/_2$ версты). Здесь ко мне присоединился султан Бай-Мухаммед Айчуваков, управлявший тогда западной частью Зауральской киргизской орды. По приказу генерал-адъютанта Перовского он должен был сопровождать меня до Яксарта и обратно. У него была свита из

* Николай.

200 киргизов и примерно 500 жеребцов и кобылиц. В его лице я нашел человека, который прекрасно знал степь и в совершенстве владел русским языком. Он ежедневно обеспечивал меня кумысом, т. е. перебродившим кобыльим молоком, которое является основной пищей киргизов в летнее время. Обычно он сопровождал меня в авангарде, при котором я находился. За ним следовала большая свита султанов и баев, а также двухколесная повозка, на которой лежал огромный бурдюк с кумысом.

На полдороге в стороне от колонны, которая продолжала свой марш, мы делали короткую остановку. Спешившись, садились по-восточному на зеленую траву степи и пускали по кругу огромную деревянную пиалу, наполненную кумысом. Когда она возвращалась пустая, ее тут же наполняли снова. Количество кумыса, которое выпивали киргизы, было огромно. Это питье, если оно только что перебродило, может даже опьянить; оно очень освежает, утоляет голод и жажду, вызывает небольшой пот и делает сонливым после утомительной езды. Жара поднялась до 26° в тени, но некоторую свежесть приносил дувший с юго-востока слабый бриз. Ежедневно проделанный нами путь определялся одометром, который был привязан к колесу моего тарантаса; одному из топографов было приказано по прибытии на ночлег отвязывать его и определять пройденное расстояние.

Для благосклонного читателя было бы утомительно следить за моими ежедневными степными маршами, поэтому я ограничусь тем, что обрисую в общих чертах переход до пустыни Каракум.

9 июня мы пересекли холмы, которые образуют водораздел рек Орь и Иргиз и составляют часть Мугоджарских гор. Мы прошли 27 верст и расположились у ручья Тик-Бутак. Отсюда я послал поручика Генерального штаба Романова с отрядом из 100 казаков и пушкой вдоль западной стороны Мугоджарских гор на юг, чтобы произвести разведку той части степи и, если будет возможность, сделать ее съемку. Для этой цели к нему прикомандировали двух топографов. Ему было приказано, следуя на юг, пересечь пески Барсуки и пустыню Каракум, снять северо-восточные берега Аральского моря и снова соединиться со мной на Яксарте. Это поручение он выполнил блестяще.

13-го и 14-го колонна прошла 47 верст вдоль Талдыка. Степь здесь снова была покрыта травой (Stipa pennata); 14-го нас настигла гроза с дождем, и мы расположились на правом берегу Иргиза, довольно большой степной реки с чистой, хорошей водой, текущей вдоль Мугоджарских гор с севера на юг и юго-восток и позднее соединяющейся с Тургаем, чтобы исчезнуть в озерах и болотах в пустыне Каракум.

После 28-верстного перехода по равнине с рыхлой песча-

ной почвой мы сделали 17-го остановку в урочище Айри-Кизил. Термометр показывал 28°. Здесь мы обнаружили замечательные пастбища. Иргиз в этом месте образует маленькие озера, заросшие камышом. Тут расположилось много аулов племени чикли. Султан Тиргази-хан нанес мне визит; он привел с собой даже свою семью. Впервые я угощал киргизских дам чаем и конфетами из Киева, которые им очень понравились. Я подарил им ножницы, зеркала, гребенки и иголки, и они покинули мою кибитку очень довольные. Вечером султан прислал мне в подарок двух овец.

18-го, при 29-градусной жаре, мы отдыхали. Я воспользовался этим обстоятельством и расспросил проводников о пути движения, так как мы приближались к большой пустыне Каракум, которую должны были пересечь с севера на юг на протяжении 300 верст, чтобы добраться до Сырдарьи.

19-го мы продолжали идти по рыхлой песчаной равнине, оставили справа аул из тысячи кибиток и, после того как прошли $28^1/_2$ версты, расположились снова на Иргизе, который и здесь зарос камышом. На той стороне, на высоком, правом берегу, находились киргизские захоронения Жар-Молла. Осматривая отсюда окрестности лагеря, я тогда не предполагал, что спустя четыре года мне будет суждено строить здесь, у могил, первый русский форт в Киргизской степи. Погода изменилась, и всю ночь лил дождь. 20-го мы перешли Иргиз вброд, проделали $26^1/_2$ верст по волнистой песчаной равнине, миновали озеро Кара-Куха и расположились на озере Чалдырколь, где обнаружили хорошо возделанные киргизские поля.

Бедняки-киргизы, называемые бойгуши, не имеют ни овец, ни крупного рогатого скота; они занимаются земледелием и выращивают просо и ячмень. Их земледельческие орудия — кирки и лопаты — очень примитивны. Искусственное орошение полей, разделенных на небольшие квадраты, — весьма трудоемкий процесс. Маленькие канавы, прорезающие поля, необходимо заполнить водой, которую бойгуши носят в кожаных бурдюках из близлежащих рек или озер. Это очень изнурительная и тяжелая работа.

Дождь лил целый день и следующую ночь, так что я был вынужден из-за плохой дороги объявить 21-е днем отдыха. Казаки использовали его, чтобы поохотиться на диких кабанов, которые во множестве обитали в густом камыше бесчисленных маленьких озер. Температура воздуха неожиданно упала до 11°, и стало по-настоящему холодно.

22-го мы продолжили наш путь по песчаной равнине, песчаным холмам и высохшим соленым озерам (солончакам). Пустыня эта носит название Каракум (Черные пески). Солончаки представляют собой большие равнины с соленой кристаллической коркой ослепительно-белого цвета и без

малейшей растительности. Некоторые солончаки сухие, и их почва настолько тверда, что подковы лошадей не оставляют на них следов; в других — вязкая глинистая почва, смешанная с солью, и по ней нельзя пройти пешком, не говоря уже о том, чтобы проехать верхом на лошади и с нагруженными верблюдами. Мы прошли 26½ версты, все время держа направление на юго-восток, и расположились у озера Забинколь, где обнаружили возделанные поля и оросительные каналы. Дул сильный северо-восточный ветер, и в 2 часа дня термометр показывал 14°. 23-го наши две миссии поехали вперед, сопровождаемые Бай-Мухаммедом и его киргизами. 24-го колонна следовала по песчаной равнине и по песчаным холмам, проделала 20 верст и расположилась у колодца Жеддиколь (Семь озер).

Когда речь идет о колодцах в этой пустыне, благосклонный читатель не должен думать, что их можно сравнить с колодцами в Германии или во внутренней России. Добрая природа позаботилась здесь, как и везде, о том, чтобы путники не умерли от жажды. Песчаная почва и песчаные холмы располагаются на слое твердой глины, так что ее не может размыть дождевая и снеговая вода. В определенных местах, которые хорошо известны киргизам и которые всегда находятся между песчаными холмами, достаточно лишь копнуть, и уже на глубине 2—3, самое большое 4 футов находишь свежую пресную воду. Нельзя только, чтобы вода долго стояла в этих колодцах, ибо она портится и принимает красноватый оттенок. Впрочем, остановившись у такого колодца, достаточно лишь вычерпать эту испорченную, красноватую воду, как тут же, на глазах собирается свежая. Во время перехода по этой пустыне всегда высылают вперед около 20 казаков или солдат с лопатами и металлическими ведрами, чтобы на месте лагерной стоянки очистить колодцы и выкопать новые в таком количестве, чтобы напоить людей, лошадей, верблюдов и убойный скот.

25-го колонна двинулась в путь уже в 2 часа утра и прошла большую равнину, усеянную соляными лужами, в которых кое-где из-за частых дождей стояла вода. Солончаковое озеро, называемое Тентексор (Сумасшедшая, или Бешеная, соляная лужа), надолго задержало нас. Преодолеть его было невозможно, и мы вынуждены были сделать большой крюк. После двух переходов, пройдя 54 версты, мы снова подошли к колодцам или, скорее, к озеру Мендиколь. Кое-где росла полынь. По пути мы миновали киргизские захоронения. Температура была равна 20°. 27-го снова совершили продолжительный переход по пустыне (41 верста) и расположились у колодцев Черекли, которых насчитывалось 15. Вокруг них росла трава. В этот день во время марша пал первый верблюд. 28-го мы смогли пройти только 16 верст, так как доро-

га вела по глубокому песку, по ложбине, поросшей камышом. Мы расположились у колодца Уссулюс. Здесь я встретил Бай-Мухаммеда с его киргизами. Жара была мучительной, термометр показывал 28° в тени. У каждого колодца до прихода колонны я выставил охрану, чтобы люди, обезумевшие от жажды, не устроили свалку. Потом напоили из корыт лошадей и убойный скот; животные с ржанием и ревом теснились у колодцев, и их пришлось останавливать силой, пока все они не напились. Для казаков и солдат это была тяжелая работа. Песчаная почва была раскалена настолько, что жгла сквозь подошвы сапог, а бедные люди должны были часами стоять на самом солнцепеке, чтобы доставать из колодцев воду и наполнять ею деревянные корыта для скота. 29-го мы снова совершили утомительный марш в 35 верст по пустыне, обошли большие соляные болота и расположились у колодцев Кук-Кайбак, где нашли замечательные пастбища. Термометр показывал 25° в тени. 30-го я сделал дневку, чтобы осмотреть верблюдов и починить вьюки.

1 июля мы проделали тяжелый переход в 33⅔ версты по песчаным холмам и пустыне. Колодцы Дёрт-Кудук оказались без воды, и мы лишь в полдень расположились у колодца Чирин, в окрестностях которого росло немного травы. Термометр показывал 26°. 2-го колонна выступила в 2½ часа утра и прошла 31½ версты. Дорога на этот раз была тяжелой только в начале и в конце. В 10½ часов утра мы добрались до колодцев Алты-Кудук (Шесть колодцев). Здесь мы обнаружили хорошую воду. Однако травы не было, и лошадям пришлось дать овса. На западе мы увидели холмы Мерген-Чинк, которые образуют северный берег Аральского моря. Море было видно из нашего лагеря.

Снова больших трудов стоило напоить верблюдов, лошадей и быков. По дороге мы увидели следы, оставленные отрядом поручика Романова, который опережал нас. 3-го мы опять выступили рано и проделали трудный путь по песчаным холмам. Аральское море осталось примерно в 7 верстах от нас, но мы отчетливо видели залив Сары-Чаганак и крутые склоны северного берега моря, которые выглядели величественно.

После утомительного марша в 23 версты мы расположились у колодцев Кули-Кудук. Мы обнаружили только два; я велел выкопать еще пять. Жара была мучительной; несмотря на то что дул свежий морской ветер, в моей кибитке было 29°. Поскольку нам предстоял теперь долгий переход, возможно, без воды, 4 июля мы выступили уже в час ночи при свете луны. 4 версты шли по глубокому песку, потом по холмистой равнине, оставив справа песчаные дюны, тянувшиеся вдоль Аральского моря. После того как колонна

прошла около 30 верст, мы сделали остановку у названных дюн. Жара была мучительной, термометр показывал 30° в тени. Я спросил проводников, нет ли поблизости колодцев. Мне ответили, что один имеется в полуверсте справа от нашего лагеря в дюнах, но он очень глубокий и к тому же засыпан. Я тут же взял с собой 20 казаков с лопатами и ведрами и полез по песчаным холмам в долину. Вокруг высились песчаные дюны. Обширная долина была сплошь покрыта волнообразными песчаными барханами, образовавшимися под воздействием ветра. Кругом никакой растительности, не видно и колодца. И тут я еще раз имел случай удивиться необычайному знанию местности нашими киргизскими проводниками. Один из них прошел в долине около 40 шагов, внимательно осмотрелся вокруг; затем сделал еще пару шагов вправо, снова осмотрелся; наконец, сделал еще несколько шагов, опять осмотрелся и затем указал на землю своим коротким кнутом (камча), произнеся только одно слово: «Здесь». Я крикнул казакам: «Теперь за работу, ребята!» Люди сразу начали рыть. На глубине одного аршина появился влажный, потом мокрый песок, а еще через аршин — сам колодец. Его стенки были выложены ветками саксаула, чтобы предохранить от обвала. В одно мгновение мои бравые уральцы очистили колодец от мокрого песка, и вскоре его заполнила свежая вода. Я тотчас дал колонне знак, что вода есть, и мне ответили громким «ура!». Я приказал людям идти к колодцу по отделениям, чтобы утолить сильную жажду, после чего напоили лошадей и убойный скот; что касается верблюдов, то эти животные могли терпеть жажду два дня и более. Лишь в 4 часа вечера мы отправились в путь, чтобы пройти еще 27 верст по песчаным холмам и равнине. Только в 10 часов вечера колонна расположилась на южной оконечности бухты Камыслыбас. Люди были измучены и истощены. В этот день мы прошли 57 верст. Здесь я встретил хивинскую миссию и Бай-Мухаммеда, в кибитке которого выпил огромную пиалу кумыса, чтобы утолить жажду. Подполковник Бутенев обошел с бухарской миссией бухту с севера, а Романов за день до этого перешел дамбу, которая отделяет бухту Камыслыбас от Сырдарьи.

После форсированного марша, 5-го, я сделал, естественно, дневку. Тем не менее мне пришлось проводить капитана Никифорова, так как он хотел еще сегодня перейти Яксарт, чтобы продолжить путь в Хиву. В полдень с почетным эскортом, состоявшим из казаков, пехоты и одной пушки, я совершил 9-верстный марш до Аман-Уткула, где можно было переправиться. Ширина реки составляла здесь 80 саженей при скорости течения 40 саженей в минуту. Берега Яксарта, низменные и немного возвышающиеся над зеркалом воды, поросли местами высоким, густым камышом.

Сперва переправили верблюдов и лошадей. С них сняли седла, и они поплыли через реку, подгоняемые киргизами. Верблюды плыли лежа на боку, несомые потоком. Плоскодонка, в которой переправлялся Никифоров с двумя топографами и казаками совопрождения, была изготовлена из кусков ивового дерева, скрепленных маленькими железными скобами; щели были законопачены смоченными нефтью тряпками. Ее владелец, киргиз, переправил сначала багаж, верблюжьи седла, провиант и т. д.; затем вернулся обратно, чтобы перевезти членов миссии. Между тем мы выпили на прощание несколько бутылок шампанского; я приказал произвести три выстрела из пушки, и гром русского орудия впервые разнесся по течению древнего Яксарта. Лишь в 9 часов вечера я снова вернулся в лагерь и, так как жара поднялась до 30° принял освежающую ванну в мутной воде реки.

7-го и 8-го ночью была сильная гроза с ливнем. Мы совершили марш в 32 версты, обошли озера Макбулколь и Акубай и расположились на озере Айгирик, собственно бухте Сырдарьи. Вдоль этого озера тянутся многочисленные оросительные каналы и возделанные поля, на которых киргизы племени чикли выращивают ячмень и овес. Эти киргизы очень бедны; их притесняют и грабят хивинцы. В лагере устроили с ними обмен, однако они не знали ценности русских серебряных денег и требовали хлопчатобумажные товары, зеркала, гребешки и т. д.

11-го, уже в 2 часа утра, колонна тронулась в путь, пересекла упомянутую волнистую песчаную равнину и после 23-верстного перехода прибыла в 7 часов утра к переправе у Майлибаша, где встретила поручика Романова с его отрядом. Он находился здесь с 6 июля, а бухарская миссия присоединилась к нему еще 3-го у озера Ак-Бай. Бухарские посланники уже перешли Яксарт, который достигал здесь в ширину 180 саженей и имел сильное течение. Наши лошади переплыли рукав Сырдарьи; затем их согнали на остров, поросший травой и молодым камышом, где имелось много корма и где не требовалось надзора за ними, так как, кроме нас, во всей округе не было ни одного живого существа. Вода реки, хотя и мутная, была замечательная; Яксарт в июле полноводен из-за таяния снегов у его истока. Жара была 29° в тени.

12 июля была дневка. От Оренбурга до этого места я прошел с отрядом по одометру 1138 верст и 326 саженей, проделав 42 перехода с 12 дневками. Я устроил членам бухарской миссии прощальный пир, насколько позволяла обстановка на пустынных берегах Яксарта. В большой кибитке был накрыт стол. Угощением служили хороший суп, замечательный плов с бараниной, осетр, выловленный в Яксарте, и жаркое из уток; на десерт — греческое печенье, называе-

мое курабье, приготовленное моей женой в Оренбурге. Из напитков были херес, портвейн и несколько бутылок бургундского. Обед прошел весело, и члены миссии пригласили меня на следующий день на прощальный пир на противоположный берег. Термометр показывал 30° в тени.

13-го (в воскресенье) мои офицеры и я переправились в киргизской плоскодонной барке через Яксарт. Барка, изготовленная из кусков тополя, имела 4 сажени в длину и 6 футов в ширину. Глубина реки составляла здесь $2^1/_2$—3 сажени (или 7 английских футов). Мы пообедали у подполковника Бутенева в веселом обществе. Затем были свернуты кибитки. На прощание выпили еще несколько бутылок шампанского. На правом берегу Яксарта были установлены две пушки, и когда миссия отправилась в Бухару, выпалили из них. Из лагеря напротив раздалось громкое «ура!». Мы сердечно проводили наших друзей.

15-го Романов продолжил свой путь вдоль правого берега Сырдарьи, чтобы снять местность до Кокандской пограничной линии, т. е. до кокандского форта Хош-Курган, расположенного на одном из островов Сырдарьи; затем он должен был повернуть на северо-запад, пересечь с восточной стороны пустыню Каракум и снова соединиться со мной на реке Тургай.

17-го я двинулся в обратный поход. Когда я был здесь, на Яксарте, то не предполагал, что спустя одиннадцать лет судьба уготовит мне участь скромного пионера, которому будет суждено проложить русским воинам путь от Сырдарьи в Центральную Азию. Топографы вышли вперед, чтобы произвести съемку маршрута от центра пустыни Каракум на север. Когда лагерь был снят, верблюды нагружены, около 50 казаков бросились голыми в реку, поплыли до острова и загнали в воду около 500 лошадей. Это было очень забавное зрелище. Масса лошадей с фырканьем и ржанием плыла по бурлящему Яксарту, окруженная со всех сторон казаками, которые их направляли. Я удивился их сноровке в плавании; они, казалось, были в своей стихии, пока гнали лошадей к этому берегу, проделывая в воде тысячи фокусов.

В $3^1/_2$ часа дня колонна выступила, взяв направление на север через песчаные холмы. После 3-верстного изнурительного марша мы наткнулись на караванный путь, который вел из Майлибаша в крепость Орск. Это была верблюжья тропа. По обеим сторонам узкой тропинки на кустах саксаула висело множество клочков хлопка. Объясняется это тем, что верблюды, проходя по тропинке с поклажей хлопка, свисающей по обеим сторонам животного на 5 футов, задевают ветки саксаула и хлопок остается висеть на них. Этот караван прошел здесь неделей раньше, и мой отряд следовал теперь по его следам.

Мы вынуждены были пройти 32 версты, прежде чем смогли поздно вечером, при свете луны, расположиться у колодцев Катин-Кудук. Вода в них была соленая. Однако раньше из предосторожности я велел наполнить все бурдюки и пустые водочные бочонки водой из Сырдарьи, так что мы могли приготовить себе чай. Во время этой ночевки моим гостем был султан Бай-Мухаммед. 19-го мы прошли 28 верст по солончакам и песчаным холмам. Мы расположились при 34° в тени у колодцев Тас-Кудук, где обнаружили киргизский аул. Казакам, которые поили лошадей, верблюдов и быков, жгло подошвы раскаленным песком; такой страшной жары мы еще никогда не испытывали. Пустыня Каракум почти не менялась. Песчаные холмы, солончаки, солончаковые растения, кусты саксаула и тамариска чередовались между собой.

25-го мы прошли 17 верст по бесконечной песчаной пустыне и расположились у колодцев Чик-Кудук при 35° в тени. Термометр нашего врача Якмина показывал на солнце 57°. В раскаленном песке можно было бы сварить вкрутую яйца, если бы таковые имелись у нас среди провианта.

При всем этом с северо-запада дул сильный горячий ветер, как из жаркой печи, и покрывал все предметы мелким песком. Такого рода изнурительные переходы по пустыне Каракум поистине лишены удовольствия, но мои подчиненные были всегда бодры и веселы; каждый вечер в лагере звучали песни. Я не требовал слишком многого от моих бравых казаков и солдат, давал им полную свободу действий, насколько позволяла дисциплина, и они ежедневно вдоволь ели.

Один из киргизских проводников рассказал мне курьезный случай, происшедший с его верблюдом, который оставался без воды 67 дней; он провалился в глубокую яму, поросшую влажным камышом, и находился там до тех пор, пока его не нашел хозяин.

26-го из-за жары колонна двинулась в путь уже в $2^1/_2$ часа утра и проделала $24^1/_2$ версты по сильно пересеченной равнине, держа направление на северо-восток. Мы миновали много высохших соленых луж, а также зарослей тамариска и расположились у озер Аксакал и Таубе, в которых теряются воды реки Иргиза; воды в озерах в это время года было очень мало, и она была солоноватой на вкус. В моей кибитке термометр показывал $34^1/_2°$, а на солнце — 57° по Реомюру. К $8^1/_2$ часам утра мы были уже на месте, так как при такой ужасной жаре, чтобы щадить людей и скот, я делал по возможности короткие переходы, используя для них прохладное утреннее время — от 3 до 9 часов.

Камыши, которыми заросли озера, кишели дичью, и мои казаки настреляли бекасов, уток и несколько диких кабанов.

Мы видели также много пеликанов, но не трогали их, так как их мясо сильно отдает рыбой.

31-го после трех изнурительных переходов я снова добрался до Иргиза, который сливается здесь с рекой Тургаем.

1 августа я рассчитался с погонщиками верблюдов. За 2½ месяца пути от поклажи освободилось 400 верблюдов, и я отослал в аулы 40 киргизов, которые служили мне погонщиками, предварительно заплатив им и выдав на дорогу достаточное количество крупы. С ними уехал и племянник султана Бай-Мухаммеда поручик Мухаммед-Али со своими 160 киргизами. Они также возвращались домой.

Из-за скудных пастбищ я был вынужден перенести лагерь дальше. 2-го мы двинулись вверх вдоль правого берега Тургая; его русло состояло из отдельных озер, в которых было полным-полно рыбы, и мои казаки и солдаты вытащили сетями несколько пудов разнообразной рыбы.

Здесь ко мне вновь присоединился поручик Романов, удачно закончивший свою экспедицию вверх вдоль Сырдарьи. Он привез хороший план своего маршрута. Таким образом, он и я пересекли в четырех различных направлениях на юг и север огромную пустыню Каракум и проложили по ней дорогу для передвижений войск в будущем.

5-го мы выступили в путь в 4 часа утра, взяв направление на запад; обошли огромную соляную лужу Айбугир-Сор, а также озера Калдыколь и Жарколь. По дороге мы наткнулись на большое сводчатое киргизское захоронение, на стенах которого внутри обнаружили грубую цветную роспись, изображавшую группу лошадей, верблюдов, людей и домашний скарб. Покойный, сын богатого султана, был убит здесь из-за вражды (баранты). Проделав 19 верст, мы расположились у озера Майколь, где нашли хорошие пастбища для лошадей и верблюдов. Температура воздуха была равна 22°. 6-го колонна обогнула упомянутое озеро и подошла к Тилькара, широкому ручью, который во время половодья соединяет Тургай с Иргизом. Мы следовали по его течению около 15 верст и расположились, пройдя в общей сложности 30 верст, в пункте, где имелся брод. Однако сначала нам пришлось построить небольшую дамбу длиной 10—12 саженей из камыша через илистый ручей, чтобы обеспечить переправу лошадям и верблюдам. Днем температура еще составляла 22°, вечером после грозы она упала.

7-го мы переправились через Тилькара и прошли широкую равнину с отлогими песчаными откосами; слева от нас осталось озеро Тирисколь. Затем мы перешли Улькаяк, степную реку, состоящую из множества небольших озер, которые связаны между собой болотистыми, поросшими камышом низинами. Эта река впадает в большое озеро, которое с одной стороны соединяется с Тургаем протокой. Вода Улькаяка

имеет соленый привкус. В камыше водится много диких гусей, уток, бекасов, дроф и розовых пеликанов, а также сайгаков. В 10 часов мы снова расположились у Тургая, русло которого здесь узкое, с крутыми берегами. Ширина его только 4 сажени, но глубина значительна, вода пресная. Температура воздуха 24°. Всего колонна прошла 18⅔ версты. Вечером снова была гроза.

8-го мы пересекли холмистую песчаную равнину. Слева и справа от нас остались озера Сасиколь и Балыкчиколь. Совершив переход в 25 верст, мы расположились в полдень у озера Айнегун-Калали, против холмов Карсак-Баши. Было 20°. Вечером грозы немного освежили воздух, а ночью выпала сильная роса. Здесь мы снова соединились с поручиком Романовым, который тем временем заснял левый берег Тургая.

9 и 10 августа были днями отдыха. Термометр показывал в тени 23°. Мы снабдили отряд Романова свежим провиантом, и я дал ему задание следовать по течению Тургая далее на восток, к его истоку, заснять свой маршрут, потом повернуть на северо-запад, заснять водораздел между Улькаяком, Иргизом, Камышаклы (приток Ори) и Кумаком, а затем двинуться на запад до крепости Орск, где он должен был дожидаться меня. Он покинул наш лагерь 10-го, а 11-го я с колонной выступил в северо-западном направлении прямо по степи к верхнему течению Иргиза. Мы совершили пять дневных переходов по 28—33 версты каждый по волнообразной степи, мимо озер, песчаных холмов и соляных озер. Повсюду нам попадались хорошие пастбища. Температура воздуха была утром 7—8°, днем 18—20°. Во время этих маршей мои казаки настреляли много степных лис, называемых здесь корсаками.

16-го при 7° тепла колонна отправилась в путь. Пройдя 41 версту по холмистой степи, мы в 1½ часа дня прибыли на верхний Иргиз, где расположились у пересохшего ручья Жар-Сай. Воздух прогрелся до 20°. За шесть дней, таким образом, я прошел однообразную степь между реками Тургаем и Иргизом и добрался до Иргиза, примерно в 50 верстах выше того места, где в него впадает Талдык и где колонна останавливалась двумя месяцами раньше (14 июня). 17-го мы сделали дневку. 18-го я отправил в Оренбург почту, а поручика Емельянова с 2 топографами и 50 казаками послал вниз по Иргизу, до устья Талдыка, чтобы произвести съемку реки. Термометр показывал 23° в тени.

Поскольку султан Бай-Мухаммед со своими киргизами решил меня здесь покинуть, чтобы вернуться в свой осенний лагерь на нижнем Илеке, я устроил ему прощальное пиршество, которое приготовили его киргизские повара. Для этой цели я послал ему шесть баранов, пуд риса, необходимое ко-

личество изюма, перца и соли; со своей стороны, киргизы закололи несколько жеребят и начали варить, жарить и тушить, как если бы готовили праздничный пир.

Я принимал участие в этом прощальном пиршестве в качестве зрителя. В большой, устланной коврами кибитке сидел Бай-Мухаммед, вокруг него расположились 18 старейшин и султанов. Перед каждым стояла большая деревянная чаша куда слуги положили большую порцию риса с вареной бараниной. Затем подали тушеную баранину, а также особым образом приготовленную конину. Каждый гость погружал правую руку в блюдо и ел с большим аппетитом; мясо разрывали руками, не признавая ни вилок, ни ложек, ни ножей. После обеда каждый старейшина приближался к своему начальнику, Бай-Мухаммеду, который клал ему в рот полную горсть вареного риса из своей собственной чаши, после чего тот низко кланялся и уступал место следующему. Эта церемония очень почитается киргизами и является древним, патриархальным обычаем кочевников Центральной Азии. В то время как султаны и баи ели в кибитке, свита устроилась на зеленом ковре степи недалеко от лагеря и поглощала пищу с таким же аппетитом. Было уничтожено много баранины и конины. Люди пили горячий, расплавленный жир из бараньих курдюков, как воду.

19-го колонна прошла несколько верст вверх вдоль левого берега Иргиза, преодолев скальные холмы — последние отроги Мугоджарских гор. Река образовала здесь небольшие озера (плесы). Так как тут располагалось много киргизских аулов, пастбища были скудными. После того как полковник Бай-Мухаммед угостил меня на прощание замечательным кумысом, он покинул колонну со своими султанами, баями, слугами и множеством кобылиц и двинулся в западном направлении на родину. Поручик Емельянов вернулся позднее, привезя съемку 50 верст вдоль Иргиза.

20-го колонна прошла $27^1/_2$ версты по волнообразной равнине. Повсюду возвышались гранитные и кварцевые валуны. Мы сделали привал на Иргизе, ширина и глубина которого постепенно уменьшались. По выщипанной траве было видно, что здесь недавно располагались большие киргизские аулы. Термометр показывал 20°.

22-го мы двигались по равнине вдоль Иргиза, который все больше вырождался в маленькие озера, не соединявшиеся между собой. Нам встретилось несколько киргизских захоронений. Пройдя $21^1/_2$ версты, мы остановились у одного из них. Оно заросло кугой — видом камыша, который не едят ни лошади, ни верблюды. Земля в окрестностях насыщена солью. Термометр показывал 21°. 24-го я сделал дневку и послал поручика Емельянова с топографами на северо-восток, чтобы заснять истоки Иргиза.

25-го, на рассвете, был только 1° тепла. Мы прошли $24^1/_2$ версты по волнообразной равнине, покрытой замечательной травой, и в 11 часов раскинули лагерь у ручья Утиис. Было 15° тепла. 26-го я вынужден был снова сделать дневку, чтобы подождать поручика Емельянова, который вернулся лишь 27-го, сделав съемку истоков Иргиза. Истоки находятся на возвышенности (плато) Текитау; там же расположены истоки Улькаяка и Камышаклы. Стояла прекрасная погода, несмотря на то что по утрам было прохладно; к полудню воздух прогревался до 18°. 28-го мы двигались через небольшие холмы, на вершине которых выступали выходы полевого шпата. Пройдя $31^2/_3$ версты, мы спустились в долину Камышаклы и расположились здесь в окружении гор. Термометр показывал 19° тепла, но горизонт заволакивало.

29-го мы продолжали наш путь на северо-запад по сильно пересеченной местности, дважды форсировали Камышаклы, которая катила свои кристально-чистые воды по галечному руслу. На поверхность почвы выходили скалы из кварца и зеленого камня. Пройдя 26 верст, мы остановились на вышеупомянутой речке. Было 20° тепла. Стояла хорошая погода, но небо заволокли тучи. 31-го мы перешли вброд Аще-Бутак, миновали широкую лощину Кум-Сай, в которой находилось несколько озер. Затем мы постепенно спустились в долину Ори и, проделав переход в $36^2/_3$ версты, расположились на правом берегу реки Орь, южного притока Урала. По пути нам попадалось много невозделанных полей. Тут проходит также большая караванная дорога из Орска на Яксарт. Бесчисленные стаи диких гусей тянулись над нашими головами на юг.

1 сентября я сделал последнюю дневку и объявил ее банным днем, так как на следующий день колонна должна была вступить в Орск. Повсюду виднелись развешанное белье, кители, панталоны и т. д. Мои подчиненные были веселы, бодры и радовались тому, что почти четырехмесячное однообразное и часто трудное путешествие по киргизским степям подходит к концу. Смех и шутки слышались повсюду, особенно после того, как к выходному дню я приказал выдать двойную порцию водки. Сегодня был первый осенний день; в $6^1/_2$ часов утра в моей кибитке было около 5°, небо пасмурное. Позднее температура поднялась до 17°. В полдень я послал поручика Емельянова с квартирмейстером в Орск, чтобы подготовить квартиры.

2-го, в 7 часов утра, мы начали последний переход. Густой туман, окутавший всю степь, рассеялся лишь к полудню. Мы пересекли необозримую равнину, усеянную полями и киргизскими аулами, и после марша в $36^1/_3$ версты около часу дня достигли лагеря под Орском, где меня ожидал поручик Романов, благополучно прибывший сюда со своим отрядом два дня назад. Его казаки приветствовали меня

громким «ура!», а комендант крепости полковник Д. Н. Исаев вышел мне навстречу и поздравил с окончанием экспедиции.

Войска с пением проследовали в крепость. Часть солдат и казаков устроилась на квартирах, остальные вернулись в лагерь. Полковник Исаев пригласил меня на обед. Я был принят с обычным гостеприимством, которое является прекрасным качеством всех русских.

У полковника Исаева я познакомился с майором Тютчевым, суворовским ветераном, который получил три памятные медали за участие в штурме Очакова, Измаила и Праги. Кроме того, он был с Суворовым в Италии и Швейцарии. В сражении у Цюриха он попал в плен. Тютчев был еще бодрый старик, никогда не спал в кровати, а всегда на полу, на ковре или на войлоке и укрывался шинелью — настоящий русский солдат XVIII столетия. Он был одним из последних оставшихся в живых сподвижников знаменитого русского полководца и рассказал мне много интересного о своей молодости. Удивительно, что он помнил все детали сражения при Цюрихе, однако то, что с ним было позднее, т. е. до 1830 г., он абсолютно забыл; впрочем, его память сохранила все, что происходило после этого года.

3 сентября я попрощался со своими бравыми солдатами, казаками и артиллеристами, которые теперь возвращались на зимние квартиры в Оренбург и Уральск. Затем я передал 920 верблюдов коменданту Орска; около 80 животных во время долгого степного путешествия охромели или пали; охромевших забили киргизские проводники и погонщики. Во время четырехмесячного степного похода я не потерял ни одного человека; не было ни одного тяжелобольного, и все подчиненые заверяли меня в том, что экспедиция была для них скорее прогулкой.

Из Майлибаша на Сырдарье колонна совершила обратный марш до Орска за 37 переходов с 11 дневками, пройдя путь в 973 версты, а с продвижением до Яксарта — 2112 верст и делая ежедневно в среднем $26^5/_7$ версты.

Закончив служебные дела и отослав курьеров в Оренбург к генерал-адъютанту Перовскому с известием о моем благополучном прибытии в Орск, я подробнее познакомился с крепостью, построенной при слиянии Урала с Орью. По площади она невелика, имеет ту особенность, что стены ее выложены из яшмы, запасы которой в здешних местах огромны. В Орске, в доме полковника Исаева, жил в свое время мой персидский попутчик Виткевич, и здесь же молодой поляк познакомился с Александром Гумбольдтом, когда тот путешествовал по Сибири. Знакомство это, как было рассказано ранее, положило конец его печальной судьбе и дало возможность сделать блестящую карьеру, которая, к сожалению, была оборвана самоубийством. Полковник Исаев сообщил мне

много подробностей о службе молодого Виткевича в качестве простого солдата в Орске, а я, в свою очередь, рассказал ему о нашей совместной поездке в Персию и о его ранней смерти. Мир праху его.

4-го, в 7 часов утра, ко мне неожиданно явились 18 моих боевых уральских офицеров. В полной парадной форме, с шарфами, они предстали передо мной, чтобы поблагодарить за заботу о них во время степного похода и попрощаться. Я обещал им похлопотать перед шефом о наградах, что мне и удалось сделать по прибытии в Оренбург. После возвращения моих 400 уральцев на родину я получил от тогдашнего атамана уральских казаков полковника Кожевникова очень лестное письмо, в котором он высказал мне самую теплую благодарность за заботу о его подчиненных. Это письмо, как и многие другие письма от моих начальников, полученные за время долгой службы, я храню как дорогую реликвию.

Попрощавшись с полковником Исаевым и его гостеприимной супругой, я в легком тарантасе, сопровождаемый только поручиком Емельяновым, полетел по почтовому тракту из Орска в Оренбург. Мой багаж и слуги должны были прибыть туда с войсками. Недалеко от Орска я догнал пехоту, которая сопровождала меня в степи. Солдаты выстроились вдоль дороги, чтобы отсалютовать мне с оружием в руках и прокричать громкое «ура!». Я был тронут привязанностью этих храбрых воинов; это был знак удовлетворения и благодарности мне, их временному начальнику. На первой почтовой станции я встретил нового атамана оренбургских казаков генерал-майора графа Цуккато (итальянца по происхождению), с братом которого, служившим адъютантом у барона Розена, я был очень хорошо знаком по Тифлису в 1831—1835 гг. Граф совершал свое первое инспектирование казачьих полков и станиц вдоль старой и новой Оренбургских линий. Позднее, вплоть до самой его кончины в 1868 г., мы были большими друзьями.

Преодолев довольно крутые Губерлинские горы, которые прорезаны рекой Уралом, я проехал в этот день 150 верст. В ночь на 5-е было холодно. На чистом степном небе мерцали звезды. На почтовых станциях я встречал молодых казачьих девушек и женщин, которые в длинные осенние и зимние вечера допоздна вязали из тонкой козьей шерсти великолепные платки, иногда легкие, как паутинка, различных рисунков и всех размеров; платки эти в России, а особенно за границей очень высоко ценятся и дорого стоят. Я купил у них несколько таких платков по баснословно низкой цене. Проехав 5 сентября еще 115 верст, все время вдоль правого берега Урала, я наконец благополучно прибыл в час дня в Оренбург и обнял мою супругу, находившуюся на послед-

нем месяце беременности. 14 сентября после тяжелых родов (наш замечательный врач Карл Розенбергер применил щипцы) она осчастливила меня прекрасным сыном, которого окрестили Павлом, в память деда по матери.

По возвращении в Оренбург я, к моему великому удивлению, узнал, что его величество император Николай пожаловал мне дорогое кольцо с бриллиантами стоимостью 1200 рублей ассигнациями за первую часть моего описания Персии. За степную экспедицию я получил от его величества орден Анны 2-й степени с короной и сверх того еще в награду 2 тыс. рублей серебром. Все мои подчиненные также были щедро вознаграждены. Мне же удачо выполненное поручение принесло хорошую репутацию на новом поприще.

Так как служба не доставляла мне много хлопот, я написал вторую часть впечатлений о Персии, а также дневник экспедиции к Сырдарье; кроме того, я собрал материалы об Оренбургском районе, Киргизской степи, Центральной Азии и т. д., читал старые и новые работы об этом интересном и тогда еще мало известном крае. Свободные вечера я проводил в обществе образованных людей, которых тогда в Оренбурге было много. Это были в основном чиновники из Петербурга и Москвы, которых, как было сказано выше, охотно приглашал на службу генерал-адъютант Перовский. Так, литературные вечера, которые мы устраивали у меня, у генерала Генца, доктора Розенбергера, Владимира Даля, Ханыкова, полковника Цеге фон Лауренберга и других, проходили очень интересно и были поучительны, ибо каждый должен был рассказать что-нибудь о своей жизни или о своих путешествиях либо прочитать из художественной литературы. Эти вечера заканчивались всегда скромным, но веселым ужином. Нам было разрешено провести в узком кругу даже музыкальный вечер, где играл профессиональный музыкант и замечательный пианист Кольрайф, находившийся здесь в ссылке. Его концерт был составлен из произведений многих композиторов — от Пеллегрини до Тальберга и Листа. Я никогда не забуду этот вечер, доставивший столько наслаждения, и замечательное исполнение молодого пианиста, который через год вернулся из ссылки в Москву, но, к сожалению, вскоре скончался. Обо всех других развлечениях здесь, на азиатской границе, я уже говорил в начале этого отступления.

В середине ноября оренбургское общество, особенно прекрасный пол, было охвачено волнением. Сооружение ранее упомянутого здания Дворянского собрания по проекту Брюллова было закончено, и должно было состояться его торжественное открытие. Так как генерал-адъютант намерен был с первым санным поездом отправиться в северную столицу, решено было устроить прощальный бал в новом, со вкусом

построенном здании. Организовали запись, по которой каждый член общества согласно своему состоянию должен был внести средства, и в течение недели было собрано 10 тыс. рублей ассигнациями — сумма для Оренбурга того времени значительная. Поистине блестящий бал состоялся 2 декабря в залах Дворянского собрания; такого бала оренбуржцы еще никогда не устраивали. Блестящие мундиры, богатые туалеты, музыка, обслуживание и ужин были не хуже, чем в Петербурге, и генерал-адъютант Перовский, за здоровье которого было выпито много шампанского, был очень тронут привязанностью своих подчиненых и почитателей, а также восхищен любезностью множества женщин и девушек, среди которых было много красавиц. 4 декабря командир башкир полковник Балкашин дал второй бал в своем просторном доме, куда был приглашен лишь цвет общества, и здесь генерал Перовский был очень весел и любезен с каждым из нас. В ночь с 5-го на 6-е он покинул Оренбург. Генерал поехал в коляске, так как тогда еще не выпал снег — явление чрезвычайно редкое для Оренбурга. В сани он пересел только на второй станции. К сожалению, мы тогда не догадывались, что наш дорогой шеф уехал от нас на долгие годы (до 1851 г.).

Так прошел первый год моего пребывания на оренбургской земле. Если я здесь пустился в подробности, особенно в том, что касается моего похода к Яксарту, то для того, чтобы дать благосклонному читателю представление о тогдашней общественной жизни на границе с Азией, а также о трудностях и необычайном однообразии степного похода. Мои дальнейшие наброски об этой земле менее подробны.

Глава VII

1842—1848 годы

В январе 1842 г. генерал-майор И., который до этого был обер-квартирмейстером Отдельного Оренбургского военного корпуса, был назначен начальником штаба в Омске, в Западной Сибири, и я занял его место. Поэтому ежедневно, с 9 часов утра до 2 часов дня, приходилось бывать на службе. Мои обязанности в основном состояли в топографической съемке Оренбургской губернии и Киргизской степи, а также в нанесении ее на ватман в бюро. В свободное время я готовил вторую часть своего описания Персии и собирал материал об Оренбургской области. Наступила весна. В тихие апрельские и майские ночи я часто любовался степными пожарами в окрестностях города. Как уже упоминалось, киргизы имели обыкновение ежегодно весной выжигать степную траву, пепел которой одновременно служил удобрением. Свежая, молодая и сочная трава, как по волшебству, устремляется вверх, и вся степь покрывается цветами, особенно дикими тюльпанами всех оттенков.

21 мая мы получили сообщение о том, что генерал-адъютант Перовский ушел по болезни в отставку и отправляется за границу. Это известие поразило всех жителей. На его место был назначен генерал-лейтенант Обручев, ранее командовавший дивизией гренадерского корпуса; он не был известен в Оренбурге.

Между тем вернулись назад оба посланника, капитан Никифоров из Хивы и подполковник Бутенев. Спутники последнего, Ханыков, Леман, Богуславский и топограф Яковлев, дошли даже до Самарканда, некогда резиденции страшного Тамерлана, где со времени знаменитого путешественника Марко Поло не побывал ни один европеец. Яковлев произвел топографическую съемку города. Они привезли с собой богатые коллекции, особенно натуралист Леман; к сожалению, он умер от лихорадки в Симбирске на обратном пути в Петербург. Многочисленные материалы и коллекции Лемана были переданы Императорской Академии наук и позднее опубликованы академиками Бэром и Гельмерсеном. Так же неожиданно во время возвращения в столицу скончался Никифоров, и так как он не оставил после себя ни-

каких материалов, относящихся к его пребыванию в Хиве, туда правительством был направлен новый посланник, полковник Данилевский, очень образованный человек. Я дал ему двух опытных топографов, братьев Селениных, чтобы произвести съемку неизвестного еще нам ханства. С миссией, которая имела большой успех, отправился молодой натуралист Базинер. Данилевский и Базинер напечатали позднее результаты своей поездки. Первый через несколько лет скончался в должности нашего генерального консула в Белграде (Сербия).

Вечером 3 июля генерал-лейтенант Обручев прибыл со своей семьей в Оренбург. На следующее утро все мы построились в большом зале Дворянского собрания. Вскоре появился новый губернатор. Генерал Рокассовский представил нас по отдельности, и новый шеф задал каждому несколько вопросов, относящихся к службе. По всей видимости, он еще в столице был информирован в деталях о деятельности различных ведомств и находился в курсе всех дел.

Он был крупного телосложения, имел живой характер; обладал желчным темпераментом, о чем свидетельствовали желтоватый цвет лица и легковозбудимая нервная система. Когда очередь дошла до меня, новый начальник сказал мне много лестных слов, добавив, что слышал обо мне много хорошего и хотел бы надолго сохранить меня здесь, в Оренбурге*. И действительно, его первое представление из Оренбурга в Петербург касалось моей персоны, и его величество император приказал оставить мне прежнее жалованье. Я льстил себя надеждой о переводе в столицу, чтобы, как и ранее, выполнять особые поручения при военном министре и генерал-квартирмейстере, однако судьбе было угодно оставить меня в этом краю до 1856 г.

Через несколько дней после представления мы познакомились с супругой нового начальника, Матильдой Петровной, урожденной Ригенсерин, француженкой по происхождению, писаной красавицей, высокой блондинкой, образованной и приветливой в обхождении. Вскоре между нашими семьями установились дружеские отношения.

Владимир Афанасьевич, ее супруг, развил лихорадочную деятельность. В 5 часов утра он уже сидел за своим рабочим столом, а в 7 часов принимал доклады начальников ведомств. После этого он делал визиты властям, бывал в казармах, в лагере и т. д. И горе было тому, кто не мог держать перед ним ответа или кем он был недоволен. Вспыльчивый и резкий, он иногда устраивал сцены, и его очень боялись. Вскоре, однако, все привыкли к его вспыльчивости

* С ним я познакомился еще в октябре 1829 г. в Адрианополе, где он тогда был дежурным генералом при фельдмаршале Дибиче. — *Примеч. авт.*

и убедились, что у него очень доброе сердце и что он справедливый человек, который во всем защищал интересы короны, сурово преследовал и наказывал за взяточничество, вымогательства и халатность по службе. Его коньком были военные занятия, парады, даже небольшие маневры — вообще, все, что называется строевой службой, и в этом он был очень строг.

Лето я провел с семьей на Маяке, на берегу Сакмары, в 7 верстах от Оренбурга, на вилле графа Цуккато, окруженной лесом и лугами. В это время наш новый шеф предпринял инспекционную поездку вдоль старой и новой Оренбургских пограничных линий, чтобы ознакомиться с местными органами управления и местностью. Во время этой поездки он намеревался проверить возможности осуществления своего проекта о переводе линейного батальона из Троицка в степь на верхний Тобол. Для этой цели, однако, необходимо было сперва разведать местность, подыскать в округе необходимый материал для строительства казарм и т. п. Едва возвратившись в Оренбург, он сообщил мне о своем плане и приказал немедленно отправиться в тот район, изучить его и доложить ему о результатах поездки. На выполнение этого задания он дал мне лишь пять дней, несмотря на то что я должен был проделать тысячу верст и на дворе уже стояла осень.

9 октября я покинул Оренбург. Проехал, не останавливаясь ни днем ни ночью, через Орск, вдоль новой линии до Михайловской, обследовал течение степной реки Тогузак, попал в сильный буран, который задержал меня на целый день в Михайловской. Я навел дополнительные справки о наличии строительного леса, который валили в большом лесу Джабык-Карагай, находившемся на возвышенности между старой и новой линиями *.

14-го в сопровождении 18 казаков я отправился в степь, чтобы начать ее исследование. Осмотрел берега верхнего Тобола, Аята, Киреуата и других рек. Ночью я спал под открытым небом, завернувшись в волчий тулуп; мои бравые казаки разводили костер и пели веселые песни до глубокой ночи. Я обнаружил хорошие пастбища, большие запасы песка и извести, однако степь была совсем безлесная.

Проплутав в степи около восьми дней и исходив многие ее районы пешком, я вернулся в Оренбург. Я проделал 1500 верст, пересек степь вдоль и поперек за семнадцать холодных осенних дней вместо пяти, которые дал мне началь-

---

* Так называемая старая Оренбургская линия тянется вдоль правого берега реки Урал. Новая линия идет от Орска в северо-восточном направлении до города Троицка, расположенного на реке Уй. Обе существуют теперь лишь по названию, а линия (граница) была позднее отодвинута до Сырдарьи и еще далее на юг. — *Примеч. авт.*

ник, считая это вполне достаточным. 25-го я представил ему результаты моего исследования.

В начале декабря генерал Рокассовский, к нашему великому сожалению, покинул Оренбург, чтобы переехать в столицу. Здесь он провел десять лет и иногда управлял губернией в отсутствие генерал-адъютанта Перовского. Его дом был первым во всем городе. Я особенно сожалел об отъезде моего старого кавказского начальника и друга.

1843 год

В течение зимы 1842/43 г. я закончил вторую часть описания Персии и получил за это от его величества императора вознаграждение в 1500 рублей ассигнациями. Кроме того, я был назначен его величеством на должность обер-квартирмейстера Отдельного Оренбургского военного корпуса и одновременно начальника топографической съемки этого района. Теперь круг моей деятельности стал значительно шире.

Волнения в Киргизской степи, вызванные известным в то время разбойником и предводителем Кенисары Касымовым, вынудили генерала Обручева принять меры предосторожности и снарядить несколько войсковых подразделений для его преследования. У меня было много хлопот со снабжением этой летучей колонны оружием, провиантом и транспортными средствами. К сожалению, она так и не сумела нагнать киргизских разбойников, каждый из которых имел по две-три сменные лошади.

В августе я получил приказ снова отправиться в степь, чтобы дополнить исследование верхнего Тобола, проведенное осенью 1842 г. В мое распоряжение были откомандированы два офицера — инженер и топограф. Мне было разрешено после выполнения задания посетить Башкирию и места моих тамошних съемок, а также золотые прииски и металлургические заводы в Уральских горах.

21 августа я выехал в Орск. Прибыв на место, я посетил меновой двор, госпиталь и казацкую слободу и познакомился с майором Лобовым, который долгие годы был рабом в Бухаре. Еще молодым человеком его похитили киргизы и продали в рабство. Он рассказал мне ужасные подробности об обращении с русскими рабами в те времена в Бухаре и Хиве. Слава богу, что эти времена уже давно прошли. 24-го я выехал через укрепления Императорское и Наследник вдоль новой линии в Анненское, где застал своих офицеров. Отсюда в сопровождении 30 казаков мы отправились в холмистые степи. Мы исследовали их на значительном пространстве, в первую очередь притоки Тобола. Ночевали под открытым небом на берегу рек. Питались мы в основном рыбой, которую ловили сетью или на удочку наши казаки.

1 сентября мы вернулись в Николаевское укрепление, в окрестностях которого, на берегу Аята, обнаружили огромные залежи известняка. В степи мы нашли несколько мест, пригодных для заселения, но строительного леса не было. Проект моего шефа оказался неосуществимым, в чем я его убеждал ранее.

Отпустив конвой и офицеров, я отправился к Уральским горам, проделал за ночь 120 верст вдоль новой линии и прибыл в Троицк — окружной город на реке Уй. Я остановился у полковника барона Радена, командовавшего пятью казачьими полками, которые были размещены в районе Троицка и Челябы. Он принял меня как хорошего старого знакомого, показал мне город и меновой двор, где было очень много киргизов обоего пола. Троицк вел обширную торговлю с Бухарой, Ташкентом и Хивой, и ежегодно туда и обратно идут большие караваны. Отсюда в степи и Центральную Азию направляются кроме юфти металлические изделия. В просторных магазинах владельцев металлургических заводов Демидова и Пашкова имеется богатый выбор железных котелков, кувшинов, треног, полосового железа и т. д., а также деревянные, обитые железом и раскрашенные сундуки всех размеров, вставляемые один в другой, от самого большого до самого маленького; их навьючивают на верблюдов, и они служат жителям всей Средней Азии для хранения одежды.

Вечером к нам пришел в гости чиновник П., который был здесь инкогнито, в поисках контрабанды. Дело в том, что бухарцы скупали у рабочих на царских золотых приисках золотую пыль и золотое мелкозерье и затем провозили их тайно через таможню. П. конфисковал недавно бочонки с медом, в которых было спрятано золото. Вот почему бухарцы повторяли как пословицу, что покупают русский мед, потому что он такой сладкий. Долгое время они пользовались этой хитростью, пока их не раскрыли.

4 сентября я выехал из Троицка, пересек прекрасный и живописный край. Чтобы отыскать моих топографов, проделал 102 версты и заночевал в Тунготарове, у одного башкира. Его жилище напомнило мне болгарские дома в Румелии; особенно это касается камина (здесь называемого чувалом), который топят огромными поленьями.

5-го я проехал 115 верст. Дорога была гористой, склоны холмов поросли молодыми березами и елями; я не встретил ни старых деревьев, ни густого леса. Справа от меня осталось несколько озер. В районе Троицка и Челябы много озер самых разных размеров.

6-го было очень холодно, шел снег и дул сильный ветер. Мне нужно было найти моих офицеров-топографов, поэтому я продолжил поиски, проехал много деревень до Кундравы, большой красивой деревни и станицы с церковью на озере.

Затем поехал через горы и окольным путем добрался до Чебаркуля (всего 105 верст). Здесь была штаб-квартира командира казачьего полка полковника Росси. У него я и остановился. Хозяин дома и его супруга, любезная, образованная полька, дружески приняли меня. Чебаркуль — также большая деревня и станица (т. е. он населен крестьянами и казаками). Он расположен на большом озере, имеет новую каменную церковь. Мы совершили прогулку по деревне и вдоль озера. Как заверил меня полковник, крестьяне и казаки живут здесь зажиточно; особенно много у них домашней птицы; бесчисленное множество гусей и уток резвилось на великолепном озере. Отсюда мой путь лежал в Миасс. Я ехал по живописной местности, дорога была хорошая. В Миасс я прибыл уже ночью. Остановился я у капитана Богуславского, того самого, который в 1841 г. ходил вместе с подполковником Бутеневым в Бухару и сопровождал меня до Яксарта. Он был холостяком и принял меня с истинно русским гостеприимством.

Золотые прииски на Урале. 8-го, поднявшись рано, я увидел перед собой восхитительное озеро, образованное запруженной речкой Миас. В лучах утреннего солнца восхитительный вид имели и близлежащие горы. Я не мог оторваться от этой чудесной панорамы, и Богуславский насильно оттащил меня от окна, чтобы накормить превосходным завтраком и представить мне своего товарища по службе поручика горного корпуса Мостовенко. Последний потом сделался моим чичероне и показал мне все достопримечательности Миасса и его окрестностей.

Красивое здание конторы было весьма просторным и обставленным с большим комфортом. При нем находились оранжерея и большой сад с великолепным павильоном на озере, откуда открывался прекрасный вид на окрестности. Мы осмотрели дамбу, очень солидную, которая перегораживала реку и образовывала озеро; затем побывали в музее, где были выставлены замечательные образцы минералов и кристаллов. Мне, как гостю, предложили оставить запись в книге, где уже имелись автографы многих геологов и ученых, побывавших на золотых приисках Миасса. В книге имелась и запись А. Гумбольдта, который останавливался здесь в 1830 г. во время своего путешествия через Алтай в Сибирь. Кроме того, мне показали недавно добытые самородки и золотой песок. Общая добыча достигает здесь около 50 пудов в год. Отсюда меня повели в школу, в госпиталь и в аптеку, и везде я видел образцовые порядок и чистоту; вообще, я убедился в том, что горные инженеры здесь, в Миассе, хорошо устроились. Во время наших прогулок мой чичероне сообщил мне, что он приходится двоюродным братом моему бывшему спутнику в путешествии по Туркмении поручику Михаилу Фелькнеру.

который является теперь начальником Кусинского металлургического завода, в 30 верстах севернее Златоуста, и ждет моего прибытия. Затем он добавил: «Вы, дорогой полковник, уже давно всем известны в нашем горнодобывающем районе по рассказам моего двоюродного брата о ваших путешествиях в Турцию, на Кавказ и особенно в Туркмению, а также о вашем пребывании с ним в Астрахани в 1835—1837 годах. Я уже сообщил ему о вашем приезде».

9-го мы отправились на золотые прииски в Каскино, которыми заведовал поручик Мостовенко. В уютной квартире поручика нас радушно встретила его молодая красивая супруга.

Здесь я впервые наблюдал процесс промывки золота. На тачках песок подвозится к деревянным лоткам, которые поставлены с некоторым наклоном для стока воды. Лотки огорожены с трех сторон рамкой (стенкой) высотой от 6 до 8 дюймов; по открытой наклонной стороне стекает вода с гравием и крупным песком. Над каждым лотком находится медный кран, струя воды из которого льется на высыпаемый песок. Струю можно регулировать по желанию золотопромывщика. Под навесом, открытым со всех сторон, в два ряда установлено около ста таких лотков; между ними находится желоб, по которому отводятся гравий и песок. Оба ряда лотков расположены, естественно, друг против друга и наклонно к желобу, с тем чтобы могла стекать вода с гравием и песком. Над каждым лотком устроены к тому же грабли с длинными вогнутыми зубьями, приводимые в действие простым механизмом. Они быстро двигаются взад и вперед, разрыхляя гравий и песок на лотке. В это время рабочий направляет на гравий струю воды, регулируя ее подачу. Таким способом смываются крупные куски породы, и в конце промывки на дне лотка остается лишь черный песок, в котором находятся крупицы золота, определяемые по блеску. Черный песок теперь осторожно смывают, а крупицы золота передают стоящим тут же чиновникам, которые ссыпают их в большие железные копилки. Эти копилки устроены так, что из них не высыпается ни крупицы золота, если их даже перевернуть. Вокруг промывочных лотков стоит многочисленная охрана, следящая за тем, чтобы рабочие не утаили даже мельчайшую крупинку золота. После окончания работы рабочих обыскивают; однако еще нередко случается, что они очень ловко утаивают мелкозерье, которое потом продают подпольным скупщикам за полцены. Краденое золото, как уже говорилось выше, перевозится затем контрабандой в Бухару. Промывкой золота здесь занимаются и зимой — в просторных утепленных помещениях. В окрестностях каждого такого золотого прииска насыпаны целые холмы промытого гравия и песка, в которых, возможно, еще остаются крупинки золо-

та. Ежедневно вечером намытое золото приносят в контору управляющего, где его тщательно взвешивают, а потом ссыпают в большие железные сосуды, хранящиеся в закрытых и хорошо охраняемых помещениях. Каждую зиму из Миасса в Петербург в сопровождении горного офицера отправляется караван с золотом, добытым на всех уральских золотых приисках. Там оно поступает в императорскую казну.

Из Каскино мы отправились на золотые прииски в Александровскую. Здесь в память императора Александра I воздвигнут столб на том месте, где государь в 1824 г. копал лопатой золото (лопата сохранена) и нашел немало самородков. Это произошло в районе, называемом Гороховым полем, потому что там было обнаружено большое количество золотых самородков размером с горошину или с орех. В 1842 г. один рабочий нашел здесь под фундаментом старого деревянного дома огромный самородок весом 2 пуда 8 фунтов и 24 золотника; слепок его из позолоченного гипса я видел в музее Миасса. Из Александровской мы поехали на золотые прииски в Атландскую, где нас радушно встретил управляющий, капитан Герберт, также офицер горного корпуса (офицер-подрывник). Эти золотые прииски расположены в очень живописной местности. Построенные здесь железнодорожные ветки для вывоза больших вагонеток с золотым песком к промывочным лоткам приносят большую пользу; золотой песок залегает здесь на небольшой глубине под трясиной и черноземом.

После осмотра приисков и механизмов капитан Герберт проводил нас в свой просторный и уютный дом и угостил замечательным обедом. За столом собрались горные офицеры со всей округи. Это было образованное и веселое общество. Эти господа рассказали мне много интересного о строении Уральских гор и о здешних золотых приисках, которые располагаются на восточном склоне этих гор, точнее, в седловине между двумя горными цепями. Прежде в Миассе был и медеплавильный завод, но его забросили, чтобы заняться более доходным делом — промывкой золота.

Металлургические заводы на Урале. В 4 часа дня я распрощался с моими любезными хозяевами и поехал по живописной местности, через густой лес, вверх, на главный Уральский хребет. Дорога, построенная в 1823—1824 гг. к приезду покойного императора Александра I, была хорошая. Вдоль западного склона Уральских гор я спустился к Златоусту, который расположен в глубокой и обширной котловине. Город перерезает река Ай. Запруженная, она образует здесь большое озеро. Гора Таганай («таган» — треножник, «ай» — луна), что значит «Основание луны», самая высокая здесь горная вершина, примерно в 4 тыс. футов, сверкала в лучах заходящего солнца, и я был поражен открывшимся

видом. Мой легкий экипаж необходимо было притормаживать, потому что спуск вдоль западного склона тянется на 10 верст. Когда я наконец добрался до озера и поехал вдоль него к городу, мимо высоких скал, находившихся справа от дороги, мне встретилась кавалькада молодых амазонок, которые совершали прогулку за город и с любопытством поглядывали на меня. Вскоре я познакомился к этими молодыми дамами поближе.

Мне бросились в глаз чистые улицы, опрятные дома, величественные присутственные и фабричные здания. Я очутился как бы в немецком городе, ибо здесь во времена правления Екатерины II была создана большая колония оружейников из Золингена, потомки которых не забыли языка, обычаев и привычек, а также мастерства предков. Златоуст и его окрестности представляют собой поистине золотое дно, так как здесь ежегодно переплавляется много железной руды. Город этот знаменит своими саблями, кирасами, шлемами, ножами и кинжалами. Я остановился у хозяина пивоварни Хассе. Мне отвели уютную комнату с видом на две улицы. Кормили меня прекрасно. Мне казалось, что я нахожусь в Германии, а не на Западном Урале, недалеко от восточной границы Европы.

10-го я нанес визит начальнику казенной фабрики полковнику горного корпуса Ахматову. Он любезно принял меня и показал свой музей с минералогическими сокровищами, а также колоссальную коллекцию оружия, которое было выставлено в просторных залах в больших faisceaux * и в живописном беспорядке разбросано на стендах или развешано вдоль стен. После, во время обеда у него, я познакомился с горными офицерами майором Дэви и капитанами Перетц и Кириаковым, образованными и солидными людьми, которые жили здесь со своими семьями, не тяготясь службой. Майор Дэви, близкий родственник поручика Фелькнера, послал нарочного в Кусу; Фелькнер прибыл 11-го, и мы сердечно обнялись, ибо не виделись с января 1837 г. Вместе с ним мы побывали на фабриках и в мастерских. Здесь очень остроумно, хотя и просто, изготовляют кирасы. Раскаленную заготовку прямо из печи кладут на плиту, поверхность которой вырезана в форме кирасы. На нее из-под крыши мастерской с силой опускают металлический блок с выпуклой нижней стороной. От удара он входит в углубление плиты — и вот заготовка превратилась в кирасу. Затем к ней приваривают тонкую медную пластинку, испытывают на прочность, стреляя в нее из кавалерийского пистолета. И, наконец, полируют, отделывают и подбивают сукном. Сабли испытывались следующим образом: рабочий со всей силой три или четыре раза

* Козлы (составленное оружие) (фр.).

ударял клинком плашмя по вертикально стоящей круглой балке, и клинок должен был, так сказать, сгибаться вокруг балки, но не ломаться. Потом мы осмотрели прокатный стан, где раскаленные железные и медные полосы прокатывали между двумя цилиндрами; кузницы, где в огромных цехах было установлено двадцать горнов. Пол, чтобы не скользили ноги, был выложен рифленым железом. Эти обширные мастерские рассчитаны на 3 тыс. рабочих и мастеров и содержатся в хорошем состоянии.

Я снова обедал у полковника Ахматова, где познакомился с немецким мастером господином Шредером, который рассказал мне о здешней общине. Каждый прилежный рабочий живет со своей семьей в небольшом двухэтажном доме. У них свои сады, огороды, они держат коров и в целом живут зажиточно и счастливо. Вечер я провел в семье Дэви, где познакомился с молодой красивой женой поручика Фелькнера.

12-го прибыли мои офицеры-топографы и представили мне съемки своего топографического отряда. Я просмотрел их и отпустил офицеров с необходимыми распоряжениями. Затем я побывал еще в нескольких мастерских и после обеда отправился с Фелькнером и его супругой на прогулку. Мы ехали по живописной местности, через лес и по горам, вдоль реки Ай. Когда мы приблизились к Кусинскому чугунолитейному заводу, дорога стала очень крутой и вела вдоль пропасти с отвесными краями. Расстояние от Златоуста до Кусы — 27 верст.

13-го Фелькнер показал мне чугунолитейный завод с его многочисленными мастерскими, кузнечный цех, где ковали полосовое железо, доменные печи, большие склады, на которых хранится кованое железо, отправлявшееся каждую весну по воде в Нижний Новгород.

Затем мы направились к реке Ай, где каждое лето строят множество плоскодонных барок (без килей) для перевозки железа. Каждая такая барка имеет 18 саженей в длину, 11 аршин в ширину и $2^1/_2$ аршина в глубину; при полной загрузке ее осадка — $1^1/_2$ аршина. Она имеет 60 шпангоутов и поднимает груз в 9 тыс. пудов. В Кусе такая барка стоит 370 рублей ассигнациями, а в Нижнем Новгороде — 700, потому что все построенные на уральских металлургических заводах барки по прибытии в Нижний и после разгрузки продаются на дрова. При каждом металлургическом заводе имеется искусственное озеро, которое служит резервуаром для приведения в действие механизмов летом и зимой, а также для того, чтобы вывозить груженые барки с весенним разливом реки Ай и других речек, протекающих у металлургических заводов, в Чусовую, Уфу, Белую, Каму, откуда они потом плывут по Волге. Ежегодно весной вниз по этим рекам плывут караваны таких барок с железом и медью; их про-

водят опытные лоцманы, чтобы суда не сели на мель или не разбились при сильном течении о скалы, потому что эти реки, даже Уфа, судоходны только весной, да и то лишь для плоскодонок. Весенний паводок продолжается недолго, и нужно успеть отправить многочисленный караван барок. Для железоделательных, чугунолитейных и медеплавильных заводов Урала это очень важное время года, так как от своевременного прибытия и удачной продажи железа и меди на Нижегородской ярмарке зависит судьба упомянутых предприятий, поддержание и эксплуатация которых требуют ежегодно значительных затрат.

По словам Фелькнера, в большой и живописно расположенной деревне Куса проживает 2 тыс. жителей. Рабочие трудятся здесь в три смены, по 8 часов каждая, потому что работа в литейных мастерских и кузнечных цехах ведется беспрерывно, днем и ночью. Только весной, когда идет погрузка и отправка барок, наступает пауза, во время которой производят ремонт доменных печей, водяных колес, приводящих в движение огромные молоты, и пр. Во время ковки с помощью простых механизмов огромный молот через бо́льшие или меньшие интервалы то всем весом обрушивается на раскаленную металлическую болванку, то с меньшей силой, часто совсем слабо, бьет по длинным, как нить, железным заготовкам, и просто удивляешься, с какой легкостью и сноровкой рабочие превращают тяжелые заготовки в блестящее, одинакового размера полосовое железо. Тем не менее это очень тяжелый, утомительный труд, потому что кузнецы работают постоянно при страшной жаре; кожа их лиц толстая, темно-красная; они выглядят словно поджаренные. После обработки каждой заготовки они вынуждены ненадолго выходить на свежий воздух, чтобы остыть. Однако они хорошо обеспечены, им не надо ни о чем заботиться, и, поскольку у них нет желания заниматься земледелием, правительство закупает ежегодно необходимое количество зерна в западных районах Оренбургской губернии. Однако рабочие металлургических заводов имеют собственные огороды и скот.

Что касается жизни пайщиков и начальников металлургических заводов на Урале, то она однообразная и монотонная, а потому спокойная. Здесь любят хороший и богатый стол. Так, в Кусе утром подают чай, через полтора часа кофе с превосходными сливками, масло, белый хлеб или пироги, ближе к обеду — обильный завтрак со множеством блюд, qui valait bien un diner*; в $2^1/_2$ часа — обед, затем снова кофе; в 5 часов — варенье и фрукты; в 7 часов — чай со всем, что к нему полагается, и в 9 часов — ужин, состоящий из

* Который стоит обеда (фр.).

множества блюд. Разумеется, господа весь день на ногах: то на свежем воздухе, то в чугунолитейных цехах, мастерских или на строительстве барок.

Я не мог привыкнуть к бесконечной еде, и, поскольку мое время было ограниченно, я выехал из Кусы 13-го, днем, и вовремя прибыл в Златоуст, чтобы провести вечер в семье Дэви. 14-го я покинул этот прекрасно расположенный городок, в котором насчитывается около 16 тыс. жителей, чтобы вернуться в Оренбург через Уфу и Стерлитамак по великолепным горным и лесным районам Башкирии. Башкирия — край, который стоит того, чтобы чаще бывать здесь, потому что мало где найдешь такие плодородные земли, такое лесное богатство и такие прелестные уголки. Жаль только, что ее населяет еще полукочевой народ, далекий от цивилизации.

Из Златоуста дорога несколько верст довольно круто поднимается вверх, ибо, как сказано ранее, город лежит в котловине и окружен высокими холмами. Потом дорога идет по живописной местности, по холмам и долинам до чудесной долины, в которой расположен Саткинский чугунолитейный и железоделательный завод. Густой хвойный лес покрывает близлежащие окрестности и холмы, через которые протекает Ай.

Я отложил посещение этого литейного завода до следующего года, переправился через Ай на пароме, поехал дальше по живописным долинам и холмам и заночевал в башкирской деревне Кига, проделав около 100 верст. 15-го я снова переправился через Ай и продолжил свой путь по крутым холмам и глубоким, но очень красивым долинам, большей частью поросшим лесом. Особенно красивы окрестности башкирских деревень Айлина и Каирова. Переправившись через реку Уфу, я заночевал в Байки, проехав 133 версты.

16-го я следовал по более открытой местности. Однако все еще попадались довольно значительные лесные массивы, а холмы, по которым я ехал, имели довольно крутые склоны, так что мне часто приходилось прибегать к помощи тормоза. Земля была хорошо возделана, хлеба, сена и леса было в изобилии. Деревни были окружены двойным рядом плетней, внутри которых пасся скот. У въезда и выезда был установлен небольшой шлагбаум; в отсутствие сторожа его вынуждены были поднимать и опускать сами ямщики. Эти меры предосторожности жителей направлены на то, чтобы уберечь леса и поля от потравы скотом, которого здесь очень много. Я переправился через Белую, красивую, довольно большую реку, в которую впадает Уфа (в последнюю впадает наряду с другими притоками Ай) и которая течет по прекрасным долинам. Заночевал я в Медведице, проехав 129 верст.

В дороге у меня произошла оригинальная встреча. При смене лошадей на почтовой станции я увидел телегу, уже го-

товую к отъезду. Сидевший на телеге молодой человек пристально посмотрел на меня, спрыгнул, вытащил небольшую грифельную доску, написал на ней несколько слов и протянул ее мне с поклоном. На доске было написано по-немецки: «Вы господин полковник Бларамберг?» Молодой человек оказался глухонемым немецким художником, который несколько дней прожил в Оренбурге и узнал от моей жены (тоже с помощью грифельной доски), что я нахожусь в Башкирии. Он попросил описать мою внешность и при встрече сразу узнал меня. Я записал ему адреса нескольких немецких семей в Златоусте, и молодой человек в отличном настроении отправился дальше.

17-го, рано утром, я проехал еще 45 верст по довольно открытой местности, снова переправился через Белую на большом пароме и в $9^1/_2$ часов прибыл в Уфу, тогдашнюю столицу Оренбургской губернии, очень живописный, привольно раскинувшийся город с населением в 20 тыс. человек. Он расположен в предгорьях, между реками Уфой и Белой, недалеко от места их слияния, и прорезан глубокими лощинами; в нем много больших садов. Я остановился у старого знакомого, доктора Антона Розенбергера, работавшего здесь в госпитале; он приходился двоюродным братом нашему врачу в Оренбурге. Он сделался моим гидом по этому живописно расположенному городу; мы побывали в его окрестностях, на татарском кладбище, в глубоком ущелье, называемом в народе «Чертовы развалины»; спустились к Белой, которая здесь уже судоходна и по которой плавают большие барки грузоподъемностью 30 тыс. пудов. Потом мы осмотрели сам город, который, как сказано выше, расположен в предгорьях, между двумя реками. История города хранит много интересных и в то же время ужасных эпизодов, особенно связанных с восстанием знаменитого Пугачева в 1770—1774 гг. и неоднократными выступлениями башкир. Однажды здесь всех предводителей мятежных башкир одного за другим хитростью заманили, будто бы для переговоров, в деревянный барак, построенный на льду Белой, и по приказу начальника русских войск утопили в проруби. Поистине жестокий метод, но башкиры, лишившись своих вожаков, покорились, что положило конец кровопролитию.

18-го я выехал из города и спустился, притормаживая, по крутому склону до моста через Белую. Дальше дорога шла по живописной открытой плодородной и хорошо обработанной местности вдоль левого берега Белой через Толбазы в Стерлитамак, уездный центр, насчитывающий около 5600 жителей. Он расположен при впадении (по-башкирски «тамак») Стерли в Белую, отсюда его название. Это чистый, хорошо отстроенный город, с новой большой церковью, новым мостом через Стерлю и широкими, но немощеными ули-

цами. За Стерлитамаком, на почтовом тракте, ведущем в Оренбург, мы ежедневно встречали обозы с медной рудой, причем возницами иногда были женщины. На вопрос, куда доставляется эта руда, мне ответили, что ее добывают в шахтах на Сакмаре, а везут на медеплавильный завод богача Пашкова в Стерлитамак. Крестьяне и крестьянки работали тогда на богачей, которые часто отрывали их от полезных и домашних работ. Перевалив через Общий Сырт, хребет, который тянется от Уральских гор на запад до Волги, я переправился через Сакмару на пароме у казачьей станицы того же названия и 20-го прибыл в Оренбург, где нашел всех в полном здравии. Расстояние от Златоуста до Оренбурга составляет свыше 700 верст. Во время путешествия в степь, в районы Троицка и Челябы и в Башкирию я проехал около 2 тыс. верст, т. е. 300 немецких миль, — расстояние по масштабам России небольшое.

Медные рудники. Я провел в кругу семьи лишь восемь дней. Уже 28 сентября начальник пригласил меня сопровождать его в поездке на Сакмару и в Общий Сырт, чтобы вместе с атаманом уральских казаков уладить спор, который длился уже долгие годы между казаками и владельцами вышеупомянутых медных рудников. В 3 часа дня мы выехали в Каргалу, большую татарскую деревню на реке Сакмаре. При приближении экипажей генерал-губернатора с противоположной стороны отчалили два парома, на которых переправлялись муллы и старейшины, чтобы встретить своего начальника. Здесь я должен упомянуть, что татары Каргалы с незапамятных времен славились как искусные конокрады и вообще имели дурную репутацию. Когда мы вошли на большой паром, чтобы переправиться в деревню, генерал-лейтенант Обручев обратил внимание на то, что на шее одного из старейшин на анненском банте висела позолоченная медаль с надписью: «За верную службу». На вопрос, кто он, татарин ответил, что он выполняет здесь обязанности полицмейстера. Тут наш начальник разошелся и закричал на несчастного: «Так ты полицмейстер здесь, в месте, столь известном своим воровством! Наверно, сам помогаешь воровать или потворствуешь ворам? Берегись, а то сошлю в Сибирь!»

Бедняга был перепуган до смерти и извинялся как мог. Нас провели в дом богатого татарина, где шеф принял рапорт башкирских ординарцев и где нас угостили хорошим чаем. Сюда же прибыл и полковник Кожевников, атаман уральских казаков. Позже мы двинулись в путь вдоль реки Сакмары вверх до станицы того же названия, где заночевали.

29-го мы в легком тарантасе отправились дальше. Осмотрели окрестности вдоль Сакмары, отметили богатые поля и сочные луга, особенно на землях, принадлежащих дому

графа Нессельроде. Последний получил здесь от его величества императора Николая около 20 тыс. десятин земли, на которой теперь паслись многочисленные отары овец-меринос ов. Мы переправились через речку Янгис, миновали станицу того же названия и поехали вдоль холмов Общего Сырта, которые находятся уже на земле уральских казаков. Здесь и в окрестностях много медных рудников или, скорее, медных карьеров глубиной 15, 20, 40 и более аршин, из которых добывают богатую медную руду, залегающую там мощными пластами. Эти карьеры принадлежат известным аристократам Пашкову, графине Лаваль, Дашковой, Масалову и т. д. Ежегодная добыча руды составляет 1600 тыс. пудов, что дает выход 60—70 тыс. пудов чистой меди. При карьерах находятся лишь конторы и административные здания. Медная руда, как было упомянуто выше, доставляется на телегах на Преображенский, Воскресенский, Богоявленский, Верхотурский и другие медеплавильные заводы, расположенные в 120—300 верстах к северу от карьеров. За перевозку крестьянам платили 16—23 копейки медью ($4^1/_2$—$6^1/_2$ копеек серебром) за пуд. Пуд чистой меди обходится владельцам в 15—18 рублей ассигнациями и продается на Нижегородской ярмарке за 32—38 рублей ассигнациями. Если вычесть расходы на транспортировку руды вниз по Белой и Каме и вверх по Волге до Нижнего, то помещику остается еще изрядная прибыль. Поэтому-то наш шеф и настаивал на том, чтобы владельцы платили уральским казакам Сакмары, на чьих землях находятся эти карьеры, по 1—2 копейки с пуда руды. После того как генерал-лейтенант Обручев и атаман получили необходимые сведения от администрации карьеров, мы поехали назад вдоль речки Калганки и в полночь прибыли в Оренбург, проделав за два дня 150 верст.

Поздней осенью текущего года уехал наш замечательный домашний врач и друг Карл Розенбергер. Его бездетная молодая жена скончалась в сентябре, и он получил более высокий пост в столице. Он снискал любовь и уважение всех жителей Оренбурга, и его отъезд опечалил нас. Преемник Розенбергера, молодой барон Майдель, способный и образованный человек, учившийся в Дерпте, стал нашим домашним врачом и другом.

Рыбные промыслы на Урале. Здесь я опишу поездку в Уральск, столицу уральских казаков, где я уже бывал в декабре 1841 г. Основное занятие уральских казаков — рыбный промысел, который в различное время и под различными названиями ведется круглый год как на реках Урал, Большой и Малый Узень, на озерах, так и при впадении Урала в Каспийское море и на берегах последнего, в бухте северо-восточной части моря, называемой Мертвый Култук. Так как самая интересная пора подледного лова на реке Урал на-

ступает в декабре, атаман оренбургских казаков граф Цуккато пригласил меня совершить с ним поездку в Уральск.

Мы выехали из Оренбурга в кибитке и со скоростью ветра помчались вниз вдоль правого берега Урала. Замечательный санный путь, великолепные лошади и кучер-казак, небольшие расстояния между станциями — все это способствовало тому, что за полтора дня (с остановкой на ночлег) мы покрыли расстояние в 280 верст. В Уральске, прекрасном городе, нас встретили с истинным ликованием.

Главная улица застроена преимущественно большими, красивыми двухэтажными кирпичными домами, обставленными со вкусом и комфортом. Нам отвели дом богатого казака, и каждый из нас занял по две комнаты, которые были не хуже, чем в Петербурге. Мы сразу же отправились к тамошнему атаману полковнику Кожевникову. Редко встретишь такого образованного, душевного и жизнелюбивого человека. Мы приехали как раз к обеду. У него собралось большое общество, и здесь я встретил многих своих спутников по экспедиции к Сырдарье в 1841 г., которой я руководил, а также знакомых из Оренбурга.

Обед прошел весело. Превосходные кушанья, а еще больше хорошие вина подняли настроение. Шампанское лилось рекой, потому что атаманы уральских казаков отличались тогда роскошной и даже бурной жизнью. Я отправился в постель с тяжелой головой, чтобы выспаться к завтрашнему торжеству — открытию большого зимнего лова рыбы, называемого здесь «багренье». Это слово происходит от названия орудия лова — багра, представляющего собой тонкий длинный шест в 2, 4, 6 саженей и более; нижний конец шеста снабжен железным крюком, которым вытаскивают, а точнее, быстро выдергивают большую рыбу из проруби, чтобы бросить ее на лед. Поскольку здешний рыбный промысел ведется по строгим правилам и законам, я приведу некоторые детали, которые небезынтересны для тех, кто никогда не видел такого лова рыбы и не принимал в нем участия.

Рыбный промысел, не считая военной службы, — главное занятие и привилегия уральских казаков. Он делится на весеннюю, летнюю, осеннюю и зимнюю путину. Самая интересная из них — последняя, багренье.

Для того чтобы рыба осталась в районе лова уральских казаков, реку Урал выше города Уральска перегораживают дамбой из деревянных свай, вбиваемых плотно друг подле друга; дамба эта, называемая «учуг», преграждает рыбе путь вверх по реке. Ближе к зиме из моря в Урал устремляются большие косяки осетров и белуг. В определенных местах, которые хорошо известны казакам, они останавливаются и впадают в зимнюю спячку, а весной мечут икру. Когда Урал покрывается льдом, строго запрещается переправляться по

нему на санях или верхом, чтобы не беспокоить рыбу; не разрешается даже шуметь у берегов. В декабре наступает пора багренья. Лов начинается обычно ниже Уральска и производится в определенных местах, называемых дистанциями, до городка Гурьева, расположенного недалеко от места впадения Урала в море. Право на лов рыбы имеют все казаки, кроме сакмарских, которые несут внутреннюю службу. Казаки приходят на реку большими группами с баграми и короткими железными ломами, чтобы проломить лед, т. е. быстро выдолбить круглую лунку, достаточно большую, чтобы можно было вытащить рыбу, а также с другими орудиями лова; они грузят все это на запряженные одной или двумя лошадьми сани и собираются в заранее обусловленном месте на высоком, правом берегу Урала.

Мы проехали на санях 5 или 6 верст на юг от Уральска вдоль высокого, правого берега реки и уже издалека увидели большую группу людей, которые выстроились в несколько рядов на берегу. Каждый держал в руках багор или короткий железный лом, ожидая знака к началу рыбной ловли. За ними на значительном расстоянии стояли длинными рядами сани, на которых они приехали, а также их жены и молодежь. На левом фланге рыбаков были установлены две войлочные кибитки для гостей, и, так как было довольно холодно, они обогревались жаровнями с древесным углем. Полковник Кожевников любезно встретил нас и проводил к берегу, где у наших ног раскинулся широкий Урал, покрытый ледяным панцирем.

Здесь же был установлен полевой алтарь, у которого читал молитву священник, прося небо ниспослать рыбакам богатый улов. Множество женщин, старых и молодых, окружили алтарь; они истово крестились, слезно моля своего заступника святого Николая внять их просьбам и даровать хороший улов.

Казаки дрожали от нетерпения, ожидая сигнала — выстрела из пушки, стоявшей недалеко от атамана. На широком поле и вдоль берега реки воцарилась мертвая тишина. По сигналу атамана раздался выстрел, и с быстротой молнии рыбаки, одетые в короткие меховые полушубки и высокие сапоги, ринулись с высокого берега вниз, на лед, пробили его сразу в сотнях мест, ловко и быстро опустили в проруби свои длинные шесты с железными крюками, и менее чем через минуту на белом снежном покрове уже трепетали сотни окровавленных осетров и белуг всех размеров. Трудно передать ликование и азарт, с какими казаки выволакивали на лед больших рыбин. В то время как одни общими усилиями вытаскивали рыбу, другие разделывали туши, чтобы вынуть икру и пузыри. Множество купцов окружили рыбаков, чтобы тут же, на месте, за наличные купить еще не разделанных

осетров и белуг. Это было в высшей степени интересное зрелище.

После того как мы долгое время не без удовольствия наблюдали за ловом рыбы, атаман пригласил нас на завтрак в большую войлочную кибитку. Мы начали со свежей, только что вынутой из осетра икры. Эту божественную еду можно получить лишь на месте лова. За завтраком было поднято много тостов за бравых уральцев. Мы возвращались в Уральск с тяжелой головой, чтобы передохнуть, так как вечером были приглашены любезным хозяином на бал, где он хотел показать дорогим гостям прекрасных казачек в национальных костюмах. И действительно, приехав в 8 часов вечера на бал, мы увидели целый букет красивых, стройных, пышащих здоровьем девушек в великолепных костюмах, которые так идут молодежи: тесно прилегающие корсажи из красного или голубого шелка, шитые серебряными блестками, широкие муслиновые рукава, подчеркивавшие красоту рук. Вечерние платья также были частично отделаны серебряными блестками. Женщины были в русских головных уборах (повойниках), в то время как девушек украшали две тяжелые косы с бантами. Уральские девушки-казачки — красивый тип людей. Они в основном темно-русые; у них темные, пылкие, живые глаза, но с чужими и незнакомыми девушки исключительно робки и пугливы.

После нескольких часов танцев, во время которых исполнялись веселые национальные пляски и кадрили, был подан обильный ужин. Затем мы сердечно распрощались с нашим любезным хозяином, а также со штаб- и обер-офицерами, которые нас так гостеприимно приняли, и на следующий день вернулись в Оренбург, увозя с собой приятное воспоминание о гостеприимном и жизнерадостном Уральске.

1844 год

Зима 1843/44 г. прошла как обычно. Служебные дела и развлечения чередовались. Мои офицеры Генерального штаба устроили в Оренбурге приятное нововведение — любительский театр в пользу бедняков и к великому удовольствию публики. Это предложение было высказано однажды вечером в моем доме в октябре 1843 г. и встречено рукоплесканиями. Генерал Обручев и особенно его супруга очень заинтересовались этим предприятием и сразу же предоставили нам подходящее помещение в одном из больших залов Дворянского собрания. Мою супругу единогласно выбрали директрисой, поручика Р. — режиссером, сам я взял на себя роль оформителя, а позже — билетного кассира и бухгалтера. Первые небольшие пьесы, поставленные нами, были приняты

бурными аплодисментами и неожиданно выявили таланты, о которых мы и не подозревали. Пьесы обычно подбирали на нашей квартире и сразу же распределяли роли. Разумеется, при этом возникали сцены ревности, особенно среди дам, каждая из которых хотела играть лучшую роль, и моей жене приходилось вмешиваться в эти споры, проявляя большое терпение и такт, чтобы не задеть самолюбие молодых и пожилых исполнительниц. Немного разучив роли, приступали к первым репетициям у нас дома; я подыгрывал на рояле мелодии арий и дуэтов и т. д.; затем репетировали на сцене, куда посторонние не допускались.

Польский офицер Обнинский, замечательный музыкант, дирижировал солдатским оркестром штаба, состоявшим в основном из поляков и евреев. Генеральная репетиция проходила на сцене в костюмах. По многочисленным просьбам родителей в партер по билетам пускали детей в сопровождении гувернанток, а также нескольких матерей или родственников исполнительниц, чтобы последние могли привыкнуть к публике. Премьеры выливались в праздник для всего Оренбурга. Билеты обычно расхватывались заранее, на всю зиму были абонированы половина мест и все приставные стулья. Зал был всегда полон. В антрактах многочисленная публика прогуливалась в большом танцевальном зале, пока звонок не возвещал начало очередного акта. Представление заканчивалось обычно небольшим импровизированным балом и ужином, и все были довольны. Поскольку дамы и господа были так любезны, что сами заботились о своих костюмах, расходы на освещение, декорации и обслуживание были незначительными. Выручка почти не расходовалась, и мы могли позволить себе помочь оренбургским беднякам. Католический священник, знавший всех бедняков города, с удовольствием взял на себя обязанность распределения среди них денег, за которые я отчитывался и которым вел счет. За семь лет директорства моей супруги среди неимущих города было распределено 20 тыс. рублей ассигнациями.

Что же касается талантов исполнителей и исполнительниц, среди дам особенно выделялись мадам Ульянова в комических ролях и в ролях пожилых героинь; фрейлейн Лелюкина и мадам Карлова, игравшие молодых героинь (последняя, очаровательная блондинка, была еще и превосходной танцовщицей), фрейлейн Дандевиль и Ольга Винтер, наша примадонна, чудесная исполнительница и певица. Среди мужчин выделялся ротмистр фон Хаблер, замечательный трагик, импонировавший публике своей красотой и высокой фигурой. Часто он доводил восхищенную публику до слез; великолепен он был и в комических ролях.

Многие другие молодые офицеры отлично играли как комические, так и серьезные роли, а также роли первых лю-

бовников. Кроме множества одноактных пьес и водевилей на сцене ставились и крупные пьесы, например: «Ревизор» Гоголя, «Параша-сибирячка», «Купец Иголкин», французские пьесы: «Она — сумасшедшая» и «Дама из Сен-Тропеза» (обе игрались на русском языке), «Дочь полка», в которой Ольга Винтер была восхитительна, и много других пьес. Хор, имевший большой успех, составляли мои топографы.

В феврале 1844 г. графиня Агния Цуккато задумала отметить свои именины костюмированным балом в Дворянском собрании. Приглашение на бал привело в волнение весь Оренбург. Чтобы выбрать красивый костюм, просматривали все альбомы, а также альбомы со стихами и иллюстрациями и т. д. Портные и модистки были завалены работой. Сама графиня выбрала костюм маркизы времен Людовика XV и предложила мне быть ее партнером, маркизом, и открыть с ней бал. Я сшил себе фрак из ярко-красного бархата по моде того времени, с кружевными манжетами, шелковый вышитый белый жилет, который доходил до колен, белые короткие панталоны, шелковые чулки и башмаки с бриллиантовыми пряжками; на левой стороне груди я приколол мой персидский орден в бриллиантах, напудрил волосы и надел цилиндр с серебряными полями и перьями.

Мой костюм маркиза был встречен бурными аплодисментами. Бал произвел огромное впечатление на оренбуржцев как своей роскошью, так и замечательным угощением. Здесь можно было видеть всевозможные костюмы, среди них много красивых, сделанных с большим вкусом. Моя жена в своем греческом костюме была прелестна.

Описанное выше можно считать достаточным, чтобы составить себе представление о жизни общества 40-х годов на Урале, т. е. на восточной границе Европы.

Весной 1844 г. велась активная подготовка по оснащению войсковых подразделений, которые должны были с разных сторон перейти линию, чтобы отыскать киргизского батыра Кенисары и рассеять его разбойничью банду. Он решился даже неожиданно атаковать так называемую новую линию, ограбить станицу и совершить много мерзостей. Войска состояли в основном из казаков и конной артиллерии; даже пехота была посажена на коней. Однако экспедиция не имела большого успеха, так как удалось схватить лишь жену Кенисары. Разбойники ускользнули от преследователей на своих быстроногих конях в бескрайней Киргизской степи.

Экспедиция, которая потребовала больших затрат и, как и все предыдущие, не имела успеха, навела губернатора на мысль построить в широкой степи больше фортов для защиты от разбойничьих набегов, подобных тем, что устраивали

Кенисары и компания. Осенью 1844 г. он разработал план и составил схему расходов для их строительства. Я между тем продолжал вести съемку как в губернии, так и в степи; часть топографов я направил и на северо-восточное побережье Каспийского моря, на полуостров Мангышлак, чтобы произвести там съемку местности и выбрать место для строительства крепости в предгорьях Тюб-Карагана.

Летом моя семья снова поселилась на Маяке. Во время верховых прогулок с графом Цуккато мы однажды посетили казачью станицу Берда на Сакмаре, чтобы осмотреть ее, а самое главное — разыскать там девяностолетнюю казачку, которая в молодости видела знаменитого Пугачева и говорила с ним, когда его главная квартира располагалась в Берде, откуда он руководил осадой Оренбургской крепости. У нее еще был ясный ум, и она рассказала нам много интересного об этом отчаянном бунтовщике, который в 1770—1774 гг. потряс Россию и покрыл кровью и руинами ее восточную часть от Казани до Саратова и верхнего Урала, а также Башкирию.

Весной и летом мы развлекались преимущественно верховыми прогулками, в которых принимало участие много дам. Моя жена, смолоду замечательная наездница, ввела здесь это в моду. Мы часто выезжали на прогулку вечером, к великому изумлению жителей. Вскоре нашлись молодые женщины и девушки, которые стали брать уроки верховой езды. Постепенно мы образовали кавалькаду из шести дам и более, которые по вечерам в сопровождении дюжины кавалеров совершали поездки по окрестностям.

Ближе к осени я снова совершил кратковременную поездку в северную часть губернии, в район Бирска (через Стерлитамак и Уфу), чтобы проинспектировать топографическую съемку. Районы, которые я проезжал на этот раз, были не менее живописны, чем те, которые я пересекал в прошлом году, только менее гористые, и я все больше убеждался в том, что Башкирия — прекрасный и богатый край.

1845 год

Зима 1844/45 г. началась представлениями самодеятельного театра и другими развлечениями, балами и вечерами. Мне же неожиданно представилась возможность впервые за восемь лет отправиться на три месяца в столицу. Наш новый генерал-квартирмейстер генерал-адъютант граф Берг[69] предложил мне приехать в столицу, захватив с собой все до сих пор отснятые и переснятые набело полевые измерительные листы оренбургской топографической съемки, чтобы показать их его величеству императору. В конце января 1845 г. в силь-

ный мороз я выехал из Оренбурга, через восемь дней был в Москве и по хорошему санному пути отправился дальше в Петербург. Остановился я у своего друга, доктора Карла Розенбергера, гостеприимством которого пользовался в течение трех месяцев.

После почти восьмилетнего отсутствия (с 27 апреля 1837 г.) я обнаружил в столице много перемен. Мой самый близкий друг, врач Генерального штаба императорского флота Александр Гассинг, неожиданно скончался осенью 1844 г., и я нашел его семью в глубоком трауре; умерли или покинули столицу и другие друзья юности. Мой покровитель, князь Чернышев, в то время военный министр, и генерал-адъютант Берг очень хорошо приняли меня. Я три месяца прожил в столице, посещая театр, оперу, балет и т. д.; короче, я использовал свое соломенное вдовство наилучшим образом. В это время я узнал в военном министерстве, что его величество император якобы одобрил постройку двух фортов в оренбургской Киргизской степи: одного — на нижнем Иргизе, второго — на среднем Тургае. Но тогда я не догадывался, что для строительства первого назначат именно меня.

Мои многочисленные измерительные листы, а также новые съемки в Киргизской степи встретили всеобщее одобрение. К сожалению, их не видел государь; однако его величество велел своему второму сыну, его императорскому высочеству великому князю Константину, просмотреть их. До 1845 г. все съемки государства выставлялись для обозрения в здании Главного штаба; позднее это происходило в самом Зимнем дворце. К пасхе я стал полковником с подтверждением меня в должности обер-квартирмейстера, которую я уже исполнял $3^1/_2$ года. На пасхальном вечере я имел честь в первый раз обняться с его величеством императором, т. е. поцеловать его в обе щеки, как принято по русскому обычаю.

В середине мая я вернулся в Оренбург. Мой шеф был в это время в Орске, занимаясь подготовкой к строительству нового форта. По возвращении он предложил мне взять на себя командование отрядом войск, переводившихся на Иргиз, а также руководство отправкой материалов; на этой реке предстояло выбрать место для постройки укрепления по разработанному плану. Так как я был на Иргизе во время степной экспедиции 1841 г. и произвел съемку его русла, местность была мне более или менее знакома. Я снова на несколько месяцев расставался со своей семьей. Обеспечив себя всем необходимым для новой степной поездки, я отправился в начале июня в Орск, куда уже выехал губернатор.

Приехав в эту крепость, я увидел, что здесь уже вовсю идут приготовления. Гарнизоны для строящихся укреплений были уже сформированы; они состояли из пехоты, оренбургских и уральских казаков, а также артиллерии. Были готовы

к отправке два больших обоза из нескольких сот башкирских телег со строительными материалами — лесом, железом, оконными и дверными рамами, железными печами, хозяйственным скарбом, оконными стеклами, железными инструментами, листовым железом, гвоздями — короче, всем необходимым, чтобы основать большую колонию и хозяйство. Привести все это в надлежащий порядок стоило многих хлопот.

Все необходимое для строительства и оборудования новых укреплений, от первой балки до последнего гвоздя, надо было везти из Орска и Оренбурга по степи на телегах и верблюдах, и это не считая провианта — муки, бисквитов, крупы, овса, спирта (вместо водки), соли, табака и т. д. — для пропитания гарнизонов и башкир. С караваном шли большие стада скота, быки и овцы, а также маркитанты.

Когда все приготовления закончились, оба гарнизона были выстроены перед крепостью в большое каре. После полевого богослужения выступил с речью наш шеф. Он сообщил войскам о желании его величества императора и заранее окрестил воздвигаемые укрепления, назвав их Уральским (на Иргизе) и Оренбургским (на Тургае), потому что гарнизон первого состоял из уральских, а второго — из оренбургских казаков.

Я был назначен начальником первого отряда и строителем Уральского укрепления, а капитан Генерального штаба Рыльцов — руководителем второго отряда и строителем Оренбургского укрепления. Оба каравана-отряда выступили из Орска 20 июня, сначала вместе, потому что губернатор сопровождал нас до пункта разъезда, находившегося приблизительно в 8 верстах от Орска.

С барабанным боем, под звуки труб и с песнями огромный обоз двинулся в путь. Почти все жители Орска собрались по обеим сторонам караванного пути. Обоз из телег и войск полз по необозримой волнистой степи, как огромная змея.

Сначала следовал авангард, состоявший из казаков; затем шла пехотная рота, сопровождаемая артиллерией; за ними двигались телеги, груженные бревнами, досками, инструментами, домашним скарбом, простой мебелью и тысячью мелочей, столь необходимых в большом хозяйстве. За телегами шло множество верблюдов с погонщиками, нагруженные провиантом, кибитками и джуламейками. За ними гнали стада убойного скота для пропитания войск. Часть казаков ехала по обеим сторонам обоза, остальные следовали в арьергарде. Барабанный бой, песни солдат и казаков, скрип телег, крики погонщиков, мычание и блеяние быков и овец, веселый лай собак — все это составляло чрезвычайно интересную звуковую картину.

В нескольких верстах от Орска колонны разделились: моя, при которой еще некоторое время находился шеф, дви-

нулась на юг, вверх по реке Орь, в то время как вторая колонна, под командованием капитана Рыльцова, взяла направление на восток, к реке Тургай.

Генерал-лейтенант Обручев наконец попрощался со мной, пожелал мне успеха и поехал обратно в Оренбург через Орск.

Итак, я предпринял четвертую экспедицию в киргизские степи, на этот раз чтобы оставить там рукотворную память о себе. Я не буду здесь повторять описание ежедневных переходов. Достаточно сказать, что я взял направление на юг и юго-восток, вверх по Ори, а оттуда, оставив справа Мугоджарские горы, вниз по Иргизу. Каждое утро караван выступал с рассветом, до 11 часов проходил 25—30 верст и останавливался на привал на берегу речки или озера. Располагались большим квадратом, три стороны которого составляли башкирские телеги. Так мы оставались до следующего утра. Люди и особенно упряжные лошади отдыхали. В самом лагере было ежедневно много работы: то необходимо было отремонтировать колесо или ось, благо среди солдат и казаков были кузнецы, столяры, плотники, слесари и другие ремесленники, то накосить травы лошадям; некоторые ловили большими сетями рыбу, другие занимались стиркой или охотой на диких уток и прочую дичь — короче, ежедневно в лагере было очень оживленно, как и во время переходов по необозримой степи. Стояла великолепная погода, если не считать того, что прошло несколько сильных гроз. Люди были всегда бодры и веселы, потому что русский солдат — лучший в мире. Если он видит, что начальник хорошо с ним обращается; если его обеспечивают всем, что полагается ему по праву, т. е. он ежедневно получает хороший мясной суп (щи), кашу, хлеб или бисквит и т. д. и три раза в неделю стакан водки; если он к тому же видит, что мучения его не напрасны, то он пойдет за своим начальником в огонь и воду и привязывается к нему детской любовью.

После четырнадцатидневного марша без дневок я прибыл в район нижнего течения реки Иргиз, где мне было поручено выбрать наиболее выгодную точку для основания Уральского укрепления.

Я оставил колонну отдыхать на упомянутой реке, в урочище Айри-Кизил, под надзором надежного казачьего штаб-офицера, а сам с сорока казаками, офицером, двумя топографами и легкой пушкой отправился обследовать окрестности.

Во время экспедиции 1841 г. мне запомнилось одно место, холм Жар-Молла, на высоком, правом берегу Иргиза, господствующий над местностью; он был виден издалека по четырем или пяти высоким могильникам. Я направился туда, пересек по мелководью Иргиз, нашел Жар-Молла (этот рай-

он находился примерно в 400 верстах от Орска) и велел сделать подробную съемку. В течение двух дней мы обследовали все окрестности в поисках более подходящего места, но напрасно.

Течение Иргиза здесь медленное, но он не подвержен неожиданным разливам. Разливается река только весной, когда тают снега; правый берег очень высокий и обрывистый, в то время как с левой стороны простирается необозримая степь. Холм Жар-Молла полого спускается к югу, так что со всех сторон был отличный обзор. Почва — глина и песок вперемешку с солью. На берегах больших озер, расположенных неподалеку от холма, я обнаружил много камыша, который можно использовать как топливо, и соль. Здесь было практически все необходимое для основания форта и поселения.

После трехдневного отсутствия я вернулся к колонне, известил войска, что нашел место для будущего жилья, и меня приветствовали громким «ура!». На следующее утро колонна двинулась на восток. Я выбрал удобный брод, чтобы переправиться на правый берег, приказал остановиться поблизости от вышеупомянутого киргизского захоронения. В то время как люди готовили пищу и отдыхали, я отправился к предполагаемому месту строительства форта, взяв с собой находившихся при мне офицеров-инженеров, двух топографов и нескольких казаков, вооруженных пиками. В сопровождении штаб-офицеров, казаков, башкир и пехоты я еще раз внимательно осмотрел местность и велел отметить пиками размеры нового укрепления; затем я наметил длину стен и двух бастионов (круглых); бастионы должны были возвышаться над расположенными по диагонали углами форта, чтобы с них можно было простреливать соответствующие стороны; измерил землемерной цепью линии мопил, отметил их с помощью палок и деревянных кольев и вернулся в лагерь.

Поскольку численность гарнизона была определена в 400 человек и, кроме того, в моем распоряжении находилось несколько сот башкир, сопровождавших обоз, для насыпки запроектированного вала имелось свыше тысячи рабочих рук. 6 июля гарнизон с песнями вступил на строительную площадку и построился в каре. Священник отслужил полевую службу и окропил святой водой войска и линии границ укрепления. После этого люди с лопатами и кирками встали по 120 человек вдоль всех четырех сторон форта и обоих размеченных бастионов и по сигналу барабана приступили к земляным работам. Они копали, словно кроты, отпуская солдатские шутки, и к полудню ров был готов как по глубине, так и по ширине; был насыпан и вал, которому впоследствии придали нужную форму. Позднее внутренняя стена вала и его

внешний склон были выложены дерном для большей устойчивости и элегантности.

Пока солдаты и казаки рыли ров, башкиры поехали с телегами из лагеря внутрь форта, чтобы выгрузить провиант, бревна, доски, железные и деревянные инструменты; с верблюдов сняли кибитки и джуламейки и тут же поставили, чтобы разместить в них багаж штаб- и обер-офицеров.

Казаки, а также пехотинцы и артиллеристы построили для себя большие временные бараки в виде шалашей, крытых войлоком. Провиант был сложен в пирамиду $3^1/_2$ саженей высотой и 12 саженей длиной. Он состоял, как упоминалось выше, из муки, сухарей, крупы и овса. Все это помещалось в тиковых и рогожных мешках весом от $5^1/_2$ до 8 пудов каждый. Чтобы предохранить мешки от сырости, их сложили на помост из бревен, а сверху накрыли еще рогожами.

Разгрузив свои многочисленные телеги и отдохнув три дня, башкиры отправились назад в Орск. В обратный путь двинулись и верблюды с погонщиками под командованием штаб-офицера, чтобы успеть до осени доставить в строящийся форт новую партию провианта и строительных материалов (лес, доски, железо, гвозди, известь и т. д.).

Люди работали, как пчелы. Они были разделены на отделения, каждое из которых занималось своим делом. Одни изготовляли вручную саманные кирпичи из хорошо замешанной глины; другие — большие кирпичи в форме параллелепипеда, используя при этом прессовальную машину, приводимую в движение шестью-восемью людьми; третьи рыли внутри форта рвы для ледника, порохового склада и фундамент для казармы и госпиталя. С внешней стороны форта, недалеко от фаса, тянувшегося к реке, казаки построили конюшни, причем стены и крыши были сделаны из камыша. Камыш обмазывался тонким слоем глины, которая придавала постройкам прочность и защищала от ветра и непогоды. Повара и пекари вырыли на склоне высокого берега хлебные печи и кухни. Недалеко от форта соорудили также кузницу.

Таким образом, за четыре-пять недель на высоком берегу Иргиза поднялся форт. Здания с дверьми и окнами, конюшни, крытые камышом, говорили удивленным кочевникам, что здесь брошено зерно цивилизации, которое должно принести новую жизнь в эту глухую и пустынную местность. Благодаря постройке укрепления в Киргизской степи, где в течение многих столетий грабили и убивали, кочевники постепенно теряли интерес к баранте (взаимному угону скота).

Знаменитый Кенисары, которого не могли схватить наши мобильные части, исчез из этой местности, ушел дальше на восток, к черным киргизам, на озеро Иссык-Куль, поссорился с ними и был ими пойман в подстроенной ему засаде и зверски замучен: он, как гласит молва, был заживо сварен то ли

в котле с кипящей водой, то ли в кипящем бараньем жире. Он заслужил эту ужасную смерть за совершенные им в Киргизской степи гнусные преступления. Так, однажды недалеко от новой линии он захватил нескольких казаков, которые рыбачили на близлежащем озере и не догадывались, какая опасность им грозит; спасся лишь один, вовремя укрывшийся в густом камыше. Кенисары приказал заживо содрать с несчастных кожу. Спрятавшийся в камыше казак, смертельно перепуганный, вынужден был слушать душераздирающие крики своих несчастных товарищей.

Между тем мои топографы не сидели без дела: они обследовали окрестности, выбрали и засняли землю, пригодную для хлебопашества, а также сенокосные угодья и соленые озера, откуда в форт было доставлено множество мешков с прекраснейшей, белой как снег поваренной солью; наконец, они определили под моим руководством место для основания казацкой и солдатской слобод под прикрытием пушек форта. Одна из них была позднее построена для 20 семей.

По воскресеньям после богослужения и обеда проводились разные игры, чтобы у солдат и казаков было о чем поговорить. При этом я устанавливал небольшие денежные премии, чтобы придать игре больший интерес. Повсюду слышались смех, шутки и солдатские остроты. Настроение людей поднимал и стакан водки, специально выдававшийся по этому случаю. Каждый вечер, в 9 часов, играли вечернюю зорю, давали пароль и закрывали вход в форт и выход за его пределы. Затем на оба бастиона и вокруг зданий с внешней стороны форта выставляли караул. В общем, принимались все меры предосторожности, чтобы обеспечить жизнь и благополучие гарнизона.

Я часто засиживался до полуночи перед своей кибиткой, любуясь прекрасной лунной ночью. Передо мной простиралась необозримая степь, освещенная магическим светом полной луны. В торжественной тишине ночи, нарушавшейся иногда возгласами караула или фырканьем лошадей, было что-то призрачное, а далекие песчаные холмы, очерчивавшие горизонт, возвышались над степью, как белые привидения-великаны.

Сколько пастушьих племен, о которых почти не упоминает история, кочевало в этой безлесной степи! По этой степи мчались на быстроногих конях монголы, чтобы ринуться в Восточную Европу и предать там все огню и мечу. Позже здесь прошли с семьями и скотом тысячи калмыков, двигавшиеся от берегов Волги в Китай; более половины их погибло в пути из-за стычек с врагами, от голода, жажды, холода и бедствий. Лишь в XIX в. европейская цивилизация проникла в эту степь. Баранта и распри среди киргизских племен, кочевавших между рекой Уралом, Каспийским и Аральским

морями и Сырдарьей, стали гораздо реже. Русское правительство делало все возможное, чтобы упорядочить отношения между этими кочевыми ордами. Наконец, оно распорядилось воздвигнуть в различных районах степи форты, гарнизоны которых защищали кочевников от набегов хивинцев и кокандцев. Один из таких фортов, как в сказке, поднялся на правом берегу Иргиза, в 400 верстах к юго-востоку от Орска и в 700 верстах от Оренбурга. В местности, где два месяца назад была глухая степь, развернулась лихорадочная деятельность, из земли вырастали многочисленные постройки и мастерские, вдохнувшие жизнь в эту глушь.

Каждые 14 дней я получал почту из Оренбурга и Орска. Ее возили конные киргизские почтальоны, которые, меняя лошадей, покрывали расстояние от Орска до нового форта, т. е. 400 верст, менее чем за четыре дня.

Прибытие почты для нас, оторванных от мира, было всегда праздником, потому что мы получали известия от родных, а также газеты и служебные бумаги. Отдохнув несколько дней, почтальоны отправлялись назад к линии с письмами и служебными бумагами. Обычно ездили два почтальона, вооруженные карабином и пикой. Их провиант состоял из мешочка с сухарями, крупы (или проса) и курута (сухого овечьего сыра). Жалованье каждого из них составляло 4 серебряных рубля в месяц; на месте они получали свое ежедневное довольствие крупой и бараниной. Так как киргиз великолепно ориентируется на местности и имеет острый глаз, он уже издалека чувствует опасность и выбирает такую тропу, чтобы обезопасить себя от нападения; крайне редко случалось, что на наших почтальонов нападали в степи и грабили.

В хлопотах я не заметил, как прошло лето, т. е. июнь, июль и половина августа. С последней почтой меня известили о скором прибытии губернатора генерала Обручева, который с многочисленным конвоем направлялся сюда, чтобы собственными глазами осмотреть строящиеся укрепления. Кроме того, мне сообщили об отправке второго большого транспорта из верблюдов и башкирских повозок с провиантом для гарнизона, строительными и другими материалами; этих запасов должно было хватить на всю зиму до весны 1846 г. Позднее верховой киргиз привез известие о том, что шеф приедет 26 августа. Я все приготовил для его встречи. Внутри форта, в квартирах и конюшнях все было прибрано; люди надели форму.

26-го, рано утром, я в полевой форме с шарфом, сопровождаемый небольшой свитой, выехал навстречу генералу Обручеву. Проехав 6—7 верст, увидел вдали большое облако пыли. Пришпорив коня, я помчался вперед, чтобы приветствовать генерала и отдать ему рапорт. Дочерна загорелое лицо

и густая борода сделали меня неузнаваемым, и шеф был изумлен моим видом. Он сердечно обнял меня и с нетерпением ждал момента, когда сможет взглянуть на новое укрепление, которое было закрыто неровностями местности. Наконец, когда мы поднялись на небольшой холм, он увидел его. Начищенные до блеска пушки сверкали в лучах утреннего солнца, оба высоких бастиона и вал, покрытые дерном, выделялись на фоне серой степи, а над постройками возвышался сложенный в большие штабеля провиант, накрытый тиком. Начальник был очень обрадован этим зрелищем. Быстрой рысью мы направились к форту, переправились через Иргиз и поднялись по отлогой тропинке на холм, где был расположен форт. Гарнизон уже построился, и когда начальник переехал по мосту через ров, караул отдал ему честь, а солдаты, выстроенные вдоль вала, встретили его громким «ура!». Он поблагодарил людей за службу и работу, слез с коня, обошел вокруг вала, поднялся на оба бастиона, чтобы взглянуть на окрестности. После этого он осмотрел бараки, лазарет, где лежало только пять человек с легкими заболеваниями, пороховой погреб, конюшни, кухню и кузницу и остался всем очень доволен.

Сев на коня, он проехал со своей свитой вдоль берега Иргиза вверх, а затем вниз по реке несколько верст, чтобы, как он признался мне позднее, выяснить, нет ли более удобного места, чем то, которое выбрал я для основания укрепления, но обманулся в своих ожиданиях.

30 августа, в день святого Александра, новый форт был торжественно открыт. Священник совершил благодарственное богослужение, окропил валы и бастионы святой водой. Было дано сто залпов из орудий. Затем для множества собравшихся здесь киргизов устроили праздничный обед, роздали им подарки, а вечером устроили фейерверк. Во время своего пятидневного пребывания в форте генерал Обручев совершил вместе со мной несколько поездок по окрестностям, чтобы осмотреть сенокосы, соляные озера и пахотные земли.

Между тем из Орска прибыл и был разгружен второй большой транспорт с провиантом и строительными материалами. В то время как измученные упряжные лошади отдыхали, башкиры помогали гарнизону заканчивать строительство зимних квартир (землянок). Генерал Обручев назначил старшего штаб-офицера гарнизона комендантом Уральского укрепления и приказал мне ехать с ним в Оренбургское укрепление, чтобы осмотреть его и вернуться затем в Оренбург.

2 сентября мы покинули мое новое творение. Начальника сопровождали 100 оренбургских казаков с двумя легкими пушками, его адъютант, поручик Генерального штаба Р., священник, врач, переводчик и я. Ежедневно мы совершали длительные марши, и бедные овцы, которых гнали за нами

как убойный скот, едва поспевали за колонной. Мы проехали часть степи вдоль Тилькара и нижнего Тургая на северо-восток, где я уже побывал со своим военным отрядом в 1841 г., пересекли однообразную степь, делая очень тяжелые дневные переходы, и уже на шестой день прибыли в Оренбургское укрепление.

Между тем с курьером пришло сообщение, что там среди лошадей свирепствует сибирская язва и более половины казачьих коней пало. Капитан Рыльцов, строивший форт, выехал нам навстречу и подтвердил это печальное известие. Мы расположились в версте к западу от нового укрепления, чтобы наши лошади не заразились, и отправились в него пешком.

Укрепление было сооружено на холме, отлого спускавшемся к реке Тургай и удаленном от нее на версту. Генерал Обручев и я сошлись во мнении, что форт далеко отстоит от воды. Зимние квартиры были большей частью закончены. Они представляли собой выкопанные в земле казармы, окна которых находились на уровне земли. Это были своего рода полуподвалы, и я сказал шефу, что зимой здесь начнутся болезни, потому что во время сильных холодов окна в них не откроешь и не проветришь казармы. Мои предположения оправдались, и цинга погубила многих казаков и солдат. Болезнь прекратилась, когда летом 1846 г. были построены новые, наземные казармы из сухого саманного кирпича. Генерал Обручев был, естественно, в плохом настроении, оставил капитана Рыльцова еще на несколько месяцев в укреплении, чтобы закончить строительство; он оставил там и своего врача, так как предвидел, что у того будет много дела. После того как были приняты все меры, чтобы остановить заболевание лошадей, мы покинули это печальное место и направились в Орск. По дороге мы встретили большой транспорт с провиантом и строительными материалами, направлявшийся под началом казачьего майора Лобова в Оренбургское укрепление. Мы проинструктировали его, как уберечь лошадей, транспорт и конвой от инфекции, и после восьмидневного перехода вернулись в начале октября через Орск в Оренбург. Я нашел свою семью в полном здравии, и генерал Обручев был очень доволен мной.

За степной поход и строительство укрепления я был награжден позднее орденом Владимира 3-й степени.

1846 год

Прошла зима, и моя служебная деятельность, некогда ограниченная лишь ежегодными съемками в губернии и в степи, расширилась. Строительство укреплений на Иргизе и

Тургае побудило губернатора отправить на Сырдарью экспедицию, чтобы отыскать там удобное место для постройки третьего укрепления на правом берегу этой реки. Начальником экспедиции был назначен капитан Генерального штаба С., и началась подготовка к ее снаряжению. Между тем я обратился к нашему генерал-квартирмейстеру графу Бергу с просьбой прислать мне опытного астронома, чтобы определить несколько астрономических пунктов вдоль линии, особенно в районе Орска, потому что съемки в степи давали основание предполагать, что долгота этой крепости вычислена ошибочно. Затем астроном должен был сопровождать капитана С., чтобы определить в степи и на Сырдарье столько пунктов, сколько будет возможно. Мою просьбу удовлетворили, и в конце апреля прибыл мой старый товарищ по службе в Персии капитан Лемм из топографического корпуса. Он присоединился к экспедиции и по пути действительно передвинул долготу Орска на три версты к востоку, что доказывало точность съемок в степи вдоль линии.

В мае вместе с начальником я отправился в Орск, чтобы проинспектировать два больших транспорта, которые должны были доставить в оба степных форта годовой запас провианта и т. д., а также войска, направлявшиеся туда для смены гарнизона, и чтобы отправить в путь экспедицию на Сырдарью и убедиться, что успех ей обеспечен.

Три большие колонны, двинувшиеся из Орска, снова представляли собой интересное зрелище. Как три чудовищно большие змеи, ползли длинные ряды повозок и вереницы верблюдов по необозримой степи, с грузом для обоих степных фортов. Отряд капитана С. присоединился позднее к уральскому транспорту, чтобы проложить себе путь через Уральское укрепление и по пустыне Каракум к Сырдарье. На правах бывалого степного пионера я высказал свои советы капитану С. и капитану Лемму, а последнему дал еще подробные инструкции о дороге и астрономических пунктах, которые он должен был определить на пути туда и обратно, и Лемм, вернувшись в Оренбург, привез определения 70 пунктов.

После нашего возвращения из Орска в Оренбург генерал Обручев дал мне новое задание. Капитан Рыльцов был послан им в начале мая из Орска с небольшим конвоем и офицером-топографом в Мугоджарские горы, чтобы у истоков Эмбы выбрать выгодное место для строительства еще одного укрепления.

Капитан Рыльцов вернулся в конце июня с планом и описанием выбранного им пункта, и теперь генерал Обручев послал меня осмотреть его собственными глазами и выбрать другие, более выгодные, если таковые имеются. Я выехал из Оренбурга в конце июня и отправился в Илецкую Защиту,

укрепленную станицу, построенную у знаменитых соляных шахт, о которых расскажу немного подробнее.

Соляные карьеры у Илецкой Защиты. Эти знаменитые соляные карьеры находятся на той стороне реки Урал, в 64 верстах к югу от Оренбурга и примерно в 6 верстах севернее степной реки Илек, которая образует здесь пограничную линию Киргизской степи. Свое название разработки получили потому, что они находятся недалеко от Илека и в прежние времена были защищены от разбойничьих набегов киргизов земляным укреплением.

В какую эпоху и кем открыта каменная соль, мы не знаем. Известно лишь, что задолго до создания Оренбургской пограничной линии эту соль уже добывали киргизы, как и башкиры, которые совершали ради нее частые набеги в Киргизскую степь. Позднее русское правительство позволило башкирам за небольшой налог добывать и вывозить эту соль. После образования Оренбургской губернии и после того, как в 1753 г. соляные карьеры отошли к короне, башкирам было запрещено вывозить соль, и корона продавала ее каждому по 35 копеек медью за пуд.

Сначала добытую каменную соль использовали только в Оренбургской губернии. Позднее ее стали возить в город Стерлитамак, расположенный в 280 верстах на север от соляных разработок, чтобы отсюда по рекам Белой, Каме и Волге доставлять населению, проживающему вдоль этих рек. В настоящее время (1846 г.) для потребностей страны ежегодно добывается 1500 тыс. пудов соли, хотя добычу можно было бы увеличить, не опасаясь сокращения запасов. В 1847 г. цена за пуд соли была установлена в размере 30 копеек серебром. Соль используют главным образом в районах Оренбурга, Бузулука, Бугуруслана, Уфы, Бирска, Стерлитамака и т. д., а также в Самарской, Симбирской и Казанской губерниях, куда ее привозят спекулянты и где она быстро распродается.

В 1846 г. на соляных работах использовалось 67 царских и 719 вольнонаемных рабочих, последние большей частью из татар Оренбургской губернии. Ежемесячное жалованье вольнонаемного рабочего составляло 7 рублей для отбойщика соли и 5 рублей для носильщика.

Протяженность пласта каменной соли составляет с востока на запад 767 саженей и с юга на север 1006 саженей, что дает площадь в 771 602 квадратные сажени. Толщина соляного пласта неизвестна. Предпринимались попытки пробурить его на глубину 60 саженей (420 английских футов), но конца массе не было. Этот соляной пласт покрыт слоем песка и земли толщиной 10—15 футов и состоит из агломерации кристаллов, в некоторых местах вперемешку с гипсом, который часто является наносным. Находят и каменный уголь,

но крайне редко. Здешняя каменная соль хрупкая, имеет стеклянный блеск, прозрачная и часто даже светлая, как хрусталь. Из этого (последнего) сорта делают различные вещи, например коробки, светильники, четки, даже зажигательные стекла. На первую всемирную выставку в Лондон была послана миниатюрная модель Александрийского столпа, что на площади у Зимнего дворца, высотой около 4 футов, изготовленная из одного куска кристально-чистой каменной соли.

Добывают каменную соль открытым способом. Топорами, насаженными на длинные топорища, вырубают сверху вниз длинные борозды глубиной в 1 и шириной в 3 вершка, отступают на 1 аршин и снова вырубают борозду. Одновременно вырубают поперечные борозды, расстояние между которыми составляет 3—5 аршин. После этого отдельные слои с помощью железных ломов отделяют от своей соляной массы; слои ломают и железными клиньями, забиваемыми снизу. После отделения соляного слоя его разбивают на глыбы по 3—5 пудов; мелкие куски идут в отходы и на продажу. Соляные глыбы, а также мелочь вывозят из карьера на тачках, небольшие куски соли выносят на плечах носильщики. Вся соль, глыбы и мелочь, ссыпается в сараи или в кучи под открытым небом и до продажи накрывается рогожей. Если считать, что в среднем ежегодно добывается 1200 тыс. пудов соли, то выручка от ее реализации составит 360 тыс. серебряных рублей, в то время как короне каждый пуд обходится лишь в 3 копейки серебром.

Запасы этого карьера каменной соли (шахтой его нельзя назвать, потому что соль разрабатывается открытым способом) настолько велики, что, по словам Александра Гумбольдта, побывавшего здесь в 1830 г., он один может на 12 тыс. лет обеспечить все Русское государство замечательной кристально-чистой каменной солью. Однако ограничиваются ежегодной добычей в 1200 тыс. пудов соли, чтобы не составить конкуренцию другим соляным предприятиям или соляным озерам в России, где ведется разработка соли.

Карьер, на котором сейчас (1846 г.) ведется разработка соли, имеет примерно 50—60 саженей в ширину, 100 саженей в длину и 12—15 саженей в глубину. На соляной пласт можно спуститься по удобной деревянной лестнице и наклонным дорожкам (для тачек); дождевая вода откачивается из огромного карьера насосами.

Недалеко от этого карьера находится небольшое соляное озеро, красноватая вода которого так насыщена солью, что, купаясь в нем, не нырнешь: тело остается на поверхности воды. В нем водятся мелкие инфузории черноватого цвета. Рядом с соляным озером находится другое, с пресной водой, которое служит для ополаскивания купающихся в соляном

озере, так как после купания в нем все тело покрывается мелкими кристаллами соли. Недалеко от Илецкой Защиты расположена гипсовая гора, на вершине которой находится маленькая крепость. В склоне под этой вершиной вырублены глубокие пещеры, где зимой тепло, а летом очень холодно, так что жители используют их как холодильники.

В Илецкой Защите меня уже ждал конвой из 200 уральских казаков с легкой пушкой, а также 40 верблюдов (с погонщиками), нагруженных продуктами на месяц и войлочными кибитками. Сюда прибыл также управляющий западной частью Киргизской степи полковник султан Бай-Мухаммед Айчуваков, тот самый, который сопровождал меня в 1841 г. на Сырдарью. С ним были полдюжины султанов и 50 киргизов; он вел с собой 200 кобылиц, которые должны были обеспечивать нас в дороге кумысом.

2 августа мы покинули лагерь на левом берегу Илека и направились прямо на юг по степи, покрытой пышной травой и цветами, к Большой Хобде, притоку Илека. Затем мы поехали вверх вдоль ее правого берега к истоку Уила и оттуда к верхнему Темиру до его впадения в Эмбу. Мы перешли его вброд, чтобы переночевать в покинутом Эмбинском укреплении и осмотреть местность. На пути сюда мы очень часто наталкивались на целые кучи опаленных солнцем останков верблюдов, павших во время похода в Хиву зимой 1839/40 г., а также на множество глубоких следов от башкирских телег. Эмбинское укрепление было построено в 1839 г.; оно служило во время Хивинской экспедиции перевалочным пунктом и продовольственной базой. Туда были завезены большие запасы сухарей, крупы, овса и водки для войск экспедиции.

Валы и бастионы форта, а также ров вокруг него были еще в очень хорошем состоянии, но землянки и склады обрушились. На одном из бастионов я заметил обернутый камышом шест, воткнутый в землю, — знак моих топографов, которые снимали эту часть степи летом 1846 г. Через несколько дней я встретил поручика Криценко с его отрядом на берегу верхней Эмбы, вдоль которой мы продолжили наш путь.

Здесь возвышенности сменялись ущельями, и мы часто располагались в чудесных долинах, потому что находились теперь в Мугоджарских горах. Большие стада сайгаков мчались, как ветер, по степи, не приближаясь к нам; в зарослях тростника по берегам степных речек и озер водились дикие кабаны.

Однажды, когда мы расположились на отдых недалеко от Айрука, самой высокой вершины упомянутых гор, я, сопровождаемый Бай-Мухаммедом с несколькими киргизами, поднялся на нее. Верхом мы доехали до самой вершины, где находилась невысокая круглая стена, выложенная из скальных обломков. Это был сторожевой наблюдательный пост кирги-

зов, когда они совершали набеги на враждебное племя. Хотя Айрук возвышается лишь на 900—1000 футов над уровнем моря, он тем не менее господствует над Мугоджарскими горами, напоминающими сверху застывшие морские волны. Налюбовавшись вдоволь этим горным массивом и раскинувшейся вокруг широкой степью, мы спустились в долину, где располагался лагерь. Затем мы отправились в путь с конвоем до долины Ахты-Кенди, где капитан Рыльцов выбрал место для нового укрепления. По моему мнению, оно имело тот недостаток, что находилось слишком далеко в горах: в зимнее время и в глубокий снег это затруднило бы связь с Орском и линией; по указанной причине оно и было отвергнуто.

Я взял направление на северо-запад, выбрал место недалеко от слияния Темира и Эмбы, где позднее и был построен форт, и поехал затем по плато, называемому Уркач. Здесь берут начало многие степные реки. На этом плато замечательные пастбища, в избытке вода, здесь растут даже ольха и береза и очень много маленьких озер.

Во время перехода с верхней Эмбы сюда мы едва не сгорели во время степного пожара, о котором я скажу ниже.

Киргизы, как упоминалось ранее, имеют обыкновение осенью и весной сжигать старую, жесткую траву, с тем чтобы удобрить степь ее пеплом. Кроме того, они и летом разводят в некоторых местах костры, чтобы подавать сигналы или использовать их как маяки. Как-то раз Бай-Мухаммед, послав нескольких киргизов с поручением к соседним, верным ему племенам, давал своим курьерам посредством дымовых сигналов и костров знать, где находилась колонна в тот или иной день и где она располагалась лагерем.

К моему и всеобщему счастью, я однажды случайно приказал разбить лагерь на солончаке, который, естественно, был лишен растительности. К южной его стороне вплотную примыкала узкая, глубокая долина или, скорее, ущелье, где росла высокая трава и имелась вода; на это пастбище мы пустили лошадей, верблюдов и овец, что спасло их от пожара.

Едва я приказал разбить лагерь, разгрузить верблюдов и отогнать скот на пастбище в упомянутое ущелье, как киргизы Бай-Мухаммеда зажгли степь ниже лагеря, так что ветер относил огонь и дым в противоположную от лагеря сторону. Однако вскоре вдалеке началась гроза, ветер моментально переменился и понес огонь и дым со скоростью урагана к нашему лагерю. Огненный столб, уничтожая высохшую степную траву, быстро приблизился к лагерю; на нас повеяло нестерпимым жаром. Мои казаки быстро сорвали войлочные кибитки и столкнули их в ущелье, имевшее здесь глубину 10 саженей. Туда же сбросили пики, седла, багаж и все, что можно бы-

ло спасти. Огненный столб, извиваясь, подходил все ближе и в одно мгновение охватил весь лагерь. Мы чуть не задохнулись в огне и дыму. Огонь продолжил свое разрушительное действие выше лагеря, пока сильный ливень не потушил пламя.

Все это случилось так неожиданно, что мы несколько минут стояли ошеломленные и после этого поздравляли друг друга с тем, что разбили лагерь на оголенном от травы месте и на краю ущелья. Я строго наказал киргизов за то, что они зажгли степь вблизи лагеря, а полковник Бай-Мухаммед, во время пожара охотившийся на антилоп, по возвращении в лагерь наказал их еще и со своей стороны. Мы все могли сгореть или получить сильные ожоги, а лошади, если бы они не находились в ущелье, — разбежаться и потеряться в степи.

С возвышенности Уркач я взял направление в район Бестамак, или Пять устьев, потому что на этих чудесных холмистых пастбищах сливались пять речушек, которые образовывали Илек, впадающий потом слева в Урал. Так как наш шеф, генерал Обручев, поручил мне среди прочего выяснить во время степного похода, нет ли более короткого и удобного пути, чем тот, который ведет из Оренбурга и Орска для доставки гужевым транспортом провианта с линии в Уральское укрепление, расположенное на нижнем Иргизе, и в качестве исходного пункта назвал станицу Верхняя Озерная, я предпринял поездку от Жаксы Карабутака (правый приток Илека) через горную цепь, отделяющую Илек от реки Урал, однако нашел эту местность холмистой (par trop accidents*) и непроходимой для повозок с грузом. Кроме того, пришлось бы построить мост через Урал у вышеупомянутой станицы, поскольку эту реку здесь нельзя переходить вброд круглый год. Вернувшись в лагерь из поездки на Илек, я направился в Илецкую Защиту, отправил конвой и верблюдов домой и 30 августа, в день святого Александра, возвратился в Оренбург, успев еще на киргизский пир, который генерал Обручев устроил за городом многочисленным султанам и простым киргизам, приехавшим по приглашению издалека. Были проведены соревнования борцов, а также скачки на лошадях и верблюдах. Праздник окончился колоссальным пиршеством, где подавали баранину, плов и арбузы — блюда, которые были съедены в огромном количестве. Киргизам были преподнесены подарки, а вечером устроили фейерверк.

Здесь я хотел бы еще добавить, что каждый раз, когда я возвращался из степного похода в свой дом в Оренбурге, я чувствовал себя стесненным; казалось, мне не хватает воздуха. Это чувство, которое со временем проходит, охватыва-

* Чисто случайно (фр.).

ет каждого, кто долгое время дышал чистым, степным воздухом, спал в кибитке или прямо на земле и кому горизонтом служила необозримая степь. Только постепенно привыкаешь снова к спертому, комнатному воздуху.

В конце сентября из своей экспедиции благополучно вернулись капитаны С. и Лемм. Лемм определил около 70 астрономических пунктов в степи, пустыне Каракум, на Яксарте, а также совершил поездку на Улутау до Сибирской пограничной линии, чтобы связать этот пункт с другими своими съемками. Капитан С. привез результаты съемки и описание выбранного им места на нижней Сырдарье. Он описал этот район в слишком светлых тонах, о чем я не преминул поставить в известность шефа, потому что побывал там в 1841 г. и заснял его. Генерал Обручев, очень довольный проектом, не обратил внимания на мои замечания, но позже убедился, что я был прав.

В течение зимы 1846/47 г. велась подготовка к сооружению третьего форта — на правом берегу нижнего Яксарта; в Оренбурге было даже построено судно для плавания по Аральскому морю.

1847 год

Из Петербурга еще по санному пути приехал лейтенант Краббе (теперь, в 1871 г., морской министр), чтобы наблюдать за строительством судна — небольшой шхуны. Для этой цели он привез матросов и корабельщиков. Строительство шхуны, а также различных барок велось в большом манеже недалеко от моего дома, так что я ежедневно видел, как продвигаются работы.

Для ежегодного снабжения новых укреплений, Уральского и Оренбургского, достаточным количеством провианта и всем необходимым с наступлением весны, в начале мая, туда посылали большие конные обозы и караваны верблюдов из Илецкой Защиты, Оренбурга, Орска и Троицка. Отправку каравана верблюдов из Илецкой Защиты всегда поручали мне. Он состоял обычно из 1500 верблюдов, навьюченных мукой, крупой, овсом и т. п. Я должен был осматривать нанятых верблюдов и их вьюки, вести им точный учет, следить за весом и состоянием груза, составлять список погонщиков верблюдов и проводников, договариваться о плате за наем верблюдов с проводниками (по 5 рублей в месяц за верблюда). Деньги выплачивались управляющему западной частью степи полковнику Бай-Мухаммеду в полуимпериалах. Тем временем прибывал конвой из уральских казаков, который должен был сопровождать караван до форта Уральский и оставаться там на год на смену своим предшественникам.

День выступления такого каравана, состоявшего из множества нагруженных телег и верблюдов, был для меня всегда очень хлопотным. Я должен был поспевать всюду, дабы убедиться, что все в порядке. Крики верблюдов, которых понукали встать на колени, чтобы навьючить, сутолока киргизов, башкир, казаков, помогавших грузить, ржание лошадей, блеяние овец и мычание быков, которых гнали как убойный скот, наконец, выступление длинной вереницы верблюдов, связанных друг с другом по десять голов и погоняемых верховым киргизом, неспешное движение башкирских телег, груженных бревнами, досками и т. д., сопровождаемое множеством лающих собак, — все это представляло собой оживленное и интересное зрелище. Обычно я сопровождал караван несколько верст в степь, по которой он тянулся, как огромная змея, и исчезал наконец на горизонте в облаке пыли.

Отправка большого транспорта из телег и верблюдов из Оренбурга в мае 1847 г. через Орск на Яксарт происходила под наблюдением самого генерала Обручева. В Орске он возглавил колоссальный караван, который должен был доставить все необходимое для гарнизона в 700 человек на год, включая строительные и другие материалы для возведения форта на Сырдарье. Среди этих материалов везли в разобранном виде шхуну и барки; затем везли три ветряные мельницы, предназначенные для степных фортов, бочки с дегтем, парусину, весла, мачты и реи, кирпичи для кладки печей, а также известь, которой не было на юге степи. Это была подвижная колония, снабженная всем необходимым для отдаленного поселения. Генерал Обручев вникал во все детали и даже лично показывал башкирам, как надо смазывать дегтем колеса и оси, чтобы экономно его расходовать.

Этот огромный караван со множеством тяжело нагруженных башкирских телег пробивался вперед с большими трудностями, особенно когда он проходил по пустыне Каракум. К тому же сам шеф, его помощник генерал Жуковский и лейтенант Краббе, которому доверили часть телег с корабельным имуществом, впервые предпринимали такой степной поход и не имели необходимого навыка в проводке каравана по пустыне.

Прибыв наконец к небольшому предгорью или, скорее, холму, возвышавшемуся недалеко от бухты Камыслыбас, на правом берегу Сырдарьи, и получившему свое название от находящегося на его вершине киргизского захоронения Раим, генерал Обручев обманулся в своих ожиданиях, потому что, хотя он и нашел в окрестностях достаточно воды, почва представляла собой неплодородную глину, а вместо обширных лугов он обнаружил необозримый камыш, который годится на корм лошадям лишь на первой стадии роста. Генерал Обручев приказал капитану С. поискать пастбища, которые

тот и нашел в 25 верстах выше нового форта, в урочище Казалы, где исхудалые кони могли отдохнуть. Немедленно приступили к строительству нового укрепления. Глинистая почва давала большие преимущества при отсыпке валов и укреплений, а также для изготовления саманного кирпича. Этим занималось 1500 рабочих, солдат, башкир и казаков, и новый форт, как по волшебству, вырос из земли. Между тем лейтенант Краббе велел собрать и просмолить шхуну, названную «Николай», и поставить мачты. Небольшое судно спустили на воду, и лейтенант Митурич совершил свой первый рейс по Аральскому морю, где доселе не появлялся ни один корабль. Наш начальник назначил командира батальона майора Ерофеева комендантом и строителем укрепления Раим. Он оставил в форте и капитана С., который провел там всю зиму 1847/48 г. и вернулся потом на линию с верблюдами и порожними башкирскими телегами. По дороге генерал выбрал еще одно место, у реки Карабутак, на полпути между Уральским укреплением и Орском, чтобы в следующем (1848-м) году построить здесь небольшой форт для отдыха войск и телег, следующих через степь. После своего возвращения он получил известие, что в укреплении Раим все идет хорошо и что гарнизон отразил несколько нападений хивинцев.

Зима 1847/48 г. прошла без особых событий. Служебные дела и руководство любительским театром заставляли время лететь быстро. Праздник рождества с елкой, который я ввел еще в 1842 г. (впервые в Оренбурге), как и прежде, собрал всех детей наших друзей и знакомых в моем доме. В праздничных хлопотах мы приблизились к роковому году.

1848 год

Мой шеф в Петербурге, генерал-квартирмейстер граф Берг, снова пригласил меня прибыть в столицу с материалами съемки, произведенной в Оренбургской губернии. Проезжая через Москву, я с удивлением узнал о парижских событиях 24 февраля[70]. В Петербурге я опять остановился у моего верного друга Карла Розенбергера, который тем временем во второй раз женился. Его супругой стала Александрина Лауренберг. Родители ее до 1842 г. жили в Оренбурге, и я поддерживал с ними дружеские отношения. Я посетил их гостеприимный дом.

Когда я явился к графу Бергу, он сказал мне, что сейчас не время заниматься показом его величеству съемок и что я должен набраться терпения, пока все не успокоится и политическое положение не прояснится.

Действительно, царило всеобщее возбуждение. Газеты, особенно иностранные, буквально рахватывались, и часто в

кафе и ресторанах было трудно найти газету, так много находилось читателей. Первая неделя моего пребывания прошла среди всеобщего волнения. Однако постепенно наступило спокойствие. Я посещал театры, балет и оперу, навещал друзей и знакомых. Между тем наступила пасха, политические тучи немного рассеялись, и его величество император Николай приказал выставить съемки государства за 1847 г. в Зимнем дворце. Граф Берг привел в выставочный зал сперва ее величество императрицу Александру Федоровну и давал ей пояснения относительно содержания и районов соответствующих съемок. Когда императрица приблизилась к съемкам Оренбургской губернии, около которых я стоял, мой шеф представил меня ее величеству, и она соблаговолила спросить меня, не являюсь ли я сыном антиквара Бларамберга из Одессы, и сказала много лестных слов в адрес последнего (моего покойного дяди). Позднее появился император с военным министром князем Чернышевым, великими князьями Александром и Константином, в сопровождении большой свиты. Приблизившись к моим съемкам, император соблаговолил дружески поздороваться со мной, так как помнил меня еще с 1833 г. Я показал его величеству детали съемок, и, когда государь осмотрел план новой крепости Раим на Яксарте и окрестности вокруг нее, представляющие собой пустыню и песчаные степи, он воскликнул: «Ma foi! Je ne voudrais pas vivre dans un trou pareil» *.

Позднее я получил от его величества дорогое кольцо с бриллиантами и именной шифр царя.

В первых числах мая на Марсовом поле состоялся ежегодный парад гвардии. Был ясный, теплый день, и войска прошли два раза с громким «ура!» перед государем, ее величеством императрицей и двором (который наблюдал за этим зрелищем из шатра). Более великолепных войск, чем эти (их было около 40 тыс. человек), вряд ли где увидишь еще.

Я выехал из столицы 9 мая, несколько дней провел в Москве, 13-го побывал в театре, не догадываясь, что в это время у меня родилась вторая дочь. Далее я отправился через Нижний Новгород, где навестил своего друга Владимира Даля, в Казань. Там я остановился у профессора Эверсмана, осмотрел старинный татарский город, а затем продолжил свой путь через быстро текущую Каму в Оренбург, куда прибыл 21 мая, в день именин своей супруги. Мать, а также новорожденная Ольга вместе с другими тремя детьми были в полном здравии, и я был рад снова оказаться среди своих.

Во время моего отсутствия в Оренбург приехал лейтенант Алексей Бутаков[71] с двумя другими морскими офицерами и десятью матросами, чтобы построить вторую шхуну, назван-

* «Клянусь честью! Не хотел бы я жить в такой дыре» (фр.).

ную «Константин». В состав ежегодного обоза, отправляемого в степь со строительными материалами и провиантом, было включено множество телег с разобранными конструкциями «Константина». Генерал Обручев сопровождал караван в степь и вернулся из Орска лишь через восемь дней после моего возвращения в Оренбург.

Я доложил ему о результатах своей поездки в столицу и успокоил его относительно предстоящей войны в Европе. Между тем к нам незаметно подкрадывался иной страшный враг, вызвавший огромные опустошения по всей России и особенно в Оренбурге, — холера, которая быстро шла от Каспийского моря на север, по Волге и Уралу.

Сначала до нас доходили слухи об отдельных случаях заболевания, тем не менее были приняты необходимые меры предосторожности. Генерал Обручев отправил свою семью в леса Башкирии, в так называемый Пчелиный двор у Стерлитамака, куда он позднее сам отбыл на 14 дней.

В июне началась сильная жара, и холера стала быстро распространяться. Поскольку население города состояло в основном из служащих (военных и гражданских), они не могли покинуть Оренбург; кроме того, в трех слободах жили казаки и солдаты со своими семьями, большей частью бедные люди, которые также держались за свой очаг. Те, кто имел средства, покинули город, чтобы поселиться на природе в Башкирии. Моя семья в начале лета сняла просторную квартиру за городом, в так называемом Царском саду, напротив большого госпиталя. Я остался с денщиком и кучером в нашем городском доме; вечером, после службы, я выезжал за город к семье, но ночевал всегда в городе. Просторный башкирский караван-сарай за городом был отведен под холерный госпиталь, куда доставляли для лечения бедноту.

В начале мая я отправил почти всех топографов и многих офицеров на съемки в башкирские и киргизские степи, так что в Оренбурге остались только несколько молодых топографов и некоторые офицеры.

Каждое утро, в 9 часов, я отправлялся в свое управление заниматься текущими делами, в 2 часа дня приходил кучер, чтобы доставить меня за город к семье.

Как только я выходил из управления на улицу, меня обдавал горячий ветер, дувший словно из печи. Над городом, окруженным валами, постоянно висело облако мелкой пыли. Воздух был раскален, термометр показывал 33° по Реомюру в тени. На улице ни души, кроме похоронных шествий и врачей, которые ездили в своих легких экипажах к холерным больным. Наконец число жертв возросло настолько, что их вывозили на кладбище без всякого обряда. Несколько врачей умерли, другие заболели, и в конце концов остались только два или три врача на тысячу больных и более. Среди

этих немногих особенно выделялся доктор Майдель. День и ночь он не вылезал из своих дрожек, ездил по округе с карманами, полными холерного порошка, который он каждое утро брал сотнями пачек в государственной аптеке. У него едва хватало времени навещать всех своих больных, очень часто при повторном посещении он находил их уже мертвыми. Целые семьи из 12 человек умирали. Вообще, это было страшное время. Я имел обыкновение каждое утро за завтраком выпивать два стакана свежего некипяченого молока и чувствовал себя хорошо при этом. Однако доктор Майдель посоветовал мне заменить пока молоко чаем. Моя жена также досаждала мне просьбами больше не оставаться на ночь в городе. Я уступил ее просьбам, хотя и не боялся заразиться, потому что был фаталистом, подобно мусульманам, которые твердо верят в предначертание. Если мне суждено умереть, то не помогут никакие меры предосторожности. Я переселился за город и ежедневно приезжал оттуда на четыре часа в управление. Я заходил на городскую квартиру, где всегда все было в порядке. Мы придерживались строгой диеты: чай со сливками утром и вечером, на обед мясной бульон, жареные цыплята и красное вино. Поскольку, однако, вместо свежего молока я пил по утрам чай, то заболел холериной, которую наш врач вылечил за восемь дней. Только наша старая няня, которая очень привязалась к детям, почувствовала себя плохо. Она решила поехать, несмотря на наши просьбы и предостережения, в город к дочери и умерла от холеры через два дня.

Каждый день мы слышали о друзьях и знакомых, которых уносила холера. У богатого винодела Звенигородского имели обыкновение собираться по вечерам несколько домашних друзей, чтобы сыграть свою ежедневную партию в вист; из восьми игроков остался в живых лишь сам хозяин, все остальные умерли за несколько дней. Не хватало пробов, и мертвых из холерного госпиталя арестанты дюжинами вывозили каждую ночь на телегах. Их бросали в большие ямы, засыпали негашеной известью и затем закапывали. В церкви иногда стояло до 15 пробов с покойниками, которых должен был отпевать священник; это делалось en bloc * и быстро, так как место увезенных пробов вскоре занимали новые. Я могу лишь с содроганием вспоминать это страшное время. Однажды в воскресенье, когда холера достигла своей высшей точки, в казачьей слободе возник большой пожар, и, так как тушить было некому, сгорел 31 дом. Комендант генерал Лифланд, попытавшийся потушить пожар своими насосами, вернулся к себе больным и через три часа умер.

Когда холера стала уже отступать, из Пчелиного двора вернулся наш начальник, но не в город. Он приказал поста-

* Гуртом (фр.).

вить себе несколько кибиток на Маяке, в 5 верстах от города, недалеко от берега Сакмары, и жил там с двумя слугами и поваром до конца августа. Он не показывался и на улицах Оренбурга, пока не окончилась эпидемия. Примерно из 18 тыс. жителей холера унесла за шесть недель 2800 человек. Почти не было дома, где мор не унес бы одну или несколько жертв, и число вдов и сирот было огромно.

В середине августа я отправился в ежегодную поездку, чтобы проконтролировать съемку. Начальник дал мне задание дойти до границы Пермской губернии и урегулировать территориальные неурядицы между короной и башкирами. Для этого мои топографы должны были измерить спорную землю и поставить пограничные знаки. Я поехал по шоссе из Оренбурга до Стерлитамака, повернул затем на восток и по новому для меня пути, а именно через Уральские горы, по так называемой торговой дороге, отправился в станицу Верхнеуральская, расположенную на реке Урал. Эта довольно широкая дорога, построенная с большими трудностями и затратами покойным графом Сухтеленом в 1830—1831 гг. через леса, долины, по склонам и горам, тянется от Стерлитамака по прямой линии на восток в упомянутую станицу и значительно сокращает расстояние от центра губернии, Оренбурга, до старой линии. Но ею пользовались главным образом лишь башкиры и владельцы металлургических заводов. Я проехал много мостов, переброшенных через ущелья. Дорога безлюдная, по сторонам почти не видно домов, даже почтовых лошадей не достать. У Белорецкого металлургического завода, принадлежавшего генералу Сухозанету, я пересек Белую, которая течет здесь по диким долинам и через густой лес. Когда я спустился в долину реки Урал, я обрадовался, что добрался наконец до восточного склона Уральских гор. От станицы Верхнеуральской я поехал на север через Кундравы и Миасс. Прибыв на границу Пермской губернии, я встретил моих офицеров, которые занимались съемкой спорной территории. Ознакомившись с положением дел, я дал свое заключение, которое было затем отправлено шефу, и направился ненадолго в Пермскую губернию через большой Каштымский металлургический завод в прекрасный город Екатеринбург, расположенный на реке Исети, притоке Тобола.

Я остановился у генерала Шрайбера, с которым познакомился еще в Оренбурге и который пригласил меня тогда в гости. На другое утро я представился начальнику всех императорских горных заводов генералу Глинке, который принял меня очень любезно. В его семье, состоявшей из золовки и трех высокообразованных племянниц, я провел приятные часы. Я осмотрел огромные мастерские, яшмовые, порфировые и другие гранильни, где изготовлялись и шлифовались ко-

лоссальные вазы. Среди них была ваза из яшмы $5^1/_2$ футов высотой, увитая виноградной лозой с ягодами, листьями и т. д., — все из целого камня. Ваза предназначалась для одного из царских дворцов, и над ней работали уже многие годы. Здешние рабочие — очень искусные мастера в шлифовке камня и гравировке. Здесь можно приобрести за доступную цену хорошие печати из горного хрусталя, дымчатого топаза и т. д. с мельчайшей гравировкой гербов и девизов.

Жизнь в городе была оживленной. В городе, большей частью построенном из камня, много больших и красивых зданий. Кроме множества горных служащих здесь проживают и богатые владельцы золотых приисков, ведущие княжеский образ жизни и выбрасывающие на ветер ежегодно большие суммы денег.

Недалеко от города находится знаменитый металлургический завод богача Яковлева. Я побывал на нем с одним из своих петербургских друзей молодости, ранее служившим в гвардии, а теперь командиром батальона в чине майора, — Павлом Фелькнером. Он любезно согласился сопровождать меня, и мы побывали в большом монетном дворе, единственном во всей России, где чеканят медную монету. Миллионы 10-, 5-, 3-, 2- и 1-копеечных монет отправляют ежегодно отсюда во все уголки Русского государства. Великолепны машиностроительные заводы, где под надзором английских и русских техников в качестве движущей силы используется пар.

В день святого Александра (30 августа) генерал Глинка дал официальный обед, а вечером — бал, где я познакомился с прекрасным обществом Екатеринбурга. Здесь, на сибирской границе, я увидел такие же богатые и элегантные туалеты, как за шесть месяцев до этого на берегах Невы. Мне очень хотелось совершить поездку в знаменитый Нижний Тагил на медные, железные, платиновые и малахитовые рудники богача Демидова, но, к сожалению, мое время было ограниченно, и 31 августа я оставил гостеприимный Екатеринбург и моих любезных хозяев. На обратном пути я провел несколько дней на Кыштымском металлургическом заводе, потому что управляющий и его супруга почти силой оставили меня здесь. Гости в этой местности — редкость, поэтому люди счастливы принять их. Его жилой дом представлял собой настоящий дворец, а окрестности с озерами, лесами и холмами были просто удивительны. Отсюда я поехал в Златоуст кружной дорогой, которая была проложена через густой лес. На просеках я видел много довольно больших поселений углежогов. Это отвлекло меня, и я стал с интересом разглядывать своеобразные постройки в этой глуши, способ обжига огромной древесной массы. Весь этот уголь поступает на близлежащие доменные печи. В Златоусте я на этот раз не стал задержи-

ваться, а поехал прямо на казенный Саткинский металлургический завод, где меня гостеприимно встретил горный офицер Мюллер, образованный человек и родственник богача барона Штиглица. Он подробно ознакомил меня с предприятием. Особенно заинтересовал меня способ изготовления листового железа с помощью двух огромных цилиндров, между которыми пропускалась заготовка. Поразили меня и большие ножницы, которые обрезали края железного листа. Они приводились в действие с помощью водяного механизма и постоянно были в движении.

На обратном пути, в Уфе, я нанес визит гражданскому губернатору генералу Балкашину, старому другу по Оренбургу, жившему в великолепном поместье за городом. Он показал мне свой чудесный дом и окрестности, которые, как уже упоминалось, очень живописны. В этом году в Оренбурге не произошло ничего такого, о чем следовало бы упомянуть. Служба, вечера, балы и любительский театр занимали много времени в нашей жизни, и год прошел быстро.

Глава VIII

1849—1855 годы

1849 год

В начале мая, как обычно, я был занят отправкой топографических отрядов в степь и на север губернии, а также каравана верблюдов и конного обоза со сменными гарнизонами в степные форты. Семья моя проводила лето в прекрасном поместье Ташла у его гостеприимного владельца Николая Тимашева. В августе я отправился в ежегодную инспекционную поездку. На этот раз я отправился через Уфу на северо-восток на металлургические заводы в Симе и Миньяре, расположенные на реке Сим, притоке Белой, и принадлежащие богачу Балашову. С управляющим этих крупных металлургических заводов, отставным полковником горного корпуса Мевиусом, я был знаком. Он всегда приглашал меня к себе во время моих инспекционных поездок. Дорога из Уфы в Сим идет в основном через густой лес, в котором не редкость медведи, и часто через болотистые места с перекинутыми через них длинными деревянными мостами. Мой легкий экипаж сильно подбрасывало на этой ухабистой дороге, и я приехал на металлургический завод со сломанным передним колесом. Полковник Мевиус принял меня в своем просторном, с большим комфортом обставленном доме и представил своей семье. Он жил и властвовал здесь, как удельный князь, над 3000 рабочих и крестьян с их семьями и вел очень деятельную, но почти замкнутую жизнь. В эту дикую местность редко приезжали гости, и они всегда были для семьи радостным событием.

В 1830 г. я служил на Кавказе с владельцем металлургических заводов Александром Балашовым, в то время прапорщиком гвардейского Измайловского полка. Это был образованный офицер, богач и бонвиван. Он присоединился ко мне и к полковнику Рокассовскому во время похода против черкесов под командованием фельдмаршала графа Паскевича. Нам было приятно его общество. С ним был и замечательный повар — преимущество, которым в поле не пренебрегают. Позднее он женился на одной из дочерей упомянутого фельдмаршала, имел двух мальчиков, но его молодая

супруга умерла в Риме, и вскоре он последовал за ней. Оба мальчика были взяты под опеку. На их воспитание было выделено 20 тыс. рублей ассигнациями в год. Так как ежегодный чистый доход составлял 150 тыс. рублей ассигнациями, остаток клали в государственный банк, чтобы он приносил проценты до совершеннолетия обоих молодых людей. Можно себе представить, как богаты они были уже в молодости. Об этом рассказал мне полковник Мевиус.

Его комфортабельный дом был построен из камня и железа. Железная лестница, колонны, камины и т. д. украшали интерьер. К дому примыкали оранжерея и обширный, со вкусом разбитый сад. Широкие улицы рабочего поселка, как и дороги к доменным печам, кузницам и т. д., были посыпаны битым шлаком и утрамбованы, так что не было видно грязи. Полковник Мевиус подробно ознакомил меня с этими крупными металлургическими заводами, показал шлюзы, которые питают водой реку Сим, когда в половодье множество барок, груженных железом, отправляется вниз по Симу в Белую, оттуда в Каму и, наконец, в Волгу до Нижнего Новгорода, где полосовое железо продается на ярмарке за наличные, а барки сбываются на топливо. Мой любезный хозяин рассказал мне, что ему не приходится скучать. Он постоянно в разъездах — верхом, в кабриолете или на санях, потому что ему надо побывать на железных рудниках, в угольных копях, на рубке леса, на металлургических заводах, в кузницах и на доменных печах; много дел у него и в конторе; приходится разрешать и спорные вопросы с рабочими и их семьями и т. д., так что он возвращается домой смертельно усталый.

Проведя здесь несколько приятных дней, я поехал на съемки в северную часть губернии, в район Бирска, где нашел своих топографов в густом лесу, в котором надо было прокладывать просеку, чтобы можно было работать с измерительным столом и цепью. Здесь бедным топографам часто бывало тяжело; далеко от деревень и человеческого общества они вынуждены были довольствоваться самой простой пищей и видели лишь своих проводников и рабочих-башкир. Иногда им случалось проводить ночь на деревьях, спасаясь от медведей, которые хозяйничали в этих лесах. Вообще, тяжелая служба — быть настоящим топографом. И этот столь нужный корпус повсюду снискал признание, которого и заслуживает.

На обратном пути я заехал к богатому виноделу Виктору Звенигородскому, которому принадлежало прекрасное имение в 140 верстах от Оренбурга и в 15 верстах от Ташлы. Он был большой бонвиван, имел хороший стол, замечательные вина и был известен своим гостеприимством по всей губернии. В его деревне находилась великолепная каменная церковь, а около просторного комфортабельного дома был

построен большой каменный флигель, специально для гостей, в котором могли удобно разместиться четыре-пять семей. В летнее время он принимал множество гостей. Он был также большим любителем-садоводом, имел оранжереи и парники. Через обширный сад протекал быстрый ручей с кристально-чистой водой, который в жаркий летний день манил гостей. Общество развлекали его красивые дочери, и здесь всегда было очень интересно.

Из этого прекрасного имения дорога ведет через лес, пашни и степь в Ташлу, к ранее уже упоминавшемуся богатому помещику Тимашеву, который владел здесь 120 тыс. десятин земли и 3 тыс. крестьян. Его трехэтажный дом, построенный из камня, с флигелями, будуаром и высокими, просторными залами и комнатами, достаточно вместительными, чтобы принимать большое число гостей, в которых летом не было недостатка, представлял собой настоящий замок. В 1840 г. здесь кроме моей семьи жила еще семья инженер-полковника Гершау. Супруга гостеприимного хозяина Надежда Афанасьевна, урожденная Толмачева, была близкой подругой моей жены. Поездки или прогулки пешком в соседние леса и долины, замечательно оборудованная купальня на берегу горного ручья, вечера музыки, пение и душевные разговоры делали пребывание в Ташле очень приятным.

Наши зимние развлечения, балы, вечера и любительские спектакли продолжались.

1850 год

Летом и осенью 1849 г. капитан А. Бутаков ходил в плавание по Аральскому морю, которое тогда еще не знало кораблей, и заснял его побережье; он же открыл Царские острова, из которых остров Николая * довольно велик. На нем он обнаружил много сайгаков, которые приближались к матросам без страха, потому что еще не видели людей. Так как опыт показал, что обе шхуны, «Константин» и «Николай», из-за наличия килей непригодны для плавания по Аральскому морю и Сырдарье, капитан Бутаков был послан в Моталу (Швеция), чтобы проследить за строительством нескольких заказанных правительством плоскодонных железных пароходов и барок. Эти маленькие пароходики прибыли весной 1850 г. в разобранном виде через Петербург по водной системе в Самару и оттуда на колесах в Оренбург; затем их переправили в укрепление Раим, называемое также и Аральским, чтобы там собрать их и спустить на воду. Опытный и образованный морской офицер впоследствии подробно исследовал

* Ныне остров Возрождения.

Аральское море, определил много астрономических пунктов вдоль побережья, а также положение устьев Сырдарьи и Амударьи. Мои съемки в степи и в губернии имели очень большой успех и продолжались. Я совершал свои ежегодные инспекционные поездки в Башкирию, в то время как моя семья проводила жаркое время года также в Башкирии, в деревне Новое Сельцо, имении генерала Балкашина.

В течение лета и осени ничего существенного не случилось; только из Бухары прибыл слон в подарок его величеству императору от тамошнего эмира; слон зимовал в Оренбурге, его ежедневно водили гулять, и он научился очень быстро находить те дома, где ему давали сахар и другие лакомства. Однажды весной он остановился у открытых окон моего дома, положил хобот на карниз и умными глазами посмотрел на детей, которые не уставали подавать ему большие куски сахара, белого хлеба и другие лакомства; затем он спокойно ушел. Позднее его отправили своим ходом, надев на ноги своего рода короткие сапоги, в Самару, а оттуда по воде до столицы и в Царское Село, в императорский зверинец.

Зиму 1850/51 г. мы провели в обычных развлечениях. Сюда, в далекий Оренбург, добрались и несколько музыкантов, чтобы дать концерты. Балы сменялись представлениями нашего любительского театра, и беднякам не приходилось жаловаться. 1850 год завершился большим балом в Дворянском собрании с взаимными пожеланиями счастья в Новом году, под звон бокалов с шампанским.

1851 год

Карнавал был шумным. В последний день масленицы мы совершили великолепную санную прогулку по улицам города. Естественно, не обошлось и без большой барки, которую поставили на полозья и в которую впрягли 10 лошадей. В нее забрались музыканты и гости, и под смех и шутки этот санный поезд промчался по главной улице. Затем у генерала Обручева устроили matinée dansante* с блинами, после чего состоялось представление нашего любительского театра, и, наконец, в Дворянском собрании был дан бал с ужином. Наш начальник не догадывался, что это был последний праздник, в котором он принимал участие.

В марте из Петербурга прибыл фельдъегерь, который вручил нашему начальнику орден Анны, украшенный бриллиантами, а также официальное предписание, по которому его как члена сената переводили в столицу. На его место

* Утренний бал (фр.).

император во второй раз назначил графа Перовского. Известие об отзыве нашего шефа с быстротой молнии распространилось по городу и вызвало необычайное волнение.

Прибытие графа Перовского в мае было встречено с радостью жителями Оренбурга, поскольку его и раньше знали как щедрого и справедливого начальника. Но внешне это был уже не тот Перовский, который мог проехать верхом 100 верст и при этом не чувствовать особой усталости. За те девять лет, что его не было, он сделался болезненным; особенно он страдал от астмы, которая уже многие годы не давала ему лежать в постели. Он спал только сидя в кресле. В последние годы своего земного бытия он был вынужден спать с креозотными трубочками в обеих ноздрях, чтобы по возможности облегчить приступы астмы. Из старых сослуживцев и знакомых графа не осталось почти никого, кроме меня, генерала Балкашина и В. Звенигородского. С ним приехало довольно много адъютантов, новых чиновников и личный врач, так что оренбургское общество обновилось, что обычно случалось при смене генерал-губернатора.

До своего прибытия сюда граф поручил своему старому другу, виноделу Звенигородскому, а также прежнему адъютанту, теперь генералу, Балкашину, подыскать новую летнюю кочевку в Башкирии и построить необходимые летние жилища. Такое место было выбрано в живописном районе, примерно в 129 верстах к северу от Оренбурга. Как по волшебству, из земли поднялись 10—12 коттеджей разной величины, среди них дом для самого графа, столовая и дома как для семей, так и для холостяков. Во все постройки была завезена мебель. Граф сразу же переехал туда, сопровождаемый несколькими семьями, которые он пригласил. Кто бы из его близких знакомых ни приезжал к нему, они были ему всегда желанны. Само собой разумеется, что его гостеприимство было княжеским и никому из гостей не надо было ни о чем заботиться. От 7 до 9 часов утра в столовой был накрыт завтрак как для господ, так и для дам, которые постепенно собирались туда в простых утренних туалетах. В 2 часа дня гонг созывал к изысканному обеду из четырех блюд; вино и другие напитки были в изобилии. Любезный хозяин из-за своего недуга был теперь очень умерен в еде и питье. После кофе каждый отправлялся в свою комнату, условившись предварительно на вечер о верховой прогулке или поездке по окрестностям. Чай подавали либо снова в столовой, либо в комнате одной из приглашенных дам. За всеми этими занятиями летние дни проходили быстро. Граф работал очень много; каждые два дня из города приезжали высшие чиновники с бумагами для доклада и подписи. Была введена не только регулярная доставка почты, но и летучая почта с помощью верховых нарочных из башкир, которые были рас-

ставлены графом по четыре человека через каждые 10 верст от Оренбурга до летнего лагеря и везли почтовые пакеты и депеши галопом от поста к посту, так что депеша доставлялась в лагерь графа за восемь часов. Перед входом в летний лагерь был выставлен своего рода караул из башкир. Караульный унтер-офицер спрашивал имя и звание прибывшего, записывал все на листок и отводил гостю жилище. Граф принимал прибывших либо за обедом, либо за чаем. В темное время у входа в летний лагерь зажигали большой костер из сложенных в кучу сухих веток: в холодные ночи около него обогревался караул; кроме того, он служил маяком для гостей, которые приезжали ночью. Иногда граф устраивал для своих гостей народный праздник; приглашались многие башкирские султаны со своими подданными. Во время праздника устраивали скачки на лошадях, соревнования борцов, прогулки в лес при факельном освещении, иллюминации, фейерверки. Выступали и башкирские артисты, т. е. музыканты, игравшие на кубызе, национальном инструменте.

Лишь осенью, когда выпал иней, граф вернулся в Оренбург. Здесь в первую зиму он устроил нам великолепный бал с ужином. Любительский театр продолжал свои выступления, но моя супруга после первого представления отказалась от поста директрисы, а я — от должности кассира и руководителя, потому что она получила известие о смерти матери, которая скончалась в ноябре 1851 г. в одном из своих имений на южном берегу Крыма. В нашей семье был траур, и жена отказалась в эту зиму от всех развлечений и занималась лишь воспитанием наших четырех детей, которые росли бодрыми и здоровыми. Так заканчивался первый год второго периода пребывания графа Перовского в качестве губернатора, во время которого я, как обычно, продолжал свои съемки в степи и в Оренбургской губернии, продвигавшиеся быстро вперед.

1852 год

В начале мая я отправил из Илецкой Защиты ежегодный большой караван из верблюдов и башкирских телег с провиантом, бревнами, досками и сотней других предметов в степные форты и на Сырдарью.

Кроме отрядов топографов, которые я ежегодно посылал на съемки в Киргизскую степь, из форта Раим по приказу графа Перовского были отправлены четыре топографа во главе с поручиком Головым из того же корпуса в сопровождении 80 казаков. Они должны были произвести съемку местности вдоль правого берега Сырдарьи, вверх, до района кокандской крепости Ак-Мечеть (Белая мечеть), чтобы озна-

коmиться с районом по ту сторону форта Кош-Курган (до него продвинулся поручик Романов во время моего степного похода в 1841 г.), которая представляла для нас еще terra incognita. Эта рекогносцировка была необходима еще и потому, что кокандцы часто совершали набеги из Ак-Мечети на наши районы, угоняли скот и грабили киргизские племена, находившиеся под русским покровительством.

Поручик Голов произвел съемку правого берега на расстоянии 270 верст от Раима. Когда до крепости Ак-Мечеть оставалось еще 80 верст, ее комендант послал к поручику Голову депутацию, которая потребовала от него остановиться и немедленно повернуть назад, пригрозив, что в противном случае его заставят силой. Так как вдали действительно показались кокандские всадники и у Голова не было ни приказа, ни средств, чтобы вступить с ними в бой, он вернулся в Раим и прислал рапорт о случившемся графу Перовскому. Последний решил отправить туда кого-нибудь с более сильным конвоем, чтобы произвести там съемку. Выбор пал на меня. Он предложил мне выехать в Раим, дал полномочия взять у тамошнего коменданта столько войск, казаков и пушек, а также верблюдов и транспортных средств, сколько я найду нужным, и действовать так, чтобы об экспедиции пока никто не знал, кроме него, меня и начальника штаба.

Именно в тот период я закончил приготовления к отправке моей жены с детьми в Южный Крым, где ее присутствие было необходимо для раздела материнских имений между сестрами. Я воспользовался этим поводом, чтобы произвести тайные приготовления к экспедиции, уверив жену в том, что собираюсь после ее отъезда в Крым предпринять ежегодную инспекцию района съемок. Она не догадывалась о моем предприятии ни в тот момент, ни позднее, когда я посылал ей в Крым письма с фиктивными датами и городами, такими, как Троицк, Златоуст и т. д. Она выехала 1 июня с четырьмя детьми, гувернанткой, горничной, кучером и казачьим унтерофицером через Уральск, Вольск, Саратов, Царицын, Новочеркасск, Ростов, Мелитополь, Перекоп и Симферополь в материнские имения, расположенные на Альме, Каче и Черной; они ехали днем и ночью и проделали за 18 дней расстояние в 2750 верст.

Тем временем я получил инструкцию и 6 июня выехал в Орск с писцом и офицером-топографом. 7-го я прибыл туда, взял у тамошнего коменданта конвой из 12 казаков и отправился в степь в легкой пролетке по дороге, которая вела в форты. Меня сопровождали вышеупомянутые лица, а также повар и слуги. 10-го я прибыл в Карабутак, расположенный на возвышенности. Я осмотрел форт и окрестности и сменил казачий конвой. 14-го я приехал в Уральское укрепление, мое творение, которое нашел в хорошем состоянии. Осмотрев его

и оросительные каналы, я снова сменил конвой и 15-го продолжил свой путь через пустыню Каракум на юг. Здесь я нагнал большой караван, который направлялся из Орска с годовым запасом провианта и сменными гарнизонами в форты, и 20-го прибыл в укрепление Раим (Аральское). Расположенное в предгорьях, оно было довольно велико. Комендант укрепления майор Энгман, старый мой знакомый, и его жена приняли меня с распростертыми объятиями. Я осмотрел форт, казармы, госпиталь, крытые листовым железом и имевшие дощатый пол, и нашел все в отличном состоянии. Я передал майору данные мне инструкции, и он приготовил имевшиеся под рукой продукты и все необходимое; однако я вынужден был ждать прибытия большого каравана и сменного гарнизона.

22-го я осмотрел гарнизонные огороды, расположенные на правом берегу Яксарта и орошаемые искусственно; совершил поездку на реку и исследовал окрестности укрепления. 24-го и 25-го прибыли войска и караван. Между тем мне оказали честь и предложили, к моему удивлению, посмотреть спектакль любительского театра. После прибытия каравана я оставил себе 125 верблюдов, наняв их на два месяца у владельцев. 27-го я отправился по воде к изящному укреплению Кос-Арал, расположенному у впадения Сырдарьи в Аральское море. Начальником моей пехоты я назначил поручика Богдановича, который командовал фортом; кроме того, я забрал себе 20 его лучших стрелков. После этого я вышел на большой барке в море, чтобы осмотреть огромные осетровые промыслы. Мы обнаружили на удочках пять осетров и забрали их с собой. 28-го я вернулся в Раим, 29-го провел учебную стрельбу из кремневых ружей, мортир и конгривовских ракет, а 30-го проинспектировал войска, которые должны были меня сопровождать. Всего в моем распоряжении было 125 пехотинцев, 200 уральских казаков, 3 пушки (3-, 6- и 10-фунтовая) с прислугой, 10 башкирских телег и 125 верблюдов с проводниками; наконец, байдарка. Этот отряд мог в крайнем случае провести небольшую операцию. Продовольствием мы были снабжены на 30 дней.

3 июля, в 4 часа утра, отряд выступил с песнями. Дорога была пыльная, и дул сильный ветер. До переправочного пункта Майлибаш, куда мы прибыли 5-го, я следовал по той самой дороге, по которой проходил в 1841 г. Последний этап в 33 версты, проходивший по южной части пустыни Каракум, без воды, при температуре 30° по Реомюру в тени был очень изнуряющим; несколько солдат были в обморочном состоянии. Однако, прибыв в час дня на Сырдарью, мы обнаружили для лошадей и верблюдов хорошее пастбище, и солдаты и казаки приободрились, искупавшись в реке. Отсюда я направился вверх вдоль Сырдарьи, в сильную жару совер-

шил пять тяжелых дневных переходов, оставил справа расположенную на острове и ранее нами разрушенную кокандскую крепость Кош-Курган и расположился 12-го у озера Караколь. Здесь жил так называемый киргизский святой, по имени Марал-Ишан, владевший отличным скотом и лугами. Он показался мне очень подозрительным, поскольку был предан кокандцам. Я с удовольствием увел бы его с собой, однако сопровождавшие меня киргизы испытывали священный трепет перед ним и, вероятно, не позволили бы это сделать. Мы попали теперь в район, где было несчетное количество комаров. Марал-Ишан носил с собой большое опахало, сделанное из лошадиного хвоста, и постоянно им обмахивался. Мы много натерпелись от них, ибо с каждым шагом, который делала пехота в высокой траве, на нас нападали миллионы комаров.

13-го, в 3 часа утра, мы покинули лагерь. Пройдя 5 верст, переправились на пароме через рукав озера Караколь и двинулись по песчаной равнине, покрытой частично камышом, частично тамарисковым кустарником. Проделав путь в 23 версты, мы расположились у почти высохшего озера Ак-Чуй при температуре 28° в тени. Небо уберегло меня и мой отряд от страшного несчастья, которое могло случиться из-за тупости одного башкира. На двух башкирских телегах везли четыре бочки пороха, по 3 пуда каждая, упакованные в рогожу и предназначенные для взрыва крепостных стен. Эти телеги следовали вплотную за пушками под особым наблюдением артиллерийского поручика Ромишевского. Курить у телег было строго запрещено. Однако случилось так, что этот офицер немного задержался в арьергарде, когда одна из пушек при переходе через брод Алаколь застряла в иле. Воспользовавшись его временным отсутствием, башкир спокойно закурил трубку. Едва он сделал первую затяжку, как поручик Ромишевский уже подъехал с отставшей пушкой. Глупый башкир в страхе, что его поймают и накажут, поспешно спрятал свою трубку в рогожу, в которую была упакована пороховая бочка, не догадываясь, что это может причинить непоправимую беду. К счастью, поручик Ромишевский сразу заметил тонкую струйку дыма, поднимавшуюся из-под рогожи, выдернул трубку, сломал ее на мелкие кусочки и немедленно вылил воду на рогожу из своей полевой фляги, устранив тем самым опасность. Глупого башкира я приказал как следует отколотить и в качестве арестанта направить в арьергард для несения караульной службы.

С 14-го по 17-е мы совершали тяжелые дневные марши при температуре до 31° по Реомюру в тени, двигаясь вдоль Караозека, рукава Сырдарьи, густо поросшего камышом, в котором водились дикие кабаны, а также тигры. Мы расположились на восточном берегу озера Бабистинколь и вблизи

Караозека. Здесь снова начали съемку, потому что небольшой отряд поручика Голова с топографами был остановлен кокандцами как раз в этой местности.

18-го мы прошли 23 версты, пробираясь между песчаными холмами, поросшими саксаулом и тамариском. Земля была изрезана глубокими каналами, и когда мы подошли к месту, называемому Беш-Арык (Пять каналов), то увидели, что каналы полны воды. Четыре из них мы перешли вброд. Подъехав к пятому, который по ширине можно сравнить с рекой Уралом у Оренбурга, я также хотел переправиться через него с авангардом, но моя лошадь сразу же оказалась по шею в воде. Размышляя о том, что делать дальше, я увидел на противоположной стороне бегущего к нам по степи киргиза, который как был в одежде бросился в воду, быстро переплыл канал и сообщил мне, что пришел из района Ак-Мечети, где уже знают о моем приближении от псевдосвятого Марал-Ишана и откуда выслали мне навстречу посольство, чтобы узнать о цели моего степного похода. Далее он сказал мне, что этот канал, заполненный водой во время сильного разлива Сырдарьи, не имеет теперь брода, за исключением одного, который доступен только верблюдам и который он хотел показать мне, а затем проводить до Ак-Мечети. Он добавил, что принадлежит к роду Жабас и зовут его Тайпе, что его самого и соплеменников безжалостно угнетают кокандцы и что все тамошние киргизы преисполнены надежды на помощь русского правительства, которое освободит их от угнетателей. Тем временем мой отряд подошел к берегу. Я сразу же приказал развьючить верблюдов, затем послал всех казаков с серпами на канал, чтобы нарезать растущий там невысокий камыш и связать из него снопы. Из них связали потом своего рода фашины, соединив веревками. Получился плот, называемый киргизами «сал»; они используют такие плоты для переправки семей, овец и скарба через Сырдарью.

За час работы изготовили три или четыре таких больших сала и тут же стали переправляться на них через канал. Переправу начали с багажа и артиллерии. Лошади переплыли канал, подгоняемые нагими казаками, в то время как верблюды, на горбах у которых был уложен мешок с провиантом да еще сидел солдат с походной сумкой, ружьем и т. д., переходили на противоположный берег по брюхо в воде. Сцена эта была очень живописной, и один из моих топографов набросал два эскиза, которые я до сих пор храню как дорогую память. Ржание и фырканье лошадей при переправе через канал, крики верблюдов, мычание убойных быков, громкие возгласы и понукания казаков и солдат, смех, когда один пехотинец упал с верблюда и принял вынужденную ванну, — все это делало переправу через водное пространство занимательной. Через два часа переправа была закончена, и я на-

правился к противоположному берегу на имевшейся у нас единственной байдарке, когда увидел приближавшуюся кокандскую депутацию. В нее входили четыре человека, среди них один бухарский купец. Но я их не принял и приказал взять с собой. Ночной лагерь я расположил на восточном берегу канала, среди камыша и лугов.

19 июля я продолжил марш по песчаным холмам, но вынужден был сделать большой обход из-за разлива Сырдарьи. Отряд вел Тайпе. Мы должны были прокладывать себе дорогу сквозь лес из высокого колючего кустарника, через который вела лишь узкая пешеходная тропа, изрезанная множеством углублений и высохших каналов, что чрезвычайно затрудняло движение колонны и растянуло ее. Выбравшись наконец из колючего кустарника, где особенно тяжело пришлось артиллерии (саперы вынуждены были идти впереди авангарда и выравнивать кирками и лопатами неровности узкой тропы), мы снова пошли по песчаным холмам и через возделанные поля, прорезанные множеством оросительных каналов. Наконец вдалеке показалась пресловутая Ак-Мечеть. Пройдя в этот день, считая с обходом, 25 верст, я расположился, обойдя крепость, напротив восточного фасада форта на расстоянии 200 саженей от него.

В 1852 г. Ак-Мечеть представляла собой большой форт с двойным рядом стен. Он имел форму огромного параллелограмма со сторонами в 100 саженей, окруженного рвом с водой. Внешние стены, высотой 9—10 футов, были построены из саманного кирпича или глины. Вдоль его внутренних стен располагалось множество лавок и других построек, возведенных из глины, с конюшнями и складами. Внешняя стена была зубчатой. В центре параллелограмма находилась цитадель, тоже в форме параллелограмма, с толстыми зубчатыми стенами высотой в 4 сажени; по четырем углам цитадели возвышались башни. Цитадель также была окружена глубоким рвом. Ворота внешних стен крепости были открыты, и я увидел во внутреннем дворе большие кучи глиняных глыб; множество таких глыб было сложено и на стенах цитадели вдоль верхнего края бруствера; как позднее я узнал, к сожалению на собственном опыте, их сбрасывают на головы атакующих. Упомянутые глыбы из глины служили также для того, чтобы быстро возводить необходимые стены, траверсы и т. д. или спешно заваливать изнутри ворота.

Расположив отряд на отдых, я взял 20 казаков во главе с есаулом Бурениным и объехал вокруг крепости на расстоянии 20—25 саженей от нее. Поскольку я держал посланную ко мне депутацию в лагере, начальник гарнизона не знал, с каким намерением я сюда прибыл, и дал мне спокойно произвести рекогносцировку. Но я ясно видел через бойницы внешней стены сверкающие ружейные стволы, и, вероятно, гарнизон был го-

тов ко всему. Между тем я убедился, что пленный командир крепости Кош-Курган, Мирза-Рахим, которого я допрашивал за две недели до этого в Аральском укреплении, говорил правду и что трудно, если не совсем невозможно, взять такую крепость, как тогдашняя Ак-Мечеть, штурмом с моим небольшим отрядом. Однако согласно полученному приказу я обязан был хотя бы попытаться. Я послал через задержанного мной бухарского купца Казак-бея коменданту крепости записку на татарском языке, в которой изложил ему цель своего прибытия сюда и предложил оставить крепость и беспрепятственно отправиться с гарнизоном в Туркестан.

Батыр-Баса, комендант, ответил мне, чтобы я дал ему четыре дня на размышление: он ждал помощи из Ташкента и хотел выиграть время. Но я дал ему только шесть часов. В ночь с 19-го на 20-е я выпустил несколько ядер и гранат по внутренней крепости, чтобы запугать гарнизон, который, как мне сообщили, состоял из 200 человек. Кокандцы тут же ответили на мою стрельбу огнем из своих 3-фунтовых фальконетов, которые были установлены на бруствере цитадели четырехсаженной высоты; по этой причине их ядра перелетали через мой лагерь, и только один казак был легко ранен.

Если бы я расположился на большем расстоянии от стен Ак-Мечети, то кокандские ядра (железо, обернутое свинцом) попали бы в лагерь. В светлую лунную ночь я видел, как кокандцы закрыли внешние ворота крепости, чтобы, как позднее выяснилось, завалить их глыбами глины.

20 июля, на рассвете, в Ильин день, я построил обе свои небольшие штурмовые колонны, по 100 человек в каждой; резервом служили 100 верховых казаков, и около 40 человек остались как прикрытие в полуокруженном водой лагере.

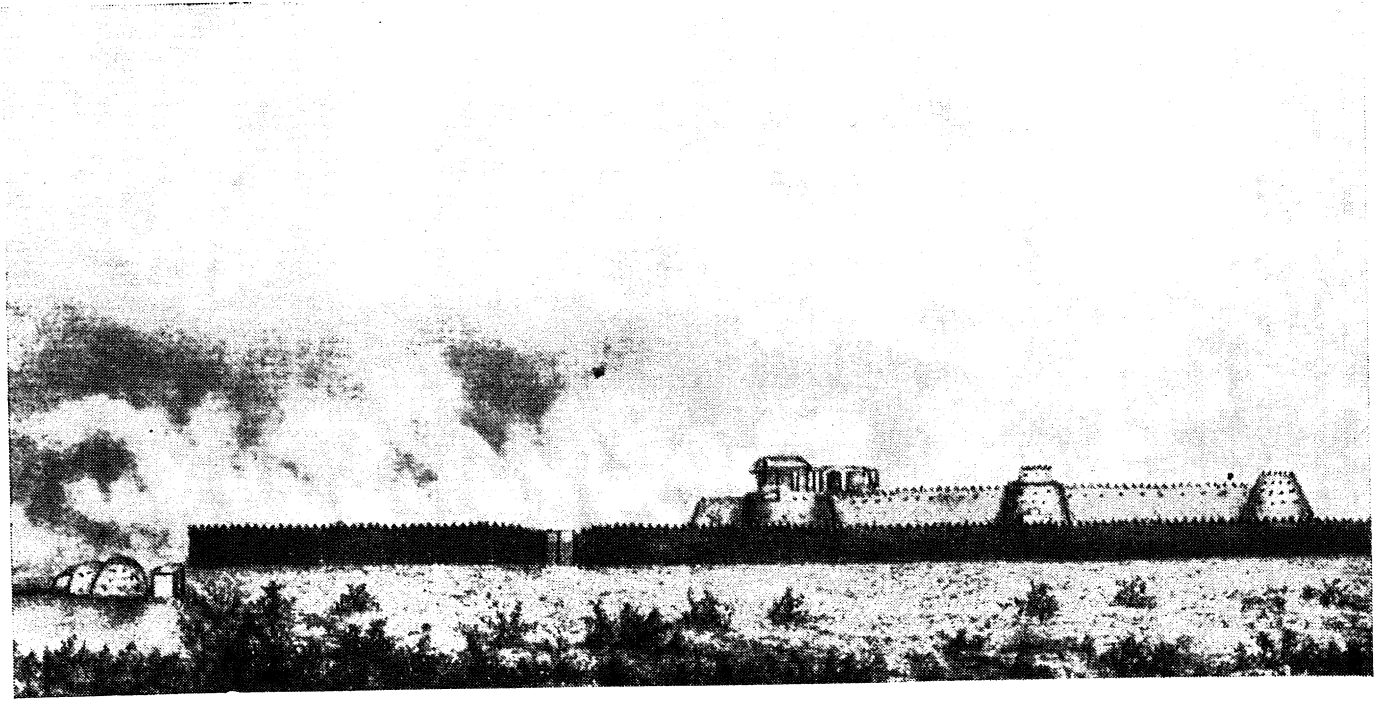
В то время как люди вязали из камыша фашины, чтобы во время штурма бросить их в ров, я присел на патронный ящик, недалеко от трех пушек, установленных перед лагерем, дабы еще раз хорошо рассмотреть крепость и определить направление атаки моей горстки солдат. В тот же момент слева и справа от меня ударили в землю ружейные пули; я стал мишенью кокандских стрелков. Одна пуля пролетела рядом со мной и ударилась в патронный ящик, и я убедился, что она была глиняной.

Когда все было готово к штурму, артиллерийский поручик Ромишевский несколькими прицельными выстрелами подавил по моему приказу фальконеты на стенах, выбил забаррикадированные деревянные ворота внешней стены и уничтожил зубцы прилежащих стен. После этого я повел свои небольшие колонны на приступ. Поручик Богданович пересек со своими солдатами ров и перебрался через внешнюю стену, а в это время солдаты авангарда кирками и топорами проделывали маленькие бреши в глиняной стене. Есаул Буренин со своими

уральскими казаками проник через разрушенные ворота во внешнюю крепость, и через 10 минут она была в наших руках. Разгоряченные и ободренные первым успехом, казаки и солдаты, не ожидая моего приказа, бросились на штурм самой цитадели, которая была также окружена рвом, перебрались через него и стали вырубать топорами в глиняных стенах высотой 30 футов углубления, чтобы взобраться по ним на стены, так как штурмовых лестниц не хватало. Но кокандцы начали сбрасывать упомянутые глиняные глыбы на головы атакующих и открыли стрельбу из амбразур цитадели. Часть солдат бросились к воротам цитадели. Однако кокандцы возвели прошлой ночью из имевшихся в большом количестве влажных глиняных глыб толстую стену (траверс), которая закрыла ворота цитадели, оставив лишь узкий проход к ним вдоль обеих стен. Я приказал вкатить во внешнюю крепость две пушки, установить их на расстоянии приблизительно 15 саженей перед траверсом и попытаться разрушить его; но ядра входили в глиняную стену, как в мягкое мыло, и оставались торчать в ней; даже 10-фунтовые гранаты, разрываясь, наносили мало ущерба траверсу. Уральские казаки сделали последнюю попытку. Когда пороховой дым пушек окутал близлежащее пространство, полдюжины смельчаков с горящими связками камыша бросились между траверсом и стеной к внутренним воротам, чтобы поджечь их. Это им удалось, хотя половина этих смельчаков заплатила за свое мужество жизнью или тяжелыми ранениями. Ворота загорелись. Солдаты радостно закричали, но кокандцы залили пламя из замаскированных над воротами бойниц и тем самым свели на нет последнюю попытку. Не проделав бреши или без настоящих штурмовых лестниц взять эту цитадель высотой 30 футов было невозможно.

Во время штурма 10 человек было убито и 40 ранено. Поручик Ромишевский получил пулю в живот; к счастью, это был рикошет. У меня была прострелена фуражка; пуля оторвала недалеко от левого виска бархатный околыш; пройди она на четверть дюйма ближе, и я был бы убит. Жара была изнурительной. Я приказал храбрым бойцам отступить, и они под пулями врага все же подобрали раненых и убитых товарищей. Внешняя крепость была в наших руках. После захода солнца я приказал поджечь ее. Все здания, лавки, склады, конюшни и т. д. стали жертвой огня. Горящая Ак-Мечеть с ее высокой цитаделью, на белых и серых стенах которой отражались языки пламени и клубы дыма, являла удивительно прекрасное зрелище; ее эскиз у меня тоже имеется.

Я был, естественно, очень подавлен из-за того, что не удалось взять цитадель и тем самым положить конец угнетению и ограблению наших киргизов. Я был, так сказать, русским пионером, проникшим в этот район. До сих пор имелись лишь



Горящая Ак-Мечеть

смутные представления о пересеченной местности и о строительстве кокандских крепостей. В Европе гарнизоны обычно обороняют занимаемые ими крепости. В Азии все наоборот: здесь крепость служит защитой для гарнизона, который находится за высокими толстыми глиняными стенами в полной безопасности. Осада Герата в 1838 г. уже убедила меня в том, что ядра и гранаты исчезают в толстой глиняной стене, не нанося большого ущерба. Тут следовало бы иметь, как при Герате, батарею примерно из 20 тяжелых пушек, чтобы можно было пробить в этих толстых глиняных стенах бреши. И все же я попытался согласно предписанию провести, хотя и безуспешно, операцию против крепости Ак-Мечеть, и кокандцы получили представление о храбрости и решимости наших славных воинов.

В ночь с 20-го на 21-е вода в Сырдарье поднялась еще выше и сорвала мост через главный оросительный канал, который находился в тылу моего лагеря и через который я должен был отходить. С рассветом я велел возвести дамбу из кокандских лодок, которые заполнили мешками с глиной и затопили у впадения канала в Сырдарью, чтобы уменьшить приток воды и временно восстановить мост. Между тем топографы засняли окрестности, а также дорогу вверх по Сырдарье, но равнина была частью затоплена, частью покрыта густым кустарником, так что результат съемки был незначителен. В этой местности нет леса в обычном понимании этого слова, зато много тамариска, саксаула и камыша.

23-го я медленно отошел от крепости Ак-Мечеть. Гарнизон вел себя спокойно и дал мне беспрепятственно отступить, потому что был сильно напуган смелой атакой с нашей стороны. Позднее кокандцам пришлось еще не раз убедиться в нашей смелости. Тяжелораненых везли на башкирских телегах или несли на носилках солдаты и казаки. Мы двигались обратно той же дорогой, но вся местность была затоплена, так что отряду приходилось многие версты брести по колено и выше в воде и я был вынужден делать большие обходы, чтобы выбраться на сухую землю. Во время этого тяжелого марша нога моей лошади однажды попала в подводную рытвину, и я очутился по шею в воде. Эта вынужденная ванна в страшную жару не имела последствий.

Подойдя к каналу в районе Беш-Арык, мы переправились через него тем же способом, что и до этого, но переправа несколько задержалась, потому что кроме моего отряда здесь переправлялись все киргизы из аула моего проводника Тайпе, с женщинами, детьми и скотом, чтобы избежать угнетения, а теперь и мести кокандцев. Я видел маленьких детей, которые спали голыми под палящими лучами солнца на горбах спокойно вышагивавших верблюдов. Для лагеря я выбрал слегка возвышенную, окруженную водой местность, чтобы дать от-

дых измученному отряду, особенно раненым, и чтобы люди смогли постирать и починить свою одежду, белье и т. д., а я сумел составить отчет графу Перовскому. 24 июля жара поднялась до 35° в тени. Крупные капли пота падали на мой отчет, а топографам стоило большого труда перечертить набело поспешно снятый план Ак-Мечети и ее окрестностей.

25-го я послал курьера в Оренбург. Отряд шел прежним курсом, делая большие обходы из-за разлива Яксарта. Тайпе следовал со своим аулом за моим отрядом, и я делился продуктами с этими бедными людьми в лохмотьях, которым грозили голод и несчастья. 31-го расположились на правом берегу Караозека, где я выбрал удобное место для переправы, ибо дело шло теперь к тому, чтобы разрушить крепости Кош-Курган и Чим-Курган, расположенные на острове, образованном обоими рукавами Сырдарьи, а также Кумыш-Курган, находившийся на Куандарье (третьем рукаве Яксарта), и сровнять эти гнезда кокандского разбоя с землей. С этой целью я послал на остров в нашей единственной байдарке несколько солдат с лопатами, кетменями и бочкой с порохом, а также поручика Богдановича с двумя саперами, чтобы разрушить покинутую крепость Кош-Курган. Тем временем я отметил границы лагеря и разделил войска на два отряда. Затем я дал людям отдых, а сам отправился на остров, чтобы присутствовать при разрушении кокандской крепости.

Все эти крепости построены одинаково. Они представляют собой длинный прямоугольник из высоких толстых глиняных стен с зубцами, фланкированных по углам четырьмя круглыми башнями с бойницами; все это сооружение окружено более или менее глубоким рвом.

Вход в Кош-Курган располагался на правом берегу Жанадарьи, так что подступиться к воротам можно было лишь со стороны воды, что очень затруднило бы его штурм. Во внутренней части форта находились глиняные хижины для гарнизона, конюшни и несколько более крупных построек для коменданта форта и для офицеров или служащих, все грязные, без окон, с плоскими крышами. Солдаты обложили все дровами и связками камыша, разрушили верхнюю часть стен и под каждой стеной крепости заложили по мине, начиненной 30 фунтами пороха, а затем разом подожгли фитили. Через полминуты раздались четыре взрыва; поднялось огромное облако пыли и дыма. Когда пыль и дым рассеялись, мы увидели, что от форта остались только груда развалин и несколько обрушенных стен.

Жара сегодня снова поднялась до 31° в тени. Во время подготовки к взрыву форта я велел перевезти через Караозек на остров провиант и несколько кибиток. Этот рукав Сырдарьи имеет быстрое течение, вода в нем чистая, так как он на значительном расстоянии течет через густой камыш и бла-

годаря этому очищается, в то время как в Жанадарье вода мутная, имеет грязно-желтый оттенок. В пятницу 1 августа через быстрый Караозек на камышовых плотах (салах) переправилась половина моего отряда. Лошади, верблюды, убойный скот, казаки и солдаты переплыли реку, а обе пушки с боеприпасами, ружья и одежду, а также багаж переправили на камышовых плотах или на моей байдарке. Есаул Буренин со 100 казаками, 50 солдатами и пушкой остался охранять лагерь, провиант и раненых, которые выздоравливали. Я дал ему строгие инструкции и велел соблюдать все меры предосторожности на время моего отсутствия, попрощался с остающимися здесь отважными людьми, которые сожалели, что не могут принять участия в предстоящей экспедиции, и вечером переправился через Караозек, чтобы расположиться в середине моего нового лагеря; однако сначала я выкупался в прохладной, чистой воде этой реки.

2 августа, рано утром, мы двинулись в путь, прошли $36^1/_2$ версты по глинистой равнине, изрезанной множеством высохших каналов, указывавших на то, что здесь занимались обработкой земли, и расположились лагерем на правом берегу Жанадарьи, которая катит свои мутные воды, сильно извиваясь, по широкой степи. Мы нашли замечательное пастбище для наших лошадей. Вид из лагеря на окрестности и противоположный берег Жанадарьи был очень живописный. Я запретил производить какой-либо шум, равно как и перекличку караульных по ночам, чтобы по возможности не выдать направление нашего движения.

3-го прошли $26^1/_2$ версты по той же глинистой равнине, затем по песчаным холмам, поросшим тамариском; миновав холм с расположенным на нем захоронением Кук-Тунды, я сделал остановку в 10 верстах от крепости Чим-Курган. Отсюда я выслал вперед 25 уральских казаков во главе с хорунжим Осиповым, а также драгомана Осмоловского и нескольких киргизов, чтобы разузнать, нет ли в упомянутой крепости гарнизона, и в случае, если она не оставлена кокандцами, окружить ее и никого не впускать и не выпускать. Эти меры предосторожности с моей стороны были очень кстати, потому что, когда казаки появились вблизи Чим-Кургана, они увидели, что крепость занята, ворота открыты, а рядом пасутся кокандские лошади. Казаки окружили крепость и не впустили ни одного киргиза из близлежащего аула. Гарнизон между тем вел себя спокойно. Лошадей все же загнали в крепость, тут же закрыли ворота и, как позже выяснилось, завалили изнутри глыбами глины. Спустя некоторое время я последовал со своим маленьким отрядом за авангардом, пересек множество оросительных каналов, в том числе несколько глубоких, и только в 8 часов вечера прибыл к восточному фасаду форта. Киргизы с лопатами и кетменями

вышли мне навстречу, чтобы облегчить переправу через вышеупомянутые каналы. По сведениям, которые сообщили мне эти подневольные люди, гарнизон состоял из 15—20 человек вместе с несколькими женщинами и детьми; мужчины были вооружены ружьями и считали себя в безопасности за высокими стенами.

4 августа, на рассвете, было очень прохладно. Я произвел рекогносцировку крепости Чим-Курган. Длина каждой из ее сторон составляла 27 саженей, на всех ее четырех углах возвышались башни; кроме того, она была окружена двойным рвом. Ворота были заперты, и гарнизон находился сначала на крепостных стенах высотой 24 фута. Мой лагерь располагался на расстоянии выстрела перед восточной стороной; южная сторона вплотную упиралась в правый берег Жанадарьи. Между крепостью и лагерем лежали несколько бахчей с огромными спелыми дынями. Несколько моих уральцев не могли удержаться, чтобы не подползти к ним и не сорвать полдюжины этих плодов. И это им удалось, несмотря на стрельбу из форта. В 8 часов утра я отправил одного моего киргиза поближе к форту. Он прокричал коменданту, чтобы тот показался на стене, и затем потребовал от моего имени покинуть крепость с гарнизоном, женщинами и детьми и вернуться в Туркестан. Комендант ответил, что ему нужно 24 часа на размышление. Когда на мое повторное и, наконец, третье предложение он дал все тот же ответ, я приказал выпустить несколько ядер в ворота, чтобы убедиться, забаррикадированы ли они изнутри, и три гранаты внутрь крепости. После этого я вызвал добровольцев, но все мое подразделение единогласно заявило, что готово к штурму. Я отобрал только 60 человек. Впереди должны были идти несколько смельчаков с горящими камышовыми связками, чтобы поджечь деревянные ворота. Так как у нас не было штурмовых лестниц, часть солдат взяла с собой короткие кирки, чтобы вырубить в глиняной стене углубления и взобраться по ним.

В штурмовых колоннах атакующие с громким «ура!» бросились вперед. Храбрые бойцы, «приветствуемые» выстрелами из крепости, преодолели оба рва и одновременно с трех сторон начали взбираться на стену вышеописанным способом, перекинув ружья на ремне через плечо, в то время как несколько их товарищей подложили к воротам огонь. В одно мгновение казаки и солдаты оказались на зубчатой стене. Я услышал внутри крепости несколько выстрелов, а также испуганные крики. И когда я сам, пользуясь сделанными солдатами в стене ступенями, стал подниматься за моими людьми, чтобы предотвратить бесполезное кровопролитие, мне навстречу начал спускаться со стены атлетического сложения солдат, у которого поверх белого мундира была

надета испачканная кровью шелковая рубашка. Он прокричал сверху: «Уже все кончено, ваше высокоблагородие! И моя доля в этом есть! Я проткнул штыком коменданта, который бросился на меня с саблей, и снял с него шелковую рубашку на память». Действительно, все было кончено; мертвые кокандцы лежали голые, с разбитыми черепами или пронзенные штыками; их было девять. Остальные восемь в отчаянии бросились с высокой стены, чтобы спастись вплавь через Жанадарью. Но верховые казаки, оцепившие во время штурма форт, обстреляли кокандцев в реке. Только одному удалось достичь противоположной стороны; пятеро остались на дне реки, а двое были доставлены в лагерь в качестве пленных.

Тем временем я спустился в форт. Около стены были построены жалкие сакли, т. е. кокандские хижины, из глины, крытые камышом и землей; две из них, большего размера, имели лучший вид. Перед дверями последних я увидел нескольких молодых женщин с маленькими детьми, один из которых, еще грудной, получил легкое ранение в спину и сильно кричал. Я успокоил бедных женщин, которые были насильно оторваны от своих семей и отданы в наложницы коменданту крепости. Подобным образом кокандцы повсюду злоупотребляли своей силой в отношении несчастных киргизов. Поскольку ворота ярко пылали, я приказал переправить женщин и детей через стену и отвести их в лагерь, где врач перевязал царапину несчастному младенцу. Я между тем осмотрел внутреннюю часть крепости. Везде была грязь; три жалкие конюшни и хлев для коров и овец, возведенные из камыша и глины, были полны навоза. Я обнаружил и колодец или, скорее, углубление с мутной водой из Жанадарьи. Было найдено десять ружей, большей частью с фитилями вместо замков, а внутри башни мы обнаружили еще совсем недавно сделанное приспособление для литья пуль. Несколько мешков с рисом и пшеном, а также с мукой грубого помола — вот все, что мы нашли, потому что местных киргизов заставляли привозить недельный провиант для коменданта и гарнизона.

Как только ворота рухнули от огня и открылся путь из крепости, я приказал перегнать лошадей и овец в лагерь и приступил к разрушению этого разбойничьего гнезда, которое имело 104 сажени в периметре и стены высотой 24 фута. Около 50 киргизов, вооруженных огромными кетменями, поспешили сюда из ближних аулов, чтобы помочь уничтожить владение их прежних тиранов и угнетателей. Они с триумфом выбросили за стены крепости трупы коменданта и его приспешников, завалив их обломками. Так как стены были очень толстыми, киргизы работали два дня не покладая рук, чтобы разрушить хотя бы верхнюю их часть; затем я велел

заложить восемь мин вдоль всех четырех сторон, с тем чтобы поднять стены на воздух. Тем временем казаки обнаружили в камыше большую плоскодонную барку и вытащили ее оттуда; так как она немного текла, я приказал отремонтировать ее, чтобы использовать в предстоящей экспедиции на Куандарью, третий рукав Яксарта.

5-го я отправил двух топографов на съемку острова, западная часть которого уже была снята ими 2-го и 3-го. Части своих людей я разрешил переправиться через Жанадарью, чтобы разорить бахчи кокандцев. Мне принесли много огромных дынь, весом по 30 фунтов, очень приятных на вкус и сладких. Все мои люди подкрепились этими замечательными плодами, которых здесь было в изобилии. Вечером, на закате, я приказал поджечь деревянные постройки в крепости, и пожар осветил своим красным пламенем темную ночь. Одновременно это был тревожный сигнал для гарнизона расположенной на Куандарье крепости Кумыш-Курган, куда я намеревался двинуться. Пожар продолжался всю ночь, и еще на другое утро, 6-го, в воздух поднимались густые клубы дыма. Киргизы потом довершили разрушение крепости. Между тем топографы продолжали съемку, а уральцы отремонтировали как могли кокандскую барку. Ближе к вечеру я приказал переправить на левый берег Жанадарьи, достигавшей здесь 60—70 саженей в ширину и имевшей сильное течение, 75 человек; была перевезена и пушка с боеприпасами; лошади и верблюды, погоняемые нагими казаками, переплыли реку. Хорунжего Осипова с пушкой и прочими войсками я оставил в лагере перед разрушенной крепостью Чим-Курган, а сам расположился на ночлег в новом лагере, на левом берегу Жанадарьи. Теперь мой небольшой отряд был разделен на три части. Буренин находился с пушкой в лагере у Караозека, Осипов со второй пушкой — у разрушенной крепости Чим-Курган, на правом берегу Жанадарьи, а я рано утром 6-го выступил со своим маленьким отрядом и пушкой, чтобы овладеть Кумыш-Курганом, расположенным на левом берегу Куандарьи.

Дорога вела на юго-восток по плоской равнине, поросшей кустарником и камышом; кое-где нам попадались поля, засеянные просом. Мы прошли через несколько маленьких деревень (с постоянными жилищами, не киргизские аулы), которые были покинуты жителями, и, проделав путь в $21\frac{1}{2}$ версты, достигли правого берега Куандарьи, которая катила по степи свои мутные, красноватые воды, имея здесь ширину 15—20 саженей. Все было тихо на противоположном берегу, и небольшая крепость казалась вымершей. По своему устройству и внешнему виду она напоминала Чим-Курган, только была меньшего размера, но высота и толщина стен были такими же.

Какой-то киргиз переплыл реку, чтобы разведать обстановку. В это время казаки обнаружили на этом берегу маленькую старую барку, вытащили ее из густого камыша и спустили на воду. Киргиз прокричал мне между тем с того берега, что крепость пуста и ворота ее открыты. Я сразу же переправился в этой жалкой барке, которая наполовину наполнилась водой, и убедился, что кокандцы действительно покинули крепость. Тем временем появилось несколько местных киргизов. Они сообщили мне, что гарнизон, напуганный штурмом и пожаром Чим-Кургана, еще вчера бросил крепость и бежал в Ак-Мечеть. Так как у меня уже не было пороха, чтобы взорвать стены этой крепости, я велел сжечь ворота и все постройки, кузницу, пустые конюшни и склады, и вскоре в стенах форта разгорелся страшный пожар. В память о своем пребывании здесь я метнул еще три гранаты в толстые стены форта, дал отряду немного отдохнуть и возвратился затем к Жанадарье. Киргизы Куандарьи провожали меня с добрыми пожеланиями, благодарили, что я освободил их от врагов и разрушил разбойничьи гнезда. В тот же вечер я переправился через Жанадарью и затем уничтожил барку, которая служила нам для переправы. В лагере при Чим-Кургане было все в порядке. Закончили свою работу и мои топографы. Поздно вечером из окрестностей Ак-Мечети ко мне в лагерь пришли еще четыре киргиза и сказали, что комендант крепости послал в Ташкент курьера, чтобы известить эмира Коканда о рейде русских.

8-го, рано утром, я покинул лагерь и поехал по другой дороге, справа от прежней, обратно к разрушенной крепости Кош-Курган. Мы вынуждены были снова пересечь пять глубоких оросительных каналов и в полдень расположились у озер, образованных разливом Караозека, недалеко от ранее упомянутого захоронения Кук-Тунды. В сильную жару мы прошли только $17\frac{1}{2}$ версты. Остров изобиловал следами ранее произраставших здесь сельскохозяйственных культур; об этом свидетельствовало множество высохших оросительных каналов, которые часто мешали нашему продвижению. Грабежи хивинцев и кокандцев все больше и больше вытесняли отсюда трудолюбивых жителей и сделали плодородный остров пустыней.

9-го я прошел $30\frac{1}{2}$ версты, следуя прежней дорогой. Мы снова пересекли песчаные холмы, но расположились не на правом берегу Жанадарьи, как ранее, а на левом берегу Караозека, у канала Бузколь. Вода в реке была свежей и чистой; мы обнаружили здесь хорошее пастбище.

10-го мы прошли последние $23\frac{1}{2}$ версты и в 11 часов утра оказались на берегу напротив лагеря Буренина. Войска приветствовали меня громким «ура!». Переправа через бурную реку продолжалась весь день, потому что меня сопро-

вождали киргизы со своими отарами овец. Животных переправляли на салах. Теперь отряды снова соединились, и задача моей экспедиции была в целом выполнена. В лагере меня ожидала почта из укрепления Раим (Аральского).

11-го я устроил дневку. Люди стирали белье, ремонтировали все необходимое, а я послал отчет об экспедиции графу Перовскому. Так как мнимый святой Марал-Ишан заранее сообщил кокандцам в Ак-Мечеть о нашем продвижении (о чем я уже догадался на обратном пути), я наложил на старого притворщика контрибуцию в полдюжины жирных быков для пропитания моего отряда; он мог радоваться, что так легко отделался.

12-го я отправился в обратный путь. Оставив позади $19^1/_2$ версты, мы расположились у Хор-Хута (большое киргизское молельное поле со множеством могил) при температуре $28^1/_2°$. Отсюда я послал одного из пленных бухарцев в Ак-Мечеть с письмом коменданту, в котором сообщал, что крепости Кош-Курган, Чим-Курган и Кумыш-Курган разрушены, что русские знают теперь дорогу на Ак-Мечеть и что в скором времени следует ожидать их появления в большом количестве под стенами его крепости не только с многочисленной артиллерией, но и с железными чудовищами (пароходами), которые приплывут в верховья Сырдарьи и которые извергают дым и огонь, а также пули и картечь; я дал ему совет вовремя покинуть Ак-Мечеть. Это письмо, составленное специально в восточном высокопарном стиле, перевел мой драгоман Осмоловский; я поставил под ним свою персидскую печать с монограммой и передал его упомянутому бухарцу, дав ему много денег, чтобы письмо дошло по адресу. У лагеря Хор-Хут мои топографы принялись за составление геометрической сетки, чтобы связать съемки 1851 и 1852 гг.

Отсюда я следовал прежней дорогой вдоль правого берега Яксарта, останавливался на старых лагерных стоянках и при температуре 26—30° в тени прибыл 17-го в лагерь при Майлибаше. Здесь меня ждала большая барка с пятидневным запасом провизии (мои продукты подошли к концу), а также свежий хлеб, сыр, капуста, огурцы, дыни, квас и даже лед — все это прислал мне комендант майор Энгман из Аральского укрепления. Я использовал барку, чтобы отправить раненых по воде в форт; они заметно поправлялись и были веселы.

18-го и 19-го я продолжал обратный путь. Дорога была изрезана множеством каналов и старыми пашнями. Покрыв расстояние в $47^1/_2$ версты, мы расположились в урочище Казалы. Здесь позднее (в 1854 г.) был построен новый форт, названный также Казалы, и начато строительство пристани на Сырдарье для пароходной флотилии.

21 августа мы прошли последние 22 версты и в 10 часов утра прибыли в Аральское укрепление; офицеры во главе с

комендантом выехали нам навстречу и сердечно приветствовали нас. По русскому обычаю, меня встречал священник с благословением, а у ворот форта нас ждали с хлебом и солью.

22-го, в годовщину коронования покойного императора Николая, был спет Te Deum, солдатам гарнизона выдали водку, вечером форт иллюминировали и устроили фейерверк. Вечер завершился балом и ужином у коменданта укрепления. Здесь, на берегу древнего Яксарта, в районе, где еще пять лет назад была пустыня, люди жили спокойно и весело. Какие изменения произошли за столь короткое время! И как еще русское могущество может распространиться в Центральной Азии в ближайшие 25 лет!

23-го я велел отслужить молебен в память храбрецов, павших у стен Ак-Мечети. Через 12 месяцев за них страшно отомстили. Мои раненые были размещены в госпитале; все выздоровели, за исключением трех: одному казаку ампутировали левую ногу до колена, у другого не сгибалась левая рука, а третий лишился глаза.

24-го я закончил составление планов и последний рапорт графу Перовскому, попрощался с моим храбрым войском, а также с любезной семьей коменданта и 25-го покинул укрепление Раим с небольшим караваном экипажей, в котором ехали и дамы, возвращавшиеся в Орск. Под моей защитой и в сопровождении казаков они совершили путешествие по песчаной пустыне Каракум, через Уральское укрепление и Карабутак, в Орск за 17 дней. Во время этой поездки я спал либо на открытом воздухе, либо в тарантасе. От Орска я ехал на почтовых до Оренбурга, куда прибыл в середине сентября. Отсюда я отправился в летний лагерь (кочевку) графа, расположенный в 120 верстах на северо-восток от Оренбурга, чтобы представиться ему.

Граф любезно принял меня, но упрекнул, что я рискнул предпринять штурм Ак-Мечети столь незначительными силами. Я возразил, что мои подчиненные, воодушевленные занятием внешней крепости, не могли остановиться и отважились на штурм цитадели и только с трудом я вернул их в лагерь; если бы у меня были штурмовые лестницы, то штурм мог бы быть удачным. На это граф сказал мне, что за эту неудачу отомстят в следующем году, и сообщил, что он подал рапорт о присвоении мне чина генерала и о награждении моих подчиненных, за что я поблагодарил его от всего сердца. Я остался на ночь в летнем лагере графа, где его гости угощали меня шампанским, и на следующий день возвратился в Оренбург *.

* В 1866 г. в Лондоне была издана объемистая книга Митчелла «Русские в Центральной Азии» («The Russians in Central Asia»). Автор среди прочего описал в этом труде чрезвычайно подробно мою экспедицию к Ак-Мечети в 1852 г. Состоя при английском посольстве в Пе-

Теперь я позволю себе поставить психологическую загадку.

Ранее я упоминал, что моя супруга, отправляясь в Крым в июне 1852 г., ничего не знала о моем походе на Яксарт, полагая, что я совершаю ежегодную инспекционную поездку на съемки в Оренбургской губернии. Первые письма, адресованные ей, я отправлял якобы из Троицка и Златоуста, т. е. из городов, которые я обычно посещал во время инспектирования. Только после взятия внешней крепости Ак-Мечеть я послал ей письмо из лагеря у крепости на Сырдарье. В это время по странному совпадению моя жена находилась недалеко от Симферополя, который крымские татары также называют Ак-Мечеть. Случилось так, что моя супруга долго не получала от меня известий и очень беспокоилась. Одна из ее сестер предложила ей пойти к греческой гадалке, которая, по ее словам, уже предсказала многие удивительные вещи. Моя супруга, которая, как и все гречанки, немного верила в магию, попросила эту молодую женщину, 25-летнюю, смуглолицую вдову, с пылкими черными глазами, погадать ей обо мне. Для этой цели Евдоксия (так звали гадалку) поставила перед собой на табурет, наклонив друг к другу, два зеркала и уставилась в них, подперев голову руками. Чтобы испытать греческую пифию, жена попросила ее описать мою фигуру, характер и т. д. Евдоксия, естественно, никогда не видела меня и не слышала обо мне. К удивлению моей супруги, она начала точно описывать мою фигуру и мой характер. Она сказала, что у меня светлые волосы и залысины, что я крепкого телосложения, обладаю чрезвычайно живым темпераментом и обычно очень деятелен. Сообщив, что в данный момент я нахожусь в ежегодной инспекционной поездке в Оренбургской губернии, моя жена спросила пифию, где я теперь могу быть и здоров ли я. Евдоксия долго смотрела в зеркало, а затем начала сбивчиво рассказывать следующее (все время глядя в зеркало): «Твой муж находится в поездке, но не там, где ты предполагаешь. Я вижу большую воду, на берегу пасутся лошади и верблюды, я вижу здания, но это не дома, не хижины, они круглые и белого цвета (кибитки). Я вижу

тербурге, имея большие связи, в совершенстве владея русским языком, он добился разрешения использовать документы о моей экспедиции, которую в своей работе он высоко оценивает.

И эдинбургское «Quarterly Review», опубликовавшее рецензию на вышеупомянутую работу, говорит о моей экспедиции как об отважном предприятии. Приложенная к рецензии карта Азии дает интересную картину завоеваний России за столетие на юге и Англии — на севере. Приказы Перовского о моем военном походе в Ак-Мечеть от 21 августа (№ 181) и от 9 сентября 1852 г. (№ 193), а также оригинал моего письма коменданту этой крепости от 12 августа 1852 г. я храню как дорогую память моего отважного предприятия, как назвало его «Quarterly Review». — *Примеч. авт.*

много солдат, даже пушки. Твой муж в опасности; это, должно быть, война. Но он благополучно вернется, с честью и славой».

Моя жена расхохоталась, когда Евдоксия сбивчиво все это рассказала. Она заявила, что все это вздор и она не верит ни одному ее слову. Евдоксия возразила ей спокойно по-турецки (моя жена бегло говорила на этом языке): «Ханум, подожди немного и ты убедишься в правдивости моих слов». Долго еще моя жена в разговорах с сестрой подтрунивала над фантастическими высказываниями этой Сивиллы, но кто опишет ее удивление, когда спустя несколько недель она получила от меня отправленное из лагеря при Ак-Мечети письмо, в котором я сообщал ей о целях экспедиции, штурме упомянутой крепости и т. д., а также о том, что возле моего виска прошла пуля, продырявив белый верх фуражки. Здесь она могла бы воскликнуть, как Гамлет: «Случаются вещи под луной, о которых не подозревают наши философы». Она сразу послала к гадалке сообщить, что все сбылось, как та ей предсказывала, и щедро ее отблагодарила.

Урегулировав дела наследства с сестрами, моя жена отправилась с детьми в середине сентября из Крыма, ехала днем и ночью через Мелитополь, Саратов, Вольск, Сызрань, Самару и Бузулук и 31 октября прибыла в Оренбург, проделав за 18 дней путь в 2800 верст и удивив меня своим быстрым приездом.

Дети подросли. Свежие и бодрые, они забавляли меня своими маленькими путевыми приключениями и болтовней. В Оренбурге балы, любительский театр и другие развлечения чередовались со служебными делами. В конце октября я получил чин генерал-майора; моих мужественных подчиненных его величество также отметил повышением в звании и денежными наградами; около 20 солдат и казаков было награждено Георгиевскими крестами, которые они действительно заслужили.

1853 год

Весной 1853 г., когда я снова занимался отправкой огромного каравана с провиантом и другим необходимым из Илецкой Защиты в степные форты, граф Перовский делал большие приготовления к походу против Ак-Мечети. Для этой цели у крепости Орск были собраны войска, артиллерия и верблюды; из столицы прислали офицеров-саперов с конгривовскими ракетами и гальваническими батареями для взрыва мин; был создан штаб экспедиции.

В последних числах мая войска отправились через Уральское укрепление по песчаной пустыне Каракум в Аральское

укрепление; граф, измученный болезнью, следовал за ними в легком экипаже. В Аральском он взял из гарнизона еще некоторое количество войск (пехоту и уральских казаков), а также артиллерию, так что весь отряд, двигавшийся к Ак-Мечети, насчитывал около 3 тыс. человек с 25 пушками. Вверх по Сырдарье войска сопровождал пароход под командованием капитана Бутакова; на пароходе везли несколько железных барок. Стояла сильная жара. Трудности были велики, но все же менее значительны по сравнению с теми, которые я преодолел в 1852 г., потому что в нынешнем году не было разлива Сырдарьи и войска с артиллерией и багажом перешли каналы Беш-Арык посуху, в то время как в июле прошлого года они принесли мне так много хлопот. Это дало повод кое-кому из лиц, сопровождавших графа, высказать сомнение в правдивости моих прошлогодних докладов, но, славу богу, в войсках графа оказалось много свидетелей моего похода 1852 г., и они подтвердили, что в прошлом году действительно было большое наводнение.

Граф Перовский, которого утомляло медленное продвижение отряда и который хотел быстрее добраться до Ак-Мечети, поехал от Беш-Арыка вперед с легким отрядом кавалерии и конной артиллерии, а также с сотней киргизов. Остановился он, как и я в прошлом году, против восточной стороны крепости, но на большем расстоянии от стен, о чем позднее сожалел. Будучи нетерпеливым и раздражительным, он потребовал от гарнизона немедленной сдачи крепости и ухода его с миром в Туркестан. Кокандцы между тем за минувший год приняли ряд мер. Занятая мною в прошлом году внешняя крепость полностью исчезла — ее снесли, чтобы затруднить наступление врага; стены были отремонтированы, рвы углублены, гарнизон значительно усилен.

Парламентеру, посланному к стенам крепости для передачи коменданту Ак-Мечети требований графа, прокричали со стен, что пусть граф сам приблизится к крепости и повторит свои требования, дабы можно было их расслышать. Граф Перовский, мужественный и смелый, как всегда, действительно приблизился со своей свитой, но был обстрелян и вернулся назад в лагерь.

После этого события граф послал к войскам нарочного, чтобы ускорить их марш; они пришли в лагерь вечером и на другое утро. В прошлом году я стоял очень близко к крепости, и ядра, выпущенные с высоких стен в мой лагерь, перелетали через него и ударялись в землю далеко сзади. На этот раз ядра кокандцев накрыли лагерь графа, и он вынужден был отойти.

Между тем его величество император Николай направил в распоряжение графа Перовского генерал-майора Хрулева, отличившегося во время похода против венгров в 1849 г.[72]

и ставшего позднее одним из храбрейших защитников Севастополя. Он проследовал через Оренбург, где я познакомился с этим отважным человеком; затем полетел со скоростью ветра по степи и прибыл в лагерь у Ак-Мечети приблизительно через восемь дней после графа. Сначала граф принял его немного холодно, но вскоре понял, что имеет дело с деятельным, знающим и неутомимым человеком, на которого можно положиться. Легко ранимый, он тем не менее передал генералу Хрулеву общее командование осадой крепости Ак-Мечеть.

Поскольку обстрел высоких толстых стен, как я уже ранее говорил, не имел успеха, решили сделать подкоп. Работы были трудные, потому что подкоп велся в местности, изрезанной оросительными каналами, так что потребовался 21 день, чтобы добраться до крепостного рва. Гарнизон всячески пытался затруднить осаду, но саперы, работавшие неустанно день и ночь, соорудили крытый проход через ров, заминировали толстые стены и, после того как минная камера была начинена изрядным количеством пороха, с помощью гальванической батареи взорвали их на рассвете 28 июня, через год и восемь дней после моего прошлогоднего штурма. В это время вблизи сконцентрировались штурмовые колонны. Раздался оглушительный взрыв. Над крепостью поднялось густое облако порохового дыма и пыли, и из внутренней части крепости послышались крики отчаяния, испускаемые гарнизоном, женщинами и детьми, которые предвидели свою судьбу.

Едва дым и пыль рассеялись, как обнаружилось страшное действие мины. Толстая глиняная стена, сорванная с фундамента, обрушилась, и образовалась широкая брешь; земля перед нею была усеяна глиняными глыбами. Был дан сигнал к штурму. С громкими криками «ура!» наши воины ринулись в брешь, но кокандцы, оборонявшиеся саблями, презирая смерть, дважды отразили их натиск. Тут капитан Эрдели взял своих стрелков, и, когда штурмовая колонна в третий раз пошла вперед, они перелезли возле бреши через стену и напали на защитников с фланга; после этого наши войска яростно бросились вперед и поразили всех штыками. Так как кокандцы защищались мужественно до последнего человека, скоро почти весь гарнизон вместе с командиром был уничтожен, не тронули только 79 стариков, женщин и детей. Крепость разграбили, а узкие, грязные жилища (сакли) спалили.

Граф Перовский отпустил пленных на свободу и дал им средства для возвращения в Туркестан. Перед отъездом он устроил для них, а также для многочисленных окрестных киргизов новое, показавшееся им волшебством зрелище. На середину Яксарта была выведена и поставлена на якорь

большая кокандская барка, в которую до этого положили мину. По знаку графа мину взорвали с берега с помощью гальванической батареи. Хотя до этого граф объяснил кокандцам и киргизам, что намерен сделать, неожиданный и моментальный взрыв барки показался им чудом, и они не могли понять, как такое возможно.

Занятие крепости Ак-Мечеть имело важное значение для усиления морального влияния нашего правительства в Центральной Азии, и это был первый шаг к нашим позднейшим завоеваниям в этой части света. Еще во время осады по правому берегу Сырдарьи был отправлен отряд войск под командованием капитана Генерального штаба Макчеева, чтобы разрушить расположенную в 120 верстах выше по течению покинутую кокандцами крепость Джулек. Ак-Мечеть была переименована в Перовское укрепление. Восстановили стены и постройки и оставили там гарнизон в тысячу человек. На правом берегу Сырдарьи, у Казалы, примерно в 30 верстах выше Аральского укрепления, которое по приказу графа Перовского было разрушено, был возведен новый форт, № 1; в него перевели гарнизон Аральского укрепления. Второй форт, № 2, был построен в урочище Кармакчи, там, где Караозек сливается с Жанадарьей. Наконец, снова заняли разрушенную мною в 1852 г. крепость Кумыш-Курган, расположенную на Куандарье, дав ей название «форт № 3»; но позднее ее оставили за ненадобностью. Граф Перовский вернулся с частью войск в Орск и Оренбург, в то время как другая часть была оставлена для гарнизонной службы во вновь воздвигнутых фортах.

Еще во время восстановления Перовского укрепления кокандцы сделали попытку напасть там на наши войска, но были разбиты у Кум-Суата и бежали в Туркестан и Ташкент. Но это не остановило кокандцев, и зимой они снова попытались вернуть себе Ак-Мечеть. Их 12-тысячная армия, в основном состоявшая из кавалерии, с 17 пушками, расположилась 14 декабря 1853 г. напротив крепости на левом берегу покрытого льдом Яксарта, чтобы блокировать ее и взять измором, потому что на штурм они не отважились, несмотря на свое численное превосходство.

Комендант Перовского укрепления подполковник Огарев, не обладавший достаточными силами для атаки и разгрома осаждавших в обычном бою, решил предпринять ночную вылазку, предварительно разузнав положение кокандского лагеря и его оборонительные средства, чтобы захватить лагерь врасплох. 18 декабря, в 4 часа утра, храбрый капитан Шкуп (поляк) вышел из крепости, имея 450 человек, 4 пушки и одну конгривовскую ракетную установку. Они бесшумно прокрались по снегу через замерзшую Сырдарью к вражескому лагерю, т. е. к тому месту, где стояла вся кокандская артил-

лерия, нацеленная на Ак-Мечеть, и увидели, что лагерь, по азиатскому обычаю, почти не охраняется. Бесшумно установив пушки и дав из них залп, а также выпустив несколько ракет, горстка храбрецов с громким «ура!» ринулась на кокандский лагерь. Первое, что сделал капитан Шкуп, это овладел всей вражеской артиллерией, развернул ее и направил на вражеский лагерь.

Между тем наступил день. Кокандцы, разбуженные свистом пуль, шипением ракет и громким «ура!» русских, сильно переполошились; только самые смелые из них бросились на коней и попытались окружить наступавших. Завязался бой. Огарев, наблюдавший за сражением со стен форта, послал большой отряд в помощь наступавшим; наши прорвались. У кого-то из казаков возникла удачная идея поджечь кокандские палатки, и, так как лагерь, по азиатскому обычаю, представлял собой настоящий лабиринт из тесно уставленных палаток и кибиток, распространившийся огонь быстро охватил лагерь. Кокандцами овладела паника, и вся масса войск в ужасе бежала отсюда, побросав верблюдов и артиллерию. Наши войска захватили большие трофеи. Среди прочего были найдены шапка и оружие кокандского начальника, который бежал со своим разбитым войском в Ташкент. С этого времени кокандцы больше не возобновляли попыток завладеть Ак-Мечетью, и кочующие, а также оседлые киргизы нижней Сырдарьи были навсегда освобождены от кокандского гнета. Они зажили спокойно и значительно улучшили свое положение, потому что снова стали заниматься хлебопашеством и позднее снабжали гарнизоны фортов пшеном, ячменем, а также убойным скотом; поэтому постепенно стала сокращаться доставка продуктов с линии (теперь она уже совсем прекратилась). За вышеупомянутую операцию подполковник Огарев получил чин генерал-майора, а капитан Шкуп — подполковника. Вообще, разгром кокандского войска под стенами Перовского укрепления привлек тогда в Европе, особенно в Англии, большое внимание, потому что мы были накануне Восточной войны.

В то время как граф Перовский предпринимал свой степной поход, я совершал ежегодную инспекционную поездку по Оренбургской губернии. Моя семья проживала в Ключах, охотничьем доме в Башкирии, принадлежавшем помещику Н. Тимашеву и расположенном в лесистой, романтической местности. Я провел там много приятных дней в кругу семьи. Оттуда я отправился в Ташлу, главное поместье и летнюю резиденцию этого богатого помещика, где, как всегда, нашел сердечный прием. Его супруга, Надежда Афанасьевна, показала мне письмо, недавно полученное от графа Перовского, который отправил его в первый день осады Ак-Мечети; она добавила при этом, что в письме упоминается и мое имя.

Граф писал: «Я прибыл после больших лишений и трудностей. Ак-Мечеть — важный форт; видно, что его строил образованный человек, и нам будет трудно овладеть крепостью. Я поражен смелостью генерала Бларамберга, штурмовавшего этот форт в прошлом году». Естественно, высказывание графа польстило моему самолюбию, и любезная хозяйка Ташлы подарила мне на память упомянутое письмо, которое находится как pièce justificative* среди множества моих служебных и семейных документов. Во время моего пребывания у помещика Звенигородского, в 15 верстах от Ташлы, он получил через летучую почту известие об овладении Ак-Мечетью и отпраздновал это событие со мной шампанским, подняв тост за здоровье графа.

В конце августа я вернулся из инспекционной поездки в Ключи и забрал свою семью на зимнюю квартиру в Оренбург. Там мы провели последнюю зиму в этом городе.

Приключение с тигром на Яксарте. При овладении низовьями Сырдарьи и во время строительства первых фортов вдоль ее правого берега нашим воинам приходилось не только сражаться с разбойничавшими хивинцами и кокандцами, но и выдержать не одну схватку с врагами, которые тогда нередко встречались в густом камыше вдоль берегов Яксарта, — с бенгальскими королевскими тиграми. Эти великолепные животные жили там почти непуганые, так как киргизы были недостаточно хорошо вооружены, чтобы успешно охотиться на них.

Несмотря на то что в густом камыше, часто достигавшем высоты 20 футов, водилось много диких кабанов, на которых тигры охотились, они тем не менее повадились таскать у киргизов коров и быков, нападали даже на людей, но редко днем. В течение упомянутых лет наши солдаты убили много тигров, и те постепенно стали исчезать из низовий Яксарта. Сперва солдаты Перовского укрепления пытались выгонять тигров из камышей на берегах Караозека трещотками, но поскольку при этом не раз происходили несчастные случаи, на тигров начали ставить ловушки.

В определенном месте, недалеко от Перовского укрепления, солдаты вбивали в землю две пары крепких кольев крест-накрест так, что получались своего рода козлы; на эти козлы клали горизонтально солдатское ружье с примкнутым штыком, привязывали к спусковому крючку крепкий шнур, который тянулся вдоль ствола и около дульного отверстия, в том месте, где штык образует с ружьем угол, опускался вниз. На конец шнура привязывали большой кусок сырого мяса, который приходился против дульного отверстия, затем взводили курок. Тигр, привлеченный во время ночной охоты

* Оправдательный документ (фр.).

запахом мяса, приближался к ружью, хватал мясо зубами, и тут раздавался выстрел, который убивал или тяжело ранил зверя. Потом охотники искали его по следам крови и обычно находили тигра уже мертвым или тяжело раненным, чаще всего в высохшем оросительном канале. Приведу такой случай.

Однажды вечером три егеря из линейного батальона, расквартированного в Перовском укреплении, поставили такую оригинальную западню и попросили караульных, несших службу на стенах форта, сообщить им после смены, если они услышат ночью выстрел. Караульные действительно услышали выстрел и сказали об этом егерям. Те с рассветом отправились к месту, где была установлена ловушка, и увидели, что мясо сорвано, а на траве в степи много крови. Будучи осторожными охотниками, они пошли по кровавым следам, держа ружья наизготовку, на расстоянии 20 шагов друг от друга. Передний егерь заметил, что следы ведут к пересохшему оросительному каналу. Он осторожно приблизился к его краю. В это время раненый тигр выскочил из него с быстротой молнии, бросился на него и подмял под себя. Второй егерь сразу же вскинул ружье, прицелился и выстрелил в тигра, и тот рухнул без движения на его товарища. Он думал, что зверь мертв, и подбежал, чтобы высвободить солдата из-под тигра; однако последний хватил в предсмертной судороге неосторожного егеря лапой и вырвал ему икру на правой ноге, так что несчастный тоже свалился. Тогда приблизился третий егерь и выстрелил издыхающему тигру в ухо. Один его товарищ стал инвалидом, а другой вскоре умер в лазарете.

В 1854 г. я разговаривал в Оренбурге с молодым высоким солдатом, которому тигр помял левую руку, так что ее пришлось отнять до плеча; однако смелому егерю удалось убить тигра. Он гордо прошел по улицам Оренбурга с тигровой шкурой на правом плече. Граф Перовский дал ему за красивую шкуру 50 рублей.

Летом того же года башкирский отряд, который доставлял на своих многочисленных телегах провиант из Орска в новое Казалинское укрепление на Сырдарье, был направлен для косьбы травы и молодого камыша на левый берег Яксарта под командованием армейского майора. В то время как башкиры, растянувшись длинными рядами, занимались косьбой, майор прохаживался с сигарой во рту по краю камышовых зарослей, наблюдая за косцами. Тут неожиданно из камышей на него бросился тигр, подмял его и хотел уже утащить, но на вопли несчастного поспешили, неистово крича, башкиры с косами. Испугавшись, тигр бросил свою жертву и скрылся в камышах. Несчастного майора доставили в лазарет, где он в тот же день умер.

И еще один случай с тиграми. В октябре 1854 г. новый начальник Сырдарьинской линии, полковник Фитингоф, отправился из Орска в Казалинское укрепление, чтобы осмотреть его. Тамошние офицеры после инспекции устроили для него прощальный ужин и проводили его верхом 10 верст, после чего полковник Фитингоф, сопровождаемый одним казаком, продолжил свой путь в Перовское укрепление, в штаб-квартиру. Среди провожавших его офицеров находился лейтенант Синкони, инженер-механик, служивший при аральской пароходной флотилии.

Когда офицеры поехали рысью назад, начало уже темнеть. Перед одним из оросительных каналов Синкони, будучи плохим наездником, оторвался от группы и попытался найти более узкое место. При этом друзья прокричали ему вслед: «Синкони! Не отставай, а то собьешься в темноте с пути!» Наконец он нашел, как ему показалось, удобное место у канала, частично покрытого льдом, пересек его, но в этот момент справа на всадника прыгнул огромный тигр, но, по счастью, промахнулся и, проломив лед, с ревом упал в канал. Испуганная лошадь Синкони рванула с места и помчалась бешеным галопом в степь. Всадник, без оружия, с нагайкой в руке, уцепился за поводья, потерял шапку и продолжал свою бешеную скачку, полагая, что за ним следом мчится тигр. Наконец лошадь упала от изнеможения. В степи наступила полная темнота; Синкони не знал, где находится, и всю ночь испытывал смертельный ужас, полагая, что тигр идет по его следам. Было очень холодно. Голод и жажда мучили заблудившегося, которому ничего не оставалось, как сосать кусочек сахара, оставшийся у него после прощального пира. Ночь, казалось, не хотела кончаться. Когда наконец рассвело, вся степь была окутана густым туманом, и Синкони не мог ориентироваться. Он сел на свою измученную лошадь и наугад поехал по степи. Позднее туман рассеялся, и около 10 часов утра он встретил киргиза, который гнал перед собой пару быков. На вопрос, где расположено Казалинское укрепление, киргиз ответил, что тот уже давно проехал его. Киргиз показал ему направление, и несчастный, полумертвый от усталости, прибыл в форт только в полдень, к великой радости своих товарищей, которые считали его погибшим. Эту ночь Синкони запомнил на всю жизнь.

1854 год

Этот год должен был стать роковым как для России, так и для меня и моей семьи. Тучи, которые нависли на политическом горизонте, все более сгущались; Восточный вопрос обострился, Турция объявила России войну, уже произошло

морское сражение при Синопе; Англия и Франция приняли участие в борьбе против России, в то время как Австрия, которую его величество император Николай в 1849 г. спас от гибели, изумила мир своей неблагодарностью, как выразился князь Шварценберг[73], и осталась нейтральной, а впоследствии даже вытеснила наши войска из Дунайских провинций.

Мои мальчики между тем подросли. В свободное время я и моя жена занимались с ними. Гувернантка и учитель расширили их знания, и, поскольку Павел достиг 13, а Владимир — 11 лет, я счел своим долгом отправить их в столицу, чтобы отдать в императорское учебное заведение и этим восполнить и закончить воспитание обоих. Я с большой радостью переселился бы с семьей в столицу, однако дела службы задержали меня здесь еще на полтора года, ибо мне было поручено закончить съемки Оренбургской губернии, а также Киргизской степи до Устюрта и южнее по Сырдарье, до Сарысу, и восточнее гор Улутау.

Моя жена решила одна отправиться с четырьмя детьми в столицу и выехала 5 июня из Оренбурга, где родились все наши дети и где мы счастливо жили 13 лет. Расставание было тяжелым. Я проводил семью до Сакмары, где оба экипажа были переправлены на пароме; затем я посадил свою семью в коляски и нежно попрощался. Вскоре оба экипажа исчезли за холмами, оставив густое облако пыли, а я еще долго стоял на берегу Сакмары, провожая своих любимых мокрыми от слез глазами. Позднее жена рассказывала мне, что, когда они уже отъехали несколько верст и она еще продолжала плакать, наша младшая дочь Ольга, красивая и живая девочка шести лет, вдруг воскликнула: «Ах, как мне жаль папу!» — «Почему? — спросила мать. — Мы скоро увидим папу в Петербурге». — «Нет, мама, — ответила Ольга, — я папу никогда больше не увижу». — «Что за вздор ты говоришь!» — возразила мать. Однако малютка осталась при своем мнении, несмотря на уговоры и упреки матери. Было ли это предзнаменованием свыше? Возможно. Но не будем предвосхищать события.

Вернувшись в свой опустевший дом, я почувствовал себя очень одиноким и решил отправиться в инспекционную поездку раньше обычного, чтобы рассеяться.

В последний раз я поехал по Оренбургской губернии, съемку которой необходимо было завершить в 1854 г. Мой путь снова пролегал через Златоуст и Уфу, и я в последний раз побывал у моих тамошних знакомых. Возвращаясь через Стерлитамак, я заехал в Ташлу, где застал помещика Николая Тимашева, а также любезную семью князя Вяземского. Здесь мы вместе прожили несколько приятных дней, совершили прогулку по окрестностям, и я взял слово с княгини Марии, что на обратном пути она на несколько дней остано-

вится у меня, поскольку дом стоял сейчас пустой и я занимал только одну комнату.

Когда я вернулся в Оренбург, мне передали письма от моих близких; все были здоровы. Моя жена завязала несколько знакомств и разыскала оренбургских друзей; доктор Розенбергер и коллежский советник Адольф Герн оказали ей максимальное внимание и были ей очень полезны. Мои служебные дела шли своим обычным чередом, работалось легко и приятно. Так как мне приходилось пока иметь дело только с графом, ежедневно, в 2 часа, я посылал ему на подпись свои бумаги и каждый вечер, в 7 часов, получал их обратно с его резолюцией. Граф Перовский работал много, даже очень много и сидел целый день как пригвожденный за своим письменным столом, потому что круг его деятельности был весьма обширен. К сожалению, он был очень болен, его астма часто обострялась; как я уже говорил, он не мог лежать в постели и уже многие годы спал сидя в качалке со вставленными в ноздри трубочками с креозотом, чтобы легче дышалось. Кроме того, он придерживался строгой диеты. Тем не менее он был гостеприимным хозяином. В своем летнем лагере в Башкирии и в Оренбурге он всегда держал накрытым стол, за которым обедали его адъютанты и ближайшие сослуживцы, но только не он. В его огромном дворце жила еще и родственница, графиня Толстая, с дочерью Софьей; она держала специальный стол, и я у нее часто обедал.

В конце августа из Башкирии приехала семья Вяземских и провела несколько дней у меня. Мы часто музицировали, и княгиня Мария восхищала меня своим великолепно поставленным голосом. Она знала наизусть все итальянские оперы; кроме того, она очень мило рисовала. Она подарила мне рисунок, на котором была изображена ее роскошная вилла, расположенная на Каменноостровском проспекте в Петербурге. Позднее, сравнивая рисунок с виллой, я обнаружил полнейшее сходство, хотя она рисовала ее тогда по памяти. Мы совершили также несколько прогулок по окрестности. При этом я показал княгине киргизскую кибитку, чтобы она познакомилась с семейной жизнью этих кочевников. То, что мы там увидели, свидетельствовало, естественно, о колоссальной разнице между жизнью даже богатой киргизской семьи и русской аристократки. Князь обещал мне навестить мою семью в Петербурге и приглашать ее как можно чаще на свою виллу, что он позднее и сделал. В начале сентября они отправились в столицу.

Первые дни после их отъезда я чувствовал себя очень одиноко и изолированно, потому что привык к общению с этими высокообразованными людьми. Позднее я узнал об их благополучном прибытии в Петербург, а также о том, что моя семья часто бывает у княгини на их великолепной вилле. Моя

маленькая Ольга была любимицей всей семьи, потому что всех восхищали живость, грация и красота ребенка. Здесь, в Оренбурге, она также была всеобщей любимицей, и часто случалось, что, когда я с обеими моими девочками, Еленой и Ольгой, гулял по главной улице города, прохожие останавливались, любуясь красивыми детьми. Комендант Оренбурга генерал-лейтенант Патон сказал мне однажды: «Когда я вижу ваших милых девочек, идущих по улице с соломенными шляпками на головах, мне всегда кажется, что я любуюсь фотографиями красивых девушек в английском альбоме».

Ах! Очень скоро я должен был испытать правдивость шиллеровских стихов:

Но судьба хитра и лжива,
Краток с ней союз счастливый:
Срок пришел — и горе в дом *.

Миновали сентябрь и октябрь. Каждую неделю я получал хорошие известия о моей семье, спокойно выполнял свои служебные обязанности и все свободные вечера проводил в семье барона Морица Врангеля, у графини Толстой и у других друзей. 30 октября я был приглашен на крещение к немецкому пастору. Перед обрядом крещения он, как того требует обычай, выступил с небольшой проповедью, в которой сказал, что несколько месяцев назад господь взял к себе его маленькую любимую дочь, но теперь подарил другую. При этом он так разволновался, что начал плакать, чем и всех нас довел до слез. Поэтому я непроизвольно подумал: «Господи, неужели и меня коснется такое же несчастье и я лишусь одной из моих дочерей!» В то мгновение, когда эта страшная мысль как молния пронеслась в моей голове, часы пробили час дня. И как все-таки судьба жестоко играет с человеком: 30 октября, в час дня, в Петербурге мою дорогую Ольгу несли на Волково кладбище; ангельский ребенок был унесен за 36 часов коварной скарлатиной, оставив бедную мать в отчаянии и одиночестве, поскольку друзья, Розенбергер и Герн, еще во время болезни Ольги забрали к себе других детей, чтобы предохранить их от заражения. Тяжелое испытание возложил господь на мою бедную супругу; мне показалась еще и странной воля господа, чтобы я отсутствовал как при рождении нашей любимицы, так и при ее кончине. И что еще более странно, она умерла в Петербурге в той же самой комнате, в которой 20 годами раньше (в 1834 г.) отдала богу душу моя тетя Мария фон Розенкампф. То, что моя жена среди тысяч квартир в столице выбрала именно эту квартиру, где с тех пор сменились владельцы, показа-

* «Песнь о колоколе». Перевод И. Миримского.

лось мне странным велением судьбы. Естественно, что смерть нашей Ольги потрясла меня; я часто видел ее во сне, и мысли о потере дорогой девочки доводили меня иногда почти до сумасшествия.

Чтобы успокоить меня и дать мне возможность снова увидеть семью, граф, который был крестным моей Ольги, был настолько добр, что предоставил мне отпуск и даже послал в служебную командировку в Петербург на казенный счет.

1855 год

В середине января я выехал из Оренбурга и в первое же утро по приезде в столицу побывал на могиле моей дорогой Ольги. Над ее прахом возвышался простой мраморный памятник с изображением святой Ольги. На нем было выбито русское изречение: «Господи! Да исполнится твоя святая воля!» Моя жена велела обнести памятник железной оградой и поставить рядом маленькую скамеечку; мы часто сидели на ней, плача. Вокруг памятника росли цветы, и множество бессмертников украшало простую могилу. Долгие годы мы приходили сюда, чтобы помолиться у могильного холмика нашей Ольги. Однако время — бальзам, который залечивает все сердечные раны.

Между тем прошли январь и половина февраля. Я часто видел его величество императора, который развил почти лихорадочную деятельность, ежедневно инспектируя войска. Он побывал и в нескольких башкирских полках, которые должны были охранять побережье Балтийского моря. При этом он часто не обращал внимания на холод и лишения, хотя и чувствовал себя в последнее время неважно. Плохие известия с театра военных действий в Крыму, где доблестно сражался севастопольский гарнизон, оказали глубокое моральное воздействие на него. 17 февраля стало известно, что император болен. Бюллетеней, правда, не публиковали, но болезнь прогрессировала настолько быстро, что уже 19 февраля (1 марта) * государь скончался[74].

Вскоре в Зимнем дворце собрались сенат, Государственный совет и все сановники государства, чтобы дать новому императору, Александру II, присягу на верность.

Траурное известие, словно удар грома, поразило население столицы; многие жители, особенно простой люд, даже не знали, что государь болен. Большая площадь Зимнего дворца была заполнена плотной толпой.

20 февраля я отправился со многими генералами и гражданскими лицами в Зимний дворец, чтобы попрощаться с усопшим. Тело покойного лежало еще на простой походной

* Так в тексте.

кровати, на которой он скончался. У изголовья в почетном карауле стоял один из генерал-адъютантов. Я приблизился к телу моего высокого благодетеля, встал на колени и, по русскому обычаю, поцеловал ему руку. Его античного, красивого профиля еще не коснулось разложение, и он, казалось, спокойно спал. В таком положении он был зарисован и литографирован, и я храню этот рисунок как дорогую память об этом редком властителе, который знал меня лично и благосклонностью которого я пользовался на протяжении 22 лет.

Я не буду говорить здесь о торжественных похоронах (в которых я также принимал участие), когда тело императора переносили из Зимнего дворца через Николаевский мост в крепость, а затем через восемь дней поместили в царский склеп. Хочу упомянуть лишь о том, что рассказал мне граф Цуккато сразу же после смерти царя, когда он пришел к нам 19 февраля из Зимнего дворца, чтобы сообщить о случившемся и пережитом.

Когда закончилась церемония принесения присяги, рассказывал граф, и когда в числе последних он покидал траурный покой умершего царя, он увидел старого камердинера усопшего с заплаканными глазами. Граф спросил у него: «Много ли страдал покойный царь перед смертью?» — «Ах, ваше сиятельство, — ответил ему камердинер, — физически он мало страдал, но какие моральные мучения он перенес в последние месяцы своей жизни, знают только бог и я». — «Как так?» — спросил граф. — «Сколько ночей, — ответил камердинер, — я слышал, как его величество часами ходил взад и вперед по своей спальне, вздыхал и громко молился. Судьба его армии, государства и особенно неблагодарность Австрии, которую он в 1849 г. спас от гибели, подтачивали его здоровье. Но днем он всегда был бодр, и никто не видел, что происходило у него внутри и что он переживал».

Да! Усопший царь Николай был человеком в полном смысле этого слова. Мир праху его!

В апреле я имел беседу с нашим новым генерал-квартирмейстером, генерал-адъютантом бароном Ливеном, которого я лично знал с 1833 г. Он сказал мне, что я должен еще на год отправиться в Оренбург, чтобы закончить съемку Киргизской степи, а через год он переведет меня в столицу. С этим обещанием я уехал из Петербурга, покинув еще раз свою семью, и вернулся через Москву, Симбирск и Самару в мой одинокий дом в Оренбурге, где все было в полном порядке. Я сразу же отправился в летний лагерь графа Перовского, которого нашел очень больным. Он принял меня чрезвычайно приветливо, спросил о моей семье и сказал мне: «J'ai trop compté sur mes forces; je n'aurais pas du accepter pour la seconde fois une place comme celle, que j'occupe actu-

ellement; il y a trop de besogne et ma santé est tout à fait délabrée» *.

Тем не менее он целый день сидел за письменным столом, прочитывая и подписывая документы, и наслаждался свежим воздухом только вечером. Раньше он ежедневно совершал прогулки верхом, но теперь из-за астмы лишился этого отдыха.

Беспорядки в степи, вызванные пресловутым батыром Иссетом Кутебаровым, которого подстрекали к этому хивинцы, вынудили графа в сильную жару приехать на несколько дней в Оренбург, чтобы подготовить экспедицию в степь.

Казачий полковник Кузьминский получил приказ поймать разбойника. Однако это была нелегкая задача. Стада у его орды, правда, были отобраны, и в Оренбурге было продано около 80 тыс. овец, но Иссет Кутебаров с частью своей банды снова скрылся в Хиве, как это он уже не раз делал в прежние времена, когда, теснимый нашими летучими казачьими отрядами, попадал в безвыходное положение. Позднее он все же сдался. Он был последним батыром в оренбургской Киргизской степи. С 1856 г. там все спокойно, и киргизы начали понемногу привыкать к цивилизации, занялись хлебопашеством, многие имеют постоянное местожительство, однако бо́льшая часть продолжает заниматься скотоводством и вести кочевую жизнь, потому что к этому их принуждает степь. Вообще, влияние умеренной политики русского правительства с каждым годом все больше распространяется среди этих степных народностей.

Приближалась осень 1855 г. Из степи вернулись мои топографы, которые завершили съемку Устюрта, между Каспийским и Аральскими морями, до залива Кара-Богаз. Они перенесли много трудностей, терпели жажду и жару в этой пустыне и занимались теперь обработкой своих топографических карт. Съемка Оренбургской губернии была также закончена. Поэтому я хочу кратко описать, как велась съемка в Оренбургской губернии и в Киргизской степи, а также дать обзор заснятого пространства и рассказать, чего это стоило.

Ежегодно в неисследованные районы губернии посылались два-три отряда топографов по шесть-восемь человек под командованием опытных офицеров того же корпуса. Их сопровождали пешие и конные башкиры, которые были приданы каждому топографу как проводники, носильщики топографических инструментов и для выполнения других услуг во время полевых работ. Каждый топограф был обязан в течение лета и осени заснять полтора-два топографических листа в масштабе 1 английский дюйм: 1 верста, в зависимо-

* «Я слишком понадеялся на свои силы; я не должен был принимать во второй раз назначение на пост, который сейчас занимаю; слишком много хлопот, и здоровье мое совершенно расшатано» (фр.).

сти от рельефа местности и наличия лесов. Ежемесячно командир каждого отряда верхом или в легком экипаже совершал одну или две поездки по вверенному ему району, чтобы осмотреть съемку и проверить ее точность. Каждый топограф заполнял полевой журнал, в котором указывал ежедневную съемку в квадратных верстах и саженях, а также состояние атмосферы и другие подробности. Офицер во время своих объездов проверял и подписывал этот журнал.

На карту всей Оренбургской губернии предварительно или во время съемки наносили астрономические пункты и геометрическую сетку. Съемка продолжалась с 15 мая по 1 сентября.

В степь ежегодно отправляли два, а иногда три отряда по четыре, шесть и восемь топографов, каждый год под командованием опытного офицера-топографа. Их сопровождали конвой из 80—150 оренбургских или уральских казаков под началом одного офицера, а также необходимое количество верблюдов и казачьих телег для транспортировки провианта, юрт и инструментов. Ранее я уже рассказывал, какой рацион полагался ежедневно каждому офицеру и топографу. Кроме того, они получали столовые и порционные деньги, чтобы обеспечить себя всем необходимым во время четырехмесячного пребывания в степи. Каждый отряд производил съемку определенной территории в масштабе 1 английский дюйм: 2 версты, а в пустыне — 1 английский дюйм: 5 верст. Иногда отдельные топографы уезжали с небольшим прикрытием из состава конвоя на срок от трех до шести дней, взяв с собой необходимые продукты, даже воду в бурдюках или бочонках, если возникала необходимость делать съемку безводной местности, и овес для лошадей в тех местах, где нельзя было найти травы. Чтобы указывать им путь движения конвоя и обоза и чтобы, возвращаясь в темноте, они не блуждали по степи, каждый вечер в лагере пускали ракеты. Чем дальше на юг шли топографы в степь, тем тягостнее и труднее становилась съемка. Особенно сложно было работать на Устюрте, куда они должны были добираться верхом на верблюдах, потому что летом здесь либо совсем отсутствовал корм для лошадей, либо его было очень мало. Командир обязан был каждый раз представлять топографическое описание выполненной съемки, иногда даже зарисовки найденных там древностей, могил, построек и т. д. Например, в 1855 г. на Устюрте было найдено и зарисовано в натуральную величину множество опрокинутых статуй, частично поврежденных, неизвестной эпохи.

Несмотря на то что и в степи было определено много астрономических пунктов, связать их геометрической сеткой оказалось невозможно, так как отдельные предметы, вырисовывавшиеся в необозримой степи, были киргизскими захо-

ронениями или отдельно стоящими курганами либо холмами, расположенными на огромном расстоянии друг от друга. То, что степная съемка была выполнена с максимальной точностью, доказывает, например, тот факт, что она помогла устранить ошибку, допущенную при определении долготы Орска; было сделано повторное определение, после чего на наших картах ее переместили примерно на 3 версты на восток.

В 19-м томе «Записок императорского депо военных карт», опубликованных в 1857 г., находятся (с. 33—57) пять составленных мною еще в Оренбурге таблиц всех геодезических работ, которые велись в Оренбургском районе с 1830 по 1856 г., год за годом. В них указано, сколько офицеров и топографов занималось ими, где они проводились (в губернии или в Киргизской степи), сколько ежегодно квадратных верст было заснято как в губернии, так и в степи, какова стоимость работ и из каких средств они финансировались, наконец, во сколько обходилась государству съемка одной квадратной версты (за вычетом окладов офицеров и топографов и стоимости продуктов): в эту сумму входили порционные деньги, плата за наем верблюдов, погонщикам, проводникам, деньги на приобретение юрт и т. д.

Ниже приводится общая сумма расходов по этим пяти таблицам. Средняя стоимость съемки одной квадратной версты составляет по ним лишь 7 копеек серебром.

Кроме того, согласно шестой таблице с 1838 по 1853 г. в Оренбургском районе было определено 239 астрономических пунктов; стоимость работ составила 7060 рублей 35 $^{3}/_{4}$ копейки, в среднем 29 рублей 54 копейки за каждый пункт.

Таблица		Квадратные версты	Рубли	Копейки
AC	Инструментальная съемка Оренбургской губернии (1 англ. дюйм : 1 верста)	328 371	54 192	90 1/4
B	Предварительная ее рекогносцировка (1 англ. дюйм : 5 верст)	233 099	3 631	58 1/2
D	Полуинструментальная съемка Киргизской степи (1 англ. дюйм : 2 версты)	774 413	47 072	91 1/2
E	Рекогносцировка Самарской губернии (1 англ. дюйм : 5 верст)	148 905	2 392	13 1/4
B^1	Различные частичные съемки в Оренбургской губернии . . .	95 276	4 397	37 1/2
	Итого . . .	1580 064	111 686	91

После этого отступления я вернусь к моим воспоминаниям.

Полковник Кузьминский вернулся из степи и пригнал с собой, как упоминалось выше, тысячу овец, а также несколько сот лошадей, отобрав их у банды Иссета. Затем они были проданы в Оренбурге с аукциона, покрыв тем самым стоимость экспедиции этого офицера.

За служебными делами незаметно приблизилось 31 декабря. Я был приглашен к нашему новому начальнику штаба генералу Бутурлину встретить у него Новый год. В 8 часов вечера мне вручили запечатанный пакет от графа Перовского. Я вскрыл его и обнаружил в нем официальное сообщение о моем переводе в столицу с приказом передать мое управление полковнику Генерального штаба Виктору Дандевилю и записку от графа на французском языке следующего содержания:

«Je ne sais, mon cher Général, si le papier ci joint, que je vous prie de me renvoyer, après en avoir pris connaissance, sera une surprise pour vous; mais le fait est que je ne m'y attendais pas sitôt. Je vous avoue que la lecture de cette pièce m'a fait une pénible impression. Il est tojours triste et dans ma position surtout, de se séparer des personnes, que l'on aime et que l'on estime depuis de longues années. Puissais-je, mon cher Général, vous laisser les mêmes regrets. Je vous prie d'être très-persuadé de l'inaltérable amitié de votre dévoué.

B. Peròvsky

ce 31 Décembre 1855»*.

Глаза мои увлажнились, когда я прочел эти сердечные слова. Я был глубоко взволнован содержанием записки, так как она выражала и мое внутреннее состояние, мое отношение к графу. Я поспешил отправить ему благодарственное письмо, в котором заверил его, что только семейные дела вынудили меня желать перевода в столицу, в противном случае я бы никогда не покинул начальника и покровителя, каким он для меня был. Затем я отправился к генералу Бутурлину, где застал все оренбургское общество, которое собралось

* «Не знаю, дорогой генерал, будет ли для Вас неожиданностью прилагаемая бумага, которую прошу мне вернуть по ознакомлении. Но дело в том, что я не ждал этого так быстро. Уверяю Вас, что чтение этого опуса произвело на меня удручающее впечатление. Всегда печально, а особенно в моем положении, разлучаться с лицами, которых любишь и ценишь много лет. Позвольте же, дорогой генерал, принести Вам те же сожаления. Прошу Вас быть уверенным в неизменной дружбе преданного Вам

В. Перовского

31 декабря 1855 г.» (фр.).

здесь, чтобы отпраздновать Новый год. Здесь был и полковник Дандевиль с супругой, и я сообщил ему о назначении его обер-квартирмейстером, что его очень удивило и обрадовало. Сообщение о моем переводе в Петербург вскоре стало известно всем, и мне тут же стали высказывать сожаления по поводу того, что после многолетнего пребывания в Оренбурге я все же уезжаю. Было поднято много тостов за мое здоровье и здоровье моей семьи. Так, полный надежд и ожиданий, я вступил в новый, 1856 год, который должен был открыть передо мной новую карьеру и расширить сферу моей деятельности.

Первые дни нового года я занимался тем, что передавал своему преемнику управление, государственную казну, счета, а также топографическую роту, и, только когда я получил необходимые расписки и была издана инструкция, подтверждавшая назначение полковника на новый пост, я почувствовал себя свободным и смог беспрепятственно заняться подготовкой к отъезду в столицу. Я начал сбывать мебель, фортепиано, экипажи и лошадей, и через 14 дней все было продано, и по приличной цене. Я оставил только одну лошадь и сани, чтобы перед отъездом подарить их моему кучеру Исидору, так как он мне верно служил все восемь лет и сопровождал мою семью в 1852 г. в Крым и обратно в Оренбург. Он потом оставил место кучера под лестным для меня предлогом: «Кто при генерале Бларамберге служил кучером, не может уже служить ни при ком другом». Только чудак мог такое высказать.

Я был уже готов к отъезду, когда однажды утром явилась депутация моих офицеров-топографов с предложением устроить мне в доказательство их благодарности и привязанности прощальный обед. Хотя я не любил обедов по случаю, отказаться от такой чести было нельзя. Поскольку обед, однако, должен был состояться в большом зале Дворянского собрания, я сказал офицерам, что предварительно должен доложить об этом приглашении графу, чтобы получить его согласие. Я поблагодарил депутацию за любезное и лестное для меня приглашение. Я сразу же написал графу записку об этом. Ниже я привожу его ответ:

«J'approve complètement les Officiers topographes, et vous prie de leur dire, que comme leur Chef supérieur, je veux être de moitié dans leurs frais. Je suis peiné de ne pouvoir pas boire avec eux à votre santé»*.

---

* «Я полностью согласен с офицерами-топографами. Прошу Вас как их высшего начальника сказать им, что я хочу взять на себя половину их расходов. Я наказан невозможностью пить за Ваше здоровье вместе с ними» (фр.).

Нельзя быть любезнее и выразиться деликатнее, чем это сделал наш замечательный граф Василий Перовский.

Чествование состоялось в следующее воскресенье, и мои офицеры были так любезны, что предоставили мне возможность пригласить на этот обед еще нескольких моих оренбургских друзей. Я скромно воспользовался этим разрешением и пригласил только трех моих лучших друзей: полковника Рейтерна (брата нашего будущего министра финансов), полковника барона Врангеля и капитана (позднее вице-адмирала) Алексея Бутакова.

Перед тем как отправиться в Дворянское собрание, где в 5 часов должен был состояться обед, я по просьбе моих топографов принял участие в устроенном в мою честь обеде, который состоялся в 2 часа дня в ротной столовой. Я был встречен военной музыкой; мне предоставили почетное место рядом с новым обер-квартирмейстером, полковником Дандевилем. Старший унтер-офицер произнес небольшую речь, в которой сердечно поблагодарил меня от имени своих товарищей за то, что за время моего 15-летнего управления я был для них не начальником, а отцом (отцом-командиром); он настойчиво просил меня подарить им мой портрет, который они могли бы хранить как память в ротном зале. Я сердечно поблагодарил его и товарищей за привязанность ко мне, и они проводили меня до самых саней громким «ура!» и тушем.

Для большого прощального обеда я написал речь, так как заранее знал, что из-за волнения не смогу выступить. При входе в обеденный зал Дворянского собрания меня встретил туш военного оркестра. Наше общество состояло из двадцати четырех офицеров-топографов, четырех офицеров Генерального штаба, трех приглашенных гостей и меня. Обед был очень оживленным. Когда подали пятое блюдо, встал капитан Яковлев и обратился ко мне с речью, в которой от имени своих товарищей поблагодарил меня пылкими словами за отцовскую заботу, которую я проявил к ним, и за доброту, с которой всегда к ним относился. Громкое «ура!» и тосты сопровождали его речь. Я хотел поблагодарить устно, но, растроганный, не смог этого сделать. Поэтому я передал лист, на котором была написана моя прощальная речь, Яковлеву для прочтения, и мои храбрые подчиненные были настолько проникнуты чувством благодарности, что под возгласы «ура!» выпили за мое здоровье, а затем подходили ко мне, чтобы обняться, по русскому обычаю, причем громким «ура!» не было конца. Я удалился в 8 часов вечера, и меня провожали возгласами «ура!» и музыкой до ворот. Этот день навсегда останется для меня приятным воспоминанием.

В то время как я вынужден был обедать у своих многочисленных друзей или оставаться хотя бы вечером на чай,

граф был настолько любезен, что прислал мне копии двух представлений * на меня, отправленных тогдашнему военному министру князю Василию Долгорукому и генерал-квартирмейстеру барону Ливену. Он написал мне при этом следующие слова:

«Voici, mon cher Général, pour vos archives deux copies dont je viens de signer les originaux. Dès que mon asthme m'aura donné un peu de relâche, je vous prierai de venir causer avec moi»**.

23 января я в последний раз обедал у графини Толстой. Графиня сообщила мне, что граф Перовский очень сожалеет о моем отъезде, так как очень привык ко мне. Я написал ему и попросил назначить день и час, когда я смогу попрощаться с моим замечательным начальником; я попросил его также подарить мне свой портрет на дорогую память. Здесь приводится его ответ:

«Voici ma triste figure, mon cher Général, puisque vous la voulez; elle vous rappellera un homme, qui vous aime sincèrement, et qui vous conservera toujours ce sentiment. Je vous attends Jeudi à onze heures; ce n'est pas une audience de congé officielle; je voudrais même me dissimuler, que c'est une entrevue d'adieux; ne vous mettez donc pas en frais de toilette, et emballez vos uniformes brodés et gallonés, pour vous en servir à St.-Petersbourg.
ce 24 Janvier 1856. Tout à vous
B. Peròvsky»***

Когда в назначенный день я явился к моему начальнику, чтобы попрощаться с ним и поблагодарить за его расположение ко мне, благосклонность и верную дружбу, мне не хватило слов и мы смогли лишь искренне, со слезами обняться.

---

* Копии этих представлений, заверенные подписью графа, хранятся как дорогая память среди моих семейных документов. Редко сочинялись столь лестные для меня представления, как вышеупомянутые. На них обратили внимание в Петербурге. — *Примеч. авт.*

** «Вот, дорогой генерал, для Ваших архивов две копии, оригиналы которых я только что подписал. Как только моя астма даст мне передышку, я попрошу Вас приехать ко мне поболтать» (фр.).

*** «Вот моя печальная физиономия, дорогой генерал, коли Вы ее хотите. Она будет напоминать Вам о человеке, который Вас искренне любит и который навсегда сохранит это чувство к Вам. Я Вас жду в четверг, в 11 часов; это не аудиенция по случаю официального отпуска; я хотел бы даже не признаваться себе в том, что это — прощальное свидание; так что не тратьтесь на туалет и сберегите Ваш парадный мундир; он Вам пригодится в С.-Петербурге.
Всегда Ваш
24 января 1856 г. В. Перовский» (фр.).

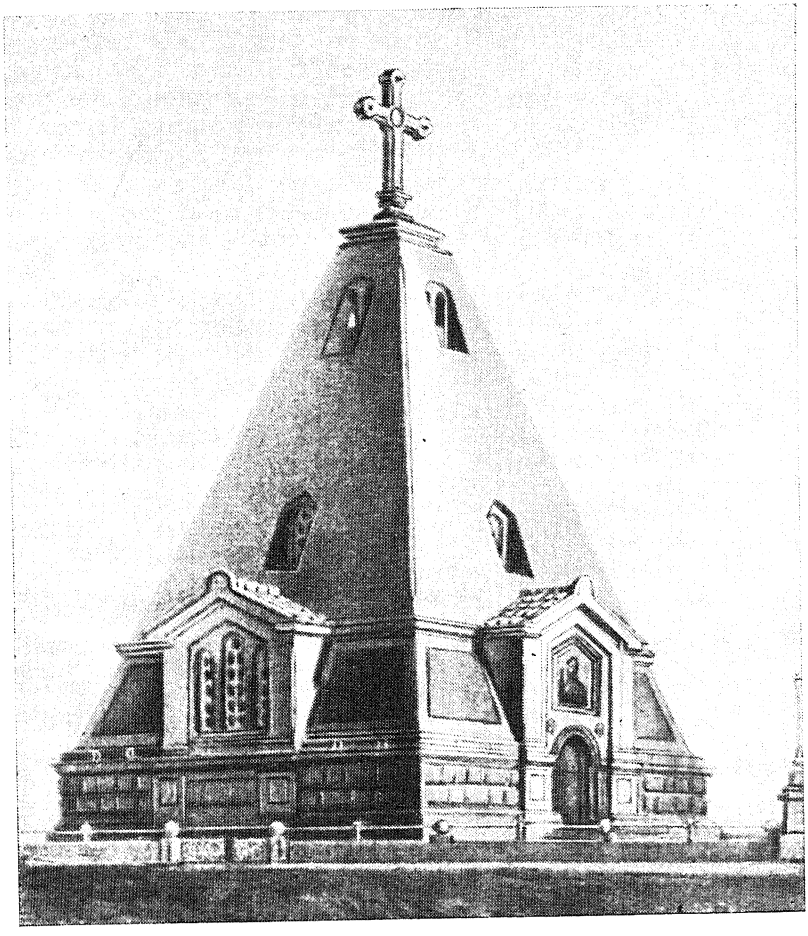
Глубоко тронутый и умиленный, покинул я кабинет этого редкостного человека, рыцарство, благосклонность, щедрость и любезный характер которого не имели себе равных. Вот лишь один пример: из-за болезни и занятости граф никогда не принимал приезжавших офицеров или гражданских чиновников, которые по служебному распорядку хотели ему представиться (за исключением высокопоставленных лиц), но он встречался с ними в частном обществе, на балах или в зале Дворянского собрания, и если ему нравилась их внешность, то он наводил подробные справки о них и затем пытался быть им чем-нибудь полезным. Так, летом 1854 г. в Оренбург для прохождения службы в моем управлении прибыл молодой офицер Генерального штаба поручик Л. Граф, находившийся тогда в своем летнем лагере в Башкирии, увидел его лишь осенью; его внешность понравилась ему. Через несколько дней после этого, во время моего ежедневного служебного доклада, он спросил меня, доволен ли я поручиком Л. Я ответил, что это образованный и дельный молодой офицер, который прилежно занимается, стремясь вникнуть в дела службы и ознакомиться с губернией, что он очень скромно живет и мне известно, что он помогает небогатым старым родителям, посылая им часть своего скромного оклада. Граф не сказал ни слова, но на следующее утро я получил небольшой пакет с 300 рублей серебром в кредитных билетах вместе со следующей запиской:

«Veuillez, mon cher Général, remettre la somme incluse au Lieutenant L., afin qu'il puisse soulager ses parents agés; mais à condition, qu'il ne vienne jamais m'en remercier, ni verbalement, ni par écrit; cette affaire doit rester un secret entre nous trois»*.

Уже один-единственный этот поступок говорит о его благородстве и щедрости, и такие поступки он часто совершал во время управления Оренбургской губернией.

Позднее он из-за болезни оставил службу в Оренбурге, переехал в Петергоф и, наконец, в Крым. Он скончался в Ореанде, императорской вилле, на южном берегу Таврического полуострова, и похоронен в церкви монастыря святого Георгия. Умер он как герой и как философ: своему врачу он велел сказать ему час или по крайней мере день смерти, заранее заказал гроб, попросил поставить его к себе в спальню, сделал все распоряжения относительно наследства и скром-

* «Позвольте, дорогой генерал, вернуть сумму, причитающуюся поручику Л., с тем чтобы он смог облегчить положение своих престарелых родителей, но при условии, что он никогда не станет меня благодарить ни устно, ни письменно. Это дело должно остаться в тайне между нами троими» (фр.).



Церковь монастыря святого Георгия

ных похорон и спокойно испустил дух. Мир его праху. Когда я в 1860 г. был в Севастополе, я отправился в упомянутый монастырь, находящийся в 12 верстах от города. Согласно легенде, он построен поблизости от руин старого замка Дианы, на скалах, круто обрывающихся в море; отсюда открывается великолепный вид на Черное море, прибой которого слышится здесь, наверху. Я попросил открыть склеп, чтобы у гроба моего благородного благодетеля и друга помолиться за упокой его души.

Я покинул Оренбург 28 января, провожаемый пожеланиями счастья, которые высказали все мои давнишние друзья,

подчиненные и товарищи по службе. За городом мне пришлось остановиться еще на четверть часа, чтобы забрать с собой в столицу десятилетнего мальчика, сына моего подчиненного, капитана Герцена, и снова я был свидетелем волнующей сцены прощания сына с матерью, которая не хотела отпускать своего любимца. Я вынужден был почти силой отстранить ее от саней и пустить лошадей в галоп, и ее горькие причитания затихли в широкой степи. Я провел в Оренбурге счастливые 15 лет и 14 дней; четверо любимых детей родились у меня здесь; я приобрел здесь много верных друзей, и я до сих пор свято храню эти воспоминания.

Было холодно. Мы ехали в крытых санях по глубокому снегу, но дорога была хорошая. Мы ехали днем и ночью и 8 февраля прибыли в столицу. После долгой разлуки я вернулся в объятия моей семьи.

КОММЕНТАРИИ

[1] Оксус — прежнее название р. Амударьи (др.-греч. Oxos, лат. Oxus).

[2] Чернышев Александр Иванович (1786—1857), князь (с 1826 г. также граф), генерал от кавалерии. Участвовал в войнах против Наполеона. В 1808—1811 гг. выполнял важные дипломатические поручения. В 1827 г. назначен товарищем управляющего Главным штабом, а затем военным министром (до 1852 г.).

[3] Канкрин Егор Францевич (1774—1845), граф. На русской службе с 1797 г., в 1823—1844 гг. — министр финансов.

[4] Родофиникин Константин Константинович (1760—1838), русский дипломат. Дипломатическую службу начал в 1803 г. С 1819 по 1837 г. был директором Азиатского департамента министерства иностранных дел. С 1832 г. — сенатор, с 1833 г. — член совета министерства иностранных дел. В отсутствие министра неоднократно управлял министерством.

[5] Имеется в виду турецко-египетский конфликт 1832 г., когда паша Египта Мухаммед Али восстал против турецкого султана. Заняв Сирию, египетская армия, обученная и вооруженная лучше, чем войска султана, двинулась к северу, и 21 декабря 1832 г. в битве при Конье сын Мухаммеда Али, Ибрагим-паша, наголову разгромил турок.

[6] Муравьев (Карсский) Николай Николаевич (1794—1866), русский военный деятель и дипломат. В 1854—1856 гг. — наместник на Кавказе. В 1821 г. в чине полковника во второй раз возглавил экспедицию к туркменским берегам Каспия.

См.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX века). М., 1976, с. 124—126.

[7] Ранджит Сингх — правитель Сикхского государства (со столицей в Лахоре), существовавшего в 1799—1849 гг. В 1849—1947 гг. Лахор находился под властью английских колонизаторов, являлся центром Лахорской области и одноименного округа Британской Индии.

См.: Семенова Н. И. Государство сикхов. Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX века. М., 1958.

[8] Мухаррам (арабск. «заповедный», «священный»), перс. мохаррем — название первого месяца мусульманского лунного календаря. В мухарраме 30 дней. 1-е число — день Нового года, праздничный, нерабочий день в мусульманских государствах. Первые 10 дней мухаррама у шиитов являются траурными, посвященными памяти их «великомученика» Хусейна. В эти дни, особенно в 10-й, называемый ашура, шиитское духовенство устраивало религиозные шествия, наиболее фанатичные участники которых занимались самоистязанием, а также мистерии на сюжет гибели Хусейна.

[9] Надир-шах Афшар (1688—1747), шах Ирана (1736—1747). В 1738—1739 гг. совершил грабительский поход в Индию.

[10] Вамбери Арминий (Герман) (1832—1913), путешественник, востоковед, публицист, исследователь Средней Азии. Родился в 1832 г. в Шердагели (Венгрия) в бедной еврейской семье. С 1852 по 1856 г. жил в Пеште в качестве домашнего учителя. Затем находился (до 1860 г.) в Стамбуле. В 1858 г. издал немецко-турецкий, а в 1860 г. — чагатай-

ский словарь. В 1861 г. при содействии венгерской Академии наук, которая избрала Вамбери своим членом-корреспондентом, предпринял путешествие в Персию и Среднюю Азию. Присоединившись в Тегеране в 1863 г. под видом дервиша к партии паломников, возвращавшихся из Мекки на родину, он отправился через Мазендеран до Балханского залива и затем через туркменскую пустыню в Хиву. Посетив Хиву и Кунград, Вамбери направился через Кызылкум в Бухару и Самарканд, побывал в Кариме, Керки, Меймене и через Герат, Мешхед, Тегеран и Трапезунд благополучно возвратился в Стамбул. Путешествие Вамбери было настолько необыкновенно для того времени, что многие заподозрили его в обмане; последующие путешественники рассеяли это необоснованное обвинение и единогласно признали, что почти все, что видел Вамбери, описано им с удивительной точностью. С 1865 г. Вамбери стал профессором восточных языков в Пештском университете. Знаменитое путешествие Вамбери было описано им сначала по-английски, потом по-немецки и переведено на ряд европейских языков, в том числе и русский. За описанием путешествия последовало множество других высоко ценившихся в научных кругах работ, главным образом по истории, языкознанию и этнографии Востока. Вамбери был также автором публицистических произведений, посвященных политике России и Англии в Средней Азии. Его политические симпатии были на стороне Англии. Россию же он бездоказательно обвинял в намерении захватить Индию.

[11] Ходзько-Борейко Александр Леонардович (1804—1891), польский поэт и писатель-ориенталист, русский консул в Иране. По окончании университетского курса он в 1824 г. поступил в петербургский Институт восточных языков при министерстве иностранных дел и в 1830 г. был назначен русским консулом в Иране, где и пробыл до 1845 г. Свободное время посвящал занятиям по изучению персидской литературы. Выйдя в отставку, Ходзько занялся литературной деятельностью. В числе опубликованных им работ см.: Дерар. Восточная повесть в стихах. Пер. с польск. СПб., 1839; Кер-оглу, восточный поэт-наездник. Полное собрание его импровизаций с присовокуплением его биографии. Пер. с англ. Тифлис, 1856.

[12] Аббас I (Великий) (1587—1629), шах Ирана, наиболее выдающийся представитель династии Сефевидов.

[13] Войнович Марко Иванович (ум. в 1807 г.). Поступил на русскую службу во флот в 1770 г. В 1781 г. командовал эскадрой на Каспийском море, направленной для устройства русской колонии на персидских берегах, но был захвачен в плен Ага-Мохаммед-ханом. Вскоре освобожденный, он в 1783 г. командовал первым на Черном море военным кораблем «Слава Екатерины», в 1787 г. ходил с севастопольским флотом к берегам Румелии; в 1788 г. — участник обороны Очакова, впоследствии — адмирал.

[14] Фатх-Али-шах (1766—1834), шах Ирана, племянник и преемник основателя каджарской династии — Ага-Мохаммеда. При нем началось влияние России и Англии на Иран. У Бларамберга дата смерти Фатх-Али-шаха везде указана ошибочно — 1835 г.

[15] На севере Ирана, в Мазендеране и Астрабаде, в 70—80-е годы XVIII в. велась борьба за власть между династиями Зендов и Каджаров, окончившаяся победой Каджаров, во главе которых стал жестокий и энергичный Ага-Мохаммед. Вскоре он стал правителем всех главных провинций Ирана.

[16] Здесь автор имеет в виду Эриванскую операцию во время русско-персидской войны 1826—1828 гг. 10 октября русские войска взяли крепость Эривань (Ереван), захватив богатые трофеи.

[17] Аббас-Мирза (1783—1833), второй сын Фатх-Али-шаха, наследник престола. Аббас-Мирза был умен, образован, любил европейские нравы и европейское образование. Еще в ранней молодости, будучи наместником Тебриза и Азербайджана, он старался преобразовать с помощью европейцев персидскую армию. Участвовал в войнах против России (1811—

1813, 1826—1828). В 1831 и 1832 гг. Аббас-Мирза сражался с курдами в Хорасане. Умер в Мешхеде во время похода, предпринятого против Герата.

[18] Бернс Александр (1805—1841), английский офицер. В 1839—1841 гг. выполнял функции политического советника при штабе английской армии в Кабуле. См.: Халфин Н. А. Возмездие ожидает в Джагдалаке. М., 1973.

[18а] Имеется в виду Узбой, левое русло Амударьи, в настоящее время окончательно, а в описываемый период еще не совсем высохшее.

См.: В. В. Бартольд. Аму-Дарья. — Сочинения. Т. 3. М., 1965, с. 319—325.

[19] Соймонов Федор Иванович (1682—1780), навигатор и гидрограф. В 1720 г. участвовал в описании западного и южного берегов Каспийского моря. Эта работа, а также описание восточного побережья Каспийского моря были закончены в 1726 г. Им изданы карта Каспийского моря, «Описание Каспийского моря, от устья р. Волги, притока Ярковского, до устья р. Астрабацкой» (СПб., 1731; изд. 2-е — 1783) и «Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого» («Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах», 1763).

[20] Виткевич Ян (Иван) Викторович (1809—1839), русский офицер, путешественник. За участие в польском патриотическом движении Виткевич был сослан рядовым в Оренбургский корпус. Изучил персидский язык. В 1832 г. был направлен с дипломатической миссией в Афганистан. В 1835 г. с торговой миссией побывал в Бухаре. Материалы, собранные Виткевичем, не были напечатаны, так как по возвращении в Петербург он покончил с собой и сжег свои бумаги.

См.: Халфин Н. А. Драма в номерах «Париж». — «Вопросы истории». 1966, № 10.

[21] Константин Павлович (1779—1831), русский великий князь, второй сын Павла I, в 1814—1831 гг. — наместник Царства Польского.

[22] Гумбольдт Александр-Фридрих-Генрих, фон (1769—1859), выдающийся ученый и путешественник. В 1829 г. вместе с Розе и Эренбергом отправился в путешествие по востоку России. Из Петербурга они поехали через Москву и Владимир в Нижний Новгород, а оттуда по Волге — в Казань. Несколько недель путешественники провели на нижнем и среднем Урале, осмотрели уральские заводы, посетили Орск и Оренбург. Совершив поездку по Каспийскому морю через Астрахань, вернулись в Петербург. Во время путешествия они собрали ценнейшие зоологические и ботанические коллекции.

[23] Сухтелен Павел Петрович (1788—1833), граф, генерал-адъютант. Участвовал в кампаниях 1807 г. против Наполеона, 1808—1809 гг. — против Швеции, 1811 г. — против Турции, затем в войнах 1812—1814 гг. В 1826 г. назначен генерал-квартирмейстером Главного штаба. Во время войны с Ираном занимал место начальника штаба Кавказского корпуса. В 1830 г. назначен оренбургским генерал-губернатором и командиром Оренбургского корпуса.

[24] Перовский Василий Алексеевич (1795—1857), граф, русский генерал, военный губернатор Оренбурга (1833—1842, 1851—1857), в 1839—1840 гг. командовал военной экспедицией в Хиву.

[25] Дост Мухаммед-хан (1790 или 1793—1863), сын мухаммедзайского старшины Серэфраз-хана, казненного афганским шахом Земаном в 1799 г. С 1826 г. стал правителем Кабула. В результате англо-русских противоречий в Афганистане бежал в Хульм, откуда пытался вернуть свои владения, захваченные английским ставленником Шуджой. Затем Дост Мухаммед добровольно сдался англичанам, назначившим ему пенсию. В 1843 г. он вновь воцарился на кабульском престоле.

См.: Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость. М., 1960.

[26] Нессельроде Карл Васильевич (1780—1862), граф, русский государственный деятель и дипломат, канцлер, министр иностранных дел (1816—1856).

[27] Симонич Иван Осипович (1792—1855), граф русский, посланник в Тегеране (1832—1839).

См.: Симонич И. О. Воспоминания полномочного министра. 1832—1838 гг. Пер. с франц. М., 1967.

[28] По тогдашнему административному делению — Армянская область.

[29] Али-Мирза — старший сын Фатх-Али-шаха. Поскольку его мать была невольницей, отец лишил его престола в пользу Аббас-Мирзы.

[30] Макнил (McNeil) Джон (1795—1883), английский дипломат, посланник в Тегеране (1836—1839 и 1841—1842). Автор кн.: Progress of Russia and England in the East. I. 1836.

[31] Стоддарт Чарлз (1806—1842), выполнял различные военно-политические поручения британского правительства на Среднем Востоке в конце 1830 — начале 1840 г. Казнен в Бухаре в 1842 г. по приказу бухарского эмира.

[32] Имеется в виду Шенбруннский мирный договор между Францией и Австрией, подписанный 14 октября 1809 г. и завершивший победоносную войну Наполеона против «пятой коалиции».

[33] Ермолов Алексей Петрович (1777—1861), генерал от инфантерии. Военную карьеру начал в артиллерии под начальством Суворова, принимал активное участие в кампаниях 1805—1807 и 1812—1814 гг. В 1816 г. переведен на Кавказ, где вскоре возглавил военную и гражданскую власть. Руководитель военных операций в Чечне, Дагестане и на Кубани, сопровождавшихся постройкой новых крепостей (Грозная, Внезапная, Бурная). При его участии к России были присоединены Абхазия, Карабахское и Ширванское ханства. В 1827 г. Ермолов, не поладив с Николаем I, вышел в отставку.

[34] Адрианопольский мир — мирный договор, заключенный в сентябре 1829 г. между Турцией и Россией в результате успешной для последней войны 1828—1829 гг. По договору к России переходили устье Дуная с островами и значительная часть восточного побережья Черного моря к югу от устья Кубани. Турция должна была признать фактическую автономию Молдавии и Валахии, предоставив им право самостоятельного избрания господарей. Гарантия этой автономии возлагалась на Россию, что было равносильно установлению ее протектората над княжествами. Правительство Турции обязывалось также признать Грецию самостоятельным государством, связанным с Турцией лишь уплатой ежегодной дани, и соблюдать все предыдущие договоры в отношении автономии Сербии, узаконив ее автономию специальным фирманом.

См.: Новичев А. Д. История Турции. Т. II. Л., 1968.

[35] Паскевич Иван Федорович (1782—1856), светлейший князь, граф Эриванский, генерал-фельдмаршал, командующий русскими войсками на Кавказском театре русско-турецкой войны 1828—1829 гг., с лета 1831 г. — главнокомандующий русскими войсками, подавлявшими польское восстание 1830—1831 гг., с 1832 г. — наместник Царства Польского, в 1849 г. — главнокомандующий русской армией, участвовавшей в подавлении революции в Венгрии, в 1854 г. — главнокомандующий войсками на западной и южной границах России, в апреле — июне командовал войсками на Дунае.

[36] Пальмерстон Генри Джон Темпл, виконт (1784—1865), английский государственный деятель, в начале своей деятельности — тори, с 1830 г. — один из лидеров вигов, опиравшийся на правые элементы этой партии; секретарь по военным делам (1809—1828), министр иностранных дел (1830—1834, 1835—1841, 1846—1851), министр внутренних дел (1852—1855) и премьер-министр (1855—1858 и 1859—1865).

[37] Морриер Джеймс (1780—1849), автор романа «Похождения Хаджи-Бабы из Исфагана», опубликованного в Лондоне в 1824 г. В течение мно-

гих лет Морриер жил в Иране, что позволило ему глубоко изучить эту страну. Благодаря своим художественным достоинствам роман завоевал всеобщее признание. Об этом свидетельствуют многочисленные издания в Англии, переводы на французский (1824 г.), русский (1831 г.), немецкий (1835 г.) и другие языки.

[38] Имеется в виду миссия, посланная шахским правительством в Россию в связи с нападением на русскую миссию в Тегеране и гибелью посланника А. С. Грибоедова.

[39] Автор далее описывает события, происходившие во время Гератского конфликта 1839—1841 гг. В XVII—XVIII вв. Герат входил в состав Ирана, но затем выделился в самостоятельную область. Гератская крепость имела большое стратегическое значение. В XIX в. овладеть Гератом стремились Иран, пользовавшийся в этом вопросе поддержкой России, и Англия. В конце 1837 г. иранский шах Мохаммед осадил крепость. Обороной Герата фактически руководил английский офицер Поттингер. В 1838 г. англичане, рассматривая осаду Герата как враждебное Англии действие, разорвали дипломатические отношения с Ираном; английские военные корабли вошли в Персидский залив, и высаженный ими десант занял иранский остров Харг. Под нажимом Англии шах снял осаду Герата, а в октябре 1841 г. восстановил дипломатические отношения с Англией.

См.: Штейнберг Е. Л. История британской агрессии на Среднем Востоке (От французской буржуазной революции до второй мировой войны). М., 1951; Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана. Т. II. Афганистан в новое время. М., 1965; Ахмеджанов Г. А. Английская экспансия на Среднем Востоке и Гератский вопрос в 40—50-е годы XIX в. — Труды Среднеазиатского государственного университета. Новая серия. Вып. 152. Исторические науки. Кн. 33. Ташкент, 1960.

[40] Мешхед — город на северо-востоке Ирана, в Хорасане. Близ Мешхеда находится гробница знаменитого поэта Фирдоуси. Это город паломничества («вторая Мекка») мусульман-шиитов; здесь находится мечеть имама Резы (начало XVII в.). Ежегодно его посещают 100 тыс. паломников. Славится также мечеть Гаухар-Шад (XV в.).

[41] Фарсанг — старинная мера длины, равная 6—7 (иногда 10) км.

[42] Суфизм — мистическое направление в исламе, которое имеет различные ордены (секты).

[43] Имеется в виду битва между персами и русскими 4 сентября на территории Гянджинского ханства (Гянджа была переименована в Елизаветполь, ныне Кировабад). На правом берегу реки Шамхорчай персидские войска были разбиты и обращены в бегство. Победителям досталось 1100 пленных (в том числе 9 офицеров), много знамен, боеприпасов и орудий.

[44] Речь идет о хивинском походе, предпринятом в ноябре 1839 г. в целях завоевания Хивинского ханства экспедиционным отрядом под командованием оренбургского военного губернатора генерала В. А. Перовского. Отряд в составе 5 тыс. человек с несколькими орудиями и продовольственным обозом оказался неподготовленным к тяжелым условиям зимнего перехода через пустынные степи; потеряв половину людского состава вследствие массовых заболеваний, Перовский, не дойдя до Хивы, вынужден был вернуться в Оренбург.

См.: Маркс К. Персидская экспедиция в Афганистан и русская экспедиция в Среднюю Азию. — Дания. — Военные действия на Дунае и в Азии. — Уиганские углекопы. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2. Т. 9; Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии..., с. 275—278.

[45] Имеется в виду первая англо-афганская война 1838—1842 гг., предпринятая Англией с целью колониального порабощения Афганистана. В августе 1839 г. был занят Кабул, но из-за вспыхнувшего там в ноябре 1841 г. восстания англичане были вынуждены в январе 1842 г. начать

отступление в Индию, перешедшее в паническое бегство. Из 4,5 тыс. солдат английской армии и 12 тыс. лагерной прислуги до границы Индии добрался только один человек.

См.: Халфин Н. А. Провал английской агрессии в Афганистане. М., 1959.

[46] Сеид (сейид) — первоначально представители мусульманской верхушки, считавшие своим предком пророка Мухаммеда.

[47] Дибич-Забалканский Иван Иванович (1785—1831), на русской службе с 1798 г., генерал-фельдмаршал, фактический главнокомандующий на балканском театре русско-турецкой войны 1828—1829 гг. и при подавлении польского восстания 1830—1831 гг.

[48] Ибрагим-паша (1789—1848) — египетский полководец, приемный сын правителя Египта Мухаммеда Али; главнокомандующий египетскими войсками в войнах Египта против Турции (1831—1833 и 1839—1841); с 1844 г. — соправитель Египта.

[49] Гудович Иван Васильевич (1741—1820), граф, генерал-фельдмаршал, отличился во время борьбы с польскими конфедератами и в войне с Турцией 1768—1774 гг. В 1806 г. был направлен главнокомандующим в Грузию и Дагестан. При нем Россия присоединила к себе Баку, Шекинское ханство и часть лезгинских земель. В 1807 г. одержал победу под Арпачаем.

[50] Несторианами называли ассирийцев (айсоров) по их принадлежности (в подавляющем большинстве) к направлению в христианстве, возникшему в IV в. и окончательно оформленному константинопольским епископом Нестором во второй трети V в. (отсюда — несторианская церковь). Несториане, не принявшие унии с католиками, имеют три таинства (крещение, евхаристию и священство) и считают деву Марию не богородицей, а только «христородицей».

[51] Идентификация курдов с кардухами (последнее название впервые встречается в «Анабасисе» Ксенофонта) возможна, но не доказана.

[52] Курбан-байрам (или ид аль-адха) — один из самых больших мусульманских праздников, сопровождающийся жертвоприношениями (режут верблюдов, овец и т. д.).

[53] Туркманчайский трактат (договор), подписанный 10/22 февраля 1828 г. в селении Туркманчай, завершил русско-иранскую войну 1826—1828 гг., начатую шахом Ирана с целью отвоевания своих бывших владений в Закавказье. Договор устанавливал новую границу между Россией и Ираном, в основном по р. Аракс. К России отошли территории ханств Эриванского (по обеим сторонам р. Аракса) и Нахичеванского. Подтверждалась свобода плавания в Каспийском море для русских торговых судов и исключительное право России иметь здесь военный флот. За Россией закреплялось право консульской юрисдикции; ей также предоставлялся ряд преимуществ в торговых взаимоотношениях с Ираном. На Иран была наложена контрибуция в 20 млн. руб.

См.: Фадеев А. В. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX века. М., 1958, с. 178.

[54] Историческую справку о турецко-иранском пограничном конфликте, непосредственно связанном с курдской проблемой, см.: «Материалы для географии Азиатской Турции. Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению». СПб., 1875; Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891—1917). М., 1972, с. 390—391.

[55] В начале XIX в. в Иране шла острая англо-французская борьба за влияние. Хотя французскому посланнику генералу Гардану в 1808 г. и удалось подписать с шахом Ирана договор, франко-иранский союз не имел под собой серьезной экономической базы. Со времени отъезда миссии Гардана из Ирана, 12 февраля 1809 г., в Тегеране усилилось влияние англичан.

См.: Игамбердыев М. А. Иран в международных отношениях первой трети XIX века. Самарканд, 1961.

[56] Автор имеет в виду один из эпизодов истории освобождения Ирана от афганцев. Иранский полководец Надир 2 октября 1729 г. одержал победу вблизи Дамахана, в 70 милях от Тегерана, наголову разбив афганскую армию под предводительством Ашрефа.

[56а] Шарден Жан (1643—1713) — известный французский путешественник, дважды подолгу живший в Иране.

[57] Малькольм Джон (1769—1833), английский дипломат и чиновник на службе Ост-Индской компании, посланник в Тегеране (1790—1801. 1808—1809, 1810), в 1826—1830 гг. губернатор Бомбея, автор ряда работ об Индии, один из первых историков, писавших об Иране.

См.: Malcolm J. History of Persia. L., 1827, 1849; он же. Sketches of Persia. Vol. 1—2. L., 1827.

[57а] Фрезер Джеймс-Бэли (1783—1856) — английский путешественник и писатель.

[58] Персеполис (Персеполь) — бывшая столица Персии, отстроенная Дарием I и Ксерксом. Город лежал недалеко от места слияния рек Меда и Аракса, на плодородной равнине, и славился своим акрополем тройной стеной, дворцом, царской усыпальницей и сокровищницей. При Александре Македонском город был разграблен и разорен, но дальнейшее существование его подтверждается свидетельствами писателей. В средние века он назывался Истахар и служил резиденцией халифов. Развалины города существуют под названием Тахт-и-Джемшид или Чим-Миньяр.

[59] Ниневия — город в Ассирии, существовавший с V тысячелетия до н. э. В VIII—VII вв. до н. э. — столица Ассирии. Разрушена мидянами и вавилонянами в 612 г. до н. э. В результате раскопок 1845—1851 гг. обнаружены дворец и царская библиотека.

[60] Румелия (Rumeli) — турецкое название территорий Османской империи на Балканском полуострове, захваченных турками в XIV—XVI вв. В XIX в. с освобождением от турецкого господства Греции, Сербии и других стран границы Румелии сужались.

[61] И. Бларамберг допустил неточность: Махмуд II, турецкий султан (1808—1839), жил с 1785 по 1839 г.

[62] Крым-Гирей (ум. в 1769 г.), крымский хан, известен своими жестокостями и разгульным образом жизни, за что получил прозвище делихана (сумасшедшего хана). Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Крым-Гирей, командовавший многотысячным отрядом крымских татар, произвел значительные опустошения на Украине.

[63] Мавромихали — греческая семья, родом из Майны. Петро Мавромихали (1760—1848) в 1823 г. был избран президентом временного правительства Греции. В 1827 г. был членом триумвирата, управлявшего Грецией до прибытия Каподистрии и передавшего ему власть. Впоследствии принимал участие в междоусобной борьбе, в результате которой был убит Каподистрия (см. следующую сноску).

[64] Каподистрия Иоанн Иоаннович (1776—1831), граф, грек, государственный деятель России и Греции. С 1809 г. начал службу в русской коллегии иностранных дел. С 1816 по 1822 г. занимал пост министра иностранных дел России. Он выступал за укрепление отношений между Францией и Россией и был против создания Священного союза. Вышел в отставку из-за разногласий с Александром I по греческому вопросу (в 1821 г.). В 1827 г. избран президентом Греции. Был убит членами семьи Мавромихали.

[65] Речь идет о Владимире Ивановиче Дале (1801—1872), ученом диалектологе, этнографе и писателе, авторе знаменитого «Толкового словаря», в ту пору служившем чиновником особых поручений в Оренбургском крае.

[66] Подробнее о миссиях К. Ф. Бутенева и П. Никифорова см.: Халфин Н. А. Россия и ханства Средней Азии..., с. 294—331.

[67] Александр Павлович Брюллов (1798—1877), профессор архитектуры Академии художеств.

[68] Ханыков Николай Владимирович (1819—1878), русский востоковед. В 1836 г. окончил Царскосельский лицей, в 1838 г. получил назначение в департамент внутренних сношений министерства иностранных дел. Переведен на должность чиновника особых поручений при черниговском, полтавском и харьковском генерал-губернаторе, а потом на тот же пост при оренбургском генерал-губернаторе. В 30-е годы совершил ряд поездок по Средней Азии. В 1845 г. был назначен в Тифлис в дипломатическую канцелярию Главного управления Закавказского края. Николай Ханыков — пытливый путешественник, талантливый ориенталист, ученый разносторонних интересов, занимавшийся историей, археологией и этнографией Ирана и Средней Азии. Многие его труды не потеряли до сих пор своей актуальности.

См.: Ханыков Н. В. О населении киргизских степей, занимаемых Внутреннею и Малою Ордами. — «Журнал министерства внутренних дел». 1844. Ч. 8, № 10; он же. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря. — «Записки Кавказского отдела имп. Русского Географического общества». Кн. 2. Тифлис, 1853; он же. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843; он же. Тифлисский климат. Тифлис, 1847; он же. Экспедиция в Хорасан. Пер. с франц. М., 1973.

[69] Берг Федор Федорович (1793—1874), граф, генерал-фельдмаршал, в 1855—1863 гг. — главнокомандующий войсками в Финляндии и генерал-губернатор Финляндии, впоследствии — наместник в Польше и усмиритель польского восстания.

[70] Имеется в виду начало революции 1848 г. во Франции, приведшей к отречению короля Луи-Филиппа.

[71] Бутаков Алексей Иванович (1816—1869), в 1848—1860 гг. — начальник Аральской флотилии, в дальнейшем контр-адмирал (у Бларамберга ошибочно вице-адмирал) и член Морского технического комитета.

[72] В 1849 г. царская Россия оказала военную помощь Австрии в подавлении венгерской буржуазной революции.

[73] Шварценберг Феликс, князь (1800—1852) — австрийский государственный деятель и дипломат; после подавления восстания в Вене в октябре 1848 г. — премьер-министр и министр иностранных дел.

[74] Николай I умер 18 февраля (2 марта) 1855 г.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ *

Аббасабад 111, 145
Абдулабад 139, 160
Аб-и-Шур, р. 184
Абра-Чемше 57
Абхазия 87
Австрия 97, 326, 330
Адинабазар 44
Адрианополь (Эдирне) 182, 199, 250
Азербайджан 45, 89—91, 106, 152
Азия 8, 14, 18, 20, 22, 24, 37, 85, 97, 136, 137, 140, 163, 248, 308, 317
Азовское море 197—198
Ай, р. 256, 258, 260
Айбугир-Сор 241
Айвони-Кенф 146
Айгирик, оз. 238
Айдак, о-в 49, 51, 65—66
Айлина 260
Айнегун-Калали, оз. 242
Айри-Кизил 234, 272
Айрук, г. 216, 282—283
Ак-Бай, оз. 238
Ак-Кент 91
Ак-Мечеть (Перовское укрепление, Кзыл-Орда) 17, 18, 20, 299, 300, 303—306, 308, 309, 314—323, 325
Аксакал, оз. 240
Ак-Сенгир 77
Акстафа, р. 88
Актам см. Амударья
Ак-Тепе см. Белый бугор
Акубай, оз. 238
Ак-Чуй, оз. 302
Ак-Шейх 201, 203
Алаколь 302
Аларск 42
Александр-Бай 79—80
Александрия 147
Александровская 256
Алиабад 162
Алтай 85, 254
Алты-Кулук (Шесть колодцев) 236
Алупка 202
Алушта 202, 203
Аман-Карагай 216
Аман-Уткул 237
Амоль 146
Амударья (Актам, Оксус) 27, 70—72, 74—76, 141, 297
Анапа 221
Англия (Великобритания, Британская империя) 12, 13, 21, 91, 104, 107, 129, 130, 135, 136, 142, 216, 317, 322, 326
Анненское 252
Антверпен 6
Арагва, р. 36
Аракс, р. 88, 89, 152, 162, 187, 195
Аральское море 205—207, 214, 216, 233, 326, 275, 285, 287, 296, 297, 301, 331
Аральское укрепление 17, 287, 288, 296, 299—301, 315, 318, 319, 321
Арарат, г. 88, 195
Аргаван 42
Арговань 158, 162, 164
Ардашар 195
Ардебиль 45
Ардебит 43
Арзамас 204
Арус 45
Асед-Кенди 44
Астара 41—42
Астрабад 63, 146, 155, 162
Астрабад, пров. 52, 56, 153
Астрабадские горы 50
Астрабадский залив 11, 47, 48, 51—52, 55, 57—59, 82, 84, 149
Астраханская губерния 28, 35
Астрахань 27—29, 32—36, 40, 47, 67, 76, 82, 149, 255
Атландская 256
Атрек, р. 11, 50, 58, 60—61, 63
Ауван 110, 146
Ахти 196
Ахты-Кенди 282
Ашур-Ада, о-в 51, 57, 59
Ащесай 232, 244
Аят см. Большой Аят

* Указатель составлен В. Г. Воловниковым и О. Н. Жигалиной.

Бабистинколь, оз. 302
Баб-и-Шах 162
Багдад 187, 191
Багур, р. 51, 52, 56—59
Бадкир 141
Баду 49
Байбурт 147
Байдары 203
Байки 260
Баку 34, 37, 38, 41, 47, 48, 66, 67, 76, 81
Балабур 46, 47
Балаклава 197, 200—202
Балканы 8, 9, 24
Балкуи (Медовые колодцы) 69, 76
Балтийское море 329
Балх 141
Балханские горы (Балханы) 49, 67, 69—76
Балханский залив см. Красноводский залив
Балыкчиколь, оз. 242
Банюш-Тепе 57
Барсуки см. Большие Барсуки
Барфруш 155
Батбакты 226
Батум (Батуми) 24
Бахтиарские горы 161, 186, 187
Бахчисарай 199
Башкирия 205, 210, 221, 252, 260, 262, 269, 289, 297, 298, 322, 327, 338
Бедешт 146
Бектемир-Ишан 80
Белая, р. 207, 258, 260, 261, 263, 280, 291, 294, 295
Белград 250
Белебей 211, 213
Бельгия 20
Белый бугор (Ак-Тепе) 50, 64, 65
Белуджистан 13, 141
Бендер-Аббас 14
Бендер-Бушир 14, 135, 161, 186
Берда 269
Бердянка, р. 224
Бердянск 224
Берлин 20, 23, 24, 33
Бестамак (Пять устьев) 226, 284
Беш-Арык (Пять каналов) 303, 308, 319
Бешбармак, г. 48
Биар-Кумен 110, 111
Бирмингем 186
Бирск 213, 269, 280, 295
Боджнурд 155, 162
Большая Хобда, р. 282
Большие Барсуки 214, 233
Большой Аят, р. 16, 251, 253
Большой Узень, р. 215, 263
Бомбей 129, 135
Босфор Киммерийский (Керченский пролив) 197
Бугульма 213
Бугуруслан 211, 213, 280
Бузколь 314
Бузулук 205, 213, 280, 318
Букеевская орда см. Внутренняя орда
Букеевская степь 215
Булаксай, р. 232
Бургас 196, 199
Бухара 10, 13, 15, 86, 96, 105, 111, 120, 141, 145, 153, 220, 222, 226, 239, 252—255, 297
Буюр-Садых 71

Вавилон 42, 191
Варшава 33, 85, 221
Верхнеуральская 211, 291
Верхняя Озерная 284
Владикавказ 36, 87, 196
Внутренняя (Букеевская) орда 17, 214, 215
Возрождения (Николая) о-в 296
Волга, р. 10, 28, 29, 32—34, 81—84, 204—208, 213—215, 258, 262, 263, 275, 280, 289, 295
Вольск 300, 318
Воронеж 87
Вульф 48
Вятская губерния 16, 209, 211, 214

Гулинга 52
Гамбург 37
Гарям 63
Гасан-Кули 48, 50, 58—60, 64, 66, 68
Гасан-Кули, оз. 60
Гасан-Кули, бухта 61, 63
Гезд 52
Георгиевск 33
Герат 9, 12, 14, 21, 96, 100, 103, 105—107, 109—111, 113, 114, 116—118, 120—126, 129—132, 134—136, 140—142, 146, 149, 184, 189, 221, 308
Герируд, р. 112, 117, 136, 137, 139, 143, 144
Германия 6, 20, 23, 235, 257
Гёздаг, г. 50
Гёк-Тепе 43
Гилян 14, 43, 52, 56, 63, 91, 113, 149, 165, 173
Гирей-Дюгюн 52
Гиссар 136
Гокча (Севан), оз. 196
Голландия (Нидерланды) 6, 187
Горган 11
Греция 200
Гродненская губерния 85

Грузия 36, 37, 87, 106, 136, 192, 196
Губерлинские горы 226, 246
Гуриан 105, 111, 112, 136, 142
Гурьев 207, 265
Гюмюш-Тепе см. Серебряный бугор
Гюрген, р. 59, 63

Даг-Ада 69, 70, 76
Дагестан 9, 34, 39, 193
Дамган (Гектомполис) 110
Дарджи, о-в 69
Дарджи, п-ов 68, 70, 74—76
Дарт 76
Девлетабад 146
Дейлур 194
Дели 54
Демавенд, г. 101, 164
Дервиш, п-ов 49
Дерит 253
Деханей-Керати 112
Дёрт-Кудук 236
Джабык-Карагай 216, 251
Джам, р. 139, 143
Джелалабад 129, 144
Дженгеделан 45
Дженгемирам 45
Джулек 321
Джульфа 89, 162, 186—193, 195
Дзеванд-Чай, р. 45
Дилижан 88, 196
Дирем-Даг, г. 74, 75
Долина Ангела Смерти (Дерех-и-Мелек-эль-Маут) 184
Дон, р. 28, 208
Дрикх 42
Дрик-Чай 45
Дунайские провинции 326
Душет 36
Дьяр 52
Дюкесар 57

Европа 17, 19, 21, 22, 91, 94, 107, 147, 157, 163, 165, 167, 200, 201, 256, 268, 275, 289, 308, 322
Евфрат, р. 42
Екатеринбург 32, 291, 292
Екатериноград 36, 87
Екатеринодар 197
Екатеринослав 203
Елец 87
Елизаветполь 37, 38, 97, 113
Енотаевск 28

Жаксы Карабутак, р. 226, 284
Жаман Карабутак, р. 226
Жанадарья, р. 310—314
Жарколь, оз. 241
Жар-Молла 272, 273
Жар-Сай 242
Жеддиколь (Семь озер) 235
Женичке 226

Забинколь, оз. 235
Зайендеруд, р. 187, 192
Закавказье 20, 45, 89
Зара 97
Зауральская (Малая) орда 17, 216, 217, 232
Зауральская степь 217
Зеленый бугор 63, 65
Златоуст 255, 257, 258, 260—262, 292, 293, 300, 317, 326
Золинген 257
Зуя 198

Измаил 245
Илек, р. 216, 226, 232, 242, 280, 282, 284
Илецк 207, 208
Илецкая Защита 210, 279, 280, 282, 284, 285, 318
Илецкая линия 225
Иллирия 97
Императорское укрепление 252
Инд, р. 12, 13, 141
Индия (Индостан) 12, 98, 105, 129, 130, 134—136, 140, 142, 147, 148, 167, 187, 194
Ирак 173
Иран 9, 11—15, 21, 22, 91, 160, 187, 194
Иргиз, р. 16, 233, 234, 240—244, 270—274, 276—278, 284
Ирландия 216
Исеть, р. 291
Иссенбай, р. 232
Иссык-Куль, оз. 274
Исфахан 93, 100, 156, 162, 165, 168, 182, 183, 186, 187, 189—195, 205
Италия (Итальянское королевство) 20, 216, 245

Йезд 120, 156

Кабарда 196
Кабардинская равнина 87
Кабул 86, 87, 96, 117, 129—131, 134, 141, 156
Кавказ (Кавказские горы, Кавказский хр.) 8—10, 15, 18, 20, 24, 33, 47, 74, 87, 97, 106, 108, 122, 136, 196, 226, 255, 294
Кадамга 145
Казалинское укрепление 324, 325
Казалы 287, 315, 321
Казанская губерния 16, 280
Казань 97, 269, 288
Казахстан (Киргизская степь) 10, 15—17, 21, 22, 218, 222, 225, 234, 247, 249, 252, 268, 270, 274, 275

280, 282, 299, 330, 331, 333
Каирова 260
Кайшаур 36, 87
Калганка, р. 263
Калдыколь, оз. 241
Калмыцкая степь 28, 34
Калькутта 129
Кама 206, 207, 213, 258, 263, 280, 288, 295
Камыслыбас 237, 286
Камышаклы, р. 242, 244
Камыш-Самарские озера 215
Кандагар 117, 120, 130, 131, 136, 141, 156, 187
Кара-Актам 72
Кара-Богаз 76—77, 79, 331
Карабутак 300, 316
Карабутак, р. 287
Караван-озеро 225, 226
Караколь, оз. 302
Каракум, пустыня 214, 223, 233, 234, 239—241, 279, 285, 286, 301, 316, 318
Каракум (Черные пески) 234
Кара-Куха, оз. 234
Карани 201—202
Караозек, р. 302, 303, 309, 313, 314, 321, 323
Карасу (Черная речка) 51, 52, 59
Карасубазар 198
Кара-Сыр 198
Кара-Чамен 91
Каргала 262
Кармакчи 321
Карсак-Баши 242
Каскино 255, 256
Каспийское море (Каспий) 10—12, 27, 32—34, 37, 38, 47—51, 55, 57, 58, 68, 76, 77, 82, 84, 91, 162, 173, 207, 208, 213, 214, 216, 263, 269, 275, 289, 331
Касре-Каджар 95, 98, 193
Катин-Кудук 240
Кафлан-Кух 91, 152
Кача, р. 201, 300
Кашан 156, 186, 194
Келек, р. 53
Кент-Сохиган 148
Кербела 156
Керман 120
Керчь 5, 197, 198
Кешлак 146, 147
Кига 260
Киев 234
Кизил-Агач 42, 43
Кизил-Агач, ручей 45
Кизляр 34, 35
Кикеней 202, 203
Киндерлинский залив 79
Киргизская степь см. Казахстан
Киреуат, р. 251
Китай 167, 275
Кишлак 94
Ключи 322, 323
Коби 36, 87
Козлов 28
Козу-Куран 63
Коканд 10, 18, 314
Кокандская пограничная линия 239
Константинополь (Стамбул) 147, 183, 187
Копил, р. 197
Кос-Арал 301
Кош-Курган 300, 302, 305, 309, 314, 315
Кохруд 194
Красноводск 68
Красноводский (Балханский) залив 34, 37, 49, 64, 67—70, 74—76
Красное 97
Крестовая, г. 36
Крым (Таврический п-ов, Таврия) 196, 197, 199—202, 299, 300, 317, 318, 329, 335, 338
Куандарья 214, 309, 313, 314, 321
Куба 38
Кубань, р. 152, 196, 197
Куба-Сенгир 69
Кук-Кайбак 236
Куляр-Сенгир 71
Кули-Кудук 236
Кум (Дар-е Муршид, Шоана) 156, 182, 184, 185, 189, 194
Кумак, р. 242
Кумбаши 42
Кум-Сай 244
Кумская 35
Кумсуат 321
Кумыш-Курган 309, 313, 315
Кундравы 253, 291
Кура, р. 37, 38
Куралинская линия 226
Курдистан (Хорасанский) 62, 153, 155, 162
Курская губерния 204
Куса 257—260
Кучан (Кабучан) 56, 153, 155, 162
Кызылузен 91

Ласджерд 110, 146
Лахор 117
Ленкоранка, р. 46
Ленкорань 34, 38—42, 46, 47
Лейпциг 140
Ливан, р. 52
Лир 6
Лондон 155, 183, 281, 316
Луристанские горы 192
Люссар 57

Мазендеран 43, 52, 56, 59, 63, 113, 146, 162, 165, 173

Мазендеранские горы 51, 55, 56, 74
Майколь, оз. 241
Майлибаш 238, 239, 245, 301, 315
Майна 200
Макбулколь, оз. 238
Малая Азия 8, 18, 147
Малая орда см. Зауральская орда
Малекастель 57
Малка, р. 87
Малые Барсуки 214
Малый Узень, р. 215, 263
Манглис 196
Мангышлак, п-ов 216, 269
Манчестер 186
Маранд 89
Маяк 222, 223, 251, 269, 291
Медведица, р. 260
Мезинан 145
Меймене 136
Менермей 145
Мекка 62, 98, 143
Мелитополь 300, 318
Меловой Угол 80
Мендиколь, оз. 235
Мензелинск 211, 213
Мерген-Чинк 236
Мердевен 203
Мертвая бухта 27
Мертвый Култук 263
Меулам-Кель-Чешмеси 73, 74
Мешхед 92, 110, 120, 142—145, 155, 162, 193
Миане 91, 92
Миас, р. 254
Миасс 254, 256, 291
Миньяр 294
Мираркум 42
Мисхор 203
Михайловская 251
Моздок 35, 135
Молла-Кара-Куюсы 72
Морея 200
Москва 6, 8, 23, 27, 28, 84, 87, 91, 199, 200, 203—205, 220, 247, 270, 287, 288, 330
Мотала 296
Муганская степь 43, 44
Мугоджарские горы 16, 216, 232, 233, 243, 272, 279, 282, 283
Муравьева бухта 76
Муром 204
Мутхахор 186, 194
Мюман 141

Назирабад 111
Нарген 48
Наследник, укрепление 252
Наукенд 56—58
Наукенд, р. 57
Наукендский округ 56
Наур 35
Наурзум-Карагай 216
Нахичевань 88, 97, 195
Нева, р. 292
Нефтяной о-в см. Челекен
Нижний Новгород 207, 258, 263, 288, 295
Нижний Тагил 292
Николаевское укрепление 252
Николая о-в см. Возрождения о-в
Ниневия 191
Нишапур 144, 145
Новая Земля 232
Новое Сельцо 297
Ново-Петровское укрепление 216
Новохоперск 28, 84
Новочеркасск 300
Ногайская степь 34—36

Общий Сырт 262, 263
Огурчинский о-в см. Айдак
Одесса 5, 8, 9, 90, 98, 200, 288
Озерный 224
Ока, р. 27, 210
Оксус см. Амударья
Ольвия 5
Омск 249
Ореанда 203, 338
Оренбург 15—18, 27, 32—34, 86, 130, 193, 205, 207, 208, 210, 213, 214, 218—223, 225, 226, 238, 239, 242, 245—248, 250—252, 260—264, 266—272, 276—280, 284—289, 291, 293, 309, 316, 318, 320, 321, 323, 324, 326—331, 333—335, 338, 339
Оренбургская губерния 16, 85, 206, 207, 209—214, 249, 259, 261, 299, 317, 322, 326, 331—333, 338
Оренбургская орда см. Зауральская орда
Оренбургские пограничные линии (старая и новая) 207, 210, 214, 216, 225, 246, 251, 252, 280
Оренбургский район (область) 15, 207, 247, 249, 333
Оренбургское укрепление 216, 271, 277, 278, 285
Орловская губерния 204, 280, 287, 288, 317
Орск 25, 239, 242, 244—246, 251, 252, 276, 271, 273, 274, 276—279, 283—287, 289, 300, 316, 318, 321, 324, 325, 333
Орь, р. 233, 242, 244, 245, 271
Оттоманская (Османская) империя см. Турция
Очаков 245

Пантикапей см. Керчь
Париж 9, 19, 29, 147, 183, 200
Паропамиз (Паропамизские горы) 112, 116, 117, 128, 131
Парфия 110
Пелешт 110, 146
Пенджаб 13, 117, 136
Перекоп 203, 204, 300
Пермская губерния 32, 209, 211, 214, 291
Персеполис 191, 193
Персидский залив 12, 135, 142, 161
Персия 9, 14—16, 37, 41, 43—45, 51, 52, 62, 63, 68, 84, 85, 87, 89, 91, 93, 94, 96—99, 101—103, 105—108, 111—113, 118—120, 124, 134—137, 139—150, 152, 153, 155, 156, 158, 160, 162—165, 167, 170, 171, 184—187, 189, 191—193, 195, 196, 220, 221, 226, 246, 247, 249, 252, 279
Перу 85
Песчаный мыс (Песчаный Угол) 80
Петербург 5, 6, 8, 9, 13, 14, 18, 28, 30, 32, 37, 76, 83—85, 87, 104, 107, 147, 149, 155, 156, 162, 163, 183, 193, 196, 197, 200, 207, 218, 220, 221, 249, 256, 264, 270, 285, 287, 296, 297, 316, 317, 326—329, 335, 337
Пешавар 129, 144
Пиниес 88
Полукуралинский 224
Польша 147
Поповецкое 28
Порта см. Турция
Португалия 187
Праводи 147
Прага 247
Прохладный 224
Пчелиный двор 289

Ранм см. Аральское укрепление
Ракушечный угол 79
Рвару 45
Рвару, долина 45
Рей (Рагиум) 164, 165
Решт 91, 149, 162
Ривед-Мехр 145
Рим 189, 216, 295
Россия (Российская империя) 5—8, 10, 12, 14—24, 28, 33, 47, 62, 87, 91—101, 107, 122, 130, 150, 199, 207, 235, 246, 262, 269, 281, 289, 292, 317, 325, 326
Ростов 300
Рудбар 91
Руй (Хаф) 111
Румелия 36, 196, 199, 253
Рын-пески 215
Рязань 27

Савалан, г. 45
Сакмара 208, 262, 263, 326
Сакмара, р. 212, 222, 251, 269, 291
Саламе 111
Сальяны 81
Самара 204, 205, 207, 214, 296, 297, 318, 320
Самарканд 249
Самарская губерния 280, 333
Саратов 269, 300, 318
Сари 38, 155, 162
Сарепта 28, 84
Сарысу 207, 326
Сары-Чаганак 236
Сасыколь, оз. 242
Сау 194
Саун 91
Себейдая 42
Себзевар 145
Севастополь 20, 147, 197, 199—201, 205, 320, 338
Северный Ледовитый океан 206, 232
Семнан 110
Сенгилейские горы 204
Сенгир 52
Сендеджан 112, 136
Сеньян 91
Сераджи 53
Сербия 250
Сердэк 52
Серебряный бугор 58—60, 63
Сермелле 51—52
Серпан 146
Серогрязовская 29
Сефиабад 55
Сефидруд (Белая река) 91
Сиа-Алп 45
Сибирская пограничная линия 214, 285
Сибирь 31, 86, 200, 245, 249, 254, 262
Сим 294
Сим, р. 294, 295
Симбирск 204, 249, 330
Симбирская губерния 280
Симферополь 197—199, 203, 300, 317
Синоп 326
Систан (Сеистан) 13, 136, 141
Сиях-Кух (Черные горы) 186
Сливно (Селимно) 199
Смирна (Измир) 187
Соймонова бухта 76
Солеймание 95, 147, 148
Сорхе 146
Софиан 89
Средний Восток 9, 12—14
Средняя Азия 9—11, 13, 17, 18, 21, 22, 136, 253
Ставрополь 87, 196

Стенька Разин, курган 44
Стерлитамак 211, 213, 260—262, 269, 280, 289, 291, 326
Стерля, р. 261
Суван 42
Сугучи 89
Султание 92
Сургуджу, р. 53
Суюн-Чешмеси 74
Сызрань 318
Сырдарьинская линия 325
Сырдарья (Яксарт), р. 12, 15, 17, 86, 205—207, 214, 223, 232—234, 237—241, 244, 245, 247, 248, 251, 254, 264, 276, 279, 282, 285, 286, 288, 296, 297, 299, 301—304, 308, 309, 313, 315—317, 319—324, 326
Сюдхар 145
Тавриз (Тебриз) 14, 24, 89—91, 101, 106, 114, 146, 148, 162, 166, 196
Таврические (Крымские) горы 198
Таврический (Крымский) п-ов см. Крым
Таганай, г. 256
Талдык 233, 242
Талыш 41, 43, 45, 47, 48
Талышские горы 44, 74
Тамбов 28, 84
Тарава-Чешмеси 73
Тас-Кудук 240
Таубе, оз. 240
Ташкент 253, 305, 314, 321, 322
Ташла 294—296, 322, 323, 326
Таш-Отак 70
Тверь 8
Тебриз см. Тавриз
Тегеран 12, 13, 43, 55, 84, 87, 90, 91, 93, 95, 96, 99, 100, 102—107, 113, 114, 120, 124, 126, 129, 143, 144, 146—149, 152, 155, 156, 158, 161, 162, 164, 165, 183, 184, 191, 193, 194
Текитау 244
Телькара 241, 278
Темир, р. 16, 232, 282, 283
Тенгри-Берген 226
Тентексор (Сумасшедшая, или Бешеная, соляная лужа) 235
Терек, р. 35, 87, 135
Тик-Бутак 233
Тирисколь, оз. 241.
Тифлис (Тбилиси) 24, 34, 36—39, 50, 56, 76, 87, 90, 106, 135, 149, 150, 152, 162, 195, 196, 199, 200, 203, 246
Тише 147
Тобол, р. 16, 216, 251, 252, 291
Тогузак, р. 251
Толбазы 261
Торбет 142
Торбет-е-Шейх-Джам 139
Трапезунд (Трабзон) 27, 147
Троицк 211, 213, 251, 253, 285, 300, 317
Тула 87, 204
Тунготарово 253
Тургай, р. 216, 233, 239, 241, 242, 270—272, 278, 279
Туркестан 305, 311, 319—321
Туркманчай 91, 162
Туркмения 11, 13, 47, 120, 254, 255
Турук 143
Турция 8, 18, 27, 147, 199, 216, 255, 325
Туршиз (Султанабад) 111
Тюб-Караган, мыс 11, 81
Тюб-Караган, п-ов 81, 216, 269
Тюленья банка 49
Тюмен 29

Убаган-Денгиз, оз. 216
Узбой 11, 70
Уй, р. 207, 216, 251, 253
Улутау 207, 216, 285
Улькаяк, р. 241, 242, 244
Урал (Уральский край) 212, 254, 256, 257, 259, 263, 268
Урал (Яик), р. 205, 207, 208, 213—216, 219, 222, 224, 244—246, 251, 263—265, 269, 275, 280, 284, 289, 291, 303

Уральск 208, 245, 263—266, 300
Уральская линия 208
Уральские горы (Уральский хр.) 205, 206, 216, 252, 253, 256, 262, 291
Уральское укрепление 271, 272, 277, 279, 284—285, 287, 300, 316, 318
Уркач 284
Урмия (Резайе) 143, 190
Уссулюс 236
Устюрт 207, 216, 232, 326, 331, 332
Утинс 244
Уфа 207, 211, 213, 214, 260, 261, 269, 280, 293, 294, 326
Уфа, р. 207, 258—261, 294
Уфрак 69

Фанагория 196
Фарах 131, 156
Фарс 113
Фирузкух 141
Фландрия 5
Франкфурт-на-Майне 6
Франция (Французская империя) 20, 22, 97, 183, 220, 326

Хаджи-Ага 91
Хаджирабад 146
Ханабад 111
Ханский 224
Харг, о-в 135, 142
Харьков 203—204
Хастенак 162
Хаф см. Руй
Хезар-Джериб 57
Херсонская губерния 5
Хива 10, 15, 34, 49, 50, 62, 63, 75, 76, 105, 111, 130, 141, 153, 220, 222, 226, 232, 237, 249, 252, 253, 282, 331
Хивинский залив 66
Химран 160
Хируз 100
Ховур 45
Хопер 28
Хорасан 13, 56, 110, 122, 135, 141—143, 145, 153, 155, 160, 162
Хор-Хут 315
Хош-Курган 239

Царицын 28. 300
Царское село 297
Центральная Азия 32, 239, 243, 247, 253, 321
Центральная Америка 85
Цюрих 245

Чай-Бурун 76
Чалдырколь, оз. 234
Чебаркуль 254
Чебекенд, р. 56
Челекен 34, 49, 51, 66—69
Челяба 211, 213, 253, 262
Челябинский округ 211, 213
Червленная 35
Черекли 235
Черная, р. 20, 201, 300
Черная бухта (Карасу) 27
Черное море 197, 201, 202
Черный Яр 28
Четырехбугорный маяк 81
Чечня 9
Чешме-Али 164
Чик-Кудук 240
Чим-Курган 309, 311, 313—315
Чинк, г. 216
Чирин 236
Чистая Банка 81
Чоргун 201—203
Чубукли 196
Чусовая, р. 258
Чучкакал 232

Шагил 53, 55
Шамрун 159
Шах-Абдул-Азим 182
Шах-Адам, г. 69
Шах-Кули 75
Шахруд 110, 126, 146
Швейцария 245
Швеция 296
Шемаха 37
Шерекс 62
Шерифабад 144
Шираз 55, 142, 158, 186
Ширван 162
Ширшери 52, 53

Эльбурс (Эльбурсские горы) 50, 53, 57, 91, 92, 95, 96, 100, 101, 110, 145, 146, 148, 159—162, 164
Эмба, р. 16, 216, 232, 279, 282, 283
Эмба, форт 232, 282
Энезан-Чом 57
Эрзерум 90
Эривань, провинция 88, 97, 195, 196
Эривань (Ереван) 56, 106, 113, 122
Эшек-Йол (Ослиная тропа) 73, 74
Эшек-Йол-Чешмеси 73
Эшек-Майдан (Ослиная площадь) 88
Эшреф (Ашреф) 52—56, 162

Ядыхяр-Чешмеси 72
Яик см. Урал, р.
Яксарт см. Сырдарья
Ямполь 199
Янгис, р. 263

СОДЕРЖАНИЕ

Жизнь и труды Ивана Федоровича Бларамберга 5
Глава I 1836 год 27
Глава II. 1837 год 85
Глава III. 1838 год 105
Глава IV. 1839 год 155
Глава V. 1840 год 182
Глава VI. 1841 год 206
Глава VII. 1842—1848 годы 249
1843 год 252
1844 год 266
1845 год 269
1846 год 278
1847 год 285
1848 год 287
Глава VIII. 1849—1855 годы 294
1849 год 294
1850 год 296
1851 год 297
1852 год 299
1853 год 318
1854 год 325
1855 год 329
Комментарии 341
Указатель географических названий 349

Иван Федорович Бларамберг
ВОСПОМИНАНИЯ

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *И. М. Дижур*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Л. С. Эрман*
Художественный редактор *И. Р. Бескин*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *Л. Ф. Орлова*

ИБ № 13411

Сдано в набор 30/VI 1977 г. Подписано к печати 7/IV 1978 г. А-10467. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага № 1. Печ. л. 22,5 Уч.-изд. л. 23,77. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3906. Зак. 673. Цена 1 р. 70 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1.
1-я тип. Профиздата,
Москва, Крутицкий вал, 18.